

ДАРЫ И АНАФЕМЫ

Оглавление

ЧТО ХРИСТИАНСТВО ПРИНЕСЛО В МИР	3
1. Всегда ли плоха фамильярность?	4
2. Свобода совести: христианский дар, отвергнутый христианской инквизицией	8
3. Как человек стал больше мира	12
4. Слезный дар	14
5. Не-космическое измерение человека.....	19
6. Христианская сексуальная революция	20
7. Пейзаж, свободный от демонов	23
8. Христианская демифологизация: путь к науке.....	26
ЕСЛИ БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ	29
Как сравнивать веры?.....	29
Работа шамана.....	31
Боги, заслонившие Бога	32
Могут ли закон или энергия быть субъектом любви?	34
Буддизм: безбожное бесстрашие	38
Ислам: весть о Боге не берущем Крест	40
Ветхий Завет: Бог-Ревнитель.....	42
«Бхагавад-Гита»: «Индийское Евангелие»	43
И все-таки Евангелие... ..	45
УСТАРЕЛ ЛИ НОВЫЙ ЗАВЕТ?	47
В гостях у «Христа»-Виссариона.....	47
В поисках «Третьего Завета».....	49
Политеизм, пантеизм и монотеизм	50
Если правы «свидетели Иеговы»	56
ЖЕСТОК ЛИ ВЕТХИЙ ЗАВЕТ?	59
С кем шла война?.....	59
Уроки терпения в Ветхом Завете	61
Действительно ли Израиль избран?.....	62
О чем молчит Ветхий Завет	65
Труд педагога	68
Кто может не идти на войну?	69
Ради чего ведется война?	70

ЖЕРТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ И БОЖЕСКАЯ	72
Можно ли сравнивать религии между собой?	72
Буддистские жертвоприношения	74
Религиозная нетерпимость в Индии	88
Человеческие жертвоприношения в античном мире	94
Как приносили жертвы в иерусалимском храме	98
Зачем ходить в храм, если бог у меня в душе?	102
МОЖНО ЛИ СПАСТИСЬ ВНЕ ЦЕРКВИ?	109
Воздушная блокада или где живут демоны	109
Потерянное бессмертие	114
Богословие Чернобыля	118
Апостольская нетерпимость	122
Протестант в «Чернобыле»	124
Грех без прощения	127
Страшный суд	131
Виновно ли христианство в экологическом кризисе?	137
Был ли Иисус в Индии?	147
ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ?	159
Апостолы как свидетели	159
Искажен ли текст Нового Завета?	162
Что главное в Евангелии?	169
Боль всех религий	171
Бог в поисках человека	174
Причастие: радостная весть для плоти	177
Философия культа	184
Главное различие Православия и протестантизма	185
О РЕЛИГИИ ВНЕ МОРАЛИ	188

ЧТО ХРИСТИАНСТВО ПРИНЕСЛО В МИР

Для многих людей двухтысячный год – это повод заговорить об устарелости христианства. Вслушайтесь в голос человека, входившего в государственный российский комитет по встрече юбилея – “Среди движений-2000 мое любимое носит название “Зеро”. Его сторонники, мусульмане африканского происхождения, живущие в Америке, во избежание религиозных распрей предлагают обнулить календарь. Они боятся, что с наступлением 2000 года, когда христиане будут праздновать победу своей религии, со стороны фанатиков других вероисповеданий последует мощный террористический взрыв. Поэтому единственным спасением может стать объявление 2000 года годом “Зеро”, не отягощенным ничьим рождением. Начнется новый отсчет времени, и, возможно, вокруг такого календаря объединятся люди разных религий”. Так, во имя “мира между религиями” у христиан будет отобрана их святыня. Марат Гельман, чьи мысли только что были процитированы, придумал и символику встречи “года Зеро”, которой начали украшать даже государственные юбилейные мероприятия: цифра XXX стилизована под песочные часы с тремя чашечками, в двух из которых “песок просыпался, а в третьем только начинается”¹... Мол, время христианства истекло.

Что ж, значит надо задуматься над тем, что именно христианство принесло людям. Как объяснить людям светского склада, что дары, принесенные христианством, не устарели?

И поскольку речь идет о диалоге с людьми светскими, это означает, что сначала разговор пойдет о том, что важно в их системе ценностей, но менее важно в нашей, христианской. Для светских людей важна культура, то есть то, что для христиан является чем-то вторичным и служебным. Сравните две фразы: «Троице-Сергиева Лавра является центром древнерусской культуры» и «Основатель Троице-Сергиевой лавры прп. Сергей Радонежский ушел в пустынь для того, чтобы создать центр древнерусской культуры». Первая из них очевидно верна, а вторая столь же очевидно нелепа. И, значит, культура вторична по отношению к собственно духовному подвигу... И все же сейчас речь пойдет о переменах в культуре.

Но прежде начала этого разговора я вынужден сделать предупреждение. Христианство раскрывает свою новизну через сопоставление с тем миром, который оно пришло обновить. Нельзя сказать, чтобы весь мир согласился на это обновление. Поэтому языческий мир не остался в прошлом: и сегодня он противопоставляет себя христианству. Хорошим тоном, например, считается высмеивать «нелепости библейских мифов». Что делали в подобной ситуации древнехристианские апологеты? – Они совмещали защиту Священного Писания и разъяснение христианской веры с обнажением нелепиц, противоречий и безнравственности в мифах самих язычников.

Правда, древним апологетам было проще вести свою полемику: их современники знали свои мифы, и порой достаточно было лишь намек на самый гнусный из них — и становилось понятно, что, имея такое бревно в собственном глазу, язычники весьма некстати пускались на поиски сучков в Евангельском оке. Сегодняшние неоязычники сводят язычество просто к «близости к природе» и абстрактному «космизму». Что ж, тем более необходимо показать им, что такое реальное, историческое язычество. Не то, которое они реконструируют по своему вкусу, пользуясь двумя-тремя брошюрками, а то, которое существовало в действительности, которое предшествовало христианству и сопротивлялось Церкви.

Если же ставить задачу ознакомления с реальным, неприукрашенным язычеством – то надо быть готовым к тому, что некоторые, мягко говоря, малопривлекательные вещи вылезут наружу из языческих кладовок. Некоторые цитаты из языческой литературы и образцы языческой мифологии,

¹ Гугель А. Год “Зеро” - последний или первый? Встретим апокалипсис с энтузиазмом, призывает известный галерист Марат Гельман // Век. 1999, № 34 (349). Гельман готовит и свою собственную экспозицию к началу нового тысячелетия. Одну из ее частей составляет “исследование Библии с точки зрения Уголовного кодекса”. А чего стесняться – “да этот суперновый год на самом деле – модное коммерческое предприятие, шанс заработать, который дается раз в тысячелетие”.

которые встретятся читателю в этой главе, могут показаться довольно-таки неприличными. Прошу прощения за это у православного читателя, но наши светские современники порой столь тщательно забивают себе и голову, и нос, что им бывает очень трудно объяснить, что вот эта вот штука издает вонь, а не аромат. “Что вы, что вы! Зачем же так нетерпимо, так категорично! Может, это фиалки!”. И пока не подведешь их к соответствующей куче вплотную и сапогом не расшевелишь лежащее, они будут твердить свою мантру про “общечеловеческие ценности” и “одинаковую духовность всех религий”².

Впрочем, и православному читателю будет полезно сопровождать эту нашу экскурсию, чтобы осознать глубину различий между христианством и язычеством. Ибо ты не будешь иметь верное представление о своем доме, пока однажды не выйдешь из него и не помотришь на него извне.

Так что же христианство внесло в человеческий дом, а что попробовало вымести из него?

Самые важные устои любой культуры – это сумма представлений человека о себе самом, об истоках и целях своего бытия в мире, о самом окружающем мире и его отношениях с Богом. Вот именно в этом базовом опыте самопознания христианство и произвело наиболее значительные сдвиги.

1. Всегда ли плоха фамильярность?

Первый дар, принесенный христианством людям — это право прямого обращения к Богу, право обращаться к Богу на «Ты». Человек вновь обрел то, что Тертуллиан, христианский писатель III века, назвал *familiaritas Dei*, т. е. семейственную, дружественную, сердечную близость с Богом (см.: *Тертуллиан. Против Маркиона. 2, 2*).

Нам кажется сегодня естественным, что религиозный человек молится к Богу. Но в дохристианском мире Бог мыслился находящимся вне религии. К Богу молиться было нельзя. Молиться надо было Господу.

Слова «Бог» и «Господь» в истории религии отнюдь не синонимы. Самая суть язычества в том, что эти понятия разделяются и относятся к разным религиозным реалиям. Язычник убежден, что первичный бог, Первоначало не действует в мире.

Общеизвестно, что верховное божество у греков носит имя Зевса. Зевс — владыка мира, «Господь». Но является ли он Богом в высшем значении этого слова, т. е. Первопричиной, истоком всякого бытия, Абсолютом? - Нет. Прометей именует Зевса – «новоявленный вождь»³. Согласно Гесиоду, Зевс — потомственный путчист. Первая диада богов здесь носит имена Геи и Урана. Гее не по душе постоянные роды, и однажды Гея, спрятав сына Крона в то место, через которое он явился на свет, «дала ему в руки серп острозубый и всяким коварствам его обучила. Ночь за собою ведя, появился Уран, и возлег он около Геи, любовным пылая желаньем, и всюду распространился кругом. Неожиданно левую руку сын протянул из засады, а правой, схвативши огромный серп острозубый, отсек у родителя милого член детородный и бросил назад его сильным размахом» (*Гесиод. Теогония. 174-181*). Кронос-Время, однако, имеет привычку пожирать своих детей («всепожирающее Время»). И когда рождается Зевс — настает время мести...

Как видим, «господство олимпийских богов основывается на целом ряде богоубийств. Те боги, от которых произошли боги греков — суть отошедшие, недействительные. Зевс есть отец всех

² Внимание православных читателей обращаю на то, что и у древних Святых Отцов считалось в порядке вещей без ретуши представлять пред глаза читателя смрадные страницы еретических и языческих теорий и практик. «Особенно грязные пороки приписывает Епифаний египетской секте гностиков – фивонитов или варвелитов (некоторые из этих описаний поэтому и опущены в русском переводе)» (Иванцов-Платонов А. М. Ереси и расколы первых трех веков христианства. М., 1877, с. 295).

³ Эсхил. Прометей прикованный // Античная драма. М., 1970, С. 83.

бессмертных, лишь поскольку он отцеубийца. И память об этом несуществующем, раздробленном боге (Кроносе) всегда стоит между богами, препятствуя их поглощению в единстве Зевса»⁴.

Аналогичные «скелеты в шкафу» были и в преданиях других народов.

Шумеро-вавилонская поэма «Энума Элиш» рассказывает о том, что первичный бог «Апсу первобытный, создатель» оказался магически усыплен своим потомком, богом Эа, и также претерпел кастрацию (от богини Мумму)⁵.

У хеттов этот же миф о том, как изначальный бог был лишен своей творческой мощи и был отстранен от дел, звучит так: «Прежде, в минувшие годы, был Алалу на небе царем. Алалу сидел на престоле, и даже бог Ану могучий, что прочих богов превосходит, склоняясь у ног его низко, стоял перед ним, словно кравчий, и чашу держал для питья. И девять веков миновало, как царствовал в небе Алалу. Когда же настал век десятый, стал Ану сражаться с Алалу, и он победил его Ану, и Ану воссел на престоле... Когда же настал век десятый, стал с Ану сражаться Кумарби, Кумарби, потомок Алалу. Кумарби его настиг, схватил его за ноги крепко, вниз с неба он Ану стащил, и он укусил его в ногу и откусил его силу мужскую, и стала, как бронза, литьем она у Кумарби во чреве»⁶.

То же происходит в угаритской мифологии: Ваал, представляющий четвертое поколение богов, с братьями атакует небесный дворец Эля, устраняет его и, очевидно, кастрирует (миф эвфимистически говорит: «Нечто упало на землю»). Очевидно, травма слишком тяжела, и Эль (от этого древнего семитского имени - Аллах у мусульман и Эль, Элоах, Элогим как имена Бога в Библии) уже не может быть прежним. Даже когда в мифической истории Ваал на некоторое время устраняется следующим богом (Мотом, союзником Эля), Эль отказывается вернуться на престол. Вновь захватив власть, Ваал требует, чтобы Эль удалился к истокам мироздания — к истокам рек и к пропастям земным⁷.

Язычники убеждены, что миром правит не Бог. В языческом богословии «Господь» не является изначальным богом, а изначальный Бог, оттесненный от дел, становится праздным богом (deus otiosus) и перестает быть «Господом», Правителем. Даже его имя постепенно забывается (Овидий, рассказывая о начале космоса, так говорит о Творце: «Бог некий — какой, неизвестно...» [Овидий. Метаморфозы 1, 32]).

Высший бог или недостижим, или бессилен, или вообще покоится в бездействии. Даже если его не свергли, — он сам не интересуется нашим миром, ибо мы слишком ничтожны, и он делегирует управление миром людям духам низшей иерархии... Миром правят частные и многообразные «Господа» — узурпаторы или «наместники». Каждый из них правит своим «уделом». Подвластным им людям надо уметь выстроить отношения с этими господами, и не стоит тешить себя иллюзией, будто наши молитвы может услышать кто-то другой, Высший и Изначальный...

И вот на этом фоне вдруг звучит проповедь Моисея: Эль вернулся! Тот, Кто создал мир (Элогим – Быт. 1,1.), Тот, кто был Богом покоя (Богом субботы), вошел в историю людей. Он не утратил Своей силы, и Он не забыл Свое создание. Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, — то Я не забуду тебя! (Ис. 49,15).

Это — главная новизна дерзкой и радостной проповеди израильских пророков: «Бог есть Господь». Тот, Кто ведет нас по дорогам истории, — Тот же, Кто нас создал. И Тот, Кто нас создал, есть Высший и Первоначальный. Нет Бога выше Господа. И нет иного Господа, кроме Бога. Да познает народ сей, что Ты, Господи, Бог (3 Цар. 18, 37). Блажен народ, у которого Господь есть Бог

⁴ Трубецкой С. Н. Мнимое язычество или ложное христианство? // Собрание сочинений Т. 1. М., 1907. Публицистические статьи 1896–1905 гг. С. 163.

⁵ Тураев Б. А. История древнего Востока. Л., 1935. Т.1. С. 124.

⁶ Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 246.

⁷ См.: *Eliade M. Histoire des croyances et des idées religieuses. De l'âge de pierre aux mystères d'Eleusis. Paris, 1976. p. 167.*

(Пс. 143,15). Ибо именно Эль (Элохим, Элоах) – Господь, т.е. субъект Завета с людьми, и создал небо и землю...

То, что первоначально было удивительной привилегией одного народа, — право прямого общения с Наивысшим — Апостолы распространили на всех людей. Это было настолько неожиданно, что даже гностики, околочристианские еретики первых веков нашей эры предпочитали называть Христа Спасителем, но не Господом, ибо последнее имя отождествлялось у них с тираном и узурпатором (см. свт. Иринея Лионский. Против ересей. 1,1,3)

Более того, оказалось, что Бог пришел к людям не в поисках рабов, а в поиске друзей. Аристотелю кажется очевидным – «Дружба с богом не допускает ни ответной любви, ни вообще какой бы то ни было любви. Ведь нелепо услышать от кого-то, что он «дружит с Зевсом»» (Большая Этика 1208b 30). Апулей приписывает Платону столь же безнадежный тезис: «никакой бог с человеком не общается... не утруждают себя высшие боги до этого снисхождения» (О божестве Сократа, 4-5). Но суровость философов была растоплена евангельской милостью: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями» (Ин. 15,15).

Если языческие народы позволяют себе обращаться к высшему небесному божеству только «как к последней надежде во времена самых страшных бедствий»⁸, то христианам было даровано право повседневного общения с Ним. К Творцу галактик мы обращаемся с просьбой о ежедневном хлебе...

Одного студента сокурсники, увлекшиеся модными «целительско-харизматическими» сектами, допытывали: «Вот у нас на наших собраниях такие дивные чудеса творятся! У нас пастор только пиджаком махнет — и такой мощный дух входит в людей, что они целыми рядами валятся в покой во Святом Духе! А у вас, в вашей так называемой православной церкви — разве есть что-нибудь подобное?! Да разве у вас бывают чудеса?!» Студент, хоть и вырос в верующей семье, однако всерьез к вере не относился. Не отрекался от веры, но и не воспринимал всерьез. Все же эти непрестанные наскоки в конце концов «достали» его. И на каникулах, приехав в родное село, он пристал к матери: «Мам, ну ты у нас главная церковница: ни одной службы не пропускаешь. Вот ты мне и скажи: а сегодня в нашей Православной Церкви разве бывают чудеса?.. Нет, нет, ты про себя расскажи. Вот в твоей, лично в твоей, жизни чудеса бывали?!» Мать задумалась, а затем говорит: «Ну конечно. Вот этой осенью со мной было прямо настоящее чудо. По радио на следующую ночь заморозки пообещали, а у меня еще картошка была не выкопана. И я с утра пошла картошку копать... Ну вот, поработала сколько было сил, распрямляюсь, смотрю, а солнышко уже садиться начало. Полдень-то уже прошел, а я еще и трети огорода не убрала. И тут я в сердцах Господу и взмолилась: «Господи, ну Ты же знаешь, что мне без этой картошки зиму не пережить! Ну помоги мне, пожалуйста, ее убрать до вечера, до мороза!» Сказала эту молитовку и снова — носом в грядки... И представляешь, еще солнышко не село, а я всю картошечку-то собрала!»

Это действительно чудо. Но порождено оно глобальным чудом христианской веры: к Владыке всех миров самая простая крестьянка может обращаться с ходатайством о том, чтобы Он (Абсолют!!! Тот, при мысли о Котором немеют философы!!!) помог ей собрать ее картошку...

На вопрос Данте: «Я поднял глаза к небу, чтобы увидеть, видят ли меня?» — христианство ответило: «Да, Небеса не слепы. С высот Вечности человек различим. Более того — именно его судьбы находятся в «зенице ока» Миродержца (см.: Втор. 32,10). Даже *sub specie aeternitatis* («под знаком вечности») человек не теряется»⁹.

⁸ Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб., 1999, Т.1 С.111–112.

⁹ Каббалистическая мистика, кстати, считает иначе: «Существует ли сотворенное? Если смотреть «со стороны Б-га», то ничто не существует, кроме Него» (Рабби Шнеур-Залман из Ляды. Ликутей Амарим (Тания). Вильнюс, 1990. С. 345).

Христианство увидело в Боге – Отца. Не холодный космический закон, а любящего Отца. Отец же не убивает сына за первую разбитую чашку, но ищет защитить своего сына.

Эта уверенность христиан в том, что люди не безразличны для Бога, была непонятна древним язычникам. Во II в. языческий философ Цельс так излагал свое возмущение по поводу христианской веры: “Род христиан и иудеев подобен лягушкам, усевшимся вокруг лужи, или дождевым червям в углу болота, когда они устраивают собрания и спорят между собой о том, кто из них грешнее. Они говорят, что Бог нам все открывает и предвозвещает, что, оставив весь мир и небесное движение и оставив без внимания эту землю, Он занимается только нами, только к нам посылает Своих вестников и не перестает их посылать и домогаться, чтобы мы всегда были с Ним. <Христиане подобны> червям, которые стали бы говорить, что есть, мол, Бог, от Него мы произошли, Им рождены, подобные во всем Богу, нам все подчинено — земля, вода, воздух и звезды, все существует ради нас, все поставлено на службу нам. И вот черви говорят, что теперь, ввиду того, что некоторые среди нас согрешили, придет Бог или Он пошлет Своего Сына, чтобы поразить нечестивых и чтобы мы прочно получили Вечную Жизнь с Ним» (Ориген. Против Цельса. IV, 23).

Те же аргументы слышим мы и от неоязычников: теософы, в иные минуты столь горделиво именующие самих себя «богами», вдруг становятся странно смиренны именно в этом вопросе. Они говорят, что человек и вселенная несоизмеримы, что человек и земля не могут быть предметом внимания вселенского Разума. А потому — “нужно приучить сознание к малым размерам Земли”¹⁰ и осознать, что мы можем общаться только с «планетарным логосом», только с тем духом, который “проявлен” на “нашем плане”...

Верно — человек и Вселенная несоизмеримы. Но в другую сторону. Как соизмерить человека и Млечный путь? Линейкой геометра человека не измерить. Человек занимает меньше пространства, чем слон. Но онтологически человек существеннее слона. Гора занимает больше места, чем человек. Но именно через историю человеческой мысли, а не через историю вулканов проходит ось эволюции Вселенной. Разве размеры бриллианта соизмеримы с теми шахтами, из которых их выкапывают? Но человек — это существо еще более редкое, чем бриллиант.

И вот именно эту радость своей найденности, нелишности, замеченности, признанности — крадет неоязыческая теософия. Высшее Божество, в соответствии с ее учением, не является ни Создателем (Творцом), ни Вседержителем, ни Спасителем. Оно вообще не думает, не действует...¹¹ Миром правят «дхиан-коганы»... И теософы спешат разъяснить «сироте»¹² его статус: твой папа — на самом деле не папа, а так, случайный любовник твоей матери, и вообще он никакой не летчик, а грузчик из соседнего винного магазина... Тот, Кого ты полюбил, не Бог. Так себе - элохим, «низший ангел»¹³.

¹⁰ Так говорит трактат «Аум» из рериховской серии «Агни Йоги» (Аум, 242).

¹¹ По уверению Блаватской, свойствами Абсолютности являются “Абсолютное Небытие и Бессознание” (Блаватская Е. П. Комментарии к “Тайной Доктрине”. М., 1998, с. 71) и про Божественную волю “нельзя сказать, что она действует с пониманием” (Там же, с. 127). “Как можно полагать, что Абсолют думает, то есть имеет какое-то отношение к чему бы то ни было ограниченному, конечному и обусловленному? Это философский и логический абсурд. Даже каббала иудеев отвергает эту мысль” (Блаватская Е. П. Ключ к теософии. М., 1996, с. 77).

¹² «Человечество есть великая Сирота» (Письма Махатм. Самара, 1993. С. 67). Ср. Платон: «Творца и родителя этой Вселенной трудно отыскать...» (Тимей 28с).

¹³ Блаватская Е. П. Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии. Новосибирск, 1993. Т. 3. С. 186. Христос же и на этот чин рассчитывать не может: «Статус, который Они (Махатмы – А. К.) определили для Иисуса – это великий и чистый человек, который с радостью бы жил, но вынужден был умереть за то, что считал величайшим неотъемлемым правом человека – абсолютную свободу совести; адепт, который проповедовал всемирную религию, непризнающую никакого другого «храма Господня», кроме человека; благородный Учитель эзотерических истин, которые он не успел объяснить, кто предпочел смерть разглашению секретов посвящения И, наконец, тот, кто жил за сто лет до начала общепринятого, так называемого христианского летоисчисления» (Блаватская Е. П. Замечания к статье «Статус Иисуса // Блаватская Е. П. Смерть и бессмертие. М., 1998, сс.401-402). Вот так – даже до «дхиан-когана» не дорос Христос с точки зрения «духовных христиан»...

На этом фоне понятна та радость, что переполняет христианского философа III в. Климента Александрийского: «Для нас вся жизнь есть праздник. Мы признаем Бога существующим повсюду... Радость составляет главную характеристическую черту Церкви» (*Климент Александрийский. Строматы. 7, 7 и 7, 16*).

Римский философ Цицерон полагал, что люди живут в космосе подобно мышам в большом доме – наслаждаются его великолепием, хотя оно предназначено отнюдь не для них¹⁴. Но не таково суждение христиан: “Мы не должны ничего ставить выше Христа, так как и Он выше нас ничего не ставил” (свт. Киприан Карфагенский¹⁵). «Нет у Него никакого другого дела, кроме одного – спасти человека» (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 87,3).

2. Свобода совести: христианский дар, отвергнутый христианской инквизицией

Христианство вернуло людям серьезное отношение к своему мировоззренческому и религиозному выбору и отстаивало их право на выбор.

Языческий мир встретил христианство устало-разочарованной репликой Понтия Пилата: «Что есть истина?» Римский чиновник не ждал ответа: он был убежден в том, что ответа на его вопрос быть вообще не может. Он не желал продолжения разговора на тему, которая казалась недостаточно серьезной, чтобы привлекать внимание образованных и деловых людей...

А затем в течение еще трехсот лет этот сюжет будет повторяться вновь и вновь. Христианская проповедь — возмущение язычников дерзкой самоуверенностью христиан — арест — увещание к рассудительности — отказ от произнесения примиряющих слов («Вы правы. Я не то хотел сказать!») — казнь...

То, что было для христиан самым радостным в их новой вере, — именно это было самым возмутительным в глазах остальных. Христиане радовались, что они нашли Бога. Не семейного гения, не племенного божка, не подполковника «космической иерархии», но — Абсолютного Бога. В христианстве Абсолют, Первоединое, Первопричина, Первоисток, Бог, Господь и Спаситель — Одно. «Отец вернулся!!!»

На этот радостный крик соседи умудренно отвечали: «Да быть такого не может. С Отцом общаться нельзя вообще. И потом, если бы Он и вернулся, Он это сделал бы иначе. Во-первых, Он пришел бы не к вам, презренным евреям, а к нам, благородным римлянам. Во-вторых, Он это сделал бы с триумфом, подобным тем торжествам, что устраивают наши императоры, возвращаясь домой с войны. И уж конечно, Он не дал бы Себя распять. Не может быть Владыкой Вселенной Тот, Кто даже похоронен был в чужой могиле!»

Но христиане помнили предупреждение ап. Павла: *Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиєю и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти* (Кол. 2, 8–10). Вот так: Тот, Кто был распят по решению не самого

¹⁴ «Когда смотришь на большой и прекрасный дом, разве ты, даже не видя хозяина, не сможешь сделать вывод, что дом этот построен отнюдь не для мышей и ласточек? Но не явным ли безумием с твоей стороны окажется, если ты будешь считать, что великолепие мира — это жилище для тебя, а не для бессмертных богов?» (О природе богов. 2,17). Было бы, впрочем, несправедливо считать, что таково было верование всех язычников. В Египте «Книга познания творений Ра» (т. н. «гелиопольская космогония») используя игру слов (ремит — слезы; ремет — люди) влагает в уста Ра признание, что «воссуществовали люди из моих слез» (Матье М. Э. Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. — М., 1996. С. 230 и 296). В другом тексте о Ра говорится, что «Он сотворил небо и землю для сердца их (людей). Он сотворил дыхание жизни для их ноздрей. Они — его образ, вышедший из его плоти. Он восходит на небе для их сердца. Он сотворил им растения, животных, птиц и рыб, чтобы их насытить» (там же, с. 176)

¹⁵ Свт. Киприан Карфагенский. Письмо к Фортунату об увещании к мученичеству // Отцы и учителя Церкви III века. Антология. т. 2. - М., 1996, с. 333.

высокого римского чиновника, есть глава всякого начальства и власти. В Том, Кто не смог даже Свой Крест донести до места казни без посторонней помощи, обитает вся полнота Божества телесно...

Христиане раздражали язычников своей дерзкой самоуверенностью, парадоксами своей проповеди. Но главное — своим отказом чтить святыни других религий. От христиан не требовали отречения от Христа. От них требовали признания других религий и хотя бы формального соучастия в ритуалах этих религий¹⁶. Ведь если дать каждому человеку возможность самому творить свою религию, то исчезнет духовная скрепа империи. Должны быть общенациональные ритуалы (хотя бы культ императора). Даже Цицерон, который совершенно не верит в богов, не допускает свободы гражданина от обязанностей, накладываемых государственным культом: «Никто не должен иметь отдельных богов, никто не должен почитать частным образом новых богов или пришлых, если они не приняты государством» (Цицерон. О законах. 2, 8).

Кроме того, все же нельзя быть твердо убежденным в том, что олимпийских богов нет. А потому лучше не провоцировать их гнев. Боги ведь не будут разбираться — по чьей именно вине им стали меньше приносить жертв в таком-то городе или такой-то провинции. Свой гнев в виде засухи или извержения вулкана они нашлют на всех... Так почему же за нечестие одних («безбожных» христиан) должны страдать все? «Таким образом они навлекут осуждение богов как на себя, так и на тех, кто лучше их, но допускает, чтобы они все это делали и всё государство подвергалось участи нечестивых людей» (Платон. Законы. 910b). Во избежание общей беды Платон предлагает устроить тюрьму под названием «софронистерий» — «дом, где приводят в разум», куда люди, отказывающиеся поклоняться государственным богам, должны быть заключены «не меньше, чем на пять лет» (Там же. 10, 908e)¹⁷. «Пропусту говоря, вот какой закон должен касаться всех: пусть никто не сооружает святилищ в частных домах» (Там же. 909d). Поздний ученик Платона, Ямвлих, уже в христианскую эпоху советует: «Тем, кто задает вопрос, есть ли боги, и, по-видимому, сомневается в этом, не следует отвечать как людям, а надо преследовать их как диких зверей» (Юлиан. Против Гераклия. 20)¹⁸.

Но для христиан было немыслимо, узнав Единого и Изначального Бога, поклоняться былым узурпаторам-«господам». Представьте человека, который годами ждал встречи с любимой женщиной, уже отчаялся и даже почти перестал мечтать о ней... И вот она появляется на пороге его дома и признается в любви – а он отвечает ей: ну ты пока присаживайся, осмотрись, и обожди немножко: я тут пока журнал фотомоделей долистаю... Вот как немыслимо такое поведение для влюбленного, так же невозможно оно и для того, кто любит Христа: «Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле» (Пс. 72,25).

¹⁶ «Римлянину казалось, что предоставляя каждому веровать в глубине души в какого угодно бога, или вовсе не веровать, он дал личности всю ту свободу совести, какой она может желать. Он мог представить себе верующего простеца, совершающего жертвы и воскурения от всего сердца; мог представить себе неверующего „интеллигента“, совершающего то же для одной проформы; но представить себе душевное состояние, запрещающее человеку делать это хотя бы и для проформы, он не мог... Верующая языческая толпа видела в христианах безбожников; а истинные безбожники, неверующая интеллигенция и та часть правящего класса, для которой все старые религии были отжившими суевериями, видела, понятное дело, в новой религии только новое „суеверие, грубое и безмерное» (Плиний, Тацит, Лукиан, Цельс). Справедливо усматривая в христианстве сильнейшее в их время проявление религиозной веры и энтузиазма, эти верхи именно этот-то энтузиазм и считали за главное зло. Христианство задевало их не тем, что добывало старые религии — а тем, что оно делало это во имя опять таки религии; тем, что круша религии, оно восстанавливало религию. Так материалисты и атеисты от реформации до наших дней видят в реформации худшее зло, чем то католичество, против которого она ополчилась» (Мелиоранский Б. М. Из лекций по истории и вероучению Древней христианской Церкви (I-VIII в.). Вып. 1. Спб., 1910, сс. 63 и 65). «Официальная религия состояла исключительно из внешних обрядов, которым большинство придавало так мало значения, что не могло себе представить, чтобы исполнение их могло тревожить совесть» (Буассье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV веке. Спб., 1998, с. 217).

¹⁷ «Ради спасения его души» (Платон. Законы. 909a) к заключенному ежедневно будет приходиться проповедник официального культа. «Платон фактически желает воскресить процессы над еретиками, проходившие в V веке (он дает понять, что тоже осудил бы Анаксагора, если бы тот не изменил своих взглядов... Тот факт, что судьба Сократа не научила Платона опасным последствиям, происходящим от подобных мер, может показаться странным» (Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. Спб., 2000, с. 323).

¹⁸ Буассье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV веке. Спб., 1998, с. 144.

И империя начала преследования христиан, требуя от них терпимости. Христиан ослепляли, требуя от них «широты взглядов». Христиан запрещали, требуя: «запрещено запрещать! не смейте своим adeptам запрещать молиться нашим богам!»

Христиане же предложили различать терпимость идейную и терпимость гражданскую. У людей должно быть право на несогласие, на дискуссии, на резкую оценку противоположных взглядов. Но государству не следует вмешиваться в эти споры — ибо «по человеческому праву каждый может почитать то, что он хочет... и одной вере не свойственно притеснять другую, так как жертвы требуются от духа волящего» (Тертуллиан. Послание к Скапуле. 2). Как позднее скажет русская поговорка: «Невольник — не богомольник»... «Не убивая врагов своей религии можно ее защитить, а умирая за нее. Если вы думаете служить ей, проливая кровь во имя ее, усиливая пытки, вы ошибаетесь. Ничто не должно быть так свободно, как исповедание веры» (Лактанций. Божественные установления. 5, 20).

Этот опыт гонений очень важен для истории и самопонимания христианства: придя к власти, христиане к сожалению, быстро забыли свои собственные призывы к веротерпимости. Всего через 60 лет после соединения христианства с государственной властью Римской империи произошла первая казнь еретика¹⁹... Увы, «языческие понятия об отношениях религии к государству оказались во много раз живучее самого язычества»²⁰, а потому и в христианском мире оказались возможны слова, призывающие к убийствам: «Люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить: таки вы о вере никаких речей с ними не плодите: токмо для того учинити собор, чтоб казнить их и вешати» (Архиеп. Геннадий Новгородский)²¹.

Но все же для столь консервативного института, как Церковь, было невозможно полностью забыть суждения древнейших святых Отцов, восстававших против любого насилия в области религии. И поэтому полемика о том, должно ли государство признавать свободу совести, вспыхивала вновь и вновь — и причем даже «диссиденты» могли использовать общеавторитетные христианские источники (сторонники свободы совести ссылались на Евангелие и древнейшие христианские авторитеты поры Церкви Гонимой; противники — на Ветхий Завет и на позднейшие примеры времен Церкви Господствующей).

Более того — каждый раз, когда христиане становились гонимыми в той или другой стране, они начинали повторять аргументы первых апологетов. Но, увы, едва лишь христиане чувствовали возможность власти, в их голосе столь же неизменно снова слышались стальные интонации... Чудовищнее всего этот перевертыш наблюдать в современной России: уцелевшие от меча пытаются перехватить меч, чтобы самим обрушить его на голову мыслящих иначе... И практически никем из церковных проповедников не предлагается увидеть в тех неслыханных гонениях, которые наша Церковь пережила в XX веке, расплату за те гонения и призывы к гонениям, которыми были полны ее же история и ее издания в предшествующие столетия (ибо даже из уст Святых и даже в XIX веке раздавались призывы ввести смертную казнь для проповедников атеизма)...

¹⁹ «Вызванный этим повсюду ужас показывает, что все отнеслись к казни как к отвратительному новшеству. Когда Присциллиан, осужденный тираном Максимом в Трире, был подвергнут пытке и предан казни с шестью своими учениками, а остальные были сосланы на острова в сторону Бретани, то по всей Европе раздался громкий крик негодования. Из двух епископов, преследовавших Присциллия, один был прогнан со своей кафедры, а другой сам удалился на покой. Свт. Мартин Турский, сделавший все возможное, чтобы помешать этому жестокому решению, отказался иметь общение не только с этими епископами, но и с теми, кто находился с ними в сношениях.... Свт. Амвросий отлучил от церкви Максима» (Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века. М., 1994. Т.1. С. 135–136). Впрочем, из опубликованных в XIX в. книг Присциллиана видно: он и сам полагает, что его оппоненты за свои взгляды достойны смерти.

²⁰ Мелиоранский Б. М. Из лекций по истории и вероучению древней христианской Церкви I–VIII вв. СПб., 1910. Вып. 1. С. 87.

²¹ Цит. по: Григоренко А. Духовные искания на Руси конца XV века. СПб., 1999. С. 19.

Итак, требование свободы совести — это дар, который христианские мученики принесли в жизнь людей. Увы, это был тот дар, от которого потом неоднократно отрекались христианские же иерархи. И все же: «Можно быть недовольным Церковью за то, что она позже стала злейшим врагом терпимости, но не надо забывать, что она объявила ее прежде всех»²².

Именно Христос произнес формулу, впервые в истории разделившую религиозное и племенное: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Эти слова вызвали подлинное изумление. Чтобы понять его, прочитаем полностью этот фрагмент: «Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице; итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышав это, они удивились и, оставив Его, ушли» (Мф. 22,15-22).

Понятно, чем пытались фарисеи «уловить» Иисуса: если Он скажет, что подать платить надо — они разгласят по Иудее, что Иисус — коллаборационист, что Он не несет Израилю освобождения, а, значит, не является Мессией... Если же Он скажет, что платить дань империи не надо, то фарисеи известят об этом бунте римскую администрацию, а та положит конец существованию проблемы по имени Иисус.

Решение Христа удивительно точно. Он просит дать Ему монету, которой платится подать... Дело в том, что монет в Палестине ходило две. Евреи добились от Рима важной уступки: им было разрешено чеканить собственную монету. Евреи соглашались пользоваться римской монетой в обычной торговле. Но было одно пространство, куда они не могли допустить римские деньги. На римских монетах были изображения богов (и олимпийских и земных — императоров). Надписи на этих монетах гласили, что императоры — боги. Таким образом, каждая монета была и карманным идолом и языческой декларацией. В Храм же ничто языческое не могло быть внесено. Но подать в Храм приносить надо. Жертвенных животных приобретать надо. На нечистые же деньги нельзя приобрести чистую жертву...

Евреи, очевидно, достаточно доходчиво объяснили римским властям, что если им не будет разрешено чеканить свою монету, имеющей хождение в храмовом пространстве, то народ взбунтуется. Римская империя была достаточно мудра, чтобы не раздражать покоренные ею народы по мелочам... Так в Палестине продолжали выпускаться свои монеты (священные полусикли; см. Лев. 5,15; Исх. 30,24). И те самые менялы, что сидели во дворе Храма, как раз переводили светские, нечистые деньги в религиозно-чистые.

Итак, Христа спрашивают о том, надо ли платить налог Риму. Христос же просит показать — какими деньгами уплачивается этот налог. Ему, естественно, протягивают римский динарий. Следует встречный вопрос: «чье это изображение и надпись?». Этот вопрос является решающим потому, что по представлениям античной политэкономии правитель был собственником земных недр, и, соответственно, всего золота, добываемого в его стране. И, значит, все монеты считались собственностью императора, лишь на время одолженной им своим подданным. Значит, монета и так принадлежит императору. Почему бы тогда не вернуть ее владельцу?

Итак, первичный смысл ответа Христа ясен: храму надо отдать храмовую монету, а Риму — римскую. Но если бы Спаситель ответил именно этими словами — то этим бы смысл Его ответа и ограничился бы... Однако, Господь отвечает иначе: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Тем,

²² Буассье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV в. СПб., 1998. С. 81.

кто не держал в руках римские динарии, дерзость и глубина этого ответа непонятны. Дело в том, что на динарии императора Тиберия (в ту пору правившего Римом) была надпись Tiberius Caesar Divi Augusti Filius Augustus Pontifex Maximus (Тиберий Цезарь, сын божественного Августа, Август, верховный понтифик (т.е. есть верховный жрец)). Истинный Сын Божий держал в руках монету, на которой было написано, что сыном бога является император...

Тут или-или. Или Христос есть Путь (Ин. 14,6), или император – мост (понтифик означает мостостроитель: тот, кто строит мост между миром богов и миром людей). Или Христос является единственным Посредником между Богом и человеком (1 Тим. 2,5). Или таким посредником является царь. Монета утверждает, что император – сын бога и сам обладает божественным статусом и достоин божественного поклонения... Так что в этом случае должны были бы означать слова «отдайте Богу богово»? Да, благоверный римлянин должен был бы эти слова отнести к динарию и к императору. Но Христос очевидно не в этом смысле сказал эти слова. Он противопоставил Бога, истинного Бога и императора. Отныне государственная власть была десакрализована. Император – не бог. Ему могут принадлежать деньги, но не совесть.

3. Как человек стал больше мира

Христианство позволило людям иначе взглянуть на самих себя. Важнейшая перемена в человеческом самопонимании связана с тем, что христианство отказалось от одного, казалось бы, самоочевидного тезиса языческой философии. С точки зрения язычества человек — часть природы, «микрокосм». Человек — это «микрокосм», малый мир в мире большом — «макрокосмосе». Свящ. Павел Флоренский эту мысль выразил так: «Человек — это сокращенный конспект мироздания»²³. Микрокосмос — это маленькая действующая модель вселенной. На этом убеждении строится астрология и алхимия, китайское иглоукалывание и тибетская медицина...

И разве можно считать иначе? Вон и поныне даже популярные песенки поют – «Мы – дети Галактики» (нисколько, впрочем, не задумываясь над тем, знает ли Галактика о том, что у нее появились дети)...

Действительно, ведь в человеке есть все, что есть в мире... «Само сердце — малый сосуд, но там есть все», — говорит преп. Макарий Египетский²⁴. Но этого мало сказать о человеке. Христианство смогло пойти наперекор очевидности. Византийские богословы возвестили, что человек скорее есть «макрокосм», помещенный в «микрокосм». «Человек — великий мир в малом» (Свт. Григорий Богослов)²⁵, то есть, если вернуть переводу греческое звучание, — «макрокосм в микрокосме».

И точно так же будет говорить спустя тысячу лет святитель Григорий Палама: «Человек — это большой мир в малом, является средоточием воедино всего существующего, возглавлением творений Божиих»²⁶. В этом величайший православный оптимист (а разве не предельный оптимизм — убежденность святителя Григория Паламы в том, что мы можем прикоснуться к самому Богу, к Его нетварному Свету?!) единокорен с самым большим пессимистом Ветхого Завета — Экклезиастом. «Все соделал Он прекрасным и вложил мир в сердце их», — говорит Экклезиаст о вселенной²⁷, вложенной в сердце каждого человека (Эккл. 3,11).

²³ *Свящ. Павел Флоренский. Микрокосм и макрокосм // Богословские труды. Сб. 24. М., 1983, с.234.*

²⁴ преп. Макарий Египетский. Беседа 43,7 // преп. Макарий Египетский. Духовные беседы, послание и слова. — М., 1880, с. 365.

²⁵ *Свт. Григорий Богослов. Слово 45 // Творения. Свято-Троицкая-Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 665. и Стихотворение о смиренномудрии, целомудрии и воздержании // Там же. Т. 2. С. 179.*

²⁶ *Цит. по: архиеп. Василий (Кривошеин). Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // архиеп. Василий (Кривошеин). Богословские труды 1952-1983 гг. Статьи, доклады, переводы. — Нижний Новгород, 1996, с. 120.*

²⁷ *Мир — евр. olat, полнота мироздания; греч. οὐρανός - совокупность веков, миров, эонов.*

Человек – макрокосм потому, что вбирая в себе все, что есть в мире, он несет в себе еще нечто, чего весь мир вместить не может и чего не имеет: образ Божий и Божественная благодать, благодатное Богосыновство, разум, личность, совесть.... «Смотри, каковы небо, земля, солнце и луна: и не в них благоволил успокоиться Господь, а только в человеке. Поэтому человек драгоценнее всех тварей, даже, осмелюсь сказать, не только видимых, но и невидимых, т.е. служебных духов»²⁸.

Свт. Григорий Нисский также вступает в полемику с язычниками по этому вопросу: «Язычники говорили, что человек есть маленький мир (микрокосм), составленный из тех же стихий, что и всё. Но, громким этим именем воздавая хвалу человеческой природе, они сами не заметили, что почтили человека свойствами комара и мыши. Ведь и комар с мышью суть слияние тех же четырех стихий... Что ж великого в этом — почитать человека подобием мира? И это когда небо преходит, земля изменяется, а все содержимое их преходит вместе с ними, когда преходит содержащее? Но в чем же, по церковному слову, величие человека? Не в подобии тварному миру, но в том, чтобы быть по образу природы Сотворшего» (Свт. Григорий Нисский. Об устройении человека, 16).

Посему и советует святитель Василий Великий: «Убегай бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою»²⁹.

Человек возвышается над миром потому, что не все в человеке объяснимо из законов того мироздания, в которое погружено наше тело и низшая психика. Не все в нас родом из мира сего. А потому не все имеет общую с ним судьбу. Оттого «я никак не проповедую языческое единение с природой, впитывания в нее. Природа смертна — мы ее переживем. Когда погаснут все солнца, каждый из нас будет жить»³⁰. «Как поразительно жить среди богов, зная, что самый скучный, самый жалкий из тех, кого мы видим, воссияет так, что сейчас мы бы этого и не вынесли; или станет немислимо, невообразимо страшным... Вы никогда не общались со смертным. Смертны нации, культуры, произведения искусства. Но шутим мы, работаем, дружим с бессмертными, на бессмертных женимся, бессмертных мучаем и унижаем»³¹. «Церковь переживет вселенную... Мы сохраним в вечности свою сущность, вспоминая галактики, словно старые сказки»³².

Это то самое в христианстве, что еще во II в. языческий собеседник Минуция Феликса определил как самое абсурдное: «Двукратная нелепость и сугубое безумие — возвещать гибель небу и звездам, которые мы оставляем такими же, какими застали, а себе, умершим, сгинувшим, которые как родимся, так и погибаем, обещать вечную жизнь!» (Минуций Феликс. Октавий. 11). Столетием позже величайший греческий языческий философ Плотин бросал христианам тот же упрек: «Вот что абсурдно: эти люди, имеющие тела, какие обычно есть у людей, с душой, наполненной желаниями, скорбями, гневом, претендуют на контакт с умопостигаемым; но если речь идет о солнце, то они отрицают, что это светило обладает силой гораздо более свободной от страсти, чем наша. Они думают, что даже самые злые люди имеют бессмертную и божественную душу, а целое небо, с его звездами, бессмертной душой не обладает!» (Плотин. Эннеады. 2,9,5,1-10).

Но христиане с древности и по сю пору убеждены в том, что люди, все мы, каждый из нас — бессмертнее мира, старше мира. Старше не потому, что созданы раньше вселенной, а потому что люди избраны Богом и замыслены Им как носящие право первородства во вселенной: «До сотворения космоса были мы рожденные в Самом Боге по причине того, что нам предстояло возникнуть» (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 1, 6, 4).

²⁸ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы, послания и слова. М., 1880. С. 156–157.

²⁹ свт. Василий Великий. Беседы на Шестоднев, 3. // Творения. ч. 1. — М., 1845, с.1 39.

³⁰ Льюис К. С. Бремя славы // Сочинения. Минск-Москва, 1998. Т.2. С. 275.

³¹ Там же. С. 276.

³² Льюис К. С. Коллектив и мистическое тело // Сочинения, Т. 2. С. 304–305.

И потому в XVII в. Паскаль мог воскликнуть: «Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы ее раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает» (*Паскаль Б. Мысли. 200 [347]*).

А в XX в. Николай Бердяев в полемике с марксистами заметил, что лишь с точки зрения марксистов человек есть часть общества³³. Для христианина же общество есть частица человека, ибо в человеке и в самом деле многое определяется его социальным происхождением, статусом, социальным опытом. Но человек не сводится ко всем влияниям на него — ни из прошлого, ни из окружения.

Та же интуиция сказала и в полемике Вяч. Иванова с М. Гершензоном о соотношении веры и культуры. «Мне же думается, что сознание может быть лишь частью имманентным культуре, частью же трансцендентным. Человек, верующий в Бога, ни за что не согласится признать свое верование частью культуры; человек же, закрепощенный культуре, неизбежно сочтет последнее за культурный феномен»³⁴.

Даже Герцен понимал, сколь обязана его либеральная философия христианству: «Лицо человека, потерянное в гражданских отношениях древнего мира, выросло до какой-то недостижимой высоты, искупленное Словом Божиим. Личность христианина стала выше сборной личности города; ей открылось все бесконечное достоинство ее - Евангелие торжественно огласило права человека, и люди впервые услышали, что они такое. Как было не перемениться всему!»³⁵.

Увы, и этот христианский дар, который можно резюмировать пушкинским выражением — «самостоянье человека», — снова отвергается неоязычниками. Для Блаватской «человек есть микрокосм макрокосма»³⁶ (то есть маленький мир в большом мире). И Рерихам нечего сказать о человеке, кроме того, что «человек, будучи микрокосмом макрокосма, является конгломератом самых различных вибраций (ритмов)»³⁷.

Люди конца второго христианского тысячелетия устали пребывать в той свободе от космических стихий, которую возвестил им Христос. Они снова захотели раствориться в космическом безличностном бульоне.

4. Слезный дар

Мир, который люди открыли внутри себя, оказался богаче, чем тот мир, который облекает нас снаружи. То, что происходит в человеческом сердце, христианство сочло более значимым, чем то, что совершается вокруг: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26).

Эту же несоразмерность внутреннего измерения человека с измерениями внешнего мира прекрасно выразил Пастернак: «Не потрясения и перевороты для новой жизни открывают путь, а откровения, бури и щедроты души воспламененной чьей-нибудь» («После грозы»). Ощущение того, что «два мира есть у человека: один — который нас творил; другой — который мы от века творим по мере наших сил» (Баратынский), станет настолько своим для европейской культуры, что даже Заболоцкий (насколько я понимаю, это был человек, далекий от церковности), свидетельствует о той

³³ см. Хоружий С. С. Диптих безмолвия. — М., 1991, с. 88.

³⁴ Гершензон М., Иванов В. Переписка из двух углов. — М., 1991, с. 9.

³⁵ Герцен А. И. Письма об изучении природы, 5 // Герцен А. И. Сочинения. Т.2. М., 1986, сс. 333-334.

³⁶ Блаватская Е. П. Комментарии к «Тайной Доктрине». М., 1998. С. 120.

³⁷ Письма Елены Рерих — 1932–1955 гг.. Новосибирск, 1993. С.173.

же самой иерархии ценностей: «Душа в невидимом блуждала, своими сказками полна. Незрячим взором провожала природу внешнюю она».

Для историков же литературы переломом, обозначающим переход от античности к европейской культуре, является «Исповедь» блж. Августина. Эта книга, написанная в начале V в., впервые повествует о внутреннем сюжете, о том, что происходит в душе человека. Персонажи античных произведений внутренне статичны. Их характер скульптурен, высечен уже с самого начала. Просто меняются обстоятельства вокруг них, и перемена декораций бросает разные отсветы на героя, высвечивая то одну его грань, то другую. Но евангельская проповедь покаяния призвала к переменам внутри человека. О том, как происходит в человеке «метанойя»-перемена ума-покаяние, и поведал Августин в своей предельно искренней книге («А юношей я был очень жалок, и особенно жалок на пороге юности; я даже просил у Тебя целомудрия и говорил: «Дай мне целомудрие и воздержание, только не сейчас»») [Блж. Августин. Исповедь 8, 7, 17)]³⁸.

Евангельский призыв к покаянию возвещал, что человек освобожден от тождественности себе самому, своему окружению и своему прошлому. Не мое прошлое через настоящее железно определяет мое будущее, но мой сегодняшний выбор. Между моим прошлым и минутой моего нынешнего выбора есть зазор. И от моего выбора зависит — какая из причинно-следственных цепочек, тянущихся ко мне из прошлых времен, замкнется во мне сейчас. То, что было в моем прошлом, может остаться в нем, но я могу стать иным...

О том, как покаяние воздвигает стену, защищающую меня от засилия моего греховного прошлого, говорят два эпизода из церковного предания... Чтобы они были понятны, надо вспомнить два обстоятельства: одно чисто бытовое, другое – духовное. Первое из них состоит в том, что классическая завязка некоего повествования из жизни монахов гласит: «Пошел монах в город...». А в городе, как известно, встречаются женщины. Среди них, как гласит молва, встречаются труженицы панели. В круге же последних предметом профессиональной доблести считается умение соблазнить монаха: «мол, затащить к себе в номера какого-нибудь морячка – так это кому ж красы не доставало! А ты вот попробуй монаха соблазнить – тогда и посмотрим, чего ты стоишь на нашем бульваре Капуцинов!».

Второе же обстоятельство, без знания которого нижеприведенные истории не будут понятны, состоит в том, что когда лукавый³⁹ подталкивает человека ко греху, он влагает в нашу голову дискетку с незатейливым файликом: «Ну, разок-то можно! Ну, согрешишь, а потом покаешься! Ты же слышал, что Бог милосерден, он простит!». После же греха тот же «собеседник» ловко меняет дискету и теперь с нее считывается уже иная мыслишка: «Ну все, парень, доигрался! Какой теперь из тебя монах (священник, семинарист, христианин...). Ты знаешь, что за этот грех на Суде с тобой будет?! Ты же знаешь, что Судия справедлив и правосуден! Так что там у тебя шансов никаких! Поэтому, знаешь,

³⁸ Та же честность столетием позже звучит в признании свт. Григория Великого: «И о жизни врагов мы молимся, и однако же боимся, как бы нас не услышал Бог» (Беседа 27, 8).

³⁹ Пишу это слово с некоторой нерешительностью, которую прекрасно объясняет мой профессиональный анекдот (анекдот почти что про меня). Итак, представьте, что православный миссионер выступает перед образованной, интеллигентной университетской аудиторией. И по ходу своей речи он доходит до необходимости употребить неприличное слово – «бес». Миссионер не первый раз общается с подобного рода аудиторией, знаете ее привычки, вкусы и немощи. Он понимает, что эта публика еще слово «Бог» как следует не научилась понимать. В постсоветской образованной среде вместо этого непонятого слова принято употреблять что-нибудь попроще – скажем «Биоэнергоинформационное поле Вселенной». И понятно, что если в этой аудитории слово Бог норовят подменить каким-нибудь якобы синонимом (то «ноосферой» обзовут, то «Космосом», а то и вообще «мое высшее Я»), то уж слово «бес» тем более гарантированно вызовет возмущение просвещенной публики. Миссионер знает, насколько прав Дмитрий Мережковский «Черт хитер: он делает смешными тех, кто на него показывает» (цит. по: свящ. Сергей Желудков. Почему и я - христианин. Спб., 1996, с. 118). И тогда миссионер решает выразиться попонятнее, то есть на жаргоне своих слушателей. И говорит: «И вот в эту минуту к человеку обращается мировое трансцендентально-персональное онтологически-ипостазированное тоталитарное зло»... Тут бес высовывается из под его кафедр и переспрашивает: «Как-как ты меня назвал? Повтори, а то я не расслышал!».

семь бед - один ответ. Давай еще разок! И вообще оставайся в миру, живи как все. В будущей жизни ничего хорошего тебя уже не ждет, так ты хотя бы здесь поживи как люди!”...

На строгом языке Святых Отцов это выражается предостережением: “Прежде падения нашего бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения жестоким»⁴⁰; «Бесчеловечный наш враг и наставник блуда внушает, что Бог человеколюбив, и что Он скорое прощение подает сей страсти, как естественной. Но если станем наблюдать за коварством бесов, то найдем, что по совершении греха, они представляют нам Бога праведным и неумолимым Судиею. Первое они говорят, чтобы вовлечь нас в грех; а второе. чтобы погрузить нас в отчаяние»⁴¹. Должно же быть все наоборот: прежде греха, когда борешься с греховным помыслом, приводи себе на ум память о Божием суде, а уже если грех произошел, “если мы пали, то прежде всего ополчимся против беса печали»⁴².

Дело в том, что отчаяние фиксирует нас в нашем состоянии падшести. Отчаяние парализует волю. Отчаяние увековечивает состояние греха. По верной мысли историка Ф. Зелинского, «отчаяние – это интеллектуальная смерть»⁴³.

Этому параличу нельзя поддаваться. «Доходят те, кто после каждого поражения встают и идут дальше. Подвиг именно в этом и состоит - никогда не сесть оплакивать. Плакать можно по дороге, по пути. А когда дойдешь до цели - падешь на колени перед Спасителем и скажешь: Прости, Господи! На всю Твою любовь я ответил цепью измен - а все-таки я пришел к Тебе, а не к кому-нибудь другому» (митр. Антоний (Блум). О свободе и призвании человека).

И вот для того, чтобы растождествить себя и свой грех, надо восстать против отчаяния. В церковном лексиконе «отчаяние» оказывается антонимом «покаяния» («Покаяние есть отвержение отчаяния»⁴⁴). Чтобы вернуть себе возможность действовать, возможность созидать свое будущее, нужно прежде всего свалить со своих плеч груз отчаяния. И в этом случае полезна память о Божием милосердии: «Мысль о милосердии Божием принимай только тогда, когда видишь, что вовлекаешься во глубину отчаяния»⁴⁵.

Теперь будут понятны краткие монашеские повествования: «Два брата, будучи побеждены блудною похотью, пошли и взяли с собою женщин. После же стали говорить друг другу: что пользы для нас в том, что мы, оставив ангельский чин, пали в эту нечистоту, и потом должны будем идти в огонь и мучение? Пойдем в пустыню. Пришедши в нее, они просили отцев назначить им покаяние, исповедав им то, что они сделали. Старцы заключили их на год, и обоим по-ровному давались хлеб и вода. Братья были одинаковы по виду. Когда исполнилось время покаяния, они вышли из заключения, - и отцы увидели одного из них печальным и совершенно бледным, а другого - с веселым и светлым лицом, - и подивились сему, ибо братья принимали пищу поровну. Посему спросили они печального брата: какими мыслями ты был занят в келье своей? - Я думал, отвечал он, о том зле, которое я сделал, и о муке, в которую я должен идти, - и от страха *прильпе кость моя плоти моей* (Псал. 101, 6). Спросили они и другого: а ты о чем размышлял в келье своей? Он отвечал: я благодарил Бога, что Он исторг меня от нечистоты мира сего и от блудного мучения, и возвратил меня к этому ангельскому житию, - и помня о Боге, я радовался. Старцы сказали: покаяние того и другого - равно пред Богом»⁴⁶.

⁴⁰ преп. Иоанн Лествичник. Лествица. Сергиев Посад, 1908. с. 83.

⁴¹ Там же, с. 132.

⁴² Там же.

⁴³ Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства. Спб., 1995, с. 357

⁴⁴ преп. Иоанн Лествичник. Лествица. с. 73.

⁴⁵ преп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 87.

⁴⁶ Древний Патерик. М., 1899. с. 84. «У Господа разные святые: один приходит к Нему с радостью, другой - в суровости; и обоих Бог приемлет с любовью» (преп. Макарий Великий. Цит. по: митр. Вениамин (Федченков). Божии люди. М., 1991, с. 27).

Вторая история была такой: Брат пошел набрать воды в реке и встретил женщину, стирающую одежду, и случилось ему пасть с нею. Сделав же грех, и набрав воды, пошел в келлию. Бесы же, приступая и воздвигая помыслы, опечаливали его (слав.: оскорбляху его), говоря: "Куда ты идешь? Нет тебе спасения! Зачем мира лишаешь себя?" Познав же брат, что они хотят совершенно его погубить, сказал помыслам: "Откуда вы пришли ко мне и опечаливаете меня, чтобы я отчаялся? Не согрешил я, - и снова сказал: - Не согрешил". Войдя же в келию свою, безмолствовал, как и прежде. Бог же открыл одному старцу, соседу его, что такой-то брат, пав, победил. Этот старец пришел к нему и говорит: "Как ты пребываешь?" Он же говорит: "Хорошо, отче". И снова говорит ему старец: "Не было ли у тебя скорби о чем-либо в эти дни?". Говорит ему: "Ни о чем". И сказал ему старец: "Открыл мне Бог, что ты, пав, победил". Тогда брат рассказал ему все случившееся с ним. И старец сказал ему: "Воистину, брат, рассуждение твое сокрушило всю силу вражию" (Пролог, 21 мая).

Третий рассказ передает Вл. Соловьев: В Нитрийской пустыне спасались два отшельника. Пещеры их были в недалёком расстоянии, но они никогда не разговаривали между собой, разве только псалмами иногда перекликаются. Так провели они много лет, и слава их стала распространяться по Египту и по окрестным странам. И вот однажды удалось диаволу вложить им в душу, обоим зараз, одно намерение, и они, не говоря друг другу ни слова, забрали свою работу - корзинки и подстилки из пальмовых листьев и ветвей - и отправились вместе в Александрию. Там они продали свою работу и затем три дня и три ночи кутили с пьяницами и блудницами, после чего пошли обратно в свою пустыню. Один из них горько рыдал и сокрушался: - Погиб я теперь совсем, окаянный! Такого неистовства, такой скверны ничем не замолишь. Пропали теперь даром все мои посты, и бдения, и молитвы - зараз всё безвозвратно погубил. А другой с ним идёт и радостным голосом псалмы распевает. - Да что ты, обезумел, что ли? - А что? - Да что ж ты не сокрушаешься? - А о чём мне сокрушаться? - Как! А Александрия? - Что ж Александрия? Слава Всевышнему, хранящему сей знаменитый и благочестивый град! - Да мы-то что делали в Александрии? - Известно, что делали: корзины продавали, святому Марку поклонились, прочие храмы посещали, в палаты к благочестивому градоправителю заходили, с монахолоубивою донною Леониллою беседовали... - Да ночевали-то мы разве не в блудилище? - Храни Бог! Вечер и ночь провели мы на патриаршем дворе. - Святые мученики! Он лишился рассудка... Да вином-то мы где упивались? - Вина и яств кушали мы от патриаршей трапезы по случаю праздника Введения во храм Пресвятыя Богородицы. - Несчастный! А целовался-то с нами кто, чтобы о горшечном умолчать? - А лобзанием святым почтил нас на расставании отец отцов, блаженнейший архиепископ великого града Александрии и всего Египта, Ливии же и Пентаполя и судия вселенной, Кир-Тимофей, со всеми отцами и братьями его богоизбранного клира. - Да ты что, насмехаешься, что ли, надо мной? Или за вчерашние мерзости в тебя сам диавол вселился? С блудницами скверными целовался ты, окаянный! - Ну, не знаю, в кого вселился диавол: в меня ли, когда я радуюсь дарам Божиим и благоволению к нам мужей священноначальных и хвалю Создателя вместе со всею тварью, или в тебя, когда ты здесь беснуешься и дом блаженнейшего отца нашего и пастыря называешь блудилищем, а его самого и боголюбезный клир его - позоришь, яко бы сущих блудниц. - Ах ты еретик! Ариево отродье! Аполлинария мерзкого всеклятые уста! И сокрушавшийся о своём грехопадении отшельник бросился на своего товарища и стал изо всех сил его бить. После этого они молча пошли к своим пещерам. Один всю ночь убивался, оглашая пустыню своими стонами и воплями, рвал на себе волосы, бросался на землю и колотился об неё головой, другой же спокойно и радостно распевал псалмы. Наутро кающемуся пришла в голову мысль: так как я долголетним подвигом уже стяжал особую благодать Святого Духа, которая уже начала проявляться в чудесах и знамениях, то после этого, отдавшись плотской мерзости, я совершил грех против Духа Святого, что, по слову Божию, не прощается ни в сём веке, ни в будущем. Я бросил жемчужину небесной чистоты мысленным свиньям, т.е. бесам, они потоптали её и теперь, наверное, обратившись, растерзают меня. Но если я во всяком случае окончательно погиб, то что же я буду делать тут, в пустыне? И он пошёл в Александрию и предался распутной жизни. Когда же ему понадобились деньги, то он, в сообществе с

такими же гуляками, убил и ограбил богатого купца. Дело открылось, он был подвергнут градскому суду и, приговорённый к смертной казни, умер без покаяния. А между тем его прежний товарищ, продолжая своё подвижничество, достиг высшей степени святости и прославился великими чудесами, так что по одному его слову многолетне-бесплодные женщины зачинали и рожали детей мужского пола. Когда пришёл день его кончины, измождённое и засохшее его тело вдруг как бы расцвело красотой и молодостью, просияло и наполнило воздух благоуханием. По смерти его над его чудотворными мощами создан монастырь, и имя его из Александрийской церкви перешло в Византию, а оттуда попало в киевские и московские святцы. «Вот, значит, и правду я говорю, - прибавлял Варсонофий, - все грехи не беда, кроме только одного - уныния: прочие-то все беззакония они совершали оба вместе, а погиб-то один, который унывал»⁴⁷.

Удивительные свидетельства: на вершине покаяния надо уметь совместить в себе два как будто несовместимых самоощущения. С одной стороны – «теа culpa», моя вина, мой грех... А с другой – «это не я». Так больной приходит к врачу, показывает свою руку с занозой и молит: «Доктор, это по моей дури эта заноза оказалась во мне. Но ведь эта заноза – это не я! Можно ли сделать так, чтобы заноза была отдельно, а моя рука – отдельно?!». В покаянии человек с силой отталкивается от своего прошлого, сбрасывает его с себя, кричит ему в лицо: «я больше не хочу как прежде жить!», а, оборачиваясь к Богу - «Я больше не хочу Тебя терять!».

Покаяние действительно может менять прошлое (во всяком случае его влияние на настоящее). На вопрос «Если Бог всемогущ, то может ли Он сделать бывшее небывшим», христианская традиция покаяния говорит: да, может - если прошлое будет раскаяно... Некогда один монах попробовал освободить от беса приведенного к нему одержимого человека. Бес же заявил, что монах сам принадлежит ему... «Услышав это, брат, знавший кое-что за собой, отошел и ушел. Отыскав священника, он исповедал ему те грехи, о которых особенно сокрушался, и вернувшись назад, сказал бесу: "Скажи-ка мне, несчастный, что я сделал такого, за что должен быть твоим?". Отвечал ему бес: «Немного раньше хорошо я знал это, а теперь ничего не помню»»⁴⁸.

Эта идея «пластичности» человека, его переменчивости и, значит, сложности очень многое породила в европейской культуре. Вся русская классическая литература с ее заботой о «маленьком человеке» выросла из этой евангельской идеи.

Но сегодня неоязыческая идея «фатума», для пущей экзотичности назвавшего себя «кармой», вновь любо-дорога умам европейских неоязычников. И оккультисты даже сетуют: мол, люди, избалованные христианством и привыкшие к мысли о своей свободе, не сразу соглашаются с тем, что на самом деле вместо них «карма творит свое» (*Рерихи*. Беспредельность. 463). «Нелегко человеку принять истину о его зависимости. Ведь ту цепь существований не прервать, не выделить себя, не приостановить течение. Как один поток Вселенная!» (Там же. 193).

Если человек есть всего лишь микрокосмос, всего лишь частица Вселенной — тогда и в самом деле нельзя ни «выделить себя», ни «приостановить течение». Но если человек надкосмичен, если в его глубине есть выход к надкосмическому Богу, то человек может сопротивляться любым детерминациям и, вопреки всему, — стоять в свободе и истине. Насколько эта христианская убежденность в нашей свободе (без этой убежденности не могло бы быть и раннехристианского мученичества) была странна для язычников, видно из ее сегодняшнего неприятия неоязыческой теософией.

⁴⁷ Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе, и конце всемирной истории. // Сочинения. Т.2. М., 1988, сс. 674-676.

⁴⁸ Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии. Пг., 1915. сс. 65-66.

5. Не-космическое измерение человека

Выведа себя из природного контекста, человек смог осознать свое поведение в совершенно иной системе координат. Если человек — часть природы, то он не может оценивать свое поведение по иным критериям, нежели природные. Но природные феномены не подлежат нравственному суду. Персидские цари Кир, который мстил реке, потопившей его лошадь у (Геродот. История. 1.189) и Ксеркс, приказавший бичевать море, расстроившее его планы⁴⁹ — предмет насмешек даже в дохристианскую пору. Нельзя возмущаться поведением рек или животных. И если быть логичным — то нельзя возмущаться и поведением преступника. Чтобы оправдать применение нравственных критериев в восприятии человеческих действий, философия должна осознать радикальное отличие человека от природы.

Осознав свою внеприродность, человек приобрел право пользоваться двумя различными языками: он смог описывать явления природы на не-антропоморфном языке, не приписывая камням и звездам человеческие страсти. Но и себя человек смог осознавать и оценивать по вне-природным критериям. Раз «живем мы в этом мире послами не имеющей названия державы» (Александр Галич), не стоит слишком большое значение придавать тому обстоятельству, что природа неподвластна нравственным законам. Человек-то внеприроден, а потому ценим по не-природным, нравственным критериям.

Так родилось то самое кантовское доказательство бытия Бога, за которое Иван Бездомный хотел сослать философа «в Соловки годика на три». Первый тезис Канта: все в мире подчинено закону причинности. Все события в мире соединены причинно-следственными связями, и ничего в нем не происходит без надлежащих причин, с необходимостью вызывающих к бытию свои следствия. Второй тезис: если человек тоже подчинен этому закону, то он не может нести нравственную ответственность за свои поступки. Третий тезис: если мы утверждаем нравственную вменяемость человека, мы должны постулировать его свободу. Вывод: следовательно, человек, живя в мире, не подчиняется основному закону мироздания. Значит, человек неотмирен, то есть обладает статусом экстерриториальности. Ничто в мире не может действовать свободно, а человек — может. Значит, человек есть нечто большее, чем мир. Таким образом, в человеческом нравственно-свободном опыте проступает иное измерение бытия — бытия не ограниченного пространством, временем, детерминизмом и одаренного свободой, нравственностью и разумом. Такое бытие на языке философии именуется Богом. Человек свободен — а значит, бытие богаче, чем мир причинности; человек свободен — а значит, «морально необходимо признавать бытие Божие»⁵⁰...

Дело в том (и это прекрасно показал И. Кант), что в природе нет и не может быть категории «долга». «Невозможно, чтобы в природе нечто должно было существовать иначе, чем оно действительно существует, более того, если иметь в виду только естественный ход событий, то долженствование не имеет никакого смысла. Мы не можем даже спрашивать, что должно происходить в природе, точно так же как нельзя спрашивать, какими свойствами должен обладать круг; мы можем лишь спрашивать, что происходит в природе или какими свойствами обладает круг»⁵¹. Человеку мы можем сказать: ты таков, но ты должен был бы быть другим. А в природных феноменах не может быть такого зазора между тем, что есть и тем, что «должно» быть. Луну не осуждают за то, что ее не видно днем. Солнце не судят за то, что оно порой затмевается. Волгу не награждают за самоотверженный труд в годы Войны. Сибирские реки не наказывают за то, что они текут в Ледовитый океан вместо

⁴⁹ «Ксеркс повелел бичевать Гелеспонт, наказав тремя ударами бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Царь велел палачам сечь море, приговаривая варварские нечестивые слова: «О ты, горькая влага Гелеспонта!.. По заслугам тебе ни один человек не станет приносить жертв как мутной и соленой воде» (Геродот. История, 7, 35)

⁵⁰ Кант И. Критика практического разума // Сочинения. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 458. Подробнее см. в моей книге «Христианская философия и пантеизм» (М., 1997. С. 120–128).

⁵¹ Кант И. Критика чистого разума // Сочинения. т. 3. — М., 1964, сс. 487-488.

того, чтобы проявить интернационализм, повернуть на юг и оросить своими водами пустыни Средней Азии.

И если человек есть исключительно часть “природы”, то и человеческое поведение нельзя описывать в категориях “долга”. Что бы ни натворил человек — реакция может быть только одна: “так получилось”, и иначе быть просто не могло. И нельзя винить того, чья человечность затмилась в некий день, самый важный для него и его ближних. И нелогично награждать соответствующей медалью хорошо воспитанного и генетически благополучного молодого человека за отвагу при пожаре.

Если в природе «должно» то, что несвободно, то, что необходимо должно было произойти при наличии соответствующих причин, то в области нравственности «должно» то, что избирается и достигается свободным усилием, то, что не вынужденно. Эти два «долга» не сливаются только в том случае, если мы не будем считать человека частной формой проявления всемирных законов...

И снова мы видим, что неоязычество отторгает этот христианский дар. Оно пробует описать человека на не-гуманитарном языке, на языке «физики» («природы»). У теософов даже слово «воля» означает всего лишь «импульс притяжения или отталкивания, порожденный биполярностью элементов»⁵². Ток, протекающий между «биполярными элементами» автомобильного аккумулятора, притягивает мошкарку, летящую к фарам. И люди тоже просто должны научиться измерять «энергетику» своих «аур». И тогда в рамках «философии космизма» человеческие чувства можно будет измерять в вольтах и амперах...

Христианство же не утратило чувство изумления перед чудом человеческого феномена: «Человек представляет собою большее чудо, чем всякое чудо, совершаемое человеком» (Августин. О Граде Божием 10,12).

6. Христианская сексуальная революция

Уже много столетий — начиная с эпохи Возрождения — в европейских школах преподают цензурированно-приукрашенное представление о языческой древности и античности. Египет — это седые пирамиды, мудрость тысячелетий... Эллада — это беломраморные храмы, дружба людей и богов, близость с природой, поэтическая естественность... И так все это контрастирует с чернорясным монашеством, темным средневековьем, пришедшим на смену античной простоте и человечности... Школьникам даже непонятно становится — как могла античность переродиться в средневековье...

Это недоумение рождается оттого, что даже хорошо образованные люди свои познания об античной мифологии ограничивают книжкой Куна, адаптирующей греческие мифы для детей. И конечно, из книжки Куна нельзя понять — почему христианство объявило войну этим милым и прекрасным сказкам.

Но ознакомимся — без цензурных купюр — только с двумя наименее известными и обаятельнейшими греческими мифами.

Есть слово, дорогое сердцу каждого «нового русского» — Кипр. На Кипре каждому туристу показывают «пляж любви», на который из пены морской некогда вышла прекрасная Афродита. А в школах при знакомстве с этим мифом показывают репродукции: «Рождение Венеры» Боттичелли, Рубенса, Тициана...

И только об одном умалчивают и гиды, и учителя: они не берутся объяснить причину той первой экологической катастрофы. Откуда взялась та самая пена в первоизданном море? Рассказ об этом придется начать с бунта Кроноса против Урана. Это бунт, как мы помним, кончился осклоплением

⁵² Письма Елены Рерих, 1929–1938 гг. Минск, 1992. Т. 2. С. 334.

первичного бога, а затем — «член же отца детородный, отсеченный острым железом, по морю долго носился, и белая пена взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене в той зародилась. Сначала подплыла она к Киферам священным, после же этого к Кипру пристала, омытому морем. На берег вышла богиня прекрасная... Ее Афродитой, «пенорожденной», еще «Кифереей» прекрасновенчанной боги и люди зовут, потому что родилась из пены» (*Гесиод*. Теогония. 188–197).

Второй полужнакомый всем миф описывает рождение Афины из головы Зевса. Обилие аллегорий и в этом случае заслоняет естественный вопрос: а как именно Афина оказалась в Зевсе? И на этот раз история не самая симпатичная. У Зевса в ту пору была супруга по имени Метида. Она обладала свойством полиморфизма (проще говоря, она могла перевоплощаться во что хотела) - свойством, довольно неприятным в семейной жизни (ибо во время семейного диалога в ответ на безобидную реплику мужа «Почему у тебя опять борщ недосолен?!» супруга может превратиться в дракона – и как ее тогда «воспитывать»...). Зевс, решив избавиться от нее, уговорил ее сделаться маленькой... Понятно, какой сюжет воспроизводит сказка «Кот в сапогах»? Да, едва только Метида стала маленькой, Зевс ее проглотил. Таким образом премудрость оказалась внутри Зевса, ибо Метида была в то время беременна Афиной (см.: *Гесиод*. Теогония, 886–890).

А многие ли знают, что великий Геракл покончил жизнь самоубийством (Софокл. Трахинянки, 1260 слл.) – с предостережением детям: «вы великую зрите жестокость богов»? В целом же античность пошла очень странным путем. Речь идет о гомосексуализме. Казалось бы, та культура, которая провозглашает своим идеалом мужество и естественность, умеренность и гармонию, могла бы миновать именно этот риф. Но культура, возвеличившая Геракла и Одиссея, очень прочно — на века — засела именно на этом рифе.

Платон ставит любовь между мужчинами значительно выше, чем любовь к женщине. Платоновский миф об андрогинах содержит в себе подробность, также часто опускаемую в популярных пересказах. Оказывается, андрогины были трех полов: мужского, женского и мужеженского (собственно андрогины). Когда Зевс, убоявшись их силы, рассек первых людей, то каждая половинка начала искать свою прежнюю. И это значит, что только треть людей ищет сближения с противоположным полом, а две трети влекутся к своему собственному. Нет, и эти две трети тоже могут вступать в общение с противоположным полом, но только из чувства гражданского долга: «...чтобы при совокуплении мужчины с женщиной рождались дети и продолжался род, а когда мужчина сойдется с мужчиной — достигалось все же удовлетворение от соития, после чего они могли бы передохнуть, взяться за дела и позаботиться о других своих нуждах... Мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве они любят мужчин и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и юношей» (Пир. 191с–192а).

Так «вместе с божественной философией расцвела и любовь к мальчикам» (*Лукиан*. Две любви. 35). Сексуальные услуги юноши рассматривались как нормальная форма оплаты услуг учителя, обучающего подростка какой-либо профессии. Когда Алкивиад пожелал стать учеником Сократа, «я решил сделать все, чего Сократ ни потребует. Полагая, что он зарится на цветущую мою красоту, я счел ее счастливым даром и великой своей удачей: ведь благодаря ей я мог бы, уступив Сократу, услышать от него все, что он знает. С такими мыслями я однажды и отпустил провожатого, без которого я до той поры не встречался с Сократом, и остался с ним с глазу на глаз... и я ждал, что вот-вот он заговорит со мной так, как говорят без свидетелей влюбленные, и радовался заранее. Но ничего подобного не случилось. Я решил пойти на него приступом... Я лег под его потертый плащ и, обеими руками обняв этого человека, пролежал так всю ночь. Так вот, несмотря на все мои усилия, он одержал верх, пренебрег цветущей моей красотой... Я был беспомощен и растерян» (*Платон*. Пир. 217а–219е).

Как видим, целомудрие Сократа было предметом удивления. Впрочем, Сократ никогда не осуждал педерастию, никогда не призывал обратиться к женщинам — он лишь призывал любить не только тела мальчиков, но и их души и душевную близость ставить выше телесной (Ксенофонт. Пир, 8)⁵³. Описание идеальной любви у Платона дано в «Федре» (255-256). Тот, кто хотя бы однажды прочитает его, навсегда уже воздержится от возвышенного употребления словосочетания «платоническая любовь»...

Так греки подражали своим богам. На Олимпе всегда хватало «странностей любви»: любовником Зевса был мальчик Ганимед⁵⁴ (в указанном фрагменте «Федра» Платон прямо ссылается на эту парочку); любовником Геракла — Гилас; Посейдона — Пелоп⁵⁵. По слову Овидия, не кто иной, как Орфей, «стал виной, что за ним и народы фракийские тоже, перенеся на юнцов недозрелых любовное чувство, первины цветов обрывают» (Овидий. Метаморфозы 10,83–84).

И вдруг над этим миром раздалось слова ап. Павла: *Не обманывайтесь... мужеложники... Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9–11).

Мужская любовь была возвращена женщинам и освящена церковным таинством... Христианство вернуло мужчин женщинам, - в частности, быть может, в благодарность за то, что во время Евангельских событий ни одна женщина не причинила ничего дурного Христу – ни словом, ни поступком (даже жена Понтия Пилата заступает за Иисуса).

Но сегодня и этот дар христианства оспаривается и осмеивается. Сегодня снова престижно и модно принадлежать к специфическому «меньшинству».

Ограничусь лишь одной газетной новостью: «Министр юстиции Франции Элизабет Гигу радовалась как ребенок. Вскочила с места, смеялась, хлопала в ладоши. Вместе со всеми депутатами левых фракций Национального собрания. В самом деле, левым было от чего веселиться. Им все-таки удалось проташить закон, разрешающий во Франции браки между гомосексуалистами. Закон этот называется «Пакт гражданской солидарности», или PACS. Те, кто подписал такое соглашение, отныне по закону находятся во взаимоотношениях, соответствующих брачным. Они могут передавать друг другу имущество — как супруги. Платить меньше налогов — как женатые люди. Жить под одной крышей. Вести хозяйство. Получать друг за друга пенсию. Те, кто вступил в PACS, уже через год могут подавать заявление о натурализации во Франции (обычный брак такого права не дает). Отныне тысячи мужчин и женщин — иностранцы-гомосексуалисты, живущие с французами или француженками, — смогут претендовать на французское гражданство. Чтобы принять подобный закон, левым понадобился год. И 120 часов заседания парламента. Правые бешено сопротивлялись принятию PACS. И все-таки 13 октября закон был принят Национальным собранием. Большинством в 315 голосов социалистов, коммунистов и «зеленых» против 245 правых депутатов. Левые, в особенности социалисты, выполняли предвыборные обещания, данные еще в 1997 году. Поддержка избирателей-гомосексуалистов была хотя и не решающим, но существенным фактором, склонившим чашу весов в пользу левой коалиции на тех выборах. Еще весомее оказалась помощь левым со стороны соответствующего лобби в кругах предпринимателей и интеллектуалов. Что ж, сторонники идей Карла Маркса и Владимира Ленина не изменили своему амплуа. Они уже не раз доказывали, что нет такого закона, который они не были бы готовы принять, чтобы подальше удержаться у кормила власти... Не

⁵³ Впрочем, и тела юношей вызывали у Сократа (или пишущего от его лица Платона) весьма бурные эмоции: «Хармид же сел между мной и Критием. И уже с этого мгновения мною овладело смущение и разом исчезла та отвага, с которой я намеревался столь легко провести с ним беседу. Когда же он сделал движение, как бы намереваясь обратиться ко мне с вопросом, я узрел то, что скрывалось у него под верхней одеждой, и меня охватил пламень: я был вне себя» (Хармид. 155cd)

⁵⁴ «В оные дни небожителей царь к Ганимеду-фригийцу страстью зажегся» (Овидий. Метаморфозы. 10,155). См. также: Гомер. Илиада. 20,232.

⁵⁵ См.: Климент Александрийский. Увещание к язычникам. М., 1999. С. 170.

случайно первой против закона выступила французская Католическая церковь. “После этого голосования, — говорится в обращении епископов Франции, — все более насущным становится вопрос, желаем ли мы сохранения в будущем института брака. Желаем ли мы готовить юношество к созданию настоящих семей? Желаем ли мы обеспечить этим семьям возможность выжить, выполнить свою миссию по воспитанию человека — свою незаменимую роль?”. Ответа от политиков священники пока не получили»⁵⁶.

Мы тоже ответа ждать не будем. Просто отдадим себе отчет в том, какое именно «христианское наследие» объявляет отжившим и устаревшим «новый мировой порядок», громко декларирующий свои притязания на приватизацию III тысячелетия. В школах Сан-Франциско первоклашки уже пишут диктанты, в которых вместо традиционного зачина «Жили-были дед да баба», поставлена новая модель «семейных» отношений: «Жили-были Джон с Джеком...».

Вас уже тошнит? Значит, в Вас еще жива христианская культура. Значит, Вы родом из христианского Средневековья. Значит, в «новом мировом порядке» XXI века у Вас будут проблемы.

7. Пейзаж, свободный от демонов

Христианство вернуло людям возможность любоваться небом, звездами, облаками и закатом.

В языческих религиях каждый природный феномен наделялся именем и биографией. А поскольку речь шла все же о природных феноменах, то персонажи этих мифов оказывались столь же вне-моральны, как и природные стихии. Они оказывались по ту сторону добра и зла.

В природно-материальных феноменах язычник видел игру богов между собой (или их любовь, или их вражду). Если некий предмет был в мифологии связан с определенным божеством, значит, при встрече с этим предметом на ум неизбежно приходили воспоминания об этом боге и его деяниях.

Мы сейчас можем просто смотреть на закат и восход. Наши неверующие современники просто любят этим зрелищем, и поэтическое чувство, близкое к религиозному, наполняет их сердца. Люди же верующие при этом произносят хвалу Творцу этой красоты (с радостью осознавая, что позади остались годы нашей собственной немоты перед лицом Творца, — ибо одним из самых несчастных существ на свете является атеист, который, видя красоту заката, не знает, кому сказать: «Спасибо!» за нее).

Мы можем просто смотреть ... потому что мы не верим в египетский миф о богах Восхода и Захода — Шу и Тефнут. В начале времен, - повествует гелиопольская версия египетской мифологии (ок. 2700 г. до Р.Х.) - бог Атум был один. В отличие от традиционных теогоний, в этом зачине у первичного божества нет супруги (что позволяет истолковать этот миф как продвижение на пути к строгому монотеизму). Но люди архаики еще с трудом представляли себе иной способ творения, кроме сексуального: зачатие-рождение. И потому мифотворец, пробуя изложить развитие мироздания из Единого источника, оказывается в затруднении: как же одинокий бог мог родить нечто без супруги? Атум разрешает его недоумение, прибегнув, по выражению американского египтолога, к способу, «противоестественному, хотя и вполне человеческому»⁵⁷. Конкретнее: «Я соединился с моим кулаком, совокупился с моей рукой, упало семя в мой собственный рот, и я выплюнул Шу, я изрыгнул Тефнут (Папирус Бремнер-Ринд)»⁵⁸.

Да, я помню, что есть такие темы, которые у христиан «не должны даже именоваться» (Еф. 5, 3). Но как в области вероучения, «злоба еретиков вынуждает нас совершать вещи недозволенные,

⁵⁶ Гусейнов Э. Женитьба без Фигаро. Левые во Франции выполнили обещанное гомосексуалистам // Известия. М., 1999. 20 октября..

⁵⁷ Антес Р. Мифология в древнем Египте // Мифологии древнего мира. М., 1977, сс.72-73.

⁵⁸ цит. по: Рак И. В. Мифы древнего Египта. СПб., 1993. с. 245.

предпринимать исследования запрещенные; заблуждения других вынуждают нас самих становиться на опасный путь изъяснения человеческим языком тех тайн, которые следовало бы с благоговейной верой сохранять в глубине наших душ» (*Св. Иларий Пиктавийский. О Святой Троице. 2, 2*), так и в области нравственной порой возникает необходимость в разговоре о запретном. Правда, это уже соприкосновение не с областью запредельной чистоты (как это происходит при осмыслении догматического богословия), но взгляд, обращенный в противоположном направлении. Взгляд, необходимый потому, что язычество сегодня настойчиво рекламируют как мышление более «экологически чистое», нежели христианство. Что ж, с древнейших времен христианские апологеты в таких случаях предлагали язычникам поворочить их собственное белье...

Вот и одна из древнейших мифологических систем — угаритская — также связывает половую сферу с появлением заката и восхода. Западные семиты, «хананеи», как явствует из найденного в 1929 г. гимна (его обозначения OУT52 или СТА23 или КТУ1,23), из ритуала плодородия, полагали, что некогда бог Эль приблизился к двум женщинам, которых он пожелал оплодотворить. Те именуют его «отцом» — и это мешает ему, он теряет мужскую силу. Наконец, они зовут его "О жених, о жених, твой жезл опускается, напряжение твоего члена чахнет. Но когда птица зажарится в огне, и когда ты сожжешь ее на углях, две женщины станут супругами Эля, супругами Эля навсегда». После объятия и жара жены рожают Шахар и Шалим. Приносят весть Элю: "Жена, о Эль, родила".- "Кого она принесла мне как ребенка?" -"Шахар и Шалим"». Шахар — это божество Восхода, Шалим — божество Заката⁵⁹.

А отчего звезды движутся по небу, то появляясь, то вновь исчезая? С детских пор нам памятна картинка из школьного учебника истории: египетская богиня неба Нут выгнулась в «гимнастическом мостике» над землей. Изящная картинка. Но оказывается, та же самая богиня Нут в египетской иконографии изображается еще и в виде свиньи и гиппопотама. Связь между этими образами такова: звезды «входят в уста ее в месте головы ее на западе, и она поглощает их. И вот бранился Геб с Нут, ибо он разгневался на нее из-за поедания ею своих детей. Наречено имя ей: «Свинья, пожирающая своих поросят» из-за того, что поглощает она их. И вот отец ее, Шу, возвысил ее и поднял к своей голове и сказал: «Берегись Геба, пусть он не бранится с нею из-за того, что она поглощает порождения свои. Она будет их рождать, они будут жить и будут выходить из зада ее на востоке ежедневно»»⁶⁰. «Под гиппопотамом они разумеют бесстыдство» ((Плутарх. Об Исиде и Осирисе, 32).

Знал бы Кант, что «звезды у него над головой» — это всего лишь извержения богини Нут, он бы смотрел на них менее восторженно...⁶¹

После демифологизации (расколдовывания) мира, которую провело христианство, мы можем спокойно водить своих дочерей на купания, не опасаясь, что духи вод затаянут к себе понравившуюся им невесту...⁶²

⁵⁹ цит. по: La Creation et le Deluge d'apres les textes du Proche-Orient ancien. Supplement au Cahier Evangile, 64. p. 96. Впрочем, и у семитов были версии изначального самооплодотворения божества: «у финикийцев, если верить Филону была похожая картина: кусающий себя змей понимался как космогонический символ: первоначальный дух полюбил свои собственные начала и, соединившись с самим собой, произвел некое илистое начало, из которого уже произошло все» (Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1987, с. 170).

⁶⁰ Цит. по: *Антес Р.* Мифология в древнем Египте // Мифологии древнего мира. М., 1977, сс. 97-98.

⁶¹ «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» (*Кант И.* Критика практического разума. С. 499).

⁶² «В Египте еще в арабское время существовал обычай приносить в жертву Нилу в случае запоздалого или недостаточного его разлива девушку, называвшуюся невестой Нила. И как суданский змей, в аналогичной легенде, получая невесту, дает необходимую для жизни людей воду, так и змей-Нил, получив жертву-невесту, праздновал свой брак и, возвращая жизнь природе и людям, заливал земли своей оплодотворяющей влагой» (Матье М. Э. Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. - М., 1996, с. 184).

После демифологизации, проведенной христианством, мы можем любоваться радугой, видя в ней или просто красоту или знамение Завета Бога и человека⁶³. А в язычестве радуга – знак беды: «По верованиям многих народов, змеи являются виновниками исчезновения различных источников влаги, и в частности дождя, и прекращение дождя в ряде случаев приписывается тому, что его выпила огромная змея. Также сказания раскрывают образ выпивающей дождь змеи: это - радуга, изгибающаяся свое пестрое тело по небу, свободному от выпитого ею дождя»⁶⁴.

После демифологизации проведенной христианством, мы можем радостно смотреть на то, как лучи солнца пробиваются сквозь облака. На уроках природоведения нам рассказали, как возникают облака и почему дует ветер... Но для человека античного склада отношения солнца, облаков и ветра казались загадочными. Солнце разгоняет облака, но и ветер может облаками заслонить лик неба. Почему борются между собой ветер и свет?

Греческий ответ на этот вопрос содержится в мифе о Гиацинте. Гиацинт — мальчик, который стал любовником Аполлона (Аполлодор. Мифологическая библиотека. 1, 3, 3). Но в Гиацинта влюбился и другой бог — бог ветра Зефир. Не встретив взаимности, он решил отомстить Аполлону и Гиацинту. Однажды, когда Аполлон («златокудрый Феб») играл с Гиацинтом и учил мальчика метать диск, Зефир подул, отклонил летящий диск, и тот размозил голову мальчику, из могилы которого и выросли цветы гиацинты (см.: Овидий. Метаморфозы 10, 175–195).

Мы смотрим на Млечный Путь. И опять видим лишь его красоту. Но для грека Млечный Путь — след божественного скандала. Гера, очередная супруга Зевса, знала о его похождениях «на стороне». Плодом одного из таких любовных приключений Зевса стало рождение маленького Гермеса. Гермес был замечательным малышом — и Гера, «увидев однажды дивно прекрасного малютку Гермеса, не удержалась от того, чтобы не накормить его своею грудью. — и только узнав, кого она кормит, с гневом и отвращением отбросила его. Брызнуло молоко богини, разлетелись брызги по небесной тверди: оттого и произошел Млечный Путь»⁶⁵.

Более печальна монгольская легенда о происхождении созвездия Большой Медведицы: «Гессер-богдохану посылаются семь голов, отрубленных у семи черных кузнецов, а он эти семь голов варит в семи медных котлах. Делает из них чаши, оправляет эти чаши серебром. И так из семи голов вышло семь чаш, которые Гессер-богдохан наполнил крепким вином. После этого он поднялся к мудрой Манзал-Гормо, и отдал ей эти чаши, и угостил ее. Но она взяла эти семь чаш из семи голов черных кузнецов и бросила их в небо. И образовали семь чаш созвездие Долон-Обогод (Большую Медведицу)»⁶⁶.

Христианство же сказало, что у звезд нет биографии. Как нет биографии у лампочки. Ни кровь, ни похоть не проступают с небес. «Огромное небо — одно на двоих»: оно для Бога и для человека. Мир прекрасен, и Творцом красота его обращена к человеческому лицу, взгляду, существованию. Можно смотреть на звезды, думая не о войне богов, но о даре Бога.

А человек идет за плугом, И строит гнезда

Одна пред Господом заслуга: Смотреть на звезды (Марина Цветаева)

⁶³ «И сказал [Господь] Бог: вот знамение завета, который Я поставлю между Мною и между вами и между всякою душою живою, которая с вами, в роды навсегда: Я полагаю радугою Мою в облаке, чтоб она была знамением [вечного] завета между Мною и между землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга [Моя] в облаке; и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душою живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти. И будет радуга [Моя] в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом [и между землею] и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле. И сказал Бог Ною: вот знамение завета, который Я поставил между Мною и между всякою плотью, которая на земле» (Быт. 9, 12-17).

⁶⁴ Матье М. Э. Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. - М., 1996, с. 182.

⁶⁵ Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства: Статьи по истории античных религий. СПб., 1995. С. 105.

⁶⁶ Рерих Н. К. Алтай-Гималаи. Путевой дневник. Рига, 1992. С. 252.

8. Христианская демифологизация: путь к науке

Христианство создало необходимые условия для рождения науки. Научная астрономия возможна только при условии, если звезды перестали быть богами. Законы, описывающие падение камня на земле, должны быть приложены к движению звезд. Чтобы решиться на такое и не быть наказанным (подобно древнегреческому философу Анаксагору)⁶⁷, нужно, чтобы общество и господствующая в нем религия согласились в звездах видеть «камни», а не души (или тела или глаза) богов. «Никто, грек он или варвар, не замедлит признать, что Солнце и Луна — боги, и не только они, но еще и пять светил, которые обычно люди называют блуждающими», - полагал Апулей (*Апулей*. О божестве Сократа: 2). Но нашлись люди, переступившие табуированную черту. Это были христиане.

Под возмущенные крики языческих мудрецов («Отрицая разумность светил они препятствуют постижению истины» - Плотин. Эннеады 2,9,5), Церковь возгласила: «Кто говорит, что небо, солнце, луна, звезды, воды, которые выше небес, суть существа одушевленные и некоторые разумно-вещественные силы, — да будет анафема» (6-й анафематизм Собора 543 г.)⁶⁸. Эта анафема на Востоке, равно как и осуждение авероистов 7 марта 1277 г. парижским епископом Этьеном Тампие на Западе (п. 92 этого постановления возглашал анафему учащим, будто «небесные тела движутся внутренним принципом, каковой есть душа; они движутся подобно живому существу именно душой и ее устремленностью: потому как животное движется, поскольку стремится к чему-то, так движется и небо») расчистило дорогу научному миропониманию⁶⁹.

Научная астрономия появляется там, где движение звезд описывается не на языке психологии, а на языке математики, то есть на языке, не знающем страстей — зависти, ревности, любви...

Если прав Фалес, и «все полно богов» (*Аристотель*. О душе. 1,5, 411a7), причем «всякий из них заботится о доверенном ему: или молнии метнуть, или облака озарить и все прочее» (*Апулей*. О божестве Сократа. 5), то исследование сути вещей должно быть исследованием божеств, т.е. теологией. Чтобы физика освободилась от мифологии, ссылки на интриги и желания богов («все это делается волею, властью и благоволением небожителей» [Там же]) должны быть устранены из общепринятой картины мира. Самим физикам это не под силу.

Только религия Единого Бога смогла освободить мир от чрезмерного обилия богов. Только религия Надзвездного и Надкосмического Бога могла поставить по одну линию мир звезд и мир земных камней (тем самым позволив описывать небесные движения языком земной механики). Только религия Логоса, ставшего плотью, могла позволить на языке математики (языке идеальных чисел и форм) описывать процессы, происходящие в мире физическом (где не бывает ничего идеального).

Наконец, только поверив в то, что Бог есть Любовь, можно было перешагнуть через скептицизм и начать изучение мира в дерзкой уверенности, что книга Вселенной написана на языке человеческой математики⁷⁰.

⁶⁷ «Анаксагор говорил, что солнце – огнистая глыба, и оттого-то ждала мудрого смертная казнь. Вызволил друга Перикл, но тот, по слабости духа, сам себя жизни лишил – мудрость его не спасла» (*Диоген Лаэртский*. Жизнеописания философов. 2,3.)

⁶⁸ Слово императора Юстиниана, посланное к патриарху Мине против нечестивого Оригена и непотребных его мнений. // Деяния Вселенских Соборов. Т. 3. СПб. 1996, С. 537.

⁶⁹ «Осуждения парижским епископом Э. Тампье авероистско-томистских тезисов дало импульс для выдвижения новых подходов к познанию мира» (Визгин В. П. Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки нового времени // Философско-религиозные истоки науки. М., 1997, с. 117).

⁷⁰ «Другой вид достоверности получается тогда, когда мы думаем, что вещь не может быть иной, чем мы о ней судим. Такого рода уверенность основана на несомненном метафизическом положении, что Бог — Всеблагий Источник истины и что, раз мы созданы Им, то способность отличать истинное от ложного, которую Он нам даровал, не может вводить нас в заблуждение, если только мы правильно ею пользуемся... Такова достоверность математических доказательств» (*Декарт Р.* Первоначала философии // Сочинения. М., 1989. Т. 1. С. 421.

И более, чем когда-либо, христианство нуждалось в рождении не-мифологической картины мира в эпоху Реформации, в XVI–XVII вв. В средние века шло постепенное вытеснение привычных языческих способов описания природных феноменов более прозаичными объяснениями. Оказывается, магнит притягивает железо не в силу взаимной симпатии их душ, а теми энергиями, которые истекают из него, повинувшись закону, установленному Творцом. Но это вытеснение окончилось на Западе огромным срывом, неудачей: в эпоху Возрождения вновь магия, алхимия, астрономия, оккультизм ворвались в область высокой культуры и стали считаться допустимыми способами миропонимания. В ответ Западная церковь, пробужденная пощечиной Реформации, ответила «охотой на ведьм», инквизицией и... поддержкой механистической картины мира. Научная картина мира была поддержана Церковью, остро нуждавшейся в союзнике для борьбы с общим врагом — оккультизмом.

В общем, в истории мы обретаем неоспоримый факт огромного значения: место рождения научной картины мира хорошо известно и четко локализовано как в пространстве, так и во времени. Научная революция произошла в Западной Европе на рубеже XVI–XVII вв. Не в эпоху атеизма (XVIII в.), не в эпоху пренебрежения религиозными вопросами (XV в.), не в эпоху религиозной стабильности (XIII в.), а в эпоху Реформации и Контрреформации, в эпоху величайшего взлета религиозной напряженности в жизни христианской Европы родилась наука.

И не надо говорить, что, мол, творцы новой научной картины мира «опередили свой век» и поднялись над «религиозным фанатизмом толпы».

Николай Коперник был племянником епископа, управляющим хозяйством епархии, членом епархиального совета.

Кеплер три года учился на богословском факультете Тюбингенского университета, но его, помимо его воли, избрали преподавателем математики в Граце. «Для Кеплера такое решение означало крах всех его многолетних надежд. Он не мог себе представить, что дорога к карьере священника для него отныне закрыта, но тем не менее вынужден был подчиниться. Но глубокая религиозность и стремление «согласовать» науку со своим выстраданным и искренним представлением о Боге остались характерными для всей его жизни»⁷¹. «Я хотел быть служителем Бога и много трудился для того, чтобы стать им; и вот в конце концов я стал славить Бога моими работами по астрономии... Я показал людям, которые будут читать эту книгу, славу Твоих дел; во всяком случае, в той мере, в какой мой ограниченный разум смог постичь нечто от Твоего безграничного величия» (Иоганн Кеплер)⁷².

Галилей в 14 лет поступил послушником в орден иезуитов, «однако отец Галилея вовсе не желал видеть своего сына монахом и забрал его домой под предлогом того, что тот нуждается в лечении глаз»⁷³.

Лейбниц (кто забыл – это создатель системы дифференциального исчисления) свой главный труд посвятил «теодицее» — «оправданию Бога»⁷⁴.

Ньютон писал толкования на библейские книги прор. Даниила и ап. Иоанна Богослова⁷⁵.

Декарт (кто забыл – это создатель т.н. «декартовой системы координат») получил образование в иезуитском колледже, цитадели антиоккультизма»⁷⁶ и в переписке с богемской принцессой Елизаветой защищал католичество⁷⁷.

⁷¹ См.: Кирсанов В. С. Научная революция XVII века. М., 1987. С. 103.

⁷² Цит. по: Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 85.

⁷³ См.: Кирсанов В. С. Научная революция XVII века. С. 150.

⁷⁴ См. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Сочинения в 4 томах. Т. 4. М., 1989.

⁷⁵ См. Дмитриев И. С. Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи. Спб., 1999.

⁷⁶ Гайденко П. П. Христианство и генезис новоевропейского естествознания // Философско-религиозные истоки науки. М., 1997, с.61.

⁷⁷ Декарт Р. Сочинения т.2. М, 1994. Сс. 489-541.

Химик Бойль (не забыли «закон Бойля-Мариотта»?) пользу от занятий научными исследованиями видел в привлечении разума исследователя для борьбы с чувственными страстями: "Кто может заставить малейшие случаи в собственной жизни и даже цветы своего сада читать ему лекции по этике и теологии, тот, мне кажется, вряд ли будет испытывать потребность бежать в таверну"⁷⁸.

Религиозные мысли Блеза Паскаля, создателя первой механической вычислительной машины, уже были цитированы выше...

И в противостоянии оккультизма и христианства наука оказалась на стороне Церкви, а Церковь — на стороне науки.

Чему противостояли Церковь и наука? Вот наисовременнейший образчик оккультно-розенкрейцерских космогоний: «Сатурн был первородным сыном Сириуса и братом-близнецом Урана. Но яркий Уран уявился Владыкой солнечным и стал соперником Сатурна. Сатурн оявился потом самым блестящим и страстно напряженным Солнцем, много обширнее Урана, в силу поглощения им многих солнц, комет и лун. Он стал самым прекрасным солнцем, но пустоцветом, из-за отсутствия в нем космического магнетизма, который необходим для правильного развития солнечной системы. И он был смещен Ураном. Люцифер имел в своем организме все особенности состава Сатурна и яро развил мощь уплотнения тонких оболочек. Тем самым он способствовал развитию интеллекта и уявился на гордыне, стал мощным соперником Урана. Но Уран обладал высшими вибрациями и приобрел высшее знание. Солнечный Иерарх Урана вместе с Люцифером оявились на Земле — и Уран стал соперником Люцифера. Он оявился на призыве нового Солнца, ставшего центром нашей солнечной системы, — и Сатурн должен был отойти»⁷⁹.

Да, по мере вытеснения христианства из общественной, культурной, университетской жизни старые тени вновь начали сгущаться. Астральные мифы, оккультизм, и, вслед за ними, гомосексуализм⁸⁰ снова вернули себе прописку в высокой европейской культуре. Снова модно сливать все религии в одну, вовлекая христиан в языческие игры⁸¹.

⁷⁸ Косарева Л. М. Генезис научной картины мира. М., 1985, с. 44.

⁷⁹ Рерих Е. И. Письмо в Харбин, полученное там 17. 11. 1953. // Рерих Е. И. Огонь неопалюющий. М., 1992. С. 76–77.

⁸⁰ «Ледбитер лично интересовался судьбой своих подопечных, и рядом с ним, как правило, находились один-два юных мальчика, доверенных ему родителями на воспитание. Эти мальчики и стали причиной его краха. 25 января 1906 г., когда Ледбитер был на пике популярности в Теософском Обществе, миссис Хелен Деннис из Чикаго, мать одного из любимцев Ледбитера — Робина Денниса, написала Анни Безант письмо, обвинив ее партнера в том, что тот учит мальчиков мастурбировать под видом оккультных упражнений, и намекнув, что эта мастурбация — только прелюдия к удовлетворению гомосексуальной похоти. Один мальчик сказал по этому поводу: "Думаю, что хуже всего в этом то, что он каким-то образом заставил поверить меня, что все это — теософия"... Когда миссис Безант спросили, почему же ее оккультные способности не предостерегли ее против Ледбитера, она неудачно сослалась на тот факт, что сама Е. Блаватская некогда пригласила Оскара Уайльда вступить в Теософское общество, не заподозрив о его увлечении юношами. Если даже Блаватскую подвели оккультные способности, спрашивала Анни Безант, то почему ее собственные силы должны быть непогрешимыми?.. В течение нескольких Безант вместе с Ледбитером регулярно по ночам посещала Учителей в астральном теле. С этими визитами было связано много важных моментов, поскольку все серьезные решения в Теософском Обществе должны были получить одобрение Учителей. Анни часто ссылалась на эти санкции. Но согласно теософской доктрине. Посвященными могли стать только люди, чистые сердцем и телом; а общаться с Учителями могли только Посвященные. Если Ледбитер был грешен, он не мог стать Посвященным, а если он не был Посвященным, то никаких визитов к Учителям быть не могло. Что же тогда означали красочные воспоминания Анни о совместных с Ледбитером беседах с Учителями?! Ледбитер утверждал, что разъяснением сексуальных вопросов он намеревался сохранить целомудрие своих подопечных, перенаправить их эротическую энергию на более высокий духовный план и освободить их от чувства вины. Осудив Ледбитера,.. Олькотт вскоре пожалел о своем поспешном решении, и Братство Учителей единодушно призвало его раскаяться. Кут Хуми, Мория и Серапис являлись к постели больного не только, когда он был один, но и в присутствии Анни, миссис Руссак и мисс Ренда. Учителя советовали Олькотту простить Ледбитера и даже продиктовали ему письмо, которое можно назвать шедевром уклончивости и туманности» (Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритуализм Америке. М., 1998, сс. 146-149).

⁸¹ Случай из жизни: "православный" целитель настойчиво советует православному пациенту практиковать уринотерапию (лечение мочой). В ответ на робкое возражение пациента — « Мне батюшка в церкви не разрешил пить мочу, говорит, что

Тревожнее же всего то, что разговоры о религиозном плюрализме и терпимости вновь начинают вестись с такими стальными интонациями в голосе, что христиане ощущают себя на пороге новых гонений⁸².

Это еще один урок христианства: умение жить, строить, работать, даже если знаешь, что твоя святыня будет разрушена. Это урок эсхатологической этики. Мы знаем, что однажды мы станем совсем чужими для мира официальной и массовой культуры. Знаем, что мраком застлан горизонт человеческой истории (имя этому мраку в христианском богословии — «царство антихриста»). Но это не повод для отчаяния и капитуляции. К каждому из христиан обращен совет мудрого Остромысла из сказки К. Льюиса «Последняя битва»: «Я был с ним в его последний час, и он дал мне поручение к Вашему Величеству — напомнить Вам, что миры приходят к концу, а благородная смерть — это сокровище, и каждый достаточно богат, чтобы купить его»⁸³.

ЕСЛИ БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

Как сравнивать веры?

Приступая к изучению истории религии, надо быть готовым сделать одно, может быть, неприятное открытие. Надо открыть и признать, что религии действительно и всерьез различны. Когда все вокруг твердят, что «все религии совершенно равнозначны и пути познания вечной Истины едины»⁸⁴ и разные религии суть всего лишь разные пути к одной и той же Цели, что разница между религиями лишь в некоторых обрядах, но по сути они все учат одному и тому же — то нужна некоторая самостоятельность мысли и зоркость зрения, чтобы заметить, что мода все-таки ошибается. Религии — различны.

В IX в. до Р. Хр. ассирийский правитель Ассурнаширпал II описывает свои деяния: «Добравшись до города, где правил Хуллайя, я послал все свои войска на штурм, в жестокое сражение, и я победил. Во время битвы погибли шестьсот солдат противника. Я бросил в костер и сжег три тысячи жителей, ставших моими заключенными, не оставляя никого в заложники, но не стал убивать самого Хуллайя. Я разложил на земле их трупы, и я принес там в жертву их юношей и девушек. С Хуллайя я заживо содрал кожу и растянул ее на крепостной стене города Дамдаммуша, который я разрушил и предал огню»⁸⁵. Такие жертвоприношения были традицией. В VII веке до Рождества Христова другой ассирийский властитель Ашшурбанапал так описывает свою религиозную деятельность по умирению великих богов, оскорбленных тем, что народ их недостаточно почитал: «Мой дед Синаххериб был закопан, в жертвоприношение ему, закопал я этих людей живыми. Их плоть скормил я псам, свиньям, воронам, орлам. Совершив эти дела и так умиротворив сердца великих богов, моих владык»⁸⁶.

И традиция, свидетельства которой только что приведены – это традиция религиозная, а, значит – духовная.

это грех и язычество» - «целитель» терпимо отвечает: «Батюшка не совсем прав. Можно применять урину, надо только чтобы она протекла по кресту или иконе».

⁸² О грядущих гонениях на христиан – моя книга «О нашем поражении» (М., 1999) и глава «Окультурный коммунизм» в первом томе книги «Сатанизм для интеллигенции» (М., 1997).

⁸³ Льюис К.С. Хроники Нарнии. М., 1993. С. 452.

⁸⁴ Мурашкина Т. И. Защитим Великие Имена Рерихов и Е. П. Блаватской // Новая эпоха. Проблемы. Поиски. Исследования. М.,-Рига, 2000, № 1 (24), С. 10.

⁸⁵ Цит. по: Боттеро Ж. Рождение Бога. Библия через призму истории. М., 1998, с. 76.

⁸⁶ цит. по: Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. - М.,1995, с. 260. Справедливости ради замечу, что это время глубокого кризиса шумеро-вавилонской религиозной традиции, когда в ней усиливается влияние оккультно-магических практик и верований.

Можно ли сказать, что это лишь обрядовая разница с той религией, которую в те века начинал исповедовать соседний народ, народ Израиля? Его пророкам Бог говорил: *Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся* (Ис. 58, 6 — 7).

Так что — путь Исаяи и путь Ашшурбанапала — это разные пути к одной и той же Цели? Рериховка закликает: «Но мы с вами знаем, что в основе каждой религии лежит высочайшая нравственность ее основателя»⁸⁷. Полно-те — честнее было бы сказать не «знаем», а «верим». Если же действительно *знать* историю религий с ее зачастую страшными страницами, то от практики и верований очень многих религий будет невозможно умозаключить к «величайшей нравственности» их основателей...

Религии все-таки действительно различны. Эти различия надо замечать, сопоставлять, и — оценивать.

Именно последнее вызывает наибольшее недоумение у современного светского сознания. Разве можно оценивать религии по шкале «хуже-лучше», «выше-ниже», «совершеннее-примитивнее»? Разве все религии не одинаково ценны с духовно-нравственной точки зрения? Не будет ли проявлением нетерпимости и шовинизма отдать предпочтение одной религии перед другими, пусть даже весьма отличными? Как можно сравнивать религии между собой? Каждый народ и каждая эпоха выбирают себе формы религиозной жизни, которые им по размеру и по вкусу. Корректно ли называть религию европейцев более высокой и совершенной, чем религия японцев? Или споры между религиями о том, какая из них истиннее всего — лишь споры между поклонниками смокингов и сторонниками джинсов? Разные люди выбирают разную одежду. Это только естественно. Кто возьмется доказывать преимущество джинсовой пары перед костюмной тройкой, или же выявлять недостатки спортивного стиля по сравнению с вечерними платьями?

Разные стили и модели одежд можно было бы сравнивать и выставлять им оценки по шкале «лучше — хуже» лишь в том случае, если бы у нас было ясное представление об «идеальной одежде». Тогда можно было бы сказать: поскольку вот именно этот вид одежды по таким-то параметрам не соответствует образу идеальной одежды, мы имеем право сказать, что этот стиль несовершенен.

Так и в мире религии можно оценочно сопоставлять религии лишь в том случае, если у нас есть некоторое представление о том, какой могла бы быть идеальная религия. Можем ли мы представить такую, идеальную религиозную формулу?

Как ни странно — да. Чтобы это осознать, даже не нужно становиться лично религиозным человеком. Можно считать, что Бога вообще-то нет, и что религии не более чем попытки человеческого религиозного ума мыслить об Абсолютном. И вот так, “со стороны”, взглядом не богослова, а “религиоведа” можно посмотреть на многообразие религиозных учений и заметить: религии в схожих словах и образах говорят о Непостижимом и Беспредельном. Конечно, это всё человеческие слова и проекции человеческих представлений на Непознаваемое. Любая такая попытка “проекции” человеческого на Сверхчеловеческое есть определенная дерзость.

Но разные религии решаются разные человеческие свойства “узнать” в Абсолютном бытии. Некоторые решаются признать в Божестве — Разум. Некоторые — Действие. Некоторые — Закон. Некоторые — Силу. И вот, предположим, что мы встречаем двух проповедников, один из которых говорит: “Я в Боге вижу Творца, Вечный Вселенский Разум, Владыку и Судию...”⁸⁸. А второй

⁸⁷ Мурашкина Г. И. Защитим Великие Имена Рерихов и Е. П. Блаватской // Новая эпоха. Проблемы. Поиски. Исследования. М., -Рига, 2000, № 1 (24), С. 10.

⁸⁸ Для Платона Бог есть прежде всего Разум: «Пусть у нас мерой всех вещей будет главным образом бог гораздо более, чем какой-либо человек, вопреки утверждению некоторых. Поэтому кто хочет быть любезным богу, непременно должен

дополняет: “Да, вы правы, все это можно и должно сказать о Боге. Но я бы дерзнул добавить еще одно имя к тем, что вы назвали... Еще Бог есть Любовь...”.

И какую же из этих двух предложенных концепций следовало бы признать более высокой, более человеческой (хотя это слово здесь звучит несколько парадоксально), более гуманной?

Даже человеку, который не отождествляет себя ни с какой из религиозных традиций, при изучении многообразия религиозных мнений становится очевидно, что формула «Бог есть любовь» — высочайшая из всех возможных человеческих представлений о Божестве.

Но раз это так — значит, мы подобрали ключ к решению исходной проблемы религиоведения. Теперь мы знаем, на каком именно основании можно сравнивать религиозные учения между собой. У нас появился тот идеал, с которым можно соразмерять реальные исторические религии. С мерилom «Бог есть любовь» мы можем подходить к разным религиозным течениям и как лотом замерять их реальную глубину. По поверхности реки трудно определить, где у нее глубины, а где отмели. Но лот поможет отметить: тут мель, тут поглубже. А вот здесь судоходный фарватер...

Два запроса будут посылааться нами в исследуемую нами глубину и на эти два запроса мы будем ждать ответ.

Первый из них — есть ли в данной религии понимание того, что Бог есть любовь. Если же эта формула отсутствует — отсутствует ли она там лишь в силу каких-то случайностей (скажем, ее просто не успели произнести авторитетные в этой традиции тексты и учителя), или же она в принципе невозможна в этой традиции и логически несовместима с ее исходными посылками.

Второй же вопрос — если эта формула исторически есть (или хотя бы логически допустима) в данной традиции, то как именно понимает ее эта традиция.

Работа шамана

Начнем наш опрос с религии, которую принято считать наиболее архаичной: с шаманизма. Можно ли сказать, что с точки зрения шаманизма Бог есть любовь? — Нет.

Дело в том, что в шаманизме нет вообще представления о Боге. Есть духи: духи тайги, духи тундры, духи зверей, духи предков... Шаман «работает» с этими духами, связывает их волю (или влияет на нее) своими магическими заклинаниями. Восходя или нисходя по «мировому дереву», шаман получает доступ в мир духов. Если магические знания шамана полны и сильны, то он подчиняет встреченного духа своим заклинаниям, а его энергию обращает на служение той цели, ради которой шаман и совершал свое мистическое путешествие.

Как это характерно для мира магии и колдовства, не расположение сердца и не взаимная любовь важна для успешного «контактирования», но правильное воспроизведение заклинаний и ритуалов. Здесь не стоит вопрос о том, любит ли шаман духа или любит ли дух шамана.

Магические техники действуют сами по себе. Тот мир духов, с которым общаются шаманы (как старые, так и новейшие — «экстрасенсы») готов отозваться на любую кличку, на любой жест внимания — лишь бы человек вошел с ним в контакт. К. Леви-Стросс приводит пример туземца из племени квакиютль (район Ванкувера в Канаде), который решил разузнать секреты шаманского искусства. Он согласился пройти все инициации, и шаманы поделились с ним своим мастерством. Наихудшие подозрения подтвердились — в центре шаманской практики стояла симуляция. Например, скептика научили “пользоваться пучком пушинок, которые шаман прячет в угол рта; в нужный момент он,

насколько возможно ему уподобиться. В силу этого кто из нас рассудителен, тот и любезен богу, ибо подобен ему» (Платон. Законы 716а).

надкусив язык, или вызвав кровотечение из десен, выплевывает окровавленный комочек и торжественно преподносит его больному как болезнетворное тело, извлеченное во время высасываний и прочих совершенных шаманом манипуляций”. Однако вскоре скептика самого понудили практиковать эти ритуалы — и каково же было его изумление, когда при всем своем неверии в эти обряды, он сам стал источником целого ряда исцелений⁸⁹.

В ряде случаев исход контакта определяется просто борьбой воли, столкновением сил шамана и духов. Когда нивхи просят шамана помочь больному, а тот по какой-то причине отказывается, то просители силой берут его бубен и колотушку, идут в дом больного и начинают шаманить сами. Духи, услышав знакомый призыв, собираются, и шаману ничего не остается, как соглашаться камлать, дабы избежать неприятных объяснений с вызванными зря духами⁹⁰. Причиной болезни всегда являются сами духи. Вопрос только в том — кто именно из них и из какой они сферы (дело в том, что по представлениям шаманов вредить могут в равной мере и духи из мира надземного, и духи подземелья)⁹¹. При начале камлания шаман созывает своих духов-помощников, чтобы затем уже вместе справиться с тем духом, что вызвал болезнь пациента. Сначала «шаман выходил на улицу, чтобы впустить в себя своего главного духа-помощника. Возвращался он совершенно другим человеком: рычал, косился на людей, брыкался, пока помощники надевали на него плащ с ремнями и шапку. По объяснению собравшихся, происходило это потому, что камлавший в тот вечер шаман был еще начинающим; с годами же шаманы «овладевают» своими духами и бьются меньше». С этими рычащими, сердитыми и капризными духами и живет шаман, то подчиняясь их воле, то подчиняя их себе. Но о Боге здесь не вспоминают. О Боге как о Едином Источнике всего бытия шаманизм не знает. Поэтому формула «Бог есть Любовь» для шаманизма оказывается беспредметной.

Боги, заслонившие Бога

И в классическом язычестве, в греко-римской религии мы не найдем убеждения «Бог есть Любовь». Понятие о Едином Боге здесь как будто присутствует. Но греки не случайно слово «бог» считали происходящим от глагола — бежать⁹². Единый Бог безымянен и недоступен. К Нему не стоит обращаться с молитвами.

Даже философы лишь теряются в своих попытках нащупать Первоначало. Вода или Огонь, Воздух или Беспредельное (Апейрон), Форма форм или Идея идей... Но все же то бытие, что может быть названо Источником всего, Единым и Подлинно-Сущим, оказывается вне олимпийской религии.

Зевс, глава олимпийского пантеона, не есть Бог в высшем смысле этого слова. Это бог, а не Бог. В «Федре» Платон дает такую богословскую зарисовку: Небо («бесцветная, без очертаний неосязаемая сущность, подлинно сущая, зримая лишь уму — то, что за пределами неба») вращается, вокруг него во главе с Зевсом идут боги, питающиеся центральным светом. «Мысль бога питается умом и чистым знанием, созерцая подлинное бытие». Как видим, Зевс — не Бог в монотеистическом смысле. Он сам живет причастием. О Творце же и говорить бессмысленно – «творца и родителя этой Вселенной

⁸⁹ см. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983, сс. 154-156.

⁹⁰ Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. — М., 1973, сс. 448-449.

⁹¹ При изложении верований шаманизма я следую книге А. Б. Зубова «История религий. Кн. 1. Доисторические и внеисторические религии. Курс лекций» (М., 1997, сс. 302-309). См. также: Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. — Киев, 1998; Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. — М., 1996.

⁹² «Бог убегает от быстроты приближающегося к Нему ума, всегда предупреждает всякую мысль, чтобы мы в желаниях своих простирались непрестанно к новой высоте» - св. Григорий Богослов. Похвала девству. // Творения. т. 2. Спб., 1994, с. 133. См. также т. 1. с. 440. См. также Тертуллиан. К язычникам. 2,4; Евсевий Кесарийский. Евангельское приуготовление. 11,19. Эта этимология – хотя и с иным объяснением - восходит к Платону (Кратил 397d): “Первые из людей почитали только тех богов, которых и теперь еще почитают многие варвары: Солнце, Луну, Землю, Звезды, Небо. А поскольку они видели, что все это всегда бежит, совершая круговорот. Вот от этой-то природы бега им дали имя богов”.

трудно отыскать, а если мы его и найдем, о нем нельзя будет всем рассказывать» (Тимей 28с)⁹³.

Зевс, не являющийся ни творцом мира, ни творцом людей⁹⁴, оказался владыкой Олимпа и мира. И, значит, нет оснований считать Зевса Богом как Источной причиной бытия, равно как и нет оснований видеть в нем Источник той любви, что привела к появлению людей.

Если же даже в верховном божестве нельзя увидеть ту Любовь, «что движет солнце и светила»⁹⁵ то тем менее у нас оснований прилагать формулу «Бог есть любовь» к божествам меньшего ранга.

Зло может придти оттуда, откуда человек ожидал помощи. И потому, по выводу А. Ф. Лосева, религиозное чувство римлян остается «очень осторожным, маловерчивым. Римлянин не столько верит, сколько не доверяет»⁹⁶ своим богам. Греки в этом отношении мало отличались от римлян: «Понятие любви к богу отсутствует в древнегреческом лексиконе»⁹⁷.

Принципиальную вне-моральность богов можно отметить и в вавилонском пантеоне: «Ясно, что термин «теодицея» в строгом смысле слова применительно к вавилонской религиозной мысли едва ли уместен: прежде всего по той простой причине, что вавилонские боги не всеблаг и не всемогущи (хотя бы в силу их множественности)»⁹⁸. То, что эти боги создали людей, совсем не было даром. Не по любви к людям они создали нас. Мардук творит космос (из трупа своей бабушки Тиамат) не потому, что он желает, чтобы другие существа испытали радость соучастия в бытии. Он решает частную и своекорыстную задачу: дать богам такие заботы, чтобы они не подумали свергнуть с трона его самого. И когда совет богов решает создать людей — то он решает при этом опять же свои сугубо «внутренние» проблемы. Вавилонские боги творят людей, чтобы те работали вместо них, чтобы они буквально были их рабами. Боги, доселе работавшие на рытье каналов, просят: «Да создаст праматерь род человеков, бремя богов на него возложим,.. труд богов поручим человеку,.. корзины богов носить человеку!»⁹⁹. Человек создан для того, чтобы вместо богов вести труды по благоустройству космоса.

Один из шумерских мифов вообще полагает, что человек создан в пьяном разгуле богов: «Энки устроил пир... На пиру Энки и Нинмах выпили лишнего и решили развлечься. Нинмах взяла немного глины и слепила шесть уродов, а Энки завершил ее труд: он определил им судьбы и «дал им вкусить хлеба». Что собой представляли первые четыре урода, трудно понять; пятой была бесполоя женщина, шестым существо, лишенное пола... далее следует столько пропусков, что разобрать смысл невозможно»¹⁰⁰.

Кроме того, не будем забывать, что языческие боги суть олицетворения стихий природы. Природные же силы и процессы в принципе аморальны. В их осуществлении нет категории цели, а значит, они сами не могут придать смысла своей деятельности, и не могут дать ей оценку. Они просто действуют — и все. Можно ли сказать, что гроза есть любовь? — Нет. Но, значит, и о богах-

⁹³ Свт. Григорий Богослов, процитировав эти слова Платона, даже еще более ужесточает их смысл: Бога «изречь невозможно, а уразуметь еще более невозможно» (Слово о Богословии, 1). Но, впрочем, тезис о Божией непостижимости доводится Святым отцом до предела затем, чтобы сказать, что Сам Бог все же «посредством излиятий и передаваний Света» входит в нашу жизнь» (Творения. Т.1. Спб., 1992, сс. 393 и 413)

⁹⁴ Крон, а не Зевс творец людей: «Создали прежде всего поколение людей золотое вечно живущие боги, владельцы жилищ олимпийских. Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба...» (Гесиод. Труды и дни, 109-111).

⁹⁵ Этот знаменитый образ Данте позаимствовал у Боэция – «О род людской, будешь счастлив, коль любовь, что движет небо, станет душами людскими править» (Боэций. Утешение философией 2, 9). Данте их цитирует в «Монархии» (1,9) и перелагает в заключительной строчке «Божественной Комедии».

⁹⁶ Лосев А.Ф. Эллино-римская эстетика I - II веков. М. 1979. сс. 35-37. Ср. слова китайского мудреца Конфуция: «Отдавать все силы служению людям, почитать духов и держаться от них в отдалении – это и есть мудрость» (Цит. по: Малявин В. В. М., 1992, с. 202).

⁹⁷ Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. Спб., 2000, с. 60. Это представление, однако, оспорено в статье: Шайд Дж. Римская религия и духовность // Вестник древней истории. М., 2003, № 2.

⁹⁸ Ключков И. С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. - М., 1983, с. 115.

⁹⁹ Сказание об Атрахасисе, 175-190 // Афанасьева В. К. Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. М., 1981.

¹⁰⁰ Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1991, сс.119-120.

громовержцах (славянском Перуне, греческом Зевсе, древнеарийском Варуне) нельзя сказать, что они есть любовь. Можно ли сказать, что море любит человека? — Нет. И, значит, формула «Нептун есть любовь» столь же неуместна. Можно ли сказать, что солнце любит человека? Да, конечно, солнце — источник жизни. Но солнце может и убивать. Это прекрасно знали жители Египта, чья жизнь всегда находилась под угрозой пустынь и солнца. И потому об их солнечном боге Ра также нельзя сказать, что «Ра есть любовь».

Отсюда происходит коренное убеждение всего язычества (как древнего, так и новейшего), что пути добра и зла нераздельны. Как природа не различает созидание и разрушение, добро и зло, жизнь и смерть, свет и тень — так и людям, постигшим тайну вещей, не следует тратить время на эти иллюзорные различия: «Путь вверх и путь вниз — один и тот же»... «Какверху — так и внизу»¹⁰¹. Даосы выразили это убеждение, неизбежно присущее всякому натуралистическому сознанию (то есть сознанию, не понявшему тайну надприродного, личного, свободного и трансцендентного Божества) в своем знаменитом черно-белом знаке, уверяющем, что не бывает добра без зла и зла без добра.

Вернемся к вопросу о том, каково было отношение вселенной к египтянам: дружественным, враждебным или безразличным. Как настроены по отношению к нам другие люди: дружественно, враждебно или безразлично? Ответ таков: специально никак не настроены, но заинтересованные в нас существа относятся к нам дружественно или враждебно в зависимости от того, совпадают их интересы с нашими или противоречат им; незаинтересованные существа относятся к нам равнодушно. Дело сводится к тому, каковы интересы данной силы и каково ее расположение к нам в данный момент. Солнце согревает и этим дает жизнь, но оно же, сжигая, может уничтожить жизнь, или же, скрывшись, убить холодом. Нил приносит жизнь, но необычно низкий или необычно высокий Нил несет разрушение и смерть¹⁰². И о каждом боге, даже самом симпатичном, какой-нибудь миф все равно расскажет какую-нибудь гадость. Даже Гор — спаситель Осириса и благодетель людей — однажды отрубает голову своей матери Изиде...¹⁰³ Арийский Индра убивает своего отца («Ты уничтожил отца, схватив его за ногу» — Ригведа. IV,18,12). Оттого-то — «Осознавая нравственную нестабильность своих богов, индуистские теоретики заботливо предупреждают всех «небогов», чтобы они их не осуждали, но и ни в коем случае не подражали им, т.к. те живут по особым законам и им позволено то, что не дозволено простым смертным (Бхагавата-пурана. X,33.30-35)»¹⁰⁴.

Если о каком-либо боге или герое языческих мифов и можно сказать, что от него к людям направлена только любовь, то все же нельзя не заметить, что это отнюдь не первенствующий член пантеона. Любовь есть частное и совсем необязательное проявление сонма бессмертных в мире людей. В язычестве можно найти бога, любящего людей, Но там нет Бога, о котором можно было бы сказать, что Он (не он, но — Он) любит людей.

Могут ли закон или энергия быть субъектом любви?

Язычество Дальнего Востока имеет не более оснований, нежели язычество Средиземноморья, сказать, что “Бог есть любовь”. Высшее начало мироздания здесь называется Дао. Дао — это Закон. Он правит, но ничего не желает. Он всем управляет, но не ставит никакой цели. Он проявляет себя в мире людей, но люди для него не более чем предмет воздействия, или как говорит китайский текст

¹⁰¹ Блаватская Е. П. Тайная Доктрина. Т. 2, Рига, 1937, с. 630. Между прочим, оккультная и фашистская свастика, зримо демонстрирующая равенство всех направлений, имела и значение, указующее на фундаментальное оккультное убеждение в равенстве “верха” и “низа”. См. Воробьевский Ю. Мистика фашизма. // Россия. 12-18 апреля 1995.

¹⁰² Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984, с. 77.

¹⁰³ см.: Спор Гора с Сетом // Матье М. Э. Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. М., 1996. с. 258.

¹⁰⁴ Шохин В. К. Из истории русского индологического религиоведения второй половины XIX века // Религии мира. Ежегодник-1985. М., 1986, с. 233.

четвертого века до нашей эры, для вселенной человек, “если сравнить его с тьмой вещей, похож на кончик волоска лошадиной шкуры” (Чжуан цзы, 17)¹⁰⁵. И сколь странно выглядело бы утверждение о том, что “третий закон Ньютона любит людей”, столь же странно выглядело бы и утверждение о том, что Дао любит людей. Таблица умножения не испытывает любви к нам. И аналогично не стоит приписывать это чувство всемирному закону Дао.

В языческом мышлении вообще вполне уместно убеждение, согласно которому Бытие и Вселенная не столько любят человека, сколько болеют человеком. Если человек преступает законы природы — природа его просто устраняет, безмолвно и бесстрадательно стирая непослушный нарыв со своего спокойно-бесстрастного тела, столь гармонично сочетающего процессы созидания и разрушения...

Кроме того, естественная философская логика требует подчеркнуть Непостижимость Высшего бытия. Как и любая философия вне Откровения, китайская мысль ищет очистить мышление о Дао от всех положительных характеристик. И делает это, пожалуй, даже слишком настойчиво: эта напряженная забота о том, чтобы оградить Высшее от усилий человеческого познания и именованя, мешает поставить другой вопрос - а точно ли Высшее желает быть только непостижимым и точно ли Оно желает остаться безымянным? Впрочем, и слово «желание» применительно к Дао оказывается лишним и пустым... Все человеческие слова умирают при приближении к Дао. А само оно молчит. Оно просто действует (причем о его действии лучше всего сказать словом «недеяние»), но не обращается к людям с человеческим словом. Здесь нет диалога. «То, что Дао почитается, вытекает из естественности, а не из повелений Дао» (Лао-цзы. Даодэцзин, 51).

«Человек следует земле. Земля следует небу. Небо следует Дао, а Дао следует естественности» (Там же, 25). Но если Дао лишь следует своему закону, но не любит — то и человека трудно позвать на путь любви. В зависимости от того, как человек понимает высшее Начало, он понимает и самого себя. Самоощущение человека становится подобным его богословию.

Если Дао не желает и пребывает в недеянии, то таким же должен быть и человек. «Человек с высшим дэ не стремится делать добрые дела, поэтому он добродетелен; человек с низшим дэ не оставляет намерения делать добрые дела, поэтому он не добродетелен; человек с высшим дэ бездейтелен и осуществляет недеяние; человек с низшим дэ деятелен и его действия нарочиты» (Даодэцзин, 38).

Но безличностное Дао — «Великая Пустота» — не мыслит, не ставит цели, не дает нравственные заповеди, рассчитанные на свободных существ, и не любит мир, которым правит. Соответственно, к Дао нельзя обращаться с молитвами. И мир не должен любить Дао: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которых народ любит и возвышает. Еще хуже те правители, которых народ боится, а хуже всех те правители, которых народ презирает» (Там же, 17). Так что то Бытие, о котором не знают ничего, лучше и выше того Бога, которого люди любят... Здесь вновь мы возвращаемся к нашему исходному вопросу: какая богословская формула выше — та, которая говорит «Бог есть любовь», или та, которая утверждает: «Бог есть Ничто». Более достойно видеть и ощущать в Боге Любовь или же «Великую Пустоту»?... Даосизм сделал свой выбор, христианство — свой. Но то, что эти традиции непохожи друг на друга, что они не едины, что здесь именно выбор, — этого не заметить все-таки нельзя.

Безличностное понимание Дао странно с точки зрения европейца, воспитанного на понимании Бога как Живой Личности и на Библии, которая утверждает, что Бог не только ускользает от людей, но еще и стремится приблизиться к ним как можно ближе.

Но еще более странна для европейца радикальная всеядность китайской кухни. Как известно,

¹⁰⁵ Цит. по: Зубов А. Б. Эсхатологическая уникальность христианства. // Континент, № 78, с. 242.

китайцы едят все, кроме того, что ядовито (вообще-то ядовитое кушать тоже можно — но только готовить его надо дольше). И змеи, и крысы, и насекомые сгодятся на китайской кухне. Но самое чуждое, на вкус европейца, блюдо китайской кулинарии — это мозг живой обезьянки. В китайском ресторанчике ты заказываешь некое блюдо с восточно-экзотическим названием (скажем — «Вдоль по Хуанхэ-матушке»). И тебе выносят живую обезьянку. Ее голову зажимают в специальных тисках, чтобы она не дергалась. Чтобы она не слишком верещала — по желанию клиента ее можно оглушить ударом молоточка по темени (ударить должен сам заказчик и потребитель этого яства), затем специальным ножичком вскрывается черепная крышка. И вот пожалуйста — вожделенный мозг примата открыт пред тобой. Что называется — «посолить по вкусу». И можно кушать¹⁰⁶...

Вы содрогаетесь? А почему? Ведь тигры в джунглях кушают обезьянок? А мы чем хуже? Если природа так устроена, что одна ее часть живет через пожирание другой — то почему мы не должны позволять себе то, что законом Дао дозволено тиграм? В чем отличие человека от тигра? И тигр — часть природы, и человек... А если человек есть часть природы, а над природой нет Личного Разума, который ставил бы Цели, предписывая нравственный долг и заповедуя людям свободно следовать этому надприродному Замыслу — то нельзя требовать от человека, чтобы он жил по другим законам, нежели те, по которым живут джунгли.

И молчание Дао, которое приводит в благоговейное чувство китайцев, способно вызывать совсем иные чувства у европейцев, привыкших к говорящему Слову: «Вечное безмолвие этих бесконечных пространств меня пугает» (Паскаль. Мысли. 201 (206))¹⁰⁷. Молчание Небеса — это скорее знак Богооставленности. Это — признак катастрофы, разрыва Общения, а не знамение приближения к Полноте духовного знания. Во всяком случае молчание и бездействие трудно посчитать проявлением Любви.

... Мы можем поискать формулу “Бог есть любовь” в индийской религиозной мысли.

Способен ли к любви Брахман? Любовь есть чувство свободное, избирающее, личностное. И потому только Личность способна к нему. Брахман же, по убеждению индийской мысли, есть начало безличностное.

Индийская религиозная философия в большинстве своих школ исповедует пантеизм. Это учение, отвергающее понимание Бога как личности и видящее в божестве только энергию, знакомо нашим современникам не столько по индийской литературе, сколько по изданиям оккультного, теософского и каббалистического направления. Божество есть вселенская энергия, которая едина для всего мироздания, которая является единственной и единой подлинной причиной всего мирового многообразия. Эта единая энергия бессознательно и бесцельно проявляет себя, выражая себя во множестве мировых феноменов (в том числе и в человеческом сознании).

Брахманизм полагает, что мир есть сновидение Брахмана. Мы снятся Божеству. Мир есть иллюзия (майя), и человек для освобождения своего сознания должен отказаться от своего иллюзорного убеждения в том, что он есть самостоятельное духовное существо (личность), и прийти к пониманию того фундаментального факта, что его собственная душа (атман) есть всего лишь частица Всемирного Брахмана. И мир вокруг меня, и я сам снюсь себе. И даже не себе — а Единому Божеству¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Всю эту процедуру мне довелось видеть в видеофильме «Лики смерти».

¹⁰⁷ Паскаль Б. Мысли. — М., 1995, с. 137.

¹⁰⁸ «Несовершенный, тварный мир предстает глазам индийца средних веков всегда в виде мучительно-суетливого, нескончаемого круга перерождений—сансары. Шанкара и его школа (адвайта) решают этот вопрос простой аннигиляцией мира как нереальной, незначимой сущности; реален, т. е. поистине существует, один только вечный Абсолют, Брахман, а все, что мы воспринимаем в виде пространственно-временного существования, т. е. мира, есть майя—космическая иллюзия, мираж, марево, которое следует распознать в качестве такового и решительно отбросить. В адвайтистских компендиумах обычно приводится ряд примеров (я бы сказал, учебно-тренировочных образов), долженствующих показать

Если человек будет любить свои сновидения — он останется в печальном мире, где властвует безрадостный закон кармы. И, значит, не надо привязываться к миру, нужно брать пример с безлюбных и бесцельных игр Божества: «Пармаштин как бы играя создает миры» (Ману, 1, 80).

По воззрениям брахманизма мир создан в танце Шивы. Но этот танец несет не только жизнь, но и смерть. В европейской традиции та же идея высказывалась у Гераклита, по знаменитому афоризму которого космос есть дитя. Ребенок для Гераклита — символ безответственности. Как это пояснял А. Ф. Лосев: «Кто виноват? Откуда космос и его красота? Откуда смерть и гармоническая воля к самоутверждению? Почему душа вдруг исходит с огненного Неба в огненную Землю, и почему она вдруг преодолевает земные тлены и — опять среди звезд, среди вечного и умного света? Почему в бесконечной игре падений и восхождений небесного огня — сущность космоса? Ответа нет. «Луку имя жизнь, а дело его — смерть» (Гераклит. Фрагмент В, 48). В этой играющей равнодушной гармонии — сущность античного космоса... невинная и гениальная, простодушно-милая и до крайней жестокости утонченная игра Абсолюта с самим собой,.. безгорестная и безрадостная игра, когда вопрошаемая бездна молчит и сама не знает, что ей надо»¹⁰⁹.

Итак, Гераклитово сравнение космоса с играющим ребенком малоутешительно: также капризно и жестоко, без сострадания бог может разрушить мир (и разрушает), как ребенок топчет свои песчаные замки¹¹⁰.

Энергия сохраняет жизнь и разрушает ее вполне бессознательно. Это просто разные проявления одной и той же энергии, происходящие по одним и тем же законам, но только в разных ситуациях. Так, электрическая проводка во всем доме составляет единую систему. Ток — один и тот же во всех приборах. Но в магнитофоне он производит звук, в телевизоре — образ, в лампочке — свет, в холодильнике — холод, а в кипятильнике — тепло, из вентилятора гонит воздух, а в пылесос его загоняет. Но зависит ли от воли электричества, как именно оно проявит себя в каждом конкретном приборе? Можем ли мы сказать, что электричество любит греть воду в кипятильнике? Можем ли мы предположить, что однажды электричество скажет себе: «Что это я все морожу и морожу в этом холодильнике? Дай-ка я здесь попробую эти сосиски поджарить!»? Можем ли мы представить, что электричество сможет однажды свободно и любовно простить ошибившегося электромонтера: «Эх, Петрович!... По всем законам Ома от тебя сейчас лишь обгоревшие подметки должны остаться. Но уж больно мужик ты хороший, и дома у тебя жена с малыми детьми... Так что отпущу тебя... Ты только в следующий раз будь осторожней. Иди, и не грехи больше!»?

При всем многообразии своих проявлений электричество (как домашнее, так и «космическое») все же несвободно...

Но раз мы не можем ожидать такого поведения от безличной энергии, то значит, и о

принцип действия майи. При определенных условиях освещения, к примеру, человек может принять пластинку перламутра за серебро или, скажем, в сумерках испугаться веревки, лежащей поперек тропы, подумав, что это змея. Однако более внимательный осмотр убеждает, что «и серебра, ни змеи перед нами нет; точно так же, обретая должный взгляд на вещи, человек убеждается, что мира, собственно, нет: есть один Брахман, являющийся в разнообразных формах. Он, их субстрат, реален, сами же формы — нет. На свете вообще нет ничего, кроме Единого; всякая множественность мнима. Поэтому такая система взглядов называется а-двайта-вада, т. е. учение о не-двойственности всего сущего» (Семенцов В. С. Бхагавадгита в традиции и современной научной критике. М., 1985, с. 111).

¹⁰⁹ Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука. М., 1927, с. 231.

¹¹⁰ По выводу английского проф. К. М. Робертсона, несмотря на то, что греческие боги «воспринимаются в человеческой форме, их божественность отличается от человечности в одном страшноватом аспекте. Для этих вневременных, бессмертных существ обычные люди — словно мухи для резвящихся детей, и эта холодность заметна даже в их изваяниях вплоть до конца V столетия» (Цит. по: Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. Спб., 2000, с. 98). Более утешительно воззрение Платона, который полагает, что боги при игре с людьми все же хоть какие-то законы соблюдают: «Так как душа соединяется то с одним телом, то с другим и испытывает всевозможные перемены, то правителю этому подобно игроку в шашки не остается ничего другого, как перемещать характер, ставший лучшим, на лучшее место, а ставший худшим на худшее, размещая их согласно тому, что им подобает» (Законы 903d). Но в конце концов — «Человек это какая-то выдуманная игрушка бога» (Законы. 803c). У Плотина тоже: люди — «живые игрушки» (Плотин. Эннеады. 3,2,15,32).

безличностном Брахмане индийской философии мы не имеем права сказать «Брахман есть любовь».

Только если Бог не тождествен с миром, только если законы мира не являются законами и для Бога, только если над Богом не властвуют никакие законы и только если Он свободно может принимать решения, то есть только в том случае если Он есть личность — Он способен к милосердию. По формуле В. Н. Лосского: «Высочайшее право Царя есть милосердие»¹¹¹. Царь может простить там, где закон требует наказать. Чтобы в Боге опознать милосердие — надо в Нем увидеть не безликую и несвободную энергию или основу бытия, а свободную Личность.

Но пантеизм не чувствует в Боге любви, и потому не видит в Нем и личности. По уверению Блаватской, “Божественная Мысль имеет настолько же мало личного интереса к ним (Высшим Планетарным Духам-Строителям) или же к их творениям, как и Солнце по отношению к подсолнуху и его семенам”¹¹². Но с точки зрения христианства даже “теория Ньютона о “всемирном тяготении” является лишь потускневшим и слабым отражением христианского учения об “узах любви”, связующих мир”¹¹³. То, что у Ньютона было просто секуляризацией, у Блаватской становится торжествующим нигилизмом. Верный же христианской интуиции А. Ф. Лосев при описании материалистического мироощущения использует тот же образ, что и Блаватская — но не с восторгом, а с горечью: “Заботится ли солнце о земле? Ни из чего не видно: оно ее “притягивает прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадратам расстояний””¹¹⁴. Закон гравитации просто действует, и если гравитационное поле земли притягивает некое яблоко на некую голову — это никак не означает, что земля испытывает какое-то личное, любящее чувство к данному яблоку или к данной голове. Закон гравитации действует не потому, что он решил действовать в данной ситуации, а потому, что он вообще действует всегда и везде, докуда только дотянется, и действует одинаковым образом.

Так и у закона кармы нет избранников и нет волевых актов: карма просто прядет свое. И у языческого мудреца, познавшего всю силу и безапелляционность Рока, оптимизм христиан, убежденных, что Бог есть Любовь, может вызвать лишь усмешку.

Мы же настойчиво со своим вопросом о Боге и любви обратимся к буддизму.

Буддизм: безбожное бесстрашие

Приемлима ли для буддиста формула “Бог есть любовь”? — Нет. С точки зрения буддизма в этом утверждении кроется двойная ересь. Во-первых, в буддизме нет вообще понятия Бога. Буддизм называют атеистической религией. Как об этом говорил Судзуки: “Если буддизм назовут религией без Бога и без души или просто атеизмом, последователи его не станут возражать против такого определения, так как понятие о высшем существе, стоящем выше своих созданий и произвольно вмешивающемся в человеческие дела, представляется крайне оскорбительным для буддистов”¹¹⁵.

Во-вторых, любовь не мыслится в буддизме как совершеннейшее состояние бытия. Конечно, буддисты прежде всего люди, и, как и все люди, они считают, что лучше любить, чем ненавидеть. Но есть все же такое состояние души, которое в буддизме мыслится как возвышающееся над любовью. Это — бесстрашие. Буддистский идеал недеяния предполагает, что человек должен остановить все свои действия, чтобы они не порождали следствий и не продолжали кармической цепи бесконечных чередований следствий и причин. Остановить все действия означает — в том числе и те действия, которые происходят не в физическом мире, а в “ментальном”, то есть — остановить все движения ума

¹¹¹ Лосский В. Н. Господство и Царство (эсхатологический этюд) // Богословские труды. Сб. 8. М., 1972, с. 214.

¹¹² Блаватская Е. П. Тайная Доктрина. Т. 2. Рига, 1937, с. 201.

¹¹³ Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М., 1992, с. 148.

¹¹⁴ Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991, с. 130.

¹¹⁵ цит. по: Лосский Н. О. Ценности и бытие. Париж, 1931, с. 131.

и все движения сердца и чувств.

Для этого надо отказаться от «коренной иллюзии» – иллюзии существования в мире какой бы то ни было целостности. Есть только восприятия, но нет воспринимающего. Есть действия, но нет действующего. Буддистская концепция «анатмана» отрицает существование личности – «буддизм отрицает единое, субстанциальное начало, которое является агентом человеческих действий... По учению Будды, интроспекция «подключается» ко всем движениям тела, причем и в процессах обычной жизнедеятельности. Даже каждодневная рутина жизни монаха должна быть охвачена интроспекцией — что бы он ни делал, он должен делать сознательно и целенаправленно, «устанавливая смрити впереди себя» и следуя определенным правилам. Что это за правила? Во-первых, анализ реальности в терминах «дхарм», «скандх», «аятан», «дхату» (элементов, групп, баз, сфер элементов), главная цель которого—выработка привычки видеть мир дискретно. Во-вторых, осознание любого события в модусах существования, возникновения и прекращения, каждый из которых мгновенен. Таким образом, внимание адепта в основном сосредоточено на составленности и изменчивости всех вещей и событий. Особенно ярко это проявляется в медитации над природой тела, едва ли не самой главной в буддийской практике «отстранения» от мира. Борьба с плотью, которую в той или иной форме ведут почти все религии, в буддизме по сравнению, скажем, с джайнизмом и адживикой носит скорее теоретический характер. Вместо того чтобы умерщвлять ее физически, буддист будет вырабатывать правильное к ней отношение, а именно отношение в перспективе смерти (чем будет тело после нее— грудой костей или скопищем насекомых). Культивирование отвращения к телу — один из важнейших способов выработать спасительную непривязанность к чувственным объектам»¹¹⁶.

Итак, если брахманизм предлагает в медитациях видеть только Единое, только Бога и растворить в этом переживании единства восприятия всех частных¹¹⁷, то буддизм предлагает ровно обратное: замечай только детали, но избегай наделять что бы то ни было целостностью, единством. “Человек невежественный думает: “Я иду вперед”. Но свободный от заблуждения скажет: “Если в разуме возникает идея “я иду вперед”, то тотчас же вместе с идеей появляется нервный импульс, источником которого является разум, и вызывает телесную реакцию”. Таким образом, то, что эта куча костей, благовоспитанно именуемая “телом”, движется вперед, является результатом распространения нервного импульса, вызванного разумом. Кто здесь тот, кто идет? К кому имеет отношение это хождение? В конечном счете — это ходьба имперсональных физических элементов, и то же самое относится к стоянию, сидению, укладыванию”¹¹⁸. Так – кого тут любить? Любить некому и некого.

В народном буддизме (возможно не без влияния христианства) появилась идея бодхисаттв — людей, отказывающихся от достижения Нирваны ради того, чтобы сострадать людям. В народном буддизме возникла литература джатак, содержащая в себе прекраснейшие примеры жертвенной любви. Но это — для тех, кто не понял и не принял «прямого пути». “Желание творить благо живым существам одобряется только на низших этапах Мистического пути. Но в дальнейшем оно полностью отвергается, поскольку хранит в себе отпечаток привязанности к личному существованию с присущей ему верой в самость”¹¹⁹. Как говорит “Алмазная Сутра”, когда бодхисаттва привел в Нирвану столь неисчислимо число существ, как число песчинок в реке Ганг, он должен осознать, что не спас никого. Почему же? Если он верит, что спас некое число живых существ, то он сохраняет привязанность к представлению о “самости”, “Я”, а в этом случае он не является бодхисаттвой¹²⁰.

¹¹⁶ Лысенко В. Г. Будда как личность или личность в буддизме // Бог-человек-общество в традиционных культурах Востока. М., 1993, Сс. 131 и 124-125.

¹¹⁷ «От смерти к смерти идет тот, кто видит что-либо подобное различию» (Брихадараньяка-Упанишада. 4,4,19).

¹¹⁸ Конзе Э. Буддийская медитация: благочестивые упражнения, внимательность, транс, мудрость. М., 1993, с. 42.

¹¹⁹ Дэви-Неел А. Посвящение и посвященные в Тибете. с. 159.

¹²⁰ Дэви-Неел А. Посвящение и посвященные в Тибете. с. 135. Ср.: "Так, о Субхути, Бодхи-саттва, великое существо, ведет неизмеримые и неисчислимыя существа к освобождению. И все же нет никого, кто освобождается, и того, через кого он ведется к освобождению" (Аштасахасрика-праджняпарамита, I).

Сами буддисты признают, что жертвенная этика махаяны и джатак находится в противоречии с основами буддистской философии. “Вряд ли можно придумать что-либо более противоречащее учению буддизма, чем представление о том, что Нирвану можно отвергнуть. Можно не войти в рай, представленный неким определенным местом, но Нирвана, по сути своей, есть состояние, неизменно возникающее вслед за исчезновением неведения, и тот, кто достиг Знания, не может, как бы он того ни желал, не знать того, что он уже знает. Эти ошибочные представления относительно поведения бодхисаттв совершенно отсутствуют в наставлениях, обращенных к ученикам, которые избраны к посвящениям высших уровней”¹²¹.

Как видно, в буддизме не следует ждать рождения формулы “Бог есть любовь”. Все иллюзия. И дзэновский коан вопрошает – «Будда и бабочка смотрят друг на друга. Бабочка снится Будде? Или Будда снится бабочке?». Вопрос, конечно, интересный. Но любые сны, с точки зрения буддиста, надо однажды разрушить. А не любить.

Поскольку же к любви способна только личность, то нам остается обратиться к монотеистическим религиям, то есть к таким, которые Высшее и Изначальное Божество понимают как свободную Личность.

Ислам: весть о Боге не берущем Крест

Подойдем к мусульманскому богослову и спросим: “Можно ли сказать об Аллахе, что Он есть любовь?” Наш собеседник на некоторое время задумается. Это естественно, потому что прямой формулы “Бог есть любовь” в Коране нет, а для человека любой веры не так уж просто произнести богословскую формулу, отсутствующую в том писании, которое для него является священным. И все же после некоторого раздумья мусульманский наставник ответит нам: “Да. Конечно, прежде всего Аллах есть воля. Но можно сказать и то, что в Нем есть любовь к людям. Любовь есть одно из 99 святых имен Всевышнего”. И я спрошу моего собеседника: “А какие дела любви присущи Всевышнему согласно Корану? В чем проявилась любовь Аллаха к людям и в чем засвидетельствована?” — “Он сотворил мир. Он послал людям Своих пророков и дал Свой закон”. И тогда я задам мой третий вопрос “Это было тяжело для Него?” — “Нет, мир ничтожно мал по сравнению с могуществом Творца”.

Как видим, с точки зрения ислама Бог лишь издалека возвещает людям Свою волю. Он обращается к людям с такого неизмеримого расстояния, что огонь человеческого страдания и беззакония не опалает Его лик. Любовь Бога к миру, как она понимается в исламском образе Творца, нежертвенна. Так любят чужих детей: с радостью ловят их улыбки, но не проводят бессонных ночей у их колыбельки...

В середине зимы мусульманский мир отмечает праздник "Лейлят аль-Кадр" (27 числа священного месяца рамадан). В русском переводе его обычно именуют "ночью предопределения", хотя дословно название праздника означает "ночь силы", "ночь могущества". Традиционный перевод, тем не менее, очень точно отражает суть праздника. В мусульманских преданиях о создании мира говорится, что Аллах прежде всего сотворил книгу ("китаб") и тростниковую палочку для письма ("калям"), и записал все, что будет происходить с каждым из живущих. Однако есть в году одна ночь, когда можно упросить Аллаха переписать "твою" страницу в книге. Она-то и получила название "ночи предопределения". В эту ночь Аллах спускается с седьмого неба к первому небу, самому ближайшему к земле. Он становится настолько близок к людям, что слышит все их молитвы. И если правоверный

¹²¹ Дэви-Неел А. Посвящение и посвященные в Тибете. с. 138-139.

мусульманин проведет эту ночь в молитве — то его прошения будут услышаны и исполнены¹²². Понятный и красивый образ. Но как христианин я спрошу: действительно ли Бог не может спуститься ниже? Действительно ли первое небо есть последняя ступень нисхождения Божией любви?

В исламе мне кажется недодуманной именно эта попытка установить предел любви, предел Божией свободе: “Вот только до сих, и не дальше!”. Ислам осуждает христиан за то, что мы недостаточно охраняем трансцендентную непостижимость Творца. Идея Богочеловечества кажется им несовместимой с идеями возвышенной философской апофатики (то есть с убеждением в полной непостижимости Абсолюта). И в самом деле, когда мы говорим о Боге, надо быть предельно осторожным. Надо хранить себя от того, чтобы налагать наши, человеческие ограничения на Беспредельное. Но не есть ли мусульманское утверждение о том, что Бог не может стать человеком, именно такое слишком человеческое сомнение в могуществе Бога? Не становится ли это отрицание ограничением свободы Творца? Откуда такая уверенность в том, что Бог вот этого не может?

А любовь способна на весьма необычные поступки, даже на такие, которые кажутся невозможными и недопустимыми тому, кто еще не имеет опыта любви. Подойдите к любому подростку и спросите его: “Если я скажу тебе, что однажды ты вполне добровольно засунешь свою руку в кучу дерьма, согласишься ли ты мне?” Подросток, конечно, возмутится и возопиет: “Да ни за что!”. Что же, подождем, когда у него (или у нее) появится свой малыш. И мы увидим, как родительская любовь перешагнула границы казалось бы столь естественной брезгливости.

Нельзя ставить преграду любви, нельзя говорить что вот за этот предел любовь никогда не посмеет перейти. Евангелие отношение Бога к человеку представляет так, что можно сказать, что Бог “обезумел” от любви к человеку. Распятый Творец — это поистине и “соблазн”, и “безумие”. Бог свободен в выборе Своих путей к человеку. Он может являться в громах и молниях. А может — в образе раба и странника.

Как однажды очень по-христиански и очень по-человечески сказал Борис Пастернак:

*Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.
Словно с видом чудака
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака...*

Вот-вот: “в заплатанном салопе”, а не в окружении легионов Ангелов Бог посетил людей. “С видом чудака” и “пряча” Свою Божественность, Творец оказался Эммануилом (“с-нами-Богом”). Бог действительно слишком отличен от человека — и потому и странен, и чуден. Что ты спрашиваешь об имени Моем? оно чудно (Быт. 32, 29; Суд. 13,18). И нарекут имя Ему: Чудный (Ис. 9, 6).

Да, Божия любовь может подходить к человеку и к нашим грехам ближе, чем это кажется мусульманам, которые в заботе о строгости своего монотеизма стремятся как можно строже противопоставить Творца и мир.

В начале 80-х годов я слышал удивительный рассказ в Третьяковской галерее. В те годы гиды этого музея или не знали, или не имели права рассказывать посетителям о религиозном смысле иконы. И потому они придавали иконам совершенно нетрадиционные, нецерковные толкования. Так, “Троица” Рублева превращалась в “призыв к объединению русских земель”. Так чаша, в которой

¹²² См. Священный Коран. Смысловой перевод 28-й, 29-й и 30-й части с комментариями Адуррахмана Саади. М., 1999, с.320.

собиралась кровь Христова, стекающая с Креста, превращалась в “символ победы над мусульманами”¹²³. Но в тот раз об одной иконе я услышал нечто неожиданное. Толкование было искусственное, но все же — христианское.

Экскурсовод рассказывала об иконе Божией Матери “Знамение”. На воздетых руках Матери Христа снизу были красные пятна. Такие же красноватые пятна проступали на шее и на щеках. Символично-богословское объяснение этой особенности некоторых богородичных икон можно найти в книге Е. Н. Трубецкого “Умозрение в красках”. Экскурсовод же предпочла дать объяснение историческое. Это была русская икона XIII века. А что это за столетие в истории России? — Столетие батыева нашествия, столетие разгромов и пожаров. И эти красные пятна на лице Божией Матери — это блики от земных пожаров. Огонь, опаляющий внизу русские города, достигает Небес и опаляет Ту, что простерла Свой покров над нашей землею... Действительно ли именно так понимал свою икону сам иконописец — не знаю. Но глубоко верно то, что в христианстве есть убежденность в том, что боль людей становится Божией болью, что страдание земли опаляет Небеса. Вот этого ощущения обожженности Бога человеческим страданием нет в исламе...

Подойдем же теперь с нашим вопросом к религии Древнего Израиля.

Ветхий Завет: Бог-Ревнитель

Тексты Ветхого Завета говорят нам вполне прямо: Да, Бог есть любовь. Да, Бог явил Свою любовь делами. Он свободно, не понуждаемый никем и ничем, создал мир и человека. Он по Своей любви даровал нам пророков и Закон. И еще Он принес людям величайший дар — свободу¹²⁴.

Трудно ли было Богу с людьми? — Да. При всей Его надмирности Он говорит, что не может быть вполне безмятежен и покоен без человеческой любви... Он не просто дает Закон. Он умоляет людей не забывать Его. Ему трудно с людьми. Читая Ветхий Завет, без преувеличения можно сказать: люди доводят Бога до слез. Как же должны были вести себя люди, и как близко должен быть к ним Творец — если однажды Библии приходится свидетельствовать: «и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем» (Быт. 6,6).

И все же любовь Бога к людям, как она известна в Ветхом Завете, не сделала Бога человеком¹²⁵.

Где же в мире религий есть представление о том, что любовь Бога к людям столь сильна, что она ввергает Самого Творца в мир людей? Есть много мифов о воплощении богов в мире людей. Но это всегда воплощения неких “вторичных богов”, это повести о том, как один из многих небожителей решился прийти к людям, в то время как Божество, почитаемое в данной религиозной системе как

¹²³ К сожалению, именно это нецерковное идеологическое толкование православного Креста с полумесяцем получило широкое распространение и стали вызывать понятную обиду у мусульман. Вот одно из таких свидетельств: «Президент Татарстана Минтимер Шаймиев осудил как опасное для межнациональных и межконфессиональных отношений заявление, сделанное председателем Татарского общественного центра (ТОЦ) Зайнуллиным. Лидер ТОЦ ультимативно потребовал снять с казанских церквей так называемые якорные кресты, усмотрев в них посприятие мусульманского полумесяца (полумесяц издревле помещается в основание этих крестов)» (Известия. 23.12.1998). Это действительно якорь, знак надежды. И такие кресты были еще в древнеримских катакомбах, за много столетий до возникновения ислама.

¹²⁴ Далеко не все богословско-философские школы ислама считают человека свободным, утверждая, что Бог является непосредственной причиной всех событий. Так, Аль-Газали в трактате “Воскрешение наук о вере” соотношении мира и Бога рисует таким: “Солнце, луна и звезды, дождь, облака и земля, все животные и неодушевленные предметы подчинены другой силе, подобно перу в руке писца. Нельзя верить, что подписавшийся правитель и есть создатель подписи. Истина в том, что настоящий создатель ее — Всевышний. Как сказано Им, Всемогущим, “и не ты бросил, когда бросил, но Аллах бросил”” (Цит. по: Степанянц М. Т. Философские традиции Индии, Китая и мира Ислама // История философии. Запад-Россия-Восток. Кн. 1. М., 1995, с. 413). Человек - место приложения силы Аллаха: “Как вы веруете в Аллаха? Вы были мертвыми, и Он оживил вас, потом Он умертвит вас, потом оживит, потом к Нему будете возвращены” (Коран 2,26). Ветхозаветное же утверждение вполне определено: Бог “от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его” (Сир. 15,14 – 15).

¹²⁵ Подробнее о религии древнего Израиля см. главу «Жесток ли Ветхий Завет?»

источник всякой жизни, так и не перешло за порог собственного всеблаженства. Ни Прометей, умирающий ради людей, ни Гор, чья жертва была столь ценима египтянами, не воплощают в себе Абсолютное Божество. Один (Вотан, Водан), распявший сам себя на мировом древе Иггдрасиль¹²⁶, тоже не Абсолютен. Один проводит себя через мучения ради приобретения недостающего ему знания рун и заклинаний¹²⁷. Перед нами жертва себе и ради себя. Добровольное погружение себя в боль – это одно из традиционных средств шаманской инициации¹²⁸. И раз Один нуждается в таком опыте для приобретения недостающего ему знания – значит, он не может восприниматься как Изначальная Полнота.

В народных религиях (язычество=народность) страдают герои и полубоги. Но подлинно Высший не делает Себя доступным человеческой боли. Где же мы можем найти представление о том, что не один из богов, а Тот, Единственный, вошел в мир людей?

«Бхагавад-Гита»: «Индийское Евангелие»

Эта идея есть в кришнаизме, где Кришна понимается как Личный и Единый Бог-Творец. “Бхагавад-гиту” нередко называют “индийским евангелием”. Эта книга¹²⁹ действительно проповедует великую идею: к Богу надо подходить с любовью. Не технология медитаций и не жертвоприношения животных приближают человека к Богу, а любящее сердце. Эта идея не была чем-то новым в сравнении с проповедью более древних ветхозаветных израильских пророков. Но для Индии она была вполне революционна.

“Бхагавад-гита” повествует, что “Верховный Господь” Кришна не просто создал мир и не просто дал откровение. Он лично, непосредственно, принес его людям. Он стал человеком. И даже не царем — а слугой, возничим.

И однако при знакомстве с этой книгой остаются вопросы. Во-первых — стал ли Кришна человеком вполне и навсегда? — Нет, лишь на время урока он казался человеком. Его подлинные облики совсем не-человечны¹³⁰, и он пользуется человеческим обликом лишь как прикрытием, которое

¹²⁶ «Знаю, висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей, пронзенный копьем, посвященный Одину, в жертву себе же, на дереве том, чьи корни сокрыты в недрах неведомых» (Старшая Эдда. Речи Высокого, 138).

¹²⁷ «Никто не питал, никто не поил меня, взирал я на землю, поднял я руны, стена их поднял – и с древа рухнул... Девять песен узнал я... Стал созревать я и знанья множить» (Там же, 139-141).

¹²⁸ «Добровольное ритуальное мученичество имеет целью вызвать у себя экстатическое состояние, т.е. является формой камлания» (М. И. Стеблин-Каменский. Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975, с. 671).

¹²⁹ «Идейное ядро учения Гиты было создано и зафиксировано в виде текста в III-II в. до н.э. В этой первоначальной форме текст памятника не сохранился, и о его составе мы можем строить лишь более или менее правдоподобные догадки. В течение последующей тысячи лет с лишним лет – до IX в. н.э., времени окончательной фиксации текста поэмы, - Гита продолжала расти за счет вставок, объем и характер которых оценить практически невозможно» (Семенцов В. С. Бхагавадгита в традиции и современной научной критике. М., 1985, с. 15). См. также : Семенцов В. С. К постановке вопроса о возрасте Бхагавадгиты // Классическая литература Востока. М., 1972; перепечатка в издании: Бхагавадгита. Перевод с санскрита, исследование и примечания В. С. Семенцова. М., 1999, сс. 243-255.

¹³⁰ “Твой великий образ со многими очами, устами, о долгорукий, со многими руками, бедрами, ступнями, со многими туловищами, со многими торчащими клыками узрев, миры трепещут, я - также... Все сыновья Дхритараштры спешат вступить в Твой ужасные, с торчащими клыками зевы; вижу, иные повисли между зубов, с размозженными головами. Как мотыльки, в блестящем пламя попав, гибелью завершают стремленье, так на гибель вступают миры в твои зевы, завершая стремленье. Ты, облизывая со всех сторон миры, их поглощаешь пламенными устами; наполнив сиянием весь мир, твой страшный жар его раскаляет, о Вишну! Поведай, кто ты, ужаснообразный, смилуйся, владыка богов; постичь не могу Твоих проявлений” (11. 23-31). Ответ же: “Я Время, продвигаясь, миры разрушаю, для их погибели здесь возрастая” (11.32; в переводе В. С. Семенцова: «Время Я – мира извечный губитель. Весь этот люд я решил уничтожить» (Семенцов В. С. Бхагавадгита в традиции и современной научной критике. М., 1985, с. 100). Впрочем, надо помнить, что перед нами не столько описание божества, сколько конкретный рецепт по разрушению обыденного состояния сознания адепта с тем, чтобы, обнажив его от всех привычных стереотипов, ожиданий и образов, поставить по ту сторону всех различий, что, в понимании индийской философии, и есть погружение в Абсолютное... В. Семенцов полагает (в отличие от современных кришнаитов), что в «Бхагавадгите» представление о Кришне как о Благом Боге, личном Бхагаване предлагается лишь в качестве более легкого и начального пути духовного восхождения, в то время как более продвинутые адепты должны все равно подойти к традиционному упанишадической пантеистической идеи о безличностном Брахмане (см. с. 105). Таким образом, Гита оказывается «йогой для дилетантов в виде простых домохозяев,.. не имевших возможности посвятить

позволяет ему ближе подойти к людям.

И человеческая плоть, равно как и человеческая душа, не взяты им в Вечность. Ему не было трудно быть человеком, и сам он не испытал ни человеческой боли, ни человеческой смерти...

Он заповедует людям любить его. Но любит ли он сам людей — остается не вполне ясным: в “Бхагавад-Гите” нет ни одной строки о любви к людям.

Сюжет “Бхагавад-гиты” строится вокруг юного воина Арджуны, который должен силой отстоять свое право на наследство, отнятое у него недобросовестными родственниками. С помощью Кришны Арджуна собирает огромную армию. Но, перед самой битвой, выйдя на поле предстоящего боя, Арджуна всматривается в ряды своих врагов и вдруг осознает — с кем же ему предстоит сражаться, и тогда по-человечески потрясенно говорит: “При виде моих родных, пришедших для битвы, Кришна, подкашиваются мои ноги, во рту пересохло. Дрожит мое тело, волосы дыбом встали. Стоять я не в силах, мутится мой разум. Не нахожу я блага в убийстве моих родных, в сраженье. Те, кого ради желанны царство, услады, счастье, в эту битву вмешались, жизнь покидая: наставники, деды, отцы, сыны, внуки, шурины, тесты, дяди — все наши родные. Их убивать не желаю. После убийства что за радость нам будет? Ведь погубив свой род, как можем счастливыми быть? Горе, увы, тяжкий грех мы совершить замыслием: ради желания царских услад погубить своих кровных. Так молвив, в боренье Арджуна поник на дно колесницы, выронив лук и стрелы; его ум потрясен был горем” (Бхагавад-гита. 1. 29—47).

Человек испытывает боль и сострадание. А божественный Кришна? В эту минуту он находит для человека такие слова: “Покинув ничтожную слабость сердца, восстань, подвижник! Ты сожалеешь о тех, кому сожаленья не надо: познавшие не скорбят ни о живых, ни об ушедших. Эти тела преходящи, именуется вечным носитель тела. Итак, сражайся. Бхарата! Рожденный неизбежно умрет, умерший неизбежно родится; о неотвратимом ты сокрушаться не должен” (1.3,18,26). Все это Кришна говорит “как бы с улыбкой” (2,10). “И без тебя погибнут все воины, стоящие друг против друга. Поэтому — воспрянь, победи врагов, достигни славы, насладились цветущим царством, ибо Я раньше их поразил, ты будь лишь орудием, как воин, стоящий слева. Всех богатырей, убитых Мною в сраженье, рази не колеблясь” (11.32—34).

Не буду вступать в спор с философией, которая стоит за этими словами. Скажу лишь, что такая улыбка непредставима на лице Того, Кто плакал на пути к гробнице Своего друга Лазаря (см.: Ин. 11, 35). Такой совет невозможен в устах Того, Кто сказал о каждом человеке: *Так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40).

И в божестве, которое благословляет на массовые убийства ради исполнения кармически сословного долга, нельзя признать Бога Любви¹³¹...

Греческие боги и герои – и те проявляли в подобных ситуациях больше человечности: Антигона сказала своему брату Полинику, пробуя отговорить его от мести другому брату те слова, которых не смог сказать Кришна – «Зачем же гневу поддаваться вновь? Какая польза родину разрушить» (Софокл. Эдип в Колоне, 1469-1470).

духовной тренировке все свое время» (с. 102 и 105). Пантизм «зачеркивает весь мир объективных вещей и хочет укрепиться в абсолютном «знании». Однако живой человек, еще не вполне отрешившийся от последних остатков своей человечности, с трудом переносит температуру абсолютного совершенства: ему холодно и хочется чего-нибудь потеплее. Душа отогревается образами, и прежде всего образом доброго, милостивого божества, которое помогает и спасает. Поэтому Шанкара, комментируя Гиту, допускает Бхагавана» (с. 111).

¹³¹ “Убийство в бою во имя религиозных принципов и убиение животных на жертвенном огне не считаются актами насилия, ибо совершаются во имя религиозных принципов и являются благом для всех. Принесенное в жертву животное сразу же получает жизнь в теле человека, не проходя медленной эволюции от одной формы жизни к другой. Кшатрии же, убитые в бою, как и брахманы, совершающие жертвоприношения, попадают на райские планеты”, так толковал Бхагавад-Гиту основатель современного кришнаизма “Его Божественная милость” Шрила Прабхупада (Шрила Прабхупада. Бхагавад-гита как она есть. Глава 2. Обзор Бхагавад-гиты. Текст 39).

И все-таки Евангелие...

Итак, высшая богословская формула гласит “Бог есть любовь”.

Мы уже много говорим о любви, но еще не дали ее определения. Что ж, самую глубокую формулу любви можно почерпнуть из Евангелия: Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15, 13). Подлинная любовь стремится отождествить себя с любимым человеком. Здесь поистине двое в одну плоть да будут (см.: Быт. 2, 24)¹³². В любви расширяется нервная периферия любящего и вбирает в себя боли и радости любимого человека. И потому путь любви — это вынесение своего жизненного центра из себя в другого. Это дарение, отдача, вверение, жертва.

Такой любви к людям не открывает ни один богословский образ во внеевангельском мире. И мы спрашиваем Бога Евангелия: “Как Ты любишь людей?” И Он отвечает: “До Моей смерти...” Его любовь не только создала мир. Его любовь не только подарила людям свободу. Его любовь не только дала нам Закон. Его любовь не только даровала нам пророков и мудрость. Его любовь не только приняла человеческий лик. Он не казался — Он стал человеком. “Всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя” (Ф. Тютчев). И Его любовь к нам пошла до конца, до предельной точки, до полной отдачи Себя, до полного отказа от Себя, до жертвы и смерти. “Как будто вышел человек, и вынес, и открыл ковчег, и все до нитки роздал” (Б. Пастернак)...

Любить означает вобрать в себя как свои беды и радости любимого. И последнее, пожалуй, сложнее первого. «Плакать с плачущими нетрудно, а радоваться с радующимися (Римл. 12,15) не очень легко: мы легче сострадаем находящимся в несчастьи, нежели сорадуемся благоденствующим. Зависть и недоброжелательство не позволяют не очень любознательному сорадоваться благоденствующим. Поэтому будем стараться сорадоваться благоденствующим, чтобы очистить свою душу от зависти» (свт. Иоанн Златоуст)¹³³.

Любовь сорадовательная выше любви сострадающей и реже ее. Если я узнал, что у моей сотрудницы (которую весь наш дружный коллектив по праву – как нам кажется - терпеть не может) погиб сын, то даже я смогу испытывать к ней чувство сострадания. И наличие этого сочувствия никак не будет свидетельством того, что я достиг нравственных высот. Труднее было бы разделить ее радость, а не ее скорбь. Например, если однажды я узнаю, что Фонд Сороса¹³⁴ выделил ей десять тысяч долларов на издание ее никому не нужной книжки –смогу ли я ликовать вместе с нею? О, нет, скорее в то время, как она будет от счастья по потолку бегать, я буду шествовать зеленым как ее доллары ...

Сорадование редко. А Христос умел сорадоваться с людьми. И первое Свое чудо Он сотворил в атмосфере радости. Не на кладбище произошло первое чудо Спасителя, на на брачном пиру в Кане Галилейской. ...И самую главную радость Бог разделяет с людьми: на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии (Лк. 15,7).

Этот Бог — есть Любовь; Он не просто любит. Он есть Любовь. Он не просто имеет любовь, не просто проявляется в любви: Он есть Любовь.

Что ж, мы начали свой разговор с сомнения в том, что религии можно сравнивать между собой. Но стоило нам разговор о религиозных верованиях перенести в ясную сферу разума, рациональных аргументов, формулировок и сопоставлений, как выяснилось, что религии сравнивать можно, и что

¹³² Надо заметить, что в ветхозаветном языке слово плоть не имеет привкуса противопоставленности душе, как в патристическом языке, но означает просто “живое существо”.

¹³³ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. т. 2. кн. 2. Спб., 1896, с. 664. См. также: т. 9 кн. 2, Спб., 1903, сс. 767-768.

¹³⁴ Странно, но по гречески – это погребальная урна...

при этом сравнении различия между религиями можно выражать в оценочной форме.

Именно обращение к тому чувству человека, тому стремлению человеческого сердца, которое является наиболее таинственным и наименее рациональным — чувству любви — помогло нам найти способ вполне рационального сопоставления религий между собою. И когда я говорю, что христианство — не просто одна из религий, но что это высшая религия, “абсолютная религия” (скажем так вслед за Гегелем), единственная религия, предлагающая действительно достойный образ Бога, то я так говорю не потому, что к столь высокой оценке меня понуждает моя собственная принадлежность к христианству. Этот вывод понуждает сделать обычная человеческая логика. И обычная человечность. И обычное свободомыслие.

Да, чтобы замечать и понимать очевидное, сегодняшнему человеку надо проявить недюжинную способность к свободному, независимому мышлению. Общественные моды, идеологии и газеты уже многие годы внушают нам идею “равенства религий”¹³⁵. Их излюбленный “религиоведческий” тезис ироничный Честертон резюмировал так: “Христианство и буддизм очень похожи друг на друга; особенно буддизм”¹³⁶. Но если к религиям относиться неидеологично, если не усматривать в них прежде всего идейный фундамент некоего тотально-общепланетарного “нового мирового порядка”, если не превращать их в политических заложников человеческих утопий, то обычное чувство реализма внятно поясняет: религии различны. Религии бывают более высокими и более плоскими. И при всем многообразии человеческих религий только христианство узнало и возвестило о том, что же означает величайшее религиозное открытие. Открытие того, что Бог есть Любовь.

Слово Бог означает здесь – «Дух всюду сущий и единый, Кому нет места и причины, Кого никто постичь не мог. Кто всё Собою наполняет. Объемлет, зиждет, сохраняет. Кого мы называем – Бог!» (Г. Державин). Если кто-то из читателей предпочитает язык философии языку поэзии – в переводе это означает следующее: «Философский теизм означает философскую концептуализацию существования и природы Бога как абсолютной, трансцендентной по отношению к миру духовно-личностной действительности, выступающей как безусловный источник всего небожественного сущего и сохраняющей действительное присутствие в мире»¹³⁷.

Любовь же означает... Впрочем, воздержимся от полной «расшифровки» этого таинственного слова. Просто осознаем, что выбор между язычеством и христианством – это выбор между автоматизмом «кармического закона» и тем видением отношения Бога и мира, о котором сказал Пастернак: «Мирами правит жалость. Любовью внушена Вселенной небывалость и жизни новизна».

¹³⁵ Рекламная заметка о «Богородичном центре» в популярной питерской газете завершается словами: «Любое начинание, в том числе и в духовной сфере, нуждается в поддержке и в помощи» (Лаврова Н. «Матерь Божия, к стопам твоим припадаем» // Смена 12.8.1992). Это – о псевдоправославной (на деле – оккультной) секте, призывающей проклясть матерей: «Писание открывает страшнейшую греховную суть зачатия. Мать передает грехи... Опомнимся, очнемся! Близка гибель, катастрофы, землетрясения. А мы славим тех самых нечестивых матерей, которых ныне нужно призвать к покаянию» (еп. Иоанн Береславский. Исповедь раненого сердца. М., 1991, с. 145). "В подсознании (матери) вынашивается одна мечта: выставить гениталии сына на вселенскую витрину, на показ всему миру, а потом оторвать" (Иоанн Береславский. Исповедь поколения. М., 1991, с. 16).

¹³⁶ Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991. с.452. «В смысле духовного утончения Восток выше Запада» (Е.И. Рерих – В. Л. Дудко. 8.6.1944 // Новая эпоха. № 1 (24), 2000, с. 82).

¹³⁷ Кимелев Ю. А. Философский теизм. Типология современных форм. М., 1993, с. 5.

УСТАРЕЛ ЛИ НОВЫЙ ЗАВЕТ?

В гостях у «Христа»-Виссариона

Человек я в определенном смысле уникальный. Лично про меня написано в Евангелии. Там целая глава посвящена беседе Христа со мною. Так приятно было читать: “И сказал Сын Человеческий кандидату богословия...”. Евангелие это, правда, было не от Матфея и не от Иоанна. Оно называлось "Последний Завет. Повествование от Вадима" (ч. 5, гл. 17).

Христом же называл себя Сергей Тороп, некогда служивший участковым милиционером в Минусинске, а после пребывания в психиатрической лечебнице ощутивший себя Христом, господом Второго Пришествия, творцом Третьего Завета. Имя он себе взял новое - Виссарион.

Наша беседа длилась четыре часа. Прежде всего меня интересовал вопрос - что же именно нового возвещает Виссарион, чем он считает необходимым дополнить Новый Завет. С этим вопросом я обращался к нему несколько раз. Его первые ответы меня не устраивали. Все то, что казалось новым бывшему милиционеру, не было новым для меня как для человека, который начал собирать библиотеку по истории религии еще в те годы, когда новый «Спаситель» еще нес патрульно-постовую службу... Проповедь любви и примирения? - Это уже было у пророков и в Евангелии. Враждебность богов Ветхого и Нового Заветов? - Это уже было у гностиков. Идея кармы? - Это было в религиях Индии. Перевоплощения? - И эта идея не настолько нова, чтобы ради нее стоило бы вновь Христу приходить на землю. Что же именно столь насущного, столь разительно нового настало время возвестить людям, что для этого понадобилось устраивать “Второе Пришествие Христа”?

В конце концов Виссарион так сформулировал “научную новизну” своей проповеди: “Религии Востока учили, что перевоплощений бесконечное множество. Христиане вообще отрицают перевоплощения. Я же возвещаю, что неправы и те, и другие. Перевоплощения есть - но их всего семь. Каждой душе дается только семь попыток”. В самом деле: традиционное христианство считает, что человек обретает ту или иную вечность по итогам одной своей жизни (Человекам положено однажды умереть, а потом Суд - Евр. 9, 27). Восточные религии говорят о миллионах перевоплощений. Традиционный христианский вариант слишком требователен и ответственен. Восточный - слишком утомителен. А вот семь попыток - это в самый раз... Для успеха на рынке – вполне достаточно. А для претензий на невиданную новизну - маловато...

И, конечно, его не слишком интересовал вопрос о том, можно ли вот так просто, механически, прислонить идею кармы и перевоплощения к Библии. Ибо именно знанием Библии, как оказалось, новый Мессия не обладал.

О том, что было в ходе нашей беседы дальше, считаю полезным сообщить, потому что уж очень это было типично. Те люди, что убеждены в своей способности “обновить” и “дополнить” христианство, как правило весьма плохо знают и христианство, и само Писание.

Так вот, наш разговор с Виссарионом естественно обратился к библейским текстам. И здесь оказалось, что передо мной собеседник, беседу с которым нельзя строить так же, как строятся беседы с протестантами. Я привожу ему какой-либо библейский текст, несовместимый с его воззрениями, а он мне в ответ: “Ну, ты же понимаешь, что Евангелия написаны обо мне. Но вот именно этого я не говорил. Это апостолы меня неправильно поняли. Я совсем иное имел ввиду”. Приводишь еще какое-либо библейское место, и в ответ слышишь вопрос: “А у тебя есть грехи?”. На такой вопрос я, конечно, мог ответить лишь одно: “Вот этого у меня больше, чем хотелось бы”. Довольный моим признанием лже-мессия поясняет: “Ну, вот. А грешный человек не может чисто понимать слово Божие. У меня же нет грехов. И потому только я могу правильно понимать смысл Библии”.

И так я оказался в ситуации, более чем обычной для священника. Это обычная, вполне рядовая составляющая работы священника: объяснять человеку, что у него все же есть грехи. Приходит

человек на исповедь, не понимая ее смысла, не умея каяться и завляет: “А у меня нет грехов. Если кого и убивал - то только по делу”. Или же убегает от труда покаяния другим путем: торопливым признанием во всех грехах сразу (“Во всем грешна, батюшка”¹³⁸). Или вместо своих грехов на исповеди начинает рассказывать о грехах других людей (“Я, батюшка, на днях согрешила, бранное слово сказала. Но она сама виновата. Она...” - и на полчаса рассказ о действительных и мнимых грехах соседки).

Что же, вот и передо мной оказался человек глубоко верующий в собственную непогрешимость. И мне нужно было показать ему, что у него недостаточно оснований для того, чтобы считать себя самым совершенным человеком и тем более Единородным Сыном Божиим. Конечно, его личные грешки меня не интересовали. Но дело в том, что на языке православного богословия грех это не только нарушение заповеди, это еще и болезнь. Грех - это неполнота, ущербность. И вот эту неполноту жизни и мысли Виссариона надо было сделать очевидной. Самый простой и небидный путь к этому - это выяснить пределы его познаний.

Сначала я заговорил с ним о буддизме. Движение Виссариона именуется себя “Общиной Единой веры”. Он утверждает, что нашел путь к объединению всех религий, прежде всего - буддизма и христианства. Однако вскоре выяснилось, что о буддизме он не имеет просто никаких представлений. И это было настолько очевидным, что даже моему собеседнику стало понятным, что ему не следует выставлять себя знатоком буддизма. После того, как он признался в собственном незнании буддизма, я спросил его: “Как же Вы собираетесь объединять то, чего не знаете? И как Вы можете считать себя Мессией, Словом Божиим, Логосом, Разумом Божиим, если Вы не знаете того, что известно любому образованному человеку?”. Его ответ был весьма находчив: “Но ведь буддизм - это ложь. Мессия должен знать истину, но он не обязан знать ложь и грех”. - “Значит, Вы, объединяя буддизм и христианство, объединяете ложь с истиной?” - “Нет. О единстве я говорю только для привлечения большего числа людей. На самом деле истина только в христианстве, только в Библии и во мне”.

Тогда я перевел разговор на такие предметы, незнание которых никак нельзя назвать похвальным. Оказалось, что ни древнегреческого, ни древнееврейского, ни латыни, ни современных европейских языков лже-мессия не знает. Для человека в этом нет никакого преступления¹³⁹. Но тот, кто выдает себя за Христа - как же он не потрудились выучить родной язык истинного Спасителя? Неужели древнееврейский или древнегреческий языки - это тоже грех, прикосновение к которому оскверняет Мессию? Неужели Бог не знает человеческих языков и не понимает наших разноязыких молитв? Здесь в ответ уже было молчание.

Но кульминацией нашей беседы стал тот момент, когда Виссарион начал говорить о существовании множества богов. Услышав, что он проповедует обычный оккультный политеизм (Бог Ветхого Завета и Бог Нового Завета – это разные боги), я попросил его вспомнить десять заповедей. Эффект превзошел все мои ожидания: оказалось, что мессия, выдающий себя за автора Библии, просто не знает десятословия. Он начал мямлить что-то насчет “не убий” и “не укради”. Но первую заповедь он так и не смог назвать. Пришлось ему ее напомнить: *Слушай, Израиль. Я - Господь Бог Твой. Да не будет у тебя других богов пред лицом твоим.* Эта заповедь сама по себе обличала многобожие Виссариона. Но то, что он не знал того, что знает наизусть обычный ученик обычной воскресной школы, что он не знает десяти Заповедей, обличило его претензии еще больше и еще скандальнее... Поняв это, он отказался предоставить мне видео и аудио записи нашей беседы, а вскоре они были уничтожены...

¹³⁸ Один мой знакомый священник в такой ситуации спросил такую грешницу: “Говоришь, во всем грешна? А мотоциклы по ночам угоняла? Нет? Ну, значит тогда кайся в том, что действительно совершала”).

¹³⁹ Я сам отнюдь не полиглот, но в тот момент беседы мне сильно помог о. Олег Стеняев, задав Виссариону несколько вопросов на иврите.

В поисках «Третьего Завета»

В этой встрече с человеком, претендующим на то, чтобы стать автором “Третьего Завета”, в наиболее яркой форме проявилось то, что заметно и в остальных религиозных “новаторах”. Они берутся обновлять то, с чем сами знакомы весьма поверхностно. Иногда они просто не знают Библии и православия¹⁴⁰. Иногда - намеренно искажают и то, и другое. Иногда же они не по своей воле пользуются антиправославными карикатурами, которые в их сознание вложил кто-то другой (инерция атеистического или сектантского воспитания, пресса, мода и т.п.).

В последнем случае разговор с таким “реформатором” может напомнить знаменитую беседу, еще в прошлом веке произошедшую между неким священником и неким атеистом. При случайном знакомстве невер с некоторым апломбом продекларировал свое “свободомыслие”: “А знаете, батюшка, Вы, может, будете поражены, но я не верю в бога”. “Что ж, - спокойно ответил священник, - я тоже”. И затем пояснил поверженному в недоумение собеседнику: “Видите ли, я тоже не верю в такого бога, в которого не верите Вы. Я не верю в бородатого старика с дурным характером, которого Вы себе представляете при слышании слова Бог. Бог. Которому я служу и Которого проповедует моя Церковь - другой. Это Евангельский Бог Любви. Вы просто не ознакомились всерьез с учением нашей Церкви, и потому, не зная истинный образ Бога, отвергаете ложную карикатуру на Него. И в этом Вы правы”.

Ошибка того атеиста была в том, что он вместо образа Бога Любви, вместо Христа составил в своем сознании образ полицейского надсмотрщика. Ошибка тех людей, которые намерены “дополнить” Евангелие, состоит в том, что они вместо образа Бога Любви тоже поставили некоего самодельного идола - на этот раз назвав его “Великим Учителем”. Если Христос всего лишь учитель и проповедник первого века, то при всем уважении к Нему вполне естественно дополнить Его проповеди, исходя из опыта, накопленного человечеством за последующие двадцать столетий.

Знания могут расширяться. Но можно ли сказать, что за эти века мы научились любить сильнее, чем Христос? Если бы Христос рассказывал людям о Божией любви - можно было бы надеяться на появление других проповедников, которые могли бы о том же предмете говорить не менее талантливо, но при этом беря примеры для своих притч из современного быта. Но Христос не рассказывал о любви Бога так, как рассказывают о чем-то объективно-внеположном, внешнем, отличном от самого рассказчика. Он не говорил о Боге так, как мы говорим о другом человеке и об особенностях его характера. Он - явил эту любовь Божию. Во Христе Бог не рассказал о Себе, а дал Себя людям.

И, значит, того, кто дерзнет превзойти Христа, можно и нужно встретить простым вопросом: а точно ли твоя любовь превзошла любовь Христову? Не твое красноречие интересует меня. Ты поясни: что не смогла исполнить Жертва Христова, и как же именно недостаток этой Жертвы ты собираешься восполнить своими речами? Ты уверен, что Бог что-то утаил, что-то не даровал нам в Жертве Своего Сына, и что теперь эту утаенную энергию Божией любви Бог дарует нам, воплотившись в тебя?

Хорошо, до Креста ты еще не дошел. Но даже в своей теории, в своем богословствовании - чем же ты превзошел опыт христианского постижения тайны Христовой любви?

Ты намерен обогатить христианское богословие опытом, накопленным иными традициями и дать новое, не «средневековое» религиозное мышление. Ты считаешь, что Завет, некогда названный Новым, уже обветшал. Ты говоришь, что с Ветхим Заветом люди жили менее пятнадцати веков, а с Новым — уже двадцать. И задаешь вопрос, который кажется тебе риторическим: На пороге третьего

¹⁴⁰ Например, вице-президент Международного театра Рерихов Л. Шапошникова путает Евангелие и апостольские послания, цитируя последние так: “Евангелие, Послание к Галатам, 5, 13-15” (см. - Л. Шапошникова. Новое планетарное мышление и Россия // Мир огненный. 1996, №3 (11), с. 17)... Мы не переросли Евангелие, а выпали из колыбели Евангелия и сильно ударившись головой, возомнили, что переросли Евангелие.

тысячелетия не настало ли время дать новое Евангелие, новую религию человечеству? Не естественно ли предположить, что настает эра Третьего Завета?

В самом деле - весь мир, некогда бывший «христианским», бурлит, ежегодно выплескивая из котла своих религиозных поисков сотни новых сект, тысячи книг внезапно появившихся «учителей», «гуру», «контактеров», «чудотворцев», «пророков» и просто «живых богов». «Труд» (1.7.95) сообщил, что «на территории России, как утверждают статистики, действует сегодня около 300 000 народных целителей, ясновидящих, магов и астрологов». Триста тысяч святых и пророков! Спустя всего пять лет после отмены в России государственного безбожия уже на каждых триста пятьдесят человек приходится один «богоизбранный» чудотворец! И это вполне близко к стандартам современного «цивилизованного мира»: по утверждению американского сектолога Г. Дж. Берри «в одном только Лос-Анджелесе около тысячи активных «контактеров»¹⁴¹. И «информация», которая поступает ко всем этим людям «из глубин Космоса», в принципе одна: пора отложить в сторону Евангелие и перейти к оккультизму, который и будет «Третьим Заветом».

Я же эту «космическую информацию» встречаю простым вопросом: а возможно ли что-то действительно новое в религиозной истории человечества после Нового Завета? Может ли в принципе возникнуть некоторое более высокое представление о Боге, чем то, которое изложено на евангельских страницах? Можем ли мы представить себе религию, дающую более возвышенное понятие о Боге, чем то, что уже многие века хранится христианами?

Предположим, что это возможно. Предположим, что на пороге третьего тысячелетия по Рождестве Христовом человечество готово к принятию «Третьего Завета». Предположим, что в разных религиях мира хранятся кусочки единой мозаики и их можно сложить воедино, чтобы получить, наконец, целостный образ Божества.

Однако очевидно, что на этом пути «синтеза» и «эволюции» должно быть сохранено все лучшее, что было обретено и закреплено в прежних религиозных поисках человечества.

Политеизм, пантеизм и монотеизм

Наверно, не нужно доказывать, что во всем многообразии религиозных учений и практик человечества те традиции, которые пришли к знанию о Едином Первоначале, сделали шаг к более высокому мировоззрению, чем те народы и культуры, что остались при политеистическом (многобожническом) мировосприятии. Всюду, где пробуждалась религиозная мысль, то есть всюду, где религиозная жизнь не сводилась к обрядовости, люди приходили к выводу о том, что все многообразие бытия имеет Единый Исток. Философия Древней Греции, равно как и мысль Древней Индии, пришла к выводу о том, что Божество Едино. О том же горячо проповедовали пророки Древнего Израиля: Бог Один.

Значит, синтез всего лучшего, что было наработано в религиозной эволюции человечества, должен строиться на основе монизма, то есть на предположении о божественном Едином, с Которым как со своей Первопричиной и с Основой связано все сущее.

Но монистическое мировоззрение само бывает разным. Есть школы пантеистические и есть теистические. Первое направление считает, что Единое Начало безлично, второе полагает, что Его можно представлять как Личность.

Отличие пантеистического богословия от персоналистического (личностного) вполне ясно определил И. Кант: пантеистами он назвал тех, кто «принимает мировое целое единой всеобъемлющей

¹⁴¹ Берри г. Дж. Во что они верят. М., 1994, с. 158.

субстанцией, не признавая за этим основанием рассудка»¹⁴². Безличный Абсолют пантеистов — это некая абсолютная субстанция, которая не знает себя, не контролирует себя, не обладает самосознанием и волей. Бог не есть личность, а просто Энергия, подобная гравитации, пронизывающей всю Вселенную. Эта энергия не имеет ни свободы своих действий, ни их осознания, ни контроля над своими проявлениями. Во всем мире идет неосознаваемое многоликое воплощение Единой Энергии, которая проявляет себя и в добре и в зле, и в создании, и в разрушении; ее частные проявления умирают, но она всегда остается собой, никого не жалея и никого не любя. Таково пантеистическое Божество, проповедуемое, например, Джордано Бруно: «Божество не знает себя и не может быть познано»¹⁴³; «Богу нет никакого дела до нас»¹⁴⁴. Е. П. Блаватская говорит о нем так: «Мы называем Абсолютное Сознание «бессознанием», ибо нам кажется, что это неизбежно должно быть так... Вечное Дыхание, не ведающее самое себя»¹⁴⁵. «Неподвижно Бесконечный и абсолютно Безграничный не может ни желать, ни думать, ни действовать»¹⁴⁶.

Но есть понимание Бога как Личности. В таком богословии, характерном, например, для христианства и ислама, Бог бесконечен, вездесущ, не ограничен ни материей, ни временем, ни пространством. «Бога нет ни в облаке, ни в другом каком месте. Он вне пространства, не подлежит ограничениям времени, не объемлется свойствами вещей. Ни частичкой Своего существа не содержится Он ни в чем материальном, ни обнимает оно через ограничение материи или через деление Себя. *Какой храм вы можете построить для Меня,* — говорит Господь (Ис. 66, 1)¹⁴⁷. Но и в образе вселенной Он не храм построил Себе, потому что Он безграничен» (*Климент Александрийский. Строматы, II, 2*). Но при этом Он знает Себя, владеет всеми своими проявлениями и действиями, обладает самосознанием, и каждое Его проявление в мире есть результат Его свободного решения.

Какой из этих двух образов бытия кажется более совершенным и достойным Бога?

Если мы мыслим Абсолют, мы должны Его мыслить как совокупность всех совершенств в предельной (точнее — беспредельной) степени. Относятся ли самоосознание и самоконтроль к числу совершенств? Да. Следовательно, и при мышлении об Абсолюте необходимо допустить, что Абсолют знает Сам Себя. Входит ли в число совершенств свобода? Очевидно, что из двух состояний бытия совершеннее то, которое может действовать свободно, исходя из самого себя, сознательно и с разумным целеполаганием. Следовательно, и при мышлении Абсолюта достойнее представить, что каждое Его действие происходит по Его свободной воле, а не по какой-либо неосознаваемой необходимости. Понимание Единого как свободной и разумной Личности более достойно, чем утверждение безликой Субстанции.

Может быть, правы атеисты, и никакого «Совершенного Бытия» и нет. Но если уж заниматься религиозной философией и создавать гипотезу о таком Бытии, то более глубокой и последовательной будет та, которая отнесет самосознание и свободу к числу совершенств, и потому в Абсолюте увидит Личность. Непонятна и необязательна пантеистическая логика, полагающая, будто при последовательном мышлении Бытия нужно лишать Его способности самостоятельно мыслить, свободно и осознанно действовать, любить и творить.

По справедливому рассуждению Владимира Соловьева, «Божество не должно быть мыслимым безличным, безвольным, бессознательным и бесцельно действующим... Признавать Бога безличным, безвольным и т. д. невозможно потому, что это значило бы ставить его ниже человека. Не без основания считая известные предметы, как, например, мебель, камни мостовой, бревна, кучи песку

¹⁴² Кант И. Критика способности суждения, 80. // Кант И. Сочинения. Т. 5. М., 1966, с. 452.

¹⁴³ цит. по: Боголюбов Н. Теизм и пантеизм. Нижний Новгород, 1899, с. 302.

¹⁴⁴ Цит. по: Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000, с. 95.

¹⁴⁵ Блаватская Е. П. Тайная Доктрина. Т. 1. Рига, 1937, с. 102.

¹⁴⁶ Блаватская Е. П. Главы из «Тайной Доктрины» // Вестник теософии. 1913, № 10, с. 69.

¹⁴⁷ В синодальном переводе: «где же построите вы дом для Меня».

безвольными, безличными и бессознательными, мы тем самым утверждаем превосходство над ними личного, сознательного и по целям действующего существа человеческого, и никакие софизмы не могут изменить этого нашего аксиоматического суждения»¹⁴⁸.

Пантеисты говорят, что мыслить Бога как Личность значит делать Его слишком антропоморфным, занижать Божество. Но ведь сами пантеисты считают, что Бог един со всем бытием. А если Божество вбирает в себя все, что только есть сущего, то почему же Оно, неотлично тождественное с любым камнем, пнем, кометой и псом, не может быть похоже на человека? Если по уверению пантеизма (все-божия) Божество едино со всем, и является единственным субъектом всех мировых свойств и всех мировых процессов — то почему бы не быть ему и носителем высших человеческих свойств: разума, целеполагания, сознания, любви и гнева? Почему при мышлении об Абсолюте надо умножать на бесконечность свойства бессознательного мира, то есть низшие свойства, а не возводить в бесконечную степень такие совершенства, как свобода, разум и любовь?

Пантеисты оскорбляются, слыша, что «Бог мыслит» – это, мол, унижает Бога, уравнивая Его с человеком. Но как же они не понимают, что, отказывая Богу в праве на мысль, они сами уравнивают Его с безмозглым камнем? Если все же преодолеть гипноз оккультизма и признать, что человек имеет свойства, возвышающие его над миром («По сравнению с человеком любое безличностное существо как бы спит: оно просто страдательно выдерживает свое существование. Только в человеческой личности мы находим пробудившееся существо, действительно владеющее собой, несмотря на свою зависимость от обстоятельств»¹⁴⁹), тогда будет понятно и христианское возвешение о том, что Бог отличен от мира. Отличен, в частности, тем, что обладает все-сознанием.

Когда христианское богословие утверждает, что Бог есть Личность, оно на деле совершает отрицающую, ограждающую, защищающую работу. Это — апофатическое, мистико-отрицающее богословие¹⁵⁰. Это не заключение Непостижимого в человеческие формулы, а освобождение Его от них. Сказать, что Божество лишено разума, любви, свободы, целеполагания, личности, самосознания, значит предложить слишком заниженное, слишком кошунственное представление об Абсолюте. Следовательно, пантеизм отрицается христианской мыслью по тем же основаниям, по которым ею отвергаются языческие представления о богах как о существах телесных, ограниченных, не всеведущих¹⁵¹ и грешных. Утверждение личности в Боге есть утверждение полноты Божественного бытия. Отрицание этой личности означает не «расширение», но, напротив, обеднение наших представлений о Боге. В конце концов если разумное бытие мы считаем выше разумолишенного, если свободное бытие мы полагаем более достойным, чем бытие, рабствующее необходимости, то почему

¹⁴⁸ Соловьев В. С. Понятие о Боге // Собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1903, с. 16.

¹⁴⁹ Д. фон Гильдебранд. Тейяр де Шарден: на пути к новой религии. // Д. фон Гильдебранд. Новая вавилонская башня. Избранные философские работы. СПб., 1998, с. 104.

¹⁵⁰ Апофатическим (отрицающим) называется способ богословствования, который отрицает слишком поспешное приложение к Богу человеческих философских, психологических, социальных или моралистических категорий. Апофатическое богословие подчеркивает, что Бог неизмеримо выше наших представлений о Нем, оно подчеркивает, что духовный опыт Богопознания не вмещается в слишком человеческие и потому занижающие формулы. Важно, однако, подчеркнуть, что апофатика не есть агностицизм. Агностик просто отказывается познавать Бога, в то время как богослов, работающий апофатическим методом, именно работает. Агностик отворачивается от солнца и говорит, что само существование солнца недоказуемо, и уж совсем бессмысленно всматриваться в него. Боголов же заметил солнце, признал его и до некоторой степени даже был обожжен им. И вот он как бы берет разноцветные стеклышки и через них смотрит на солнце. Конечно, каждое стеклышко затемняет, ограничивает солнечное сияние. Но во-первых, вообще без стеклышек смотреть на солнце было бы просто невозможно. Во-вторых, лучше смотреть на солнце через затемняющие очки, чем вообще всю жизнь прожить в темной пещере. И в-третьих, каждое новое стеклышко (то есть человеческое слово или формула) все-таки позволяет уловить какой-то новый оттенок Солнца Правды. И даже если оно заведомо не подходит — это тоже результат: мы узнали, что Бога нельзя представлять себе вот так...

¹⁵¹ Знаменитый греческий миф об Афине, рождающейся из головы Зевса, открывает не столько «бесстрастность», сколько неосведомленность античных богов. Афина рождается из головы Зевса оттого, что Зевс перед этим съел свою собственную супругу — богиню мудрости Метиду, уже беременную Афиной, и съел именно для того, «дабы она сообщала ему что зло и что благо» (Гесиод. Теогония, 900). Боги сами не знают различия добра и зла и должны этому учиться.

же то, что мы считаем Богом, то есть бытие, которое мы считаем превосходящим нас самих, мы должны мыслить лишенным этих достоинств?

Пылинка, обладающая самосознанием, бесконечно достойнее громадной галактики, не сознающей себя и своего пути. Если философ признает превосходство сознания над бессознательным миром — то он не может не согласиться с испанским философом-экзистенциалистом Унамуно: «Но пусть кто-нибудь скажет мне, является ли то, что мы называем законом всемирного тяготения, или любой другой закон или математический принцип, самобытной и независимой реальностью, такой, как ангел, например, является ли подобный закон чем-то таким, что имеет сознание самого себя и других, одним словом, является ли он личностью?.. Но что такое объективированный разум без воли и без чувства? Для нас — все равно, что ничто; в тысячу раз ужасней, чем ничто»¹⁵². Если «мыслящий тростник» ценнее, чем дубовый, но безмозглый лес, чем всегда справедливые и вечно бесчувственные законы арифметики и чем безличностные принципы космогенеза — то человек, сознающий себя, оказывается неизмеримо выше и бессознательного «Божества» пантеистов. Итак, христианская критика пантеизма — это отрицание отрицаний. «Нельзя запрещать!» Нельзя запрещать Богу думать! нельзя запрещать Богу быть Личностью!

Христиане согласны с позитивными утверждениями пантеизма: Божество — неограниченно и мир пронизан Божеством. Разница здесь будет лишь в том, что пантеисты скажут, что Бог в Своей сущности пронизывает мир, а христиане — что Он пронизывает мир Своими энергиями. Это было бы не более чем спором о словах, если бы пантеистический тезис не влек некоторые весьма важные негативные последствия. Именно с этими отрицаниями пантеизма христиане не согласны. Мы не согласны с отрицанием в Боге личного разума, личной воли, а также надмирной свободы Бога.

Разница пантеизма и теизма резюмируется очень просто: можем ли мы «признавать *моральное* существо как первооснову творения»¹⁵³, или мы полагаем, что нравственные ценности и цели наличествуют только в сознании и деятельности человека, но они отсутствуют в жизни Божества так же, как они отсутствуют в жизни мухи.

Пантеист скажет: я отвергаю целеполагающую осознанность в действиях Абсолюта, потому что цель есть то, к чему надо стремиться в силу нехватки, отсутствия желаемого. Достижение цели обогащает того, кто стремится к ее достижению. Но Абсолют ничем нельзя обогатить, всю полноту бытия Он в себе уже имеет, и потому ему незачем действовать и ни к чему целеполагание¹⁵⁴. Так чего же может *так* недоставать Абсолюту? Что может желать присоединить к Своей Полноте Божество?

— Нас. Бог хочет не усвоить нас Себе, но подарить Себя нам. И Он дал нам свободу, чтобы этот Дар мы смогли принять свободно. Бог отпустил нас от Себя в надежде, что мы вернемся. Не для Себя Бог нуждается в нас, а для нас. Он создал нас во времени с целью подарить нам Свою Вечность. Пантеистическая цепочка рассуждения, отрицающая целеполагание в Боге, строится на чисто корыстном понимании цели: цель деятельности есть то, что нужно непосредственному субъекту деятельности. Но ведь можно желать блага другому, можно действовать ради другого. Это и называется любовью, и если Бог есть Любовь — то он может желать приращения блага не Себе (в Нем все благо дано от века), а другим. Именно понимание Бога как Любви позволяет увидеть в Нем Личность и целеполагающий Разум. И та нравственная ценность, которой не чуждо Божество — это желание блага другому.

¹⁵² *де Унамуно М.* О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Агония христианства. М., 1997, сс. 174 и 180.

¹⁵³ *Кант И.* Критика способности суждения, 88 // Кант И. Сочинения. т. 5. М., 1966, с. 492.

¹⁵⁴ По мнению пантеиста Спинозы, теистическое убеждение в том, что Бог действует целесообразно, «уничтожает совершенство Бога; ибо если Бог творит ради какой-либо цели, то он необходимо стремится к тому, чего у Него нет» (*Спиноза Б.* Этика. кн. 1. Прибавление к теореме 36 // Избранные произведения. т. 2. М., 1957, с. 397).

Откуда «другой» рядом с Беспредельным и всевещающим Абсолютом? – от свободного решения Самого Бога. Бог пожелал чтобы было иное, чем Он бытие и для этого умалил Свое присутствие в этой сфере бытия, предоставив ей свободу. Ведь Бог всемогущ? – Ну, так Он и сотворил величайшее чудо: дал возможность в Себе существовать иному, при чем наличие и даже бунтарство этого иного не дробит Его собственного Единства... Не переставая быть «всюду Сущим и единым», Он благословил существовать другим волям, другим бытиям. Само существование мира, причем мира настолько свободного, что в нем не обнажено постоянное вседеприсутствие Бога, есть проявление Божией любви.

Итак, та религия, которая могла бы превзойти христианство, должна была бы сохранить понимание Бога как свободной и разумной Личности¹⁵⁵.

Если нет Любви в Боге, если Бог не способен к личностному и любящему Бытию, то человек — не более чем плесень на окраинном болоте вселенной.

И здесь неизбежен выбор: или принять Евангелие, которое возвещает, что Тот, через Которого все начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть (Ин. 1, 3), пришел на Землю и стал человеком, или человек и его планета — не более чем свалка кармического мусора. Космос живет сам по себе и даже не знает, что где-то на его окраине страдает и на что-то надеется человек. Этот мир не становится полнее, если в него приходит человек, и он не беднеет, если человек из него уходит. Дважды два всегда равняется четырем. Две галактики плюс две галактики — всегда получалось четыре. Знают об этом земляне или нет — таблице умножения до этого нет никакого дела. Красота мира не создана для человека, не заботится о человеке и потому по сути своей бесчеловечна¹⁵⁶.

Пантеистам более всего в христианстве непонятна тайна Божественной любви. Когда один из корреспондентов Е. Рерих робко заметил, что Бог есть любовь, а любить может лишь субъект, а не безликий закон — теософка¹⁵⁷ напомнила: «Восток запретил всякое обсуждение Неизреченного, сосредоточив всю силу познания лишь на величественных проявлениях Тайны»¹⁵⁸. В другом месте она, правда, пояснила, что «божественная любовь» есть не что иное, как силы космической гравитации: «Божественная любовь есть начало притяжения или тот же Фохат, в его качестве божественной любви, электрической мощи сродства и симпатии»¹⁵⁹.

Христианин же за симфонией мира ощущает именно живую любовь, любящую Личность. Не просто Закон, не просто Разум, не просто «гравитацию», не просто “космическое электричество”, но — Личную и любящую Волю. И поэтому он переживает единство Бога и мира даже еще более живо, чем пантеист. Он не просто, подобно пантеисту, переживает причастие мира Горнему Началу, но он еще знает, как имя этого Начала, знает, Кому можно вымолвить слово благодарности за этот вечер и

¹⁵⁵ Сопоставлению пантеизма и христианства посвящена моя книга “Христианская философия и пантеизм” (М., 1997).

¹⁵⁶ Дважды я видел, как рериховцы спотыкаются на этой моей фразе о том, что “Красота мира не создана для человека...” (первый раз ею возмутилась Наталья Бондарчук - Литературная газета, 15.7.98; второй раз – Ксения Мяло в книге “Звезда волхвов или Христос в Гималаях” (М., 2000, с.135). Наталья Бондарчук цитирует последнюю фразу и восклицает: “Если великий Достоевский вывел формулу “Красота спасет мир”, то диакон Кураев нам в этом отказывает. Но, может, к нашему счастью, именно сам диакон или его душа еще не осознала красоты?”. С какой же мерой заведомой неприязни нужно читать мою книгу, чтобы приписать мне ту позицию, которую я явно отрицаю и противопоставляю евангельской?! ... Тут вполне четкое “Или-Или”. Или мы принимаем Евангелие – или, отрицая Евангелие, мы должны будем признать, что мир бесчеловечен. Именно антиевангельскую позицию, то есть такую, с которой я заведомо не могу быть согласен, излагает моя фраза, предупреждая рериховцев, что именно в такой, бездушно-бесчеловечный мир они запикивают себя, следуя догматам теософии. Вновь напомним слова Блаватской: “Божественная Мысль имеет настолько же мало личного интереса к ним (Высшим Планетарным Духам-Строителям) или же к их творениям, как и Солнце по отношению к подсолнуху и его семенам”.

¹⁵⁷ Теософка — не уничижительный эпитет. Рерихи, для которых вообще было характерно поразительное нечувствие русского языка, употребляли это словечко (напр.: «Вы, как давняя теософка...» — Рерих Е. И. Письмо В. А. Дукшта-Дукшинской от 27.4.37 // Рерих Е. И., Рерих Н. К., Асеев А. М. «Оккультизм и Йога». Летопись сотрудничества. Т. 2. М., 1996, с. 303), не замечая, что звучит оно скорее обзывательски.

¹⁵⁸ Рерих Е. И. Письма 1929 – 1938. Т. 1. Минск, 1992, с. 439.

¹⁵⁹ Рерих Е. И. Письма 1929 – 1938. Т. 2. Минск, 1992, с. 12.

за будущий рассвет. Вот право, потерянное пантеистами — они не могут воскликнуть: «Слава Тебе, показавшему нам свет!».

Теперь мы можем продолжить наш эксперимент, чтобы решить, как достойнее думать о Боге. Мы уже видели, что среди множества богословских концепций самая чистая, возвышенная, продуманная — та, которая возвещает: «Бог есть любовь». И тот образ Божественной Личности оказывается и более глубоким, и более привлекательным, в котором проявления Бога усматриваются не только в воле, в силе или в разуме, но и в любви.

Значит, религия будущего, если она действительно пожелает вместить все лучшее, что уже осознано в религиозной эволюции человечества, должна будет принять эту формулу.

Бог - Один. Бог есть Личность. Бог есть Любовь. Таковы три важнейшие вывода из религиозной истории человечества.

И это не просто формула. В христианстве есть не просто отражение этой формулы, а ее уникальное воплощение. Христос не просто рассказывал людям о Божией любви. Он ее явил. Именно в Жертве Христа откровение о Боге явлено в большей мере, чем в любых проповедях и в притчах. Любовь открывается не в аргументах, а в действии. И важнее всего в Христе - Его действие.

Оккультисты скажут: мы признаем великое значение жертвы Христа, мы видим в ней знак и урок Божией любви. Но это заявление не сделает их христианами. *Во-первых*, карма, которая является *высшим* принципом оккультной философии, никого не любит. Она просто автоматически действует. *Во-вторых*, для христиан во Христе, *обитает вся полнота Божества телесно* (Кол. 2, 9), а для оккультистов во Христе была всего лишь частичка Божества. *В-третьих*, для христиан воплощение Бога в человеке, во Христе было свободным и чудесным действием любви. Для оккультистов же Божество просто присутствует в каждом мировом феномене, в том числе и во Христе, равно как и в том копье, которым Христос был пронзен, и в той чаше, в которой Пилат умывал руки. По их мнению Божество страдало не потому, что хотело вобрать в Себя опыт человеческой боли, а потому, что Ему некуда было уйти. Бога вне мира с точки зрения оккультистов нет, и поэтому, разламывая любой камень — разламывают кусочек божества, которое в общем-то вовсе не соглашалось (ему «ничем» соглашаться, в нем нет личности) ни на какие страдания.

Оккультисты готовы почтить страдания Христа, но для них Он не более чем «планетарный Логос», сошедший с не слишком высокой ступени «Космической Иерархии»¹⁶⁰. Но это значит, что о Боге и нельзя сказать, что именно Он есть любовь: на Голгофе умер ведь не Бог, а более низший чин... И, значит, по настоящему в Божестве нет любви — она проявляет себя лишь на более низких, более земных и человеческих «планах бытия».

Дерзость евангельского возвещения раскрывается вполне, лишь если брать его целиком, а не кусочками: если понять, что христианство строится именно на возвещении, что Сам Бог, Тот, выше Кого нет никакого бытия, воплотился в распятом Сыне Марии. Большая любовь Бога к людям не может быть явлена (ибо «карма» или «Фохат» и не подумают взойти на крест ради людей, и «знаки Зодиака» не станут менять привычной колеи ради помощи людям). Поэтому от Голгофы путь может быть только вниз: любой возвеститель какой-то религиозной «новинки» после Христа, если его проповедь берется «расширять» или «обновлять» Евангелие, делает шаг вниз, в тот магизм и в то законничество, от которых Евангелие освободило людей. Так с Северного полюса любой шаг ведет в одном направлении: к югу. Так с вершины Эвереста шаг в любом направлении означает уже спуск.

Категории «современное», «устаревшее», «средневековое», «прогрессивное», «отсталое» здесь просто не уместны. Здесь иная, надвременная и вневременная шкала ценностей. Любовь не устаревает.

¹⁶⁰ Блаватская же отказывает Христу даже в этом. Для нее Иисус – просто человек.

Время, согласно Новому Завету, прекратится (см.: Откр. 10, 6); любовь же останется даже после исчезновения времени. Любовь переживет даже надежду (1 Кор. 13, 8—14) — ибо надежда мыслима только при чередовании настоящего и будущего. И, значит, течение времен не властно над Евангелием любви. Среди тех реалий, которые никогда не смогут отлучить христианина от любви Божией, явленной во Христе, апостол Павел называет не только темницы и гонения, но и реку времени (ни настоящее, ни будущее... — Рим. 8, 38). Поток времени не сможет истончить, стереть Завет любви, заключенный Христом. И это потому, что не люди заключили этот завет, не люди нашли Христа, а Бог нашел людей и Бог создал этот завет с нами. Созданное людьми может устареть. Основанное даже не на учении, а на самой жизни, смерти и воскресении Господа — устареть не сможет.

Все разговоры о «третьем Завете», об «эпохе Духа» и «эре Водолея» не учитывают одного библейского обстоятельства: мы живем в «последнее время». Оно последнее не в том смысле, что не сегодня-завтра настанет конец света. До конца истории могут быть еще тысячи и тысячи лет, и все-таки наше время все равно — последнее. Оно «последнее» уже две тысячи лет. Самое главное уже произошло. Бог уже стал человеком, и Он не намеревается «развоплощаться». Те, кто собираются превзойти «последнее время» христианства в «Новой Эпохе», на деле опустили в магу «пред-последних», доновозаветных эпох.

Есть нечто в мире, что Бог улучшить не может. А люди — могут. Этой загадочной реальностью является христианская религия. Бог совершил уже даже самое немыслимое ради нас, людей. Он переступил порог Своей вечности и вошел в поток времени. Он, Своєю рукою создавший человека, согласился претерпеть пощечины от человеческих рук. Тот, кто одевает небо облаками, Сам был облачен в одежду поругания... Своею любовью Самого Себя Он дал нам. Не от Бога мы должны ждать новых, «улучшенных» откровений, а от своей жизни требовать большей полноты жизни в соответствии с вечным Евангелием Любви. Как справедливо написал еще М. Тареев: «Толки о развитии или совершенствовании христианства удручающе нелепы: Евангелие никогда не может быть превзойдено. Идея “третьего завета” таит в себе, как идея бесконечного прогресса, отрицание всякого смысла истории, непроглядную бессмысленность мирового процесса. Прогресс несомненно существует, но он образует верхнее, поверхностное течение в мировой истории, ниже которого совершается обратное течение... Дух Святой уже ничего нового не прибавляет к делу Христа: Он лишь повторяет Его дело в человеке. Прибавить к христианству может лишь человек — не в смысле совершенствования христианства, а в смысле повторения или перерешения христианской задачи человеком для себя. Христианство носит в себе ограниченность не в том смысле, что возможна более совершенная религия, а в том смысле, что оно слишком возвышенно, чтобы сказать последнее слово, которое остается за человеком именно потому, что он увенчан славою и честью. Христианство есть половина жизни, правда, половина абсолютная, но все же предполагающая другую, относительную половину, которую совмещает с христианством человек»¹⁶¹.

Значит, нужно не клеивать в Евангелие новые странички, не ожидать иного голоса с небес и не разучивать новую технику медитации. А надо взять в руки полузабытое Евангелие, и раскрыть его с вопросом: «Что Ты, Господи, хочешь сказать мне? Твое вечное слово да сообщит мне, в чем мой сегодняшней долг, какими должны быть моя вера, моя надежда и моя любовь!».

Если правы «свидетели Иеговы»

Почти все уже встречали у порога своей квартиры или на улице группки людей, распространяющих журнал «Сторожевая башня» вместе с книжками типа «Ты можешь жить вечно в раю на земле». Это люди из секты «Свидетелей Иеговы». На примере этой навязчивой секты хорошо

¹⁶¹ Тареев М. М. Христианская философия. ч. 1. Новое богословие. М., 1917, сс. 31 – 32.

видно, как легко, занявшись перетолкованием христианства, незаметно убить самую его душу. Они называют себя христианами и признают Новый Завет, но при этом отрицают Троицу и полагают, что Христос — пророк, но никак не Бог.

Я не буду сейчас разбирать их аргументацию. Я просто попробую согласиться с ними и признать, что Христос — не Бог. Христос — учитель, пророк, проповедник. Но — не Бог.

Такими глазами смотрят на Него очень и очень многие люди, не имеющие вообще никакого отношения к «Свидетелям Иеговы». Я бы даже сказал, что вообще — это обыденная и естественная точка зрения. Чтобы признать во Христе Бога — нужен подвиг веры. А чтобы увидеть в Нем просто философствующего галилейского странника никакого усилия, никакой особенной зоркости духовного взгляда не нужно; такое восприятие вполне рассудочно и обыденно.

Но можно ли принять Евангелие, если не принимать Божественность Христа? Если прочитать Евангелие глазами человека религиозного, но не верящего в Троицу - что откроется на страницах христианского Писания?

Если «Свидетели Иеговы» правы, то нет более мерзкой религии, чем религия Евангелия. Ведь христианство говорит: «Бог есть любовь». А тот, кто умер на Голгофе, оказывается, отнюдь не есть Бог. Что же получается? Если Христос не был Богом, то тот Небесный «Отец», которого Иисус умоляет пронести мимо Него чашу страданий, оказывается не лучше тов. Жданова, который призывал ленинградцев мужественно переносить тяготы блокады и терпеливо воспринимать уменьшение карточных выдач - но сам не испытывал ни холода, ни голода. Станный Бог, который требует, чтобы Его именовали любовью, но сам не приемлет высшее служение любви, поручая его другому — Христу.

Если Бог сам не страдал на Голгофе — почему и за что мы должны благодарить именно Его при виде распятого Сына Марии? Бог Ветхого Завета говорит «славы Моей не дам никому» (Ис. 48,11). А не похитил ли Он сам чужую славу? Не присвоил ли Он Себе ту человеческую благодарность, которую мы должны были бы принести к гробнице галилейского проповедника?

Кому я должен быть благодарен более? Командующему, который из безопасности своего командного пункта дал разрешение на воинскую операцию, или тому солдату, который, рискуя своей жизнью, вырвал меня из рук террористов?

По утверждению Писания, Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас (Рим. 5, 8). Но если Христос — не Бог, то как смерть другого может доказать Божью любовь? Предположим в нашем доме Иван, живущий на третьем этаже, умер, спасая Алексея со второго этажа. Доказывает ли жертвенная смерть Ивана, что Александр с пятого этажа проявил через нее свою любовь к Алексею?

Евангелие учит, что нет большей любви как положить жизнь свою за ближних своих. Но Бог, дающий эту заповедь, сам, по мнению “Свидетелей Иеговы”, поступает иначе. Не своею жизнью Он жертвует ради людей, а жизнью самих же людей: лучшего из людей ради прощения худших. Чужим страданием Бог омывает чужие грехи. Взирая на смерть Христа, Бог решает изменить свое гневное отношение к людям. Кровь Христа застилает Ему глаза так, что Он уже не видит иных беззаконий и все прощает. Бог проливает чужую кровь, чтобы изменить Свое отношение к людям.

Если Христос - не Бог, а всего лишь "учитель" или "пророк", в таком случае для Бога Иисус не более чем жертвенное животное, чью кровь люди должны почему-то пролить для того, чтобы вызвать милостивное отношение к себе у Того, перед чьим Всевидящим оком была пролита кровь Жертвенного Агнца. Если Христос - не Бог, то нет в мире книги, более оскорбляющей нравственное чувство. Люди долго и со вкусом грешили - и Бог на них сердился. Наконец, люди совершили самое гнусное, что они могли делать - они убили единственного светлого Человека на земле. И в ответ на это преступление апостолы Христа почему-то заявили, что после убийства Христа Бог больше на людей не гневается, что наши грехи омыты кровью Иисуса...

Для иеговистов Христос не более, чем некое существо, страдающее за чужие грехи и используемое двумя другими сторонами, чтобы выяснить их отношения между собой. Бог гневается на людей за то, что люди нарушили Его заповеди. Но люди Ветхого Завета убивают животное - и Бог милостивляется. Выходит, что и в Новом Завете Богу, чтобы изменить свое отношение к людям, нужно позволить людям убить какого-то воплощенного Ангела.

Бог "Свидетелей Иеговы" возложил крест на плечи творения. Бог христиан, верящих в Троицу. Сам взял крест на Свои собственные плечи.

Если Христос умер за нас, если Христос проявил ту любовь, больше которой не может быть, и если при этом Христос не был Богом - то одно из двух. Или христианин, то есть тот, кто действительно полюбил Христа, должен стать атеистом: он почитает Христа, любовь которого он видел и познал, но ничего не желает знать о Боге, который свою собственную любовь к людям не проявил ничем. Или же Он должен почитать Бога именно за то, что тот разрешил убить лучшего из людей...

Если за меня умер Христос - почему я должен за это любить Бога? Если Христос не Бог, за что же благодарить Бога? От смерти нас избавил Христос, Бог же всего лишь дал Ему разрешение действовать по любви. Не Отца мы должны благодарить, а только Христа. И спасены мы тварью, не Творцом. Итак, по логике "Свидетелей Иеговы" Христос Своим подвигом поставил под угрозу самую суть монотеизма. Он настолько запечатлелся в памяти людей, что затмил Собою Иегову. И только естественно, что имя Иеговы было забыто спасенными людьми. Бог это не мог не предвидеть. Зачем же Он предложил такой способ избавления людей, что неизбежно привел людей к почитанию не-Бога, то есть — во власть язычества? Бог всегда так старательно заботился, чтобы Израиль не стал слишком почитать своих героев и учителей (гробница Моисея была сокрыта от народа) и свои святыни (уничтожение медного змия). И вдруг — такая ошибка...

Если "Свидетели Иеговы" правы, то я могу их поздравить с поразительным открытием: оказывается, одним из самых первых атеистов в мире был... апостол Павел. Именно он однажды сказал: Я рассудил быть незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого (1 Кор. 2, 2). Если Христос — не Бог, то Павел, сказавший, что он не желает знать ничего и никого, кроме Христа, тем самым заявил и о том, что он не желает знать и Бога. Христос затмил Своим Крестом Небо. В таком случае Христос не открыл Отца, а спрятал Его за Собою.

Если не признать во Христе великую благочестия тайну: Бог явился во плоти (см.: 1 Тим. 3, 16), то апостольская проповедь Христа оказывается утонченной атеистической пропагандой. Ведь апостолы проповедают, что нет ни в ком ином спасения (Деян. 4, 11). Если Христос — не Бог, а только "посланник", "учитель", только человек, если Сын и Отец не одно и то же, то перед нами проповедь атеизма. Бог не спасет и не спасает. Спасение только в человеке Иисусе. Но апостолы явно не атеисты. Они верят в Творца. И они прекрасно понимают, что человек не даст выкуп за душу свою (см.: Мф. 16,26). Если спасение в Боге, и спасение только во Христе — эти два исповедания веры можно совместить только с помощью учения о Троице.

И только в одном случае мы можем с религиозным и с нравственным благоговением отнестись к повествованию Нового Завета: если в изможденном лике Голгофского Страдальца узнаем Того, Кто некогда Сам создал все мироздание.

Поэтому самая суть монотеистической религии требует признать Троицу, требует узнать в Распятом Христе - Вечного Сына, Истинного Бога. И к «Свидетелям Иеговы» относится тот же упрек, который еще в IV веке сделал святитель Григорий Нисский арианам, также отрицавшим Божественность Христа: «Почему ты лишаешь благодарности за наше спасение Отца, совершившего освобождение людей от смерти силою Своею, которая есть Христос?»¹⁶².

¹⁶² Свт. Григорий Нисский. Против Евномия. 6,3. // Творения. Ч. 6. – М., 1863. С. 52.

ЖЕСТОК ЛИ ВЕТХИЙ ЗАВЕТ?

С кем шла война?

Сегодня легче понять тайну Израиля, нежели сто лет назад. потому что для ее понимания надо представить себе мир, в котором живут только язычники. Надо вообразить мир, в котором Евангелие еще не проповедано, а вокруг кишмя кишат маги, колдуны, шаманы, духи и боги. Сегодня это сделать проще. Снова обыватели пугают друг друга порчами и сглазами, снова бродячие шаманы предлагают свои услуги по «привороту» и «отвороту». Снова вокруг ярмарочное изобилие имен и масок различных духов и божеств, оккультных словечек, обозначающих всевозможные «планы», «эоны» и «энергии». Люди забыли, что можно просто встать перед Богом и без всяких сложных ритуалов, заклинаний и велеречивых именованных сказать: «Господи!».

И сколь редко на книжных развалах, заставляющих городские перекрестки и подземные переходы, сегодня можно встретить книгу о православии, столь же редко три тысячи лет назад можно было на земле услышать слово о Едином Боге.

Израиль появился на арене мировой истории поздно и на очень ограниченном участке земли. Уже не одно тысячелетие культурной истории человечества было за спиной. Уже были построены египетские пирамиды. Уже были сложены шумерские сказания. Уже финикийские корабли бороздили Средиземное море... На Крите уже был построен лабиринт...

Уже много раз в самых разных странах и племенах были рассказаны странные мифы о том, что Бог был свергнут или убит. А на Его место воссели нынешние небесные «владыки» – ваалы. Так верили родственники евреев – жители Ханаана. Они были убеждены, что высший Бог был свергнут своим правнуком по имени Ваал. Этот миф из ближневосточных, скорее всего, хеттских, преданий перешел к грекам¹⁶³ (с переменой имен он теперь рассказывался о Зевсе и Кроносе). В Шумере верили, что нынешний их владыка – Мардук - пришел к власти, убив первичную богиню по имени Тиамат...

Люди кланялись духам, о которых и сами знали, что те не являются Богом, т. е. Изначальным творческим Бытием. Религия была неотрывна от магии и колдовства. И не только слабость человеческого духа была причиной забвения о Боге в религиях народов Земли. Те духи, к которым они разноименно взывали, были достаточно реальны. Они могли оказывать некоторую помощь – но при условии, что человеческое почитание будет замыкаться на них и не искать Бога.

У человечества была уже долгая и не слишком успешная религиозная история ко времени Моисея (время его жизни датируют обычно XIII в. до Р. Хр.). То, что произошло с Моисеем, не понять, если смотреть на него лишь из нашего времени и по нашим меркам. Когда светит Солнце – лучинка кажется ненужной и производящей скорее копоть, нежели свет. Но представим, что Солнце еще не вошло. И тогда найдется повод сказать доброе слово и о лучинке.

Жестокости Ветхого Завета – прежде всего по отношению к жителям покоряемого евреями Ханаана - кажутся ужасающими. Но, во-первых, если у нас создается о нем именно такое впечатление – значит, он все-таки привел к той цели, ради которой был некогда дан. Мы и наш мир действительно стали лучше. Нравственное чувство обострилось. Мы стали способны возмущаться тем, что в иные времена казалось само собой разумеющимся.

Ненависть Израиля к жителям Ханаана станет хотя бы понятной, если мы осознаем, с чем именно евреи там встретились. В Ханаане, Финикии и Карфагене (Карфаген - «Новгород» - был североафриканской провинцией Финикии) почитался бог по имени Ваал (отсюда – известные всем имена: Ганнибал «милостив ко мне Ваал» и Гасдрубал (Азрубаал) «Ваал помогает»)¹⁶⁴. Это был бог

¹⁶³ См. Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. Спб., 2000, сс. 76-77.

¹⁶⁴ Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1987, с. 132

солнца (Ваал-Хаммон – «владыка жара») и одновременно плодородия. Но жертвы этому солнечному божеству приносились по ночам. Эти жертвы сжигались в т.н. тофетах (букв. «место сожжения людей»; см. 2 Цар. 23,10, Иерем. 7,31). Останки хоронили в этом же дворе в специальных урнах, над которыми ставились стелы... Какие жертвы? – Дети...

«Антропологические исследования останков таких жертв показали, что 85% жертвы были моложе шести месяцев... Правда, жертву не сжигали живой; ребенка сначала умертвляли, а уже мертвого сжигали на бронзовых руках статуи бога, причем совершалось это ночью при звуках флейт, тамбуринов и лир. Такое жертвоприношение называлось молк или молек. Неправильно понятое, оно послужило поводом для сконструирования у финикийцев бога Молоха, пожирающего человеческие жизни... В жертву приносили главным образом детей аристократов. Это совпадало со старинными представлениями о долге тех, кто возглавлял общину, перед богами... При осаде города Агафоклом было сожжено более 500 детей – из них 200 были определены властями, а 300 пожертвованы добровольно... Детские жертвоприношения совершались ежегодно»¹⁶⁵.

Божий Промысл привел евреев в землю, обладатели которой (и их ближайшие родственники!) практиковали религию, наиболее контрастную, по отношению к их собственной. Даже язычники возмущались религией Ханаана. Персидский Царь Дарий, привлекая финикийцев стать его союзниками в походе на Грецию, ставил им в качестве условия союза – отказ от человеческих жертвоприношений¹⁶⁶. Не вызывала пуническая «духовность» восторга и у греко-римских авторов.

Как справедливо заметил Г. К. Честертон, «очень разные, несовместимые вещи любили консулы Рима и пророки Израиля. Но ненавидели они одно и то же»¹⁶⁷. Пунические войны Рима, призыв Катона Старшего «Карфаген должен быть разрушен», заветное, наложенное римлянами на само место города, до основания разрушенного армией Сципиона¹⁶⁸, имеют общие нравственные корни с приказами Иисуса Навина, выжигавшего землю Ханаана¹⁶⁹ от людей, чей религиозный разум помутился настолько, что они в жертву своему богу приносили своих же первенцев, а свою богиню чтили священной проституцией (предоставляя иностранцам права входа в свои храмы – ради того, чтобы те смогли там лишиться невинности ханаанских девиц)...

Бывает нужно очистить зараженную среду, чтобы сохранить здоровье. Фанатизм в Библии попускается – перед лицом языческих крайностей он бывает меньшим злом, чем равнодушие. Армагеддон – слово ставшее синонимом священной войны, происходит от имени ханаанского местечка Мегиддо, при раскопках которого «нашли в фундаменте стены сосуд с останками ребенка, очевидно, жертвы, принесенной при закладке»¹⁷⁰...

Совсем не светлый фон предшествует появлению Израиля и окружает его в ходе его странствий. Мир заражен язычеством и смертью. Вот люди строят Вавилонскую башню. Зачем? Не

¹⁶⁵ Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1987, сс. 180-182.

¹⁶⁶ Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 2. Ленинград, 1935, С. 132

¹⁶⁷ Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991, с.162

¹⁶⁸ Разрушенный в 146 г. до н.э. Карфаген был вновь заселен при Цезаре – в 44 г., но уже римскими колонистами. Религиозный культ был романтизирован.

¹⁶⁹ Ханаан – самоназвание жителей той страны, что греки нарекли Финикией. Латиняне называли их пунийцами. В Септуагинте (греческом переводе книг Ветхого Завета) Карфаген поименован как Кархедон; в масоретском тексте (и, соответственно, в русском синодальном переводе) это – Фарсис (см. Ис. 23,1,6,10,14).

¹⁷⁰ Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 1. Ленинград, 1935, С. 162. Подробнее - т. 2, сс. 17-18. О знакомстве библейских авторов с этим финикийским обычаем свидетельствует Ис. Н. 6, 25: «В то время Иисус поклялся и сказал: проклят пред Господом тот, кто восставит и построит город сей Иерихон; на первенце своем он положит основание его и на младшем своем поставит врата его». Ср. 3 Цар. 16, 32-34: «И поставил он Ваалу жертвенник в капище Ваала, который построил в Самарии. И сделал Ахав дубраву, и более всех царей Израильских, которые были прежде него, Ахав делал то, что раздражает Господа Бога Израилева, [и погубил душу свою]. В его дни Ахиил Вефилянин построил Иерихон: на первенце своем Авираме он положил основание его и на младшем своем сыне Сегубе поставил врата его, по слову Господа, которое Он изрек чрез Иисуса, сына Навина».

для того, чтобы припасть к коленям Божиим¹⁷¹, а для того, чтобы похвастаться и перед Небом, и перед другим людьми достижениями своей “передовой технологии”¹⁷² и “сделать себе имя”.

В этом проблема: если Бог потерян, найти Его человеку уже не под силу. Как однажды сказал св. Иоанн Златоуст: как кто-либо сможет исправить то, что разрушил Сам Бог?¹⁷³ Если Бог отвернул Свое лицо – никак человек не сможет обежать Бога “вокруг”, чтобы снова заглянуть ему в глаза. Греческие писатели вообще нередко полагали, что слово «бог» происходит от глагола — бежать. Но если Бог убегает – под силу ли человеку Его догнать?

Впрочем, человек не так уж и гнался за потерянным Богом. Очень важный символ встречает нас на пороге библейской истории: Адам, согрешив, прячется от Бога под кустом...

Уроки терпения в Ветхом Завете

И еще один очень важный урок встречает нас на первых страницах библейской истории. Библейский рассказ о создании мира в шесть дней характеризует прежде всего Бога Библии, и характеризует Его очень важной чертой: оказывается, это Бог терпения. Бог умеет терпеть несовершенство мира. То, что земля первого дня оказывается «безвидной и пустой», Бог не использует как повод для уничтожения как будто неудавшегося первого творческого акта. Шумерский бог Апсу хотел уничтожить свои первые порождения. По Гесиоду также "дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном, были ужасны и стали отцу своему ненавистны с первого взгляда" (Теогония, 155). Но хотя Бог Библии не творит мир в одно мгновение сразу совершенным и наполненным благодарными созданиями, Он любит и таким, несовершенным миром: «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1,12). Он разворачивает Свой замысел во времени. И благословляет даже промежуточные дни, то есть состояния Вселенной.

И затем, после первой ошибки людей, Бог терпения не отвернулся от них. Он стал дальше (люди отставили Его подальше от своей частной жизни) – но не отвернулся, не «разочаровался». Однажды, впрочем, по мере накопления человеческих мерзостей, и библейскому писателю представляется, что чаша терпения Бога оказалась переполнена, и он записывает: «и раскаялся Господь, что создал человека на земле» (Быт. 6,6). Но все же Бог верен Своим неверным детям: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис. 49,15).

Библия - это откровение Божия терпения. Св. Иоанн Златоуст обращает внимание на то, что Бог, столь скорый в созидании, Бог, создавший весь мир всего за шесть дней, говорит воинам Израиля:

¹⁷¹ «И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
“Был ли счастлив ты в жизни земной?”
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав,
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав...» (Иван Бунин).

¹⁷² Поскольку первые книги Ветхого Завета появляются уже после того, как шумерские мифы сложились и были занесены на глиняные таблички, в них содержится неизбежная и очевидная полемика с предшествовавшей традицией, т. е. с этими самыми шумерскими мифами – порой весьма саркастическая. Вот пример такой библейской иронии: в вавилонском эпосе “Энума Элиш” повествуется, что была построена “башня высотой с Апсу” то есть с бога неба. В Библии также упоминается “башня высотой до небес”. Вроде бы – сказано то же самое. Однако, башня, высотой с верховного вавилонского бога, при всей ее огромности для Бога Библии, Ягве оказалось столь незначительна, что Ему пришлось “сойти”, чтобы ее рассмотреть (Быт. 11,5). Хоть башня и “равна Апсу” - супругу Тиамат и первобогу вавилонской теогонии - но Ягве неизмеримо выше. Люди продолжают штурмовать небеса, но только если Господь сходит - они встречаются лицом к лицу.

¹⁷³ «В Пасху Господь “сокруши врата медные” (Ис.65,2). Не сказано: отверз, но: сокруши, чтобы темница сделалась негодною. Итак, когда Христос сокрушил, кто другой будет в состоянии исправить? Что Бог разрушит, то кто потом восстановит?» - св. Иоанн Златоуст. Творения. т.2. кн.1. Спб., 1896, с. 433.

"Семь дней обходите Иерихон". Как - восклицает Златоуст - "Ты созидашь мир в шесть дней, и один город разрушаешь в семь дней?"¹⁷⁴

Еще у Златоуста есть сравнение Бога с земледельцем. "Что скажет незнающий человек, увидев земледельца, бросающего зерна на землю? Он бросает готовые вещи, с таким трудом собранные, да еще и молится, чтобы пошел дождь и все это быстрее сгнило!"¹⁷⁵. Когда сеятель раздаст зерна - он может лишь терпеливо ждать урожая. Христос запрещает апостолам прежде времени производить жатву. Даже ереси нельзя выпалывать серпом.

Труд земледельца учит терпению. "Не получали ли мы иногда детьми семян, чтобы их посеять? Не бегали ли мы потом через каждый час посмотреть, не показались ли из земли ростки? В конце концов мы часто раскапывали землю, чтобы убедиться в том, что семена прорастают, и добивались того, что семена не всходили. Не случалось ли нам жать или даже раскрывать руками бутон, чтобы он скорее расцвел и не бывали ли мы очень огорчены, когда он потом увядал, испорченный нами. Мы не знали, как нужно обходиться с живым. У нас не было терпения. То, что Бог хотел создать жизнь на земле - это откровение Его терпения" (Гвардини)¹⁷⁶.

Действительно ли Израиль избран?

Бог - земледelec, а не тиран. "Что сделали бы мы, если бы мы строили мир, вызвали к жизни великое бытие и увидели, что здесь что-то не удалось, там только наполовину в порядке, а тут тот и другое стоит не на своем месте? Сейчас же вмешались бы, вырвали, уничтожили, не так ли? Мы бы не заметили ценности, заключающейся даже в несовершенном, искры истинного света в неудавшемся - мы бы забыли, как важно оно для всего прекрасного" (Гвардини)¹⁷⁷.

Итак, Бог не отворачивается от мира – даже от мира, забывшего Его, от мира, отрезанного от Творца всевозможными духовными самозванцами. Бог выходит на поиски человека.

Но – попробуйте почитать Евангелие закоренелому оккультисту. Он найдет в нем лишь подтверждение своим языческим взглядам. Его новизны он даже не заметит, всё перетолкует по своим привычкам в плоско-«эзотерическом» духе. Так же было и в древности: Слово Божие не нашло Себе собеседника среди народов земли...

Да, еще одно обстоятельство важно помнить: это было в те времена, когда люди еще не вполне осознали свою самостоятельность и личностную уникальность. Человек мыслил себя только частью какого-то целого. Субъектом мысли, веры, исторического действия, был не отдельный человек, а народ или город – полис. В ту пору религия еще не была личным делом, делом совести. Она воспринималась как дело публичное, общественное, государственное. Поэтому невозможно было находить отдельных людей среди разных народов и через них возвещать Истину. Чтобы люди могли слышать Слово Бога, принять Его закон и действительно их исполнять – нужно было обратиться не к одному отдельному человеку, но к целостной общине таких людей, то есть – к народу. Поэтому Слово Божие ищет Своего собеседника среди народов. И не находит. Все народы уже привыкли слушать ночные шорохи. И тогда Слово решает *создать* Себе собеседника.

Мы привыкли к выражению «Израиль – богоизбранный народ». Но у этого выражения есть один оттенок и небиблейский и просто неприятный. Сразу возникает ассоциация с магазином: Бог присматривается к представленным пред Его ликом народам и из множества лиц выбирает еврейское

¹⁷⁴ св. Иоанн Златоуст. Беседы о покаянии VII. // Творения. т.2. кн.1. Спб. 1896 с.365.

¹⁷⁵ см. - свт. Иоанн Златоуст. Беседы о статуях IV. // Творения. т.2. кн.1. Спб. 1896 с.58.

¹⁷⁶ Гвардини Р. Познание веры. Брюссель. 1955. с.16.

¹⁷⁷ Гвардини Р. Познание веры. Брюссель. 1955. с.17.

– чем-то именно евреи Ему понравились больше. За некие предшествующие заслуги евреям даруется теперь привилегия считаться народом Богоизбранным...

Но при внимательном чтении Библии история получается совсем иная: Израиль не богоизбранный народ, а богосозданный. «Этот народ Я образовал для Себя» (Ис. 43,21). У Израиля не было истории, которая бы предшествовала его вступлению в завет с Богом. У Авраама, родоначальника еврейского народа, не было детей. Бог пожелал вступить в завет с потомством бездетного старика – и для этого дал ему это потомство. Более того - чтобы Израиль навсегда понял, что нет у него естественного «права на жизнь», что всё его существование есть Божий дар, что он держится в бытии на волоске милости Божией, а не на граните «естественного права», Аврааму повелевается принести в жертву своего единственного сына – Исаака. Принести в жертву означает – отказаться от владения, отречься от прав собственности. Пожертвованное уже не мое. Исаак, приносимый в жертву – это разрыв естественного преемства от отца к сыну. Исаак оказывается уже не столько сыном Авраама, сколько сыном Божиим, Его «первенцем».

Это народ, созданный для слышания, для отклика на Слово Божие. Народ, который своим возникновением обязан Завету. Однако то, что он расслышит, он должен будет рассказать остальным. Израиль создан для того, чтобы то, чем он живет, постепенно смогло вобрать в себя весь мир, очистив его от язычества.

Но сначала он сам не должен превратиться в очередного поставщика языческих мифов. Что такое язычество? Языческий - значит народный. Язычество - религия "языков", народов. Это плод человеческого религиозного творчества. Христианское богословие признает те механизмы мифотворчества, которые описывает современное научное религиоведение, философия и психология религии. Мы только говорим: эти человеческие механизмы действуют вполне и исчерпывающе в языческих религиях, но они недостаточны для объяснения христианства. Помимо механизмов "архетипов", "проекции", "сублимации", "вытеснения" и т. п. для объяснения христианства нужен прежде всего сам Христос. Может быть, поражение Спартака и в самом деле облегчило победу Христа. Но для этой победы все-таки необходим был Сам Христос.

С точки зрения библейского богословия язычество - это плод религиозных исканий людей, а Завет - это результат того, что Бог Сам открыл Себя людям. Библейская религия не есть религия Израиля. Это не есть некая система верований, выработанная еврейским народом в древности. Библия навязана Израилю, а не создана им¹⁷⁸.

Моисей силой уводит свой народ из Египта («Моисей сказал Господу: Ты силою Твоею вывел народ сей» - Числ. 14,13), и цель его сорока-летнего странствия - ... смерть его же собственного народа: «все, которые видели славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и в пустыне, и искушали Меня уже десять раз, и не слушали гласа Моего, не увидят земли, которую Я с клятвою обещал отцам их; только детям их, которые здесь со Мною, которые не знают, что добро, что зло, всем малолетним, ничего не смыслящим, им дам землю, а все, раздражавшие Меня, не увидят ее» (Числ. 14,20-23). Те, кто родились в рабстве, те, кто слишком пропитан египетским магизмом и язычеством¹⁷⁹, не могут войти в Святую Землю (даже сам Моисей лишь издалека видит ее, но не прикасается к Обетованной Земле). Эти сорок лет - непрестанная череда бунтов Израиля против Моисея и его Бога.

¹⁷⁸ «Когда еврейский народ стоял у подножия Синая, - говорит Талмуд, - Бог объявил ему, что если он откажется признать Его, то Он велит горе засыпать весь еврейский стан своей массой, и евреи из страха, вопреки своему желанию, притворно согласились служить Иегове. Закон Моисеев потому был великой неволей для израильтян» (Талмуд. Шаббат. 88,1 на слова исх. 19,17). Если бы нас потребовали на суд, говорит раввин Соломон Ярхи, и спросили, почему мы не держимся того, что сказано нам на Синае, то мы могли бы отвечать, что мы не хотим знать того, что навязано нам силою». Цит. по: Олесницкий. Из талмудической мифологии // Труды Киевской Духовной Академии. 1870, январь, с. 208-209.

¹⁷⁹ «Евреи были обучены в египетской школе идолопоклонства» - говорит Дидим Слепец (Didyme l'Aveugle. Sur la Genese. t.1. Sources chretiennes. vol.233. - Paris, 1976. p.33).

Евреям не нравится их новая религия («доколе злому обществу сему роптать на Меня?» - Числ. 14,27). И Моисей не в восторге от своего народа. Вот – его горькая исповедь: «И сказал Моисей Господу: для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвою обещал отцам его? откуда мне взять мяса, чтобы дать всему народу сему? Ибо они плачут предо мною и говорят: дай нам есть мяса. Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня; когда Ты так поступаешь со мною, то лучше умертви меня» (Числ. 11,11-15).

После Моисея уже судьи и пророки вступают в борьбу с языческими влечениями своего народа. Изготовление идолов и спиритизм, магия и астрология, увлечение языческими доктринами и практиками соседних племен - вот то, к чему при малейшем попусшении уклоняется народ, и откуда его вновь и вновь оттаскивают посланные Богом фанатики¹⁸⁰. Пророки и судьи и силой Божией и мечом убивают бунтовщиков; бунтари (выражающие народные чаяния, то есть мечту о магии, приносящей богатство) убивают и изгоняют пророков... *Иные же замучены были, не приняв освобождения; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке... умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням, по пещерам и ущельям земли* (Евр. 11, 35—38).

Народ приказывал пророкам: «не пророчествуй о имени Господа, а если нет, то умрешь в руках наших» (Иер. 11,21). Пророки же умоляли Господа: «Боже, вступишь в тяжбу мою с народом недобрым» (Пс. 42,1). И Бог откликнулся на их призыв. Вот как в Его глазах выглядела история Израиля: При рождении твоём... пупа твоего не отрезали, и водою ты не была омыта, и пеленами не повита. Ничей глаз не сжалился над тобою... но ты выброшена была на поле, по презрению к жизни твоей, в день рождения твоего. И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, брошенную на поприще в кровях твоих, и сказал тебе: "живи!"... Ты выросла и стала большая... И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, и вот, это было время твое, время любви; и простер Я воскрилия риз Моих на тебя, и покрыл наготу твою, и ты стала Моею. Омыл Я тебя водою и смыл с тебя кровь твою и помазал тебя елеем... И нарядил тебя в наряды... украшалась ты золотом и серебром, и была чрезвычайно красива... Но ты понадеялась на красоту твою, и, пользуясь славою твоею, стала блудить и расточала блудодействие твое на всякого мимоходящего, отдаваясь ему... позорила красоту твою и раскидывала ноги твои для всякого мимоходящего... Как истомлено должно быть сердце твое... когда ты все это делала, как необузданная блудница! ...Всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем любовникам твоим и подкупала их... Посему выслушай, блудница, слово Господне! Я соберу всех любовников твоих... предам тебя в руки их и они разорят блудилища твои, и разрубят... тебя мечами своими... Я поступлю с тобою, как поступила ты, презрев клятву нарушением союза. Но Я вспомню союз Мой с тобою... и восстановлю с тобою вечный союз. И ты вспомнишь о путях твоих, и будет стыдно тебе... Я прощу тебе все, что ты делала... Я не хочу смерти умирающего... но обратитесь, и живите! (Иез. 16,4 —18,32).

Можно вспомнить и слова Христа, обращенные к Израилю: Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст (Мф. 23, 37). Повзрослевший и обнаглевший подкидыш разрывает с Тем, Кто его взрастил...

¹⁸⁰ «Одна из излюбленных тем Иезекииля - «аморальная история» народа, общее прошлое которого он представляет в виде сплошной цепочки предательств, отречений от веры с неизбежно плачевным концом» (Боттеро Ж. Рождение Бога. Библия через призму истории. М., 1998, с. 116).

Итак, религия Завета навязывается Израилю, а не творится им. Это видно не только из того, что говорят те или иные библейские тексты. Еще более это заметно из их умолчаний. Для народно-языческой религии две темы важнее всего: рассказы о звездах и повествования о посмертии. Но на месте этих сюжетов в Библии – зияющие лакуны...

О чем молчит Ветхий Завет

«Об астрономии так мало говорится в Библии, что даже ни разу не названы все планеты», - подметил еще Галилей¹⁸¹. Совершенно сознательно в Шестодневе Моисея солнце и луна не именуется. Зная языческую традицию («боги – это те самые Солнце и луна и планеты и неподвижные звезды» Цицерон. О природе богов 2,80), Моисей просто говорит «светило большое» и «светило малое», избегая слов «солнце» и «луна». Тем самым он профанирует языческие святыни. Солнце отныне просто солнце, а не Ра, и луна есть просто луна, а не Астарта-Селена-Танит-Иштар-Инанна-Сома¹⁸². На современном языке он мог бы сказать: «А еще Бог создал две системы освещения: одну основную, а вторую аварийную». И результат был бы тот же: кланяться лампочкам, подвешенным над нашими головами, как гласит инструкция, ради помощи нам - уже нет желания.

Светила уже не планетарные боги. Они поставлены на службу земле. - "Дабы ты, взглянув на небо, и увидев солнце, луну и звезды, и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им" (Втор. 4,19). Оттого в Библии отсутствуют звездные мифы.

Библия расколдовывает мир, освобождает человека от астрологии, пленения звездами. «Ахуру чтим и Мазду, луне и звездам молимся» - бормотали язычники¹⁸³. А пророки возражали: «Солнце и луна, и звезды, будучи светлы и посылаемы ради потребности, благопослушны... Почему же можно подумать или сказать, что они боги, когда они не сильны ни суда рассудить, ни добра сделать людям? Итак, зная, что они не боги, не бойтесь их» (Послание Иеремии, 59-64)¹⁸⁴.

Еще более разительна вторая библейская лакуна.

Повсюду развитые религии, которые обрели нравственное измерение (а к числу таковых даже с самой что ни на есть «объективно-религиоведческой» точки зрения принадлежит и религия Древнего Израиля, религия Пророков), говорят о том, что человека за пределами этой жизни ждет воздаяние: злом за содеянное им зло и добром за сотворенное благо. Религии весьма по-разному определяют, что благо и что худо для последующей судьбы души. У разных религий вполне разные ответы на вопрос, что именно в человеке может войти в будущее. Весьма различны и представления о том, какой будет

¹⁸¹ Галилей Г. Письмо Б. Кастелли от 14. 10. 1613. Цит. по: Гурев Г. А. Учение Коперника и религия. Из истории борьбы за научную истину в астрономии. М., 1961, с. 108.

¹⁸² «Сому, бога луны, Брахма сделал властителем над планетами и звездами... Сوما похитил у владыки планеты Брихаспати, его жену, красавицу Тару, Звезду... И началась война между богами и асурами... Тара родила сына необычайной красоты... Сوما возрадовался и нарек его Будха, что значит мудрый. Брахма сделал его владыкой планеты Будха (Меркурий)... Но Тара осталась с Брихаспати, а царь Сوما взял себе в жены 27 дочерей Дакши – 27 созвездий лунного неба. Самой прелестной из них была Рохини, и она стала любимой супругой. Он постоянно оказывал ей предпочтение, а остальных жен совсем забросил, и вот, наконец, обиженные пренебрежением супруга, они пошли и пожаловались на него отцу... Разгневанный Дакша проклял повелителя звезд и наслал на него недуг. И Сوما стал чахнуть изо дня в день. Он все худел и худел; все бледней становилось сияние луны и ночи становились все мрачнее... Боги пошли к Дакше и стали просить его... Дакша внял речам богов и сказал: «Я пощажу его, но отныне он будет худеть каждый месяц в течение одной его половины и снова полнеть в течение другой» – Темкин Э.Н. Эрман В. Г. Мифы древней Индии. М., 1985, сс. 30-32.

¹⁸³ Яшт. Михр-яшт. 25 (145) // Авеста в русских переводах. Спб., 1997, с. 310.

¹⁸⁴ Чтобы понять, какой страх отклоняет Пророк, приведу Гимн Солнцу из хеттской религии: "Средь богов минувшего один ты, царственный герой, благое Солнце, совершаешь для богов обряд. Для богов минувшего один ты долю их определяешь верно. Снова выходи из небесной башни открывающейся только для тебя, выезжаешь из ворот небесных, о сверкающий, лишь ты один. Боги неба пред тобой склонились и склоняются земные боги, если с ними говоришь ты, Солнце. Боги молятся тебе, склонившись... Слева от тебя летят по небу Страхи, справа от тебя несется Ужас" (Гимны Солнцу // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. с.232-234).

эта грядущая, подлинная реальность. Религии могут по-разному представлять себе вообще эту будущую жизнь (растворение в Абсолюте, вхождение в Нирвану, лучшее перевоплощение, жизнь в мире богов и предков, телесное воскрешение и т. п.). Но все они говорят: то, что ты начал на земле, продолжится в будущем.

Так говорят все развитые религии, но не религия Ветхого Завета. Эта религия ничего не говорит своим adeptам о выживании человека (его души, "атмана" и т. п.) после смерти тела.

Ветхозаветные книги не содержат обещания посмертной награды, не ожидают рая. *Вспомни, что жизнь моя дуновение, что око мое не возвратится видеть доброе. Не увидит меня око видевшего меня; очи Твои на меня, - и нет меня. Редает облако, и уходит; так нисшедший в преисподнюю не выйдет, не возвратится более в дом свой, и место его не будет уже знать его. Не буду же я удерживать уст моих; буду говорить в стеснении духа моего; буду жаловаться в горести души моей* (Иов. 7, 7—11). Смерть в восприятии ветхозаветных авторов - не освобождение от тела и не шаг к воссоединению с Божественным Духом. Здесь, на земле, можно говорить с Богом. Смерть же есть та бездна, в которую даже взгляд Бога не опускается, и то пространство, которое не охватывается Божией памятью и Божиим Промыслом. Бог не может заботиться о том, чего нет...

Человеческое религиозное мышление естественно творит свои представления о грядущей судьбе человека. Цель любой религии - преодоление смерти. Именно это, а не вопрос о происхождении мироздания - главное, что интересует более всего любого человека в религии: "Господи, как мне умирать будет?".

Здесь же - средоточие египетской мудрости. Тайнство погребения и мистерия «отвержения уст» усопшему, секреты бальзамирования и пирамид, советы по оправданию на загробных судах и преодолению мытарств – вот где билось сердце египетской религии. Израиль в минуту своего исторического рождения выходит из Египта, выносит оттуда египетские богатства... Сам Моисей был научен «всей мудрости Египетской» (Деян. 7,22). Но именно из этой, танатологической¹⁸⁵ египетской сокровищницы евреи не взяли ничего. Ни одного погребального обряда, ни одной заупокойной молитвы нет на страницах Ветхого Завета. Только очень жесткая цензура могла порвать вековое влияние Египта на мысль и верования евреев. Этот разрыв несомненно состоялся. Значит, и цензура была жесткой, а перевоспитание суровым и систематическим. Народу не позволили создать свою мифологию.

Интерес к "космографии" и к посмертию, столь естественный и столь страстный у оккультистов всех времен, не был поощрен Библией. Естественные, слишком естественные порывы мифотворчества сдерживаются уздой Закона и огнем пророческих речей.

Молчание Слова Божия о посмертии страшит людей Ветхого Завета. Им хотелось бы иначе думать о смерти - но Откровение, получаемое ими, не согласно с чаяниями человеческого сердца и молчит о том, что хотелось бы услышать человеку¹⁸⁶...

Я не случайно упомянул об Откровении. В том религиозноведческом факте, что Ветхий Завет не отвечает на самые естественные вопросы человеческого разума и сердца, я вижу подтверждение его нечеловеческого, сверхъестественного происхождения.

Наконец, третий аргумент в пользу не-естественного происхождения религии Израиля дает история этого народа. Слишком уж поразительная разница между тем, во что и как верили евреи во времена пророков, и тем, во что превратился иудаизм после отвержения им Нового Завета. Все то, что было запрещено Ветхим Заветом, есть в Каббале — магия и оккультизм, астрология и отрицание

¹⁸⁵ Танатология – учение о смерти.

¹⁸⁶ Ветхозаветное восприятие смерти излагается в главе “Смерть в религии Израиля” в моей книге “Раннее христианство и переселение душ” (М., 1998).

Единого Личного Бога Творца¹⁸⁷. Даже языческая доктрина переселения душ в опустевшем доме Израиля прописалась одна из первых. Когда Израиль не принял Новый Завет, и остался в пустом доме, когда "старшие ушли" (ушли пророки и ушла Благодать Божия) - он наконец вполне предался желаниям своего сердца и создал себе ту религию, которую мешали ему сотворить пророки. Он создал религию самообожествления¹⁸⁸. Он создал Каббалу.

В том, что Израиль увлекся магией — в этом нет ничего странного. "Побыстрее, покрупнее и подешевле" — с этими привычными базарными требованиями любой народ переступает границу мира духов. С точки зрения истории религии странно было, что в истории Израиля это увлечение проявилось так поздно, а до того более тысячи лет Древний Израиль смог прожить с религией, которая — в отличие от язычествующих соседей - ничего не знала о "божественных браках"¹⁸⁹, не слагала мифов о происхождении созвездий и планет¹⁹⁰, не поклонялась звездам и духам, не совершала культ предков, не молилась богине богатства и божествам загробного мира. Но «ставши на широкий путь ничем не стесняемого творчества, еврейский народ в своей старости взялся за сказки, которые другие народы любили слушать в своей молодости»¹⁹¹.

В общем, пока Промысл Божий хранил и направлял религиозную жизнь Израиля, она была полна странностей.

Но было бы наивно ожидать, что народы, не слышавшие прямого гласа Божия, вдруг воспримут эту странную религию недавно невесть откуда взявшихся кочевников-евреев. Нет, не к миссионерству призван Израиль. Да и сам он еще не вполне понимает, кто он, и зачем Бог так требовательно разговаривает с ним. Он еще не знает того будущего, ради которого он создан, того будущего, ниточки которого рукой Промысла ткуются в истории еврейских патриархов. «Первенцу» еще надо расти. И ему

¹⁸⁷ Приведу только одну выписку, из которой для любого человека, имеющего духовный вкус и читавшего Библию, станет понятна противоположность древнего и современного "эзотерического" иудаизма: "Так мы учили. В час, когда вышний могучий Змей бывает разбужен грехами мира, и соединяется с женщиной, и вводит в нее скверну, - тогда Мужчина отделяется от нее из-за того, что нечиста она и зовется нечистой. И нельзя Мужчине приближаться к ней: горе, если он осквернится ею в то время, когда она нечиста!.. 24 вида нечистоты ввел Змей в Женское, когда соединился с ним, в соответствии с численным значением вражды. 24 вида пробудились сверху и 24 - снизу. И отросли волосы, и увеличились ногти, и тогда суды пробудились во всем. И преподано. Когда женщина хочет очиститься, должна она срезать все волосы, которые отросли в дни ее нечистоты и остричь ногти вместе со всей грязью, которая в них. Ибо преподано в тайнах нечистоты. Скверна, которая в ногтях, пробуждает иную скверну. И поэтому их следует надежно укрыть. Ибо учили мы, что 1455 видов зла держится за ту скверну, которую вел могучий Змей, и все они пробуждаются от скверны ногтей. И используя то, что связано с ними, всякий, кто захочет, может наводить порчу на сынов человеческих. И тот, кто уничтожает их, тот как бы увеличивает Милость во вселенной... Если остатки от остатков вышней нечистоты таковы, то тем более — женщина, сочетавшаяся со Змеем и получившая от него скверну, которую он ввел в нее. Горе вселенной, воспринявшей от нее эту скверну! Поэтому: "И к жене во время истечения нечистоты ее не приближайся" (Тайна нечистоты // Раби Шимон. Фрагменты из книги Зогар. М., 1994. Сс. 163–164).

¹⁸⁸ Й. Гордон, член директората раввинских судов Израиля, пишет так: "Мы, евреи, и есть мозг, голова мира, его совесть и рассудок... Душа еврея похожа на тлеющий уголек - стоит подуть на него, как он ярко вспыхнет. И это не просто метафора - мы ведь уже говорили, что душа еврея содержит искры божественного света... Приложив усилия, еврей может достигнуть более высокого духовного уровня, чем еврей" (Гордон Й. Райский сад. М., 1996. Сс. 30, 47–48).

¹⁸⁹ "Замечательно, что евреи, народ монотеизма, не имеют в своем языке слова для обозначения богини" (Трубецкой С. Н. Мнимое язычество или ложное христианство? // Собрание сочинений кн. С. Н. Трубецкого. Т. 1. Публицистические статьи 1896–1905 гг. М., 1907. С. 164).

¹⁹⁰ Вот два примера позднееврейской звездной мифологии: "Когда создал Бог два светила великие, Луна сказала: Господи, невозможно двум царям один венец носить. - Иди, - сказал Всевышний, и сама умали себя. - За то ли, Господи, что правдивое слово я молвила, Ты умалить себя повелеваешь мне? - взмолилась луна. Отвечал Всемилосердный: Звезды да будут спутниками тебе". Второй пример связан с толкованием действительно загадочного стиха книги Бытия, повествующего об исполинах, родившихся от общения Сынов Божиих с дочерьми человеческими. Когда один из ангелов пленился женщиной, - говорится в Мидраше, - та оказалась мудрее его. "Я соглашусь на твою любовь, - ответила Истеарь, - если ты откроешь мне "Шем-Гамфорш" (полную транскрипцию имени Божия – А. К.), произнося которое ты возносишься на небо, когда этого пожелаешь. Ангел исполнил ее требование. Тогда Истеарь произнесла Святое Имя и вознеслась на небо, сохранив беспорочность свою. В воздаяние за ее добродетель Всевышний обратил Истеарь в звезду и поместил ее в плеяде" (Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. М., 1993. с.10 и 18-19).

¹⁹¹ Олесницкий. Из талмудической мифологии // Труды Киевской Духовной Академии. 1870, январь, с. 152.

самому еще не вполне ясно – что именно он должен подарить миру. Так что сначала Израиль должен просто выжить.

Труд педагога

А чтобы болезней роста у него было поменьше – ему дается строгий «дядька». Апостол Павел говорит, что еврейский ветхозаветный закон – это “детоводитель ко Христу” (Гал.3,24). Это странное слово, присутствующее далеко не в каждом словаре русского языка, становится понятнее, если вспомнить его греческую основу. В греческом тексте апостола Павла стоит слово *παιδαγωγος*. Но было бы ошибочно перевести его современным русским словом «педагог». Если в современном русском языке педагог означает учитель, то в античном мире это было не совсем так. Педагогом назывался раб, служение которого состояло в том, чтобы отвести мальчика от дома до гимназии, следя при этом, чтобы тот не шалил, не тратил силы и внимание попусту. Педагог смотрит за тем, чтобы ребенок дошел до класса в таком состоянии, чтобы смог слушать и слышать рассказ учителя. Сам же педагог – не учитель. Он – поводырь, именно дядька, смотрящий за мальцом и замолкающий, когда в классную комнату наконец-то входит господин учитель.

Так вот, еврейский закон – не столько учит, сколько предостерегает. Не случайно среди 613 заповедей Пятикнижия (Торы) 365 запретов и 248 повелений. Число негативных повелений, предостережений, гораздо больше, чем число позитивных заповедей, предписаний. Учитель придет потом. Учитель уже знает по горькому опыту, что яркая мишура колдовства и магизма отвлекает детей, прельщает их и не позволяет им собрать свое внимание и сосредоточиться на том, что говорится Учителем. Знает Учитель и о том, что дети доверительнее слушают рассказы детей же. Поэтому Он берет одного ребенка на воспитание. Берет подкидыша, найденыша (Иез. 16,4-6).

Израиль, некогда созданный Богом чрез Авраама, оказавшись затем в египетском рабстве, забыл себя, забыл и о своем назначении, и о Боге. Но Бог снова находит его. И через Моисея поясняет, что делает это уже не в первый раз. Впервые Бог вышел на поиски человека еще тогда, когда человек был только один, и звали его – Адам (Быт. 3,9).

Но – педагогом быть опасно. Ведь желания воспитанника и задачи, поставленные перед педагогом, могут расходиться. А, значит, педагог вынужден бывать строгим: “мы заключены были под стражею закона до того времени, как надлежало открыться вере... по пришествии веры мы уже не под руководством детоводителя” (Гал. 3, 23-25). “Педагоги, по свидетельству одного современника, - заботились обо всем, что касается жизненных нужд воспитанника, но они пеклись и о деле еще более важном - о целомудрии; педагоги, стражи и охранители, стена цветущего возраста, они охраняли питомцев от злых искусителей, как лающие собаки от волков”. Педагоги следили за приготовлением уроков учениками с вечера и чуть свет поднимали их с постели. Преподаваемое от учителя репетировалось при помощи педагога, причем он, поощряя ученика, “кричал на него, показывая розгу, и свистал ремнем и чрез эту работу приводил на память забытое учеником”¹⁹².

Но дети подрастают, наполняются силами и начинают бунтовать против тех, перед кем смирились еще вчера. «Должность педагога сопряжена была с неприятностями. Иногда ученики самые злые шутки проделывали над бедным педагогом. Если педагог возбуждал ненависть в своих молодых питомцах, горе ему. Случалось, что дерзкие шалуны сажали бедного педагога на ковер, какой обыкновенно постилался на полу, подбрасывали ковер с сидящим на нем кверху, как можно выше, сами же отскакивали, так что педагог низвергался наземь; иногда он больно ушибался, причем сама

¹⁹² Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. Спб., 1997, с. 257.

жизнь его подвергалась опасности. Но педагоги должны были прощать ученикам, потому что они были рабского состояния..."¹⁹³.

Так и отношения Бога с Израилем складывались непросто. Само слово Израиль может быть переведено двояко: «видящий Бога» и «борющийся с Богом». Боговидец и – Богоборец¹⁹⁴. “Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за Мною в пустыню... Какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и пошли за суетою, и не сказали: “где Господь, который вывел нас из земли Египетской?”. Я ввел вас в землю плодородную, а вы вошли и осквернили землю Мою. Пастыри отпали от Меня, и пророки пророчествовали во имя Ваала и ходили во след тех, которые не помогают. Переменил ли какой народ богов *своих*, хотя они и не боги? Мой народ променял славу свою на то, что не помогает. Два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды. Издавна Я сокрушил ярмо твое, разорвал узы твои, и ты говорил: “не буду служить *идолам*”, а между тем на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом ты блудодействовал. Я насадил тебя *как* благородную лозу, — как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы? Ты сказал: “люблю чужих и буду ходить во след их”. Со многими любовниками блудодействовала, — и однако же возвратись ко Мне. Возвратитесь, дети-отступники. Возвратитесь, мятежные дети: Я исцелю вашу непокорность” (Иер. 2,2 — 3,23).

Та школа, в которой воспитывался Израиль, необычна. В ней педагог строг не только по отношению к своему непосредственному воспитаннику. Еще более он строг, вплоть до жестокости, по отношению к тем его «старшим товарищам», которые заывают его принять участие в их играх.

Кто может не идти на войну?

Любой человек, раскрывавший исторические книги Ветхого Завета, знает, сколько там крови, сколько благословений на убийства и разграбление языческих городов: «а в городах сих не оставляй в живых ни одной души, дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили пред Господом, Богом вашим» (Втор. 20,16-18).

Жестокость ветхозаветного мира столь поражала, что позднее люди «гуманистического» склада задалась вопросом: полноте, действительно ли Бог Моисея – это благой Бог творец? Действительно ли это Творец Жизни? Или это некий дух смерти, сеющий смерть вокруг себя и вокруг своего Израиля?

Уже первым христианским апологетам (в т. ч. Клименту Александрийскому и Оригену) пришлось выступить с защитой священных книг Израиля. Для гностиков и язычников под именем Иеговы к людям обращался некий жестокий и неумный бог, носитель зла. Христиане же просили тех, кто хотел отождествить Бога и сатану: вслушайтесь в Библию. Посмотрите хотя бы на эти заповеди библейского Бога: “Когда будешь жать на поле твоём, и забудешь сноп на поле, то не возвращайся взять его; пусть он остается пришельцу, нищему, сироте и вдове. Когда будешь обивать маслину твою, то не пересматривай за собою ветвей; пусть остается пришельцу, сироте и вдове. Когда будешь снимать плоды в винограднике твоём, не собирай без остатков за собою; пусть остается пришельцу, сироте и вдове” (Втор. 24,19-21). “Не обижай наемника, бедного и нищего, из братьев твоих или из пришельцев твоих, которые в земле твоей, в жилищах твоих. В тот же день отдавай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо он беден, и ждет ее душа его; чтоб он не возопил на тебя к Господу, и не было на тебе греха” (Втор. 24,14-15). “Когда же приступаете к сражению,

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Об обеих возможных этимологиях слова Израиль см. в издательском комментарии к книге: Климент Александрийский. Педагог. М., 1996, сс. 73-74.

надзиратели пусть объявят народу, говоря: “Кто построил новый дом и не обновил его, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не обновил его; и кто насадил виноградник и не пользовался им, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не воспользовался им; и кто обручился с женою и не взял ее, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении и другой не взял ее”. И еще объявят надзиратели народу, и скажут: “кто боязлив и малодушен, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердце” (Втор. 20,2-8).

Разве могут такие повеления исходить из уст духа неумного и злобного? Но почему же тогда Тот, кто велит заботиться о нищих и пришельцах, повелевает избивать целые города?

Ради чего ведется война?

И вновь мы должны вернуться к той ситуации, которая была исходной для всей истории Израиля. Бог стал одинок на земле. «Нет человека праведного на земле» (Еккл. 7,20). Радиация греха и смерти разлетелась по всей земле после серии первых катастроф (от событий в Эдеме до Вавилонского столпотворения).

Представим, что на Земле произошла ядерная война. Некоторое количество людей выжило. Но они оказались в мире, в котором и бомбоубежища уже не могут спасти их от смерти. Вся земля, вода, воздух пронизаны смертоносной радиацией. Маленький шанс на спасение хотя бы горстки из будущих поколений есть в одном: Во время войны на орбите работала космическая станция. На ней проводились эксперименты по выращиванию растений в условиях невесомости. Поскольку она была вне Земли – бури ядерной войны ее не затронули. На ней и только на ней остались здоровые семена, горстка незараженной земли и емкость с чистой водой. И вот эту станцию приземляют, чтобы воспользоваться её теперь уже уникальными ресурсами. Если те зернышки, что на ней есть, просто раздать – это никому не поможет.

Правительство, возглавляющее остатки человечества, принимает жесткое решение. Избирается один небольшой участок земли («шесть соток»). С него срезается верхний зараженный слой почвы. Обнажившаяся глубина земли выжигается и прокаливается огнем - чтобы никаких спор мутировавшей дури не осталось в этой земле.

На очищенное место высыпается здоровая земля с космической станции. В нее засеваются здоровые же семена. Они скупно поливаются здоровой водой. А по периметру ставится охрана – чтобы никто из людей или из зверей не ворвался и не растоптал эту уникальную делянку. Чтобы даже пыльца от мутантов не залетала сюда и чтобы ветры не приносили радиационную пыль - делянка обносится прозрачным шатром.

И все же с подпочвенными водами, через прорехи в куполе, с заходящими людьми, с фоновым излучением от соседних участков радиация проникает и сюда. Растения здесь болеют меньше, чем в незащищенных областях, но все же болеют. И здесь время от времени появляются мутанты. Когда тот или иной побег растения надежды проявляет склонность ко все тем же печальным мутациям - садовник безжалостно отрезает его и сжигает засохшие или мутировавшие колоски и ветви. Первый собранный урожай не раздается людям. Он весь высевается снова (вспомните, как создавал свой огородик Робинзон Крузо). Кто-то умирает от голода – но и ему не дается ни горстки этих драгоценных зерен. И так много поколений подряд. Пока, наконец, не будет создано семечко настолько устойчивое к радиации, из которого можно будет сделать противоядие и исцелить все растения - и под шатром, и за его пределами - на всей земле. В конце концов среди этих первоначально многотысячных побегов одна веточка принесла тот плод, ради которого и существовало это странное земледелие. Этот плод можно

вынести за пределы опытной станции и раздать всем желающим, чтобы в них, больных уже во многих поколениях, произошла новая, теперь уже добрая мутация.

Так и все жестокости в истории Израиля обусловлены не столько жестокостью народа Израиля и их Бога, сколько глобальностью того Дара, который должен войти в мир через Израиль. Чтобы "новое поколение Израиля не выбрало пепси-колу" - вокруг него создается стена изоляции. Каждый человек и каждый народ носит язычество в себе. Если предоставить религиозному чувству людей развиваться самостоятельно - оно создаст именно "язычество" - уютную религию духообщения. Если же есть еще и внешнее влияние, исходящее от языческой культуры быта - это станет вообще неизбежно. Значит –строгий карантин.

И все ради того, чтобы на древе Иессеовом появилась одна единственная ветвь, одна единственная отрасль. Чтобы появилась на земле душа такой чистоты, такой распахнутости перед Богом, что, когда она скажет «Се, раба Господня. Да будет мне по слову Твоему», - в ней Слово Бога станет человеческой плотью. На земле появится тот Небесный Хлеб, который теперь уже можно раздавать всем людям, всем эпохам¹⁹⁵.

Вот фундаментальная разница в христианском понимании истории Израиля и в иудейском. С точки зрения христиан, история Израиля имеет цель. Это тяжкий, но необходимый путь, который однажды должен кончиться. И то, что будет обретено в конце пути, будет дано не только Израилю и не ради лишь Израиля. Через Израиль оно будет дано для всех и ради всех. Значит – Израиль убивает язычников не только ради благополучия своих детей, но и ради спасения потомков тех, кто сейчас противостоит ему и его миссии.

Христианство более высоко оценивает историческую миссию Израиля, чем сам Израиль. Не ради себя существует Израиль, а ради всего человечества. Та мера близости с Богом, которая есть у него, дана ему не для того, чтобы навсегда противопоставить его иным народам, но для того, чтобы со временем уникальные привилегии Израиля распространились на всех. Вот только старший сын из притчи о блудном сыне не захотел, чтобы Отец принял его младшего брата...

Израиль не заметил тот момент в своей истории, когда он должен был раскрыться перед миром. Он дал миру Христа – но сам не заметил этого. Сам не осознал того – Кто именно проповедовал на его священной земле. А в итоге, по верному слову католического богослова, «Когда по завершении своей провиденциальной миссии Израиль возжелал сохранить свои привилегии, он стал узурпатором»¹⁹⁶.

Христианство разомкнуло отношения Изариля и Бога, включив в них остальные народы. И потому одной из первых тем христианского богословия стала... защита Израиля. «Церковь Божия, избегая крайностей и тех и других (иудеев и гностиков) идет средним путем - и не соглашается подчиниться игу закона, и не допускает хулить его и по прекращении его за то, что он был полезен в свое время» (свт. Иоанн Златоуст)¹⁹⁷. Достаточно вспомнить издевки Цельса и Юлиана, дикие эскапады гностиков в адрес ветхозаветной истории и религии – и вновь станет ясно, что именно Церковь отвела угрозу от Израиля.

Для Церкви было богословски необходимо защищать Ветхий Завет. Если бы она его отвергла – она поставила бы под сомнение самый драгоценный из своих догматов: «Бог есть любовь». Если бы у Евангелия не было предыстории – то евангельская история выглядела бы случайной импровизацией.

¹⁹⁵ «Как от всего тела Адама взятая часть была устроена в женщину, из женщины тоже взятая часть была устроена в мужа и становится новым Адамом, Господом нашим Иисусом Христом, и из остатка, то есть через тело Владычное, благословение перешло на все человечество» – преп. Симеон Новый Богослов. (Цит. по: архиеп. Василий (Кривошеин). Преподобный Симеон Новый Богослов. Нижний Новгород, 1996, с.346).

¹⁹⁶ Анри де Любак. Католичество. Милан, 1992, с. 50. Это суждение Любак подкрепляет ссылкой на св. Иларию Пиктавийского.

¹⁹⁷ св.Иоанн Златоуст. Шесть слов о священстве. Forestville, 1987, с. 72.

Бог, некогда создавший мир, забыл о нем. Его земные дети росли без пригляда. Но, когда все же они хоть малость похорошели - Небесный Отец вдруг вспомнил о нас и заглянул в гости. В таком случае неправ евангелист Иоанн, сказавший о Христе: «пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1,11). Нет, не к своим, а к чужим пришел Он – если Он не посещал их прежде. И, тогда, кстати, нет ничего странного и трагического в том, что чужие не приняли чужака. Но вся трагедия Евангелия в том, что свои не приняли Своего...

Если отвергнуть Ветхозаветную прелюдию к Евангелию – у нас не будет уверенности в самом главном: Любовь – она всегда в Боге, или это было случайное чувство? Может, однажды на Него «накатило». И как Он не заботился о Своих земных детях до евангельских времен, также Он может забыть о них и после. Вопрос об Израиле в конце концов вопрос о нас самих. Можем ли мы быть уверены в том, что Бог и ныне с нами и будет впредь? Или же Тот, кто после первых же грехов людей отвернулся от них и на тысячелетия их забросил, также реагирует и на наши беззакония? Есть ли в Боге, в Его любви и в Его терпении постоянство? Человеческое сердце требует надежды. Надежда требует вывода: Да, Бог – Тот же. «Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13,8). «И до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я же буду носить вас; Я создал, и буду носить, поддерживать и охранять вас» (Ис. 46, 4).

Защищая Евангелие, Церковь должна была защищать и мир Пророков. Не только из этических, но и из богословских соображений Церковь взяла под свою интеллектуальную защиту историю Израиля и его книги: не жесток Бог Израиля. Боль, причиняемая им – это боль, которую причиняет врач тому, кого он хочет излечить. Тот, кто, увидев первую кровь, с возмущением остановит хирургическую операцию на середине, не зная о ее цели, тот погубит больного. Цель тех надрезов, которые Бог совершал в ветхозаветной истории – явление Евангелия. Дурен ли этот плод? Нет? Но тогда незачем осуждать и те прививки, через которые Садовник взращивал этот Плод.

ЖЕРТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ И БОЖЕСКАЯ

Можно ли сравнивать религии между собой?

В Новой Гвинее есть племя, при знакомстве с представителями которого ни в коем случае нельзя называть свое имя, рассказывать что бы то ни было о себе и принимать помощь от них. Это "асматы - удивительный народ, упоминание о котором наводит страх, ибо это жестокие охотники за головами и каннибалы. В 1961 г. именно здесь бесследно исчез Майкл Рокфеллер - сын бывшего в то время губернатора Нью-Йорка, одного из богатейших людей Америки. 20 моряков капитана Кука, высадившихся в 1770 г. с корабля на берег в поисках воды, стали жертвами аборигенов. Дурная слава пристала к этой местности. Каннибализм, страшный и непонятный, сделал асматы в глазах цивилизованного человечества кровожадными чудовищами. В 20-х годах нашего столетия голландцы, владевшие этими территориями, боролись с каннибализмом нещадно. Затем индонезийцы продолжили карательные экспедиции с той же решимостью. Но каннибализм был не побежден, а скорее загнан в подполье. Асматы изъяли все внешние проявления каннибализма из публичной жизни. Асматы считают, что смерть одного прибавляет жизненных сил другому. Убивая человека из другого племени, они тем самым как бы продлевают свою собственную жизнь. Только тот, кто узнал имя убитого, сможет в полной мере "воспользоваться" результатами охоты. Посему и доблесть асматского воина зависит от умения выследить свою жертву, узнать о ней как можно больше. "Моральным" же обоснованием для "охотников за головами" являются умершие предки, постоянно требующие отмщения. На их души можно списать все, их спиритуальной силой прикрываются от злых духов, во множестве подстерегающих человека повсюду. Именно поэтому поклонение духам умерших стало

неотъемлимой частью асматских верований.... Доблесть воина - в победе, какой бы ценой она ни досталась. Надо - заведет специально дружбу с жителями соседней деревни, пригласит в гости, угостит, окажет помощь, - и все лишь для того, чтобы узнав о враге как можно больше, однажды напасть и убить. Станный, с позиции белого человека, кодекс взаимоотношений. Вполне логичным в этом контексте выглядит восприятие асматами библейской истории, с которой упорно и терпеливо знакомят их миссионеры, нередко, впрочем, страдавшие до недавнего времени от коварных каннибалов. Так вот, Иуда в глазах асматов выглядит рядом с рефлектирующим, слабым, простодушным Христом настоящим воином-победителем. Он сумел втереться в доверие к врагу, улучил нужный момент, перехитрил свою жертву и нанес точно рассчитанный удар. Он добился поставленной цели, он выжил, а Христос...

Асматы, мужественные, бесстрашные воины, гордые люди, не покорившиеся завоевателям. Да, с точки зрения белого человека, они коварны, вероломны и кровожадны, они не признают нашей морали и нашей жизни. И все же жаль, если цивилизация когда-нибудь уничтожит их самобытность"¹⁹⁸.

Если читатель разделяет скорбь автора "Огонька" о том, что каннибализм может исчезнуть, в результате наш мир станет чуть-чуть менее плюралистичным – он может более не трудиться и не читать дальше. На вопрос “Все ли равно как верить?”, в отличие от прессы типа “Огонька”, я сразу отвечаю отрицательно: нет, не все равно как верить. Не все равно - едят ли люди друг друга или баранину. Не все равно - молятся они Христу или Вельзевулу.

Упоминанием о каннибализме я полагаю можно подвести черту под дискуссией на тему "Можно ли сравнивать религии между собой?". Да, религии различны, их разницу можно заметить и, осознав, признать, что одни религиозные практики являются, мягко говоря, "более отсталыми", а другие - "более духовными". Религия, в которой в жертву приносятся люди, мне представляется "менее возвышенной", чем та, которая предписывает приносить в жертву только животных. В свою очередь религия, рекомендуемая по праздникам резать ягнят, уступает той, в которой "вечерней жертвой" именуется словесная молитва и обращение сердца человека к Богу. И даже если мне докажут, что культ человеческих жертвоприношений более древен, чем практика вечернего чтения псалмов, я предпочту отмежеваться от "эзотерических преданий старины" и остаться в традиции, не имеющей столь почтенного возраста.

Я вполне понимаю выбор молодого индуистского брахмана, который свою древнюю и "эзотерическую" традицию променял на более молодое и прозаическое христианство: "Мой дед Сингх серьезно занимался оккультизмом и всегда критиковал тех, кто просто философствовал и не пытался использовать сверхъестественные силы. Однажды моя бабушка Нани поведала мне тайну, которую хранила долгие годы: Сингх принес своего первого сына в жертву любимой богине Лакшми, супруге Вишну-хранителя. В Индии был такой обычай, но о нем не говорили открыто. Богиня богатства и процветания, она, возможно, помогла деду с невероятной быстротой стать самым богатым и влиятельным человеком на Тринидаде"¹⁹⁹.

В этой главе я почти не буду говорить от себя. Я просто постараюсь показать - на каком фоне звучала проповедь пророков, а затем и Христа. То, что глубоко погружено в воды истории, видится и смутно и ностальгически. Но есть на земле островки, где многое осталось по-прежнему. Там не было услышано Евангелие.

Один из таких островков - мир ламаизма.

¹⁹⁸ Черняк И. "У охотников за головами" // Огонек, 1995. N. 20. Сс. 68-71.

¹⁹⁹ Рабиноранат Р. Махарадж. Смерть одного гуру. - Новосибирск, 1995. С. 12.

Буддистские жертвоприношения

Субстратом, который "подморозил" Тибет, задержав его духовное развитие в добиблейской эпохе, был буддизм. Дело в том, что в буддизме нет идеи Бога. Ни Единого Личного Бога-Творца нельзя мыслить по правилам буддистской философии, ни даже Мировой Брахман, Вселенский Дух. Все, что есть, есть поток частиц, все порождено психизмом. Все есть проявления психической энергии, и поэтому всем можно пользоваться — если только отдавать себе отчет в том, что ты используешь эти силы во благо буддистской общины.

В Тибет махаянистский буддизм пришел в VII веке (миссионерами выступили непальская и китайская принцессы - жены тибетского царя Сронцангамбо²⁰⁰). В IX веке он проник из аристократии и ученых кругов в народ в форме ламаизма, основанного Падмасамбхавой (который сам был адептом тантрического буддизма).

Народы Тибета тогда еще не вышли из стадии шаманизма. Их культ состоял в общении с духами - в том числе и вполне и откровенно злыми. По логике религиозного развития через какое-то время они могли бы принять идею Единого Божества и встать на общечеловеческий путь развития... Но к ним пришли буддистские проповедники и сказали, что Бога нет. Но есть духи (с точки зрения буддистской философии в принципе есть любые формы бытия, если кто-то их последовательно и постоянно мыслит и передает им свою энергию). В самом деле - любой буддист знает, что на проповеди Будды слетались даже боги. А Бог не пришел. Значит - Его нет. Шаманский культ был подкреплён буддистской философией.

Дело в том, что собственно буддистская проповедь в Тибете оказалась неудачной. Индийский миссионер философ Шантираکشита потерпел поражение в диспуте с языческими жрецами религии бон, и, вернувшись в Индию, он посоветовал приехать в Тибет Падмасамбхаве – магу-тантристу²⁰¹. Там, где оказалась бессильна философия (а она и не могла быть сильна в полемике с теми, кто о философии и логике не знал ничего), должны были помочь чудеса.

Итак, прийдя в Тибет, Падмасамбхава начал строить монастырь Самье. Однако демоны противились стройке. Вступив с ними в оккультную борьбу, Падмасамбхава покорил их и превратил в слуг, которые и закончили строительство²⁰². Так родилась излюбленная поговорка Е. Рерих: "Джины (демоны) строят храм"²⁰³. Кроме того, основатель ламаизма, победивши дьявольские силы, выдвинул и более долгосрочное условие для освобождения демонов. Отныне они были обязаны защищать буддистское правое дело. Вообще, с точки зрения тантризма, неэкономно уклоняться от общения с темными духами и энергиями - надо научиться не отменять их, а использовать в своих целях. Любая энергия может сгодиться в оккультном хозяйстве²⁰⁴.

²⁰⁰ «Как свидетельствуют тибетские предания, долог был путь принцессы в Лхассу. Он длился два или три года. За это время принцесса полюбила тибетского посла и родила от него ребенка» (Кычанов Е. И. Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., 1975, с. 37).

²⁰¹ Кычанов Е. И. Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., 1975, с. 45.

²⁰² См. Давид-Нозль А. Мистики и маги Тибета. - М., 1991. С. 108

²⁰³ Письма Елены Рерих 1929-1938. Т. 1, Минск, 1992, с.143.

²⁰⁴ О духовном облике этого человека и, соответственно, об идеале духовного устройства буддиста, тибетские предания говорят так: «После этого Падмасамбхава прибыл к цэнпо. Цэнпо Тибета был окружен придворными. Гуру Падмасамбхава подумал: «Я не рожден лоном женщины, я рожден волшебным образом цветком лотоса, как был рожден милосердный бодхисаттва Авалокитешвара. Поэтому меня зовут „Рожденный в лотосе" (Падмасамбхава). Я—религиозный царь, который правит страной Уджан. И обладаю более высоким происхождением, чем цэнпо этой дурной страны Тибет. Цэнпо весьма невежествен, а я очень искусен во всех пяти пилах знания. Я достиг состояния будды в течение одной жизни, как и Шакьямуни, и я больше не буду знать ни рождения, ни смерти. Цэнпо пригласил меня сюда потому, что нуждается во мне больше, чем я в нем. Поэтому он должен почтительно приветствовать меня первым. Но я должен ответить цэнпо на его приветствие, а это поколеблет величие буддизма. Если же не отвечу приветствием на его приветствие, то цэнпо рассердится. И все-таки я не буду приветствовать этого великого цэнпо!». Цэнпо Трисонг Децэн, великий правитель Тибета, подумал: «Я—господин всего народа Тибета. Бодхисаттвы приветствуют меня первым. И этот гуру также должен приветствовать меня первым». Гуру Падмасамбхава благодаря своей волшебной силе узнал мысли цэнпо и спел такую песню о своей магической силе и могуществе: «Будды прошлого и настоящего времени появлялись из лона женщины,

Опираясь на это предание и на это тантрическое учение, заискивание именно перед этими жестокими и кровожадными гениями заняло первенствующее место в народном культе. В буддистских монастырях Монголии и Тибета ежедневное утреннее служение начинается с принесения кровавой жертвы "хранителю веры Чжамсарану и другим лютым божествам и гениям", "божественным палачам и смертоносцам врагов веры и добродетели".

Вот описание этих служб в книге русского этнографа А. М. Позднеева, переизданной в 1993 г. в Калмыкии самими буддистами: "Приносящие балин хуvaraки перед началом служения долженствуют прежде всего созерцать Чжамсарана и представить себе все пространство мира пустым. В пространстве этой пустоты они должны представить себе безграничное море из человеческой и лошадиной крови, в котором треугольником волнуются волны; в самой середине этих волн - четырехугольную медную гору и на вершине ее - солнце, человеческий и конский труп, а на них Чжамсарана. Лицо у него красное; в правой руке, испускающей пламя, он держит медный меч, упираясь им в небо; этим мечом он посекает жизнь нарушивших обеты. В левой руке он держит сердце и почки врагов веры; под левой мышкой прижал он кожаное красное знамя. Рот страшно открыт, 4 острых клыка обнажены; имеет три глаза и страшно гневный вид. Он коронован пятью человеческими черепами. Стоит он среди пламенеющего огня премудрости".

Мысленно принеся этому и армии иных демонов чашу крови, их призывают уничтожать врагов, а особенно тех, кто ограничивает распространение веры и святости буддийской. Вот вопль, к ним обращенный: "Призываю основавшего свое вечное местопребывание в юго-западной стране трупов владыку жизни, великих красных палачей и шимнусов, не отступающих от повелений Чжамсарана, приидите по силе обещания... Чтобы порадовать Чжамсарана и его сподвижников, чествую их великим морем разной крови. Ом-ма-хум... Все враждебные и силы и препятствия, согласно своих строгих и жестоких законов, сделайте прахом... Открывший рот и обнаживший клыки, имеющий три глаза на своем страшном лице, завязавший в косу свою темно-желтые волосы, возложивший на себя корону из черепов и четки, величественный богатырь, одаренный лицом, на которое невозможно смотреть, тебя восхваляю я! Стоящую по правой стороне от тебя Ухин-тэнгри, которая держит в своих руках меч и гвоздь, имеет синеватое тело и красноватое лицо - восхваляю я!.. Царь хранителей-якшасов, мать красноликая, владыка жизни, свирепые восемь меченосцев и вы, страшные палачи, умножьте вашу энергию! греховным, воздвигающим преграды ламству, всем держащимся еретического учения покажите вашу силу, и спасите, о спасительные. Ниспослав свыше шимнусов, действующих ножами, схватите врагов сетью, пришипьте их гвоздями, перерубите мечами, прострелите стрелами, пронзите копьями, высосите у них сердце! Но, заставив их покончить свое настоящее злое существование, спасите их души! Прекратите жизнь этих злобных врагов! плоть, кровь и кости их вкушайте устами вашими! Примите эту жертву плоти и крови ненавистных врагов! Направьте меня на путь добродетели, но накажите врагов явными знаменами! Уничтожьте врагов ламства и веры вообще, ибо только таким путем вы сохраните веру и священное учение!"²⁰⁵.

накапливая в предыдущих, неисчислимо долгих кальлах заслуги и божественное значение. Таков же будет путь и будды будущего времени. Но я — будда, который рожден в лотосе. Я знаю пути приобретения заслуг и владею даром пронизательности, которые получил свыше. Я искусен в обучении буддийскому канону и тантрам. Я искусно рассказываю о всех путях спасения от страданий. Я—Закон, который рожден в лотосе, и лучше других сведущ в религиозной практике. Я ношу шафрановую, желтую одежду монаха. Я—величайший йогин-тантрист. Я—рожденное в лотосе собрание наставлений, включающее также способность проникновения в истинную сущность вещей и пути совершения этого. Более того, мои знания выше неба. Я понимаю причины и последствия деяний лучше, чем кто-либо другой. Я—лама, рожденный в лотосе, владею теми знаниями, которые передаются тайно». Услышав это, цэнпо понял свое заблуждение, почтительно первый приветствовал гуру Падмасамбхаву» (Кычанов Е. И. Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. сс. 206-207). Для сравнения: «В святом человеке должно быть столько же святости, сколько и непонимания своей святости» (архиеп. Иоанн (Шаховской). Биография юности. Париж, 1977, с. 143).

²⁰⁵ Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. - СПб., 1887. С с. 329-338.

Итак, если издалека кажется, что все религии равны, стоит рассмотреть их поближе. И задаться вопросом, можно ли, например, в одном иконостасе поставить Спаса Рублева и маски ламаистских божеств? Можно ли наряду, во время одной утренней молитвы прочитать и молитву христианина, и молитву тибетского монаха?

Впрочем, для ответа на последний вопрос надо привести их тексты. Утреннюю молитву ламаиста мы слышали. Для удобства сопоставления возьмем молитву православного христианина, обращенную не к Богу, но к Ангелу Хранителю: "Святый Ангеле, предстояй окаянной моей души и страстной моей жизни, не остави мене грешнаго, ниже отступи от мене за невоздержание мое. Не даждь места лукавому демону обладати мною насильством смертнаго сего телесе; укрепии бедствующую и худую мою руку и настави мя на путь спасения. Ей, святый Ангеле Божий, хранителю и покровителю окаянная моя душа и тела, вся мне прости, еликими тя оскорбих во вся дни живота моего, и аще что согреших в прешедшую ночь сию, покрый мя в настоящий день, и сохрани мя от всякаго искушения противнаго, да ни в коем гресе прогневаю Бога, и молися за мя ко Господу, да утвердит мя в страсе Своем, и достойна покажет мя раба Своя благодати, аминь". Как справедливо отмечает Л. Юзефович, "Архангела Михаила, архистратига небесных сил, при всей его воинственности трудно представить в диадеме из отрубленных голов, сжимающим в зубах окровавленные внутренности противников христианства. Пусть даже подобные физиологические детали были символами борьбы чисто духовной, сам этот метафорический язык, принципиально отличный от христианского, должен был волновать Унгерна"²⁰⁶.

Впрочем, в Тибетской "Шамбале" доходило и до практики. "Мне, пробывшему тогда полтора десятка лет среди монгол, казался странным разговор со служителем, буддийским ламой, представителем движения "щадя все живое", разговор о возможности существования человеческих жертвоприношений"²⁰⁷... И однако в невероятном пришлось удостовериться. Человеческие жертвоприношения дожили у северных буддистов до XX века.

Вот, например, одно из деяний знаменитого Тупшегун-ламы (или Джа-ламы), считавшего себя воплощением Махакалы, Великого Чернобога, "почти полвека будоражившего степь, вселявшего ужас в кочевников и признанного при жизни святым"²⁰⁸. В августе 1912 году после боя в китайской крепости Кобдо монголы захватили 35 китайских торговцев (не солдат, заметьте, - купцов). Над ними было решено исполнить древний тантристский ритуал "освящения знамен". "Созывая народ в гудящие раковины, ламы вынесли обтянутые человеческой кожей дамары - барабаны, музыкальные инструменты из полых человеческих костей, горшочки с кровью для демонов. Ламы высокого и низкого рангов одинаково с трудом пробирались сквозь толпу... Проворно донага раздели жертвы. Руки и ноги им заломили за спину, голову откинули назад, привязывая косицу к связанным рукам и ногам так, чтобы торчала вперед грудь жертвы. Громче забормотали молитвы и заклинания ламы, поспешнее становилось жуткое пение. Вперед вышел Джа-лама, как все ламы, с непокрытой головой, в красной мантии. Пробормотав слова молитвы, он встал на колени перед первым из связанных китайцев, взял в левую руку короткий серпообразный жертвенный нож. Мгновенно левой рукой вонзив нож в грудь, Джа-лама вырвал правой все трепещущее сердце. Хлынувшей кровью хайлар-монголы написали на полотнище "формулы заклинаний", которые гарантировали бы монголам

²⁰⁶ Юзефович Л. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. — М., 1993. С. 152. Барон Унгерн, один из самых жестоких деятелей Гражданской войны, был буддистом и никогда не был христианином. Тень его и поныне витает над Россией: «Бывший соратник Шойгу по корпусу спасателей рассказывал: Каждый вечер Сережа начинал рассказывать о жизни барона Унгерна. Мог рассказывать часами, и было видно, что он совершенно «повернут» на этом персонаже... Барон Унгерн верит в свою избранность, в магию чисел, в мистику. Его постоянно окружали астрологи, предсказатели, гадалки. Шойгу тоже уверен в своем особом предназначении и не чужд мистики. Услугами так называемых «экстрасенсов» он пользуется постоянно» (Дейч М. Шкура неубитого медведя // Московский комсомолец. 25 февраля 2000 г). Напомню, что Сергей Шойгу – министр МЧС, лидер правительственной партии «Единство»...

²⁰⁷ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения у современных монголов // Сибирские огни. 1927. N.3. С. 185.

²⁰⁸ Ломакина И. Голова Джа-ламы // Наука и религия. 1992. N.1.

помощь докшитов, оценивших их победу. Потом Джа-лама положил окровавленное сердце в приготовленную габалу - чашу, которая на самом деле была оправленной в серебро верхней частью человеческого черепа. И снова крик новой жертвы, пока, наконец, все пять знамен не были расписаны кровью сердец. Коротким ударом ножа в череп вскрывали его ламы, опуская тут же теплые мозги в габалу к мертвым сердцам... В ужасе отшатываясь в начале, зрители вскрикивали что-то в знак одобрения, словно зажигая в душе свой маленький огонь... Настал черед следующих пяти жертв, в том числе пленного сарта. К нему первому подошел Джа-лама. Пронзительное "аллах-иль-аллах" разнеслось по долине, когда он шилообразной человеческой костью вскрыл сарту артерии и стал выпускать хлынувшую кровь в габалу. Сарт умирал, как истинный мусульманин: он бормотал предсмертную молитву, обратив взор в сторону родных мест, пока не упал на траву. Его четверым товарищам было не лучше: медленно истекали они кровью. Джа-лама обрызгал ею, кровью умиравших врагов, стоявших поблизости и дрожавших от страха цириков (солдат). Бездыханных жертв бросали в костер"²⁰⁹. Когда чиновник князя подоспел к месту жертвоприношения и попытался остановить его, утверждая, что по "желтой вере" таких ритуалов не положено, ему возразили: "Джа-богдо-лама исполняет тантра-приношение по стародавнему обычаю, как передают негласные, тайные предания. Его приказ для нас - главный! Так велит поступать с врагами религии Махакала". И в самом деле, что значит слово князя перед авторитетом святого! И он даже больше, чем святой: "Махакала первоначально был одним из образов Шивы как разрушителя мира"²¹⁰.

Махакалу "ламы-иконописцы обязаны были изображать всегда с мечом или ножом, на фоне очищающего огня, с широко раскрытым ртом, готовым впиться в сердце врага желтой веры, выпить его неостывшую кровь. Этот докшит (по-тибетски и дхармапал на санскрите) не просто побеждает Зло, но испытывает блаженство при виде мук носителя этого Зла"²¹¹. Это отнюдь не образ демонических сил, не облик зла. Нет, это облик покровителя "желтой веры", облик тех сил, что защищают тибетский буддизм. Его и подобных ему духов в ламаизме называют "Восемь ужасных" (Махакала, Цаган-Махакала, Эрлик-Хан, Охин-Тэнгри, Дурбэн-Нигурту, Намсарай, Чжамсаран, Памба)²¹².

Махакала — демон, сам не способный достичь нирваны, но, покоренный Падмасамбхавой и иными буддистскими подвижниками, он "обречен вечно сражаться с теми, кто препятствует распространению буддизма, причиняет зло людям или мешает им совершать священные обряды"²¹³.

Далай-ламы (по признанию нынешнего Далай-ламы XIV) с детства связаны с чернобогом Махакалой: "Вскоре после моего рождения на крыше нашего дома поселилась пара ворон. Это представляет особый интерес, поскольку подобные вещи происходили и после рождения первого, седьмого, восьмого и двенадцатого Далай-лам. Позднее, когда Далай-лама Первый вырос и достиг высот в своей духовной практике, он во время медитации установил прямой контакт с божеством-защитником Махакалой. И тогда Махакала сказал ему: "Тот, кто, подобно тебе, утверждает учение буддизма, нуждается в защитнике вроде меня". Так что, как мы видим, между Махакалой, воронами и Далай-ламами определенно существует связь"²¹⁴. Кроме того, нынешний лауреат Нобелевской премии мира не прочь поработать с демонами и "божественными палачами": "Для того, чтобы иметь дело с так называемыми гневными защитниками, мы сами должны достичь определенного уровня внутреннего развития. Когда человек достигает некоторых результатов, или стабильности в своей

²⁰⁹ Ломакина И. Голова Джа-ламы. - Улан-удэ - СПб., 1993. Сс. 74-76. "Об этом необычном торжестве мне рассказывал как сам Джа-лама, так и его приближенные", - свидетельствует А. Бурдуков (Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения... С. 185) хотя в его статье нет описания тех ритуалов, которые приводит И. Ломакина, очевидно, по иным источникам.

²¹⁰ Давид-Ноэль А. Мистики и маги Тибета. С. 39.

²¹¹ Ломакина И. Голова Джа-ламы. - Улан-Удэ - Петербург, 1993, сс. 6-7.

²¹² Юзефович Л. Самодержец пустыни. с. 151.

²¹³ Юзефович Л. Самодержец пустыни. с. 91.

²¹⁴ Интервью Далай-ламы XIV с Дж. Аведоном // Путь к себе. 1995, №3, с. 9.

йогической практике, особенно в йоге божеств, и развивает в себе гордость этого божества, то он обретает способность использовать различных защитников и божеств. Вот это правильный путь... Я проводил посвящения Калачакры. При этом я всегда мысленно представлял различных защитников тибетского народа, тибетского сообщества... Эти божества могут оказывать влияние на события, происходящие в мире»²¹⁵.

Далай-лама не досказал лишь то, что для того, чтобы повлиять на самих «гневных божеств», и понудить их «оказывать влияние на события, происходящие в мире», нужно прибегнуть к тайным тантрическим обрядам. То, что совершал Джа-лама, не вакханалия сумасшедшего; совершенное им жертвоприношение «доступно лишь тем немногим, согласно тантризму, кто овладел обетами алмазной колесницы Ваджры»²¹⁶.

Джа-лама – не сумасшедший извращенец. Ю. Н. Рерих пишет, что Джа-лама – «знаток тайн своей религии», который «изучал трудные для понимания трактаты по буддийской метафизике... обладал глубокими познаниями в области буддийской метафизики и тайн тантрических учений и пользовался большим авторитетом среди высших монгольских лам»²¹⁷.

То, что Джа-лама делал редко, вполне постоянно "прообразовывалось" обычными ламаистскими обрядами. Например, в юрте у Джа-ламы висел "тулум" - кожа, содранная в 1913 году с пленного киргиза без разрезов, мешком, искусно просоленная и просушенная. Это не боевой трофей, но необходимая молитвенная принадлежность. "Есть такие моления лам, когда требуется расстелить на полу перед собой кожу Мангуса, воплощения зла; другое дело, что за неимением ее расстилают кусок белой ткани, символизирующей тулум Мангуса. Поскольку Джа-лама начал строить большой монастырь, кожа врага была нужна ему для будущих хуралов, молебствий"²¹⁸.

"Тулум", сопровождавший Джа-ламу в его странствиях, интересен еще вот чем. Каждый народ, каждый город старается, помимо почитания Единого Небесного Отца (если он еще о Нем помнит), обрести более "близкого" духовного покровителя. Москва своим покровителем чтит св. Георгия Победоносца, а Петербург - св. Александра Невского. В античности Афина Паллада считалась покровительницей Афин, а Артемида - Эфеса... Кого же ламаисты считают покровителем своей священной столицы - Лхассы? - Богиню Лхамо. Она изображается всегда скачущей по морю крови на муле, покрытом страшной попоной - тулумом, сделанным из кожи ее сына, которого она сама убила за измену "желтой вере"²¹⁹...

²¹⁵ Интервью Далай-ламы XIV // Путь к себе. 1995, №4. Сс. 31. и 39. Вновь напомним о том, кто именно мыслится защитником буддистской веры: «Любой Бодхисаттва может быть выбран и как йидам, но когда, — что часто случается, — он существует в двух ипостасях, одна из которых благая, а другая — гневная, то, как правило, именно последняя выбирается защитником» (Дэви-Неел А. Посвящение и посвященные в Тибете. — СПб., 1994. С. 51).

²¹⁶ Ломакина И. Голова Джа-ламы. С. 73

²¹⁷ Рерих Ю. Н. Монголия. Путь завоевателей // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999, сс. 307-309. Ю. Рерих кстати, в курсе жертвоприношений, совершенных Джа-ламой в Кобдо. Его цифра, правда, другая: «город был сожжен, а население убито. После победы были схвачены десять местных торговцев, китайцев и мусульман, и по приказу Джа-ламы принесены в жертву в тайном ритуале. Им рассекли грудь и вырвали сердца, и Джа-лама лично освятил человеческой кровью монгольские воинские знамена и окропил войска» (с. 310). Примечательно, что «Бумбин орн» - официальный сайт республики Калмыкия – так пишет о Джа-ламе: «Некоторые современные буддисты, например, все тот же переводчик Терентьев, говорят, что «Джа-лама – такой же лама, как Сталин – православный священник: оба они учились когда-то в духовных учебных заведениях и не более того. А зверства свои каждый из них оправдывал той идеологией, какой было удобнее – в одном случае это был примитивно понятый марксизм, в другом – шаманизм и буддизм, понимавшийся Джа-ламой примерно на уровне А. Кураева». Но с такой оценкой согласиться никак невозможно. Как свидетельствуют современники, даже лучшие и опытнейшие в медитации и дебатах ламы не могли и близко сравниться с Джа-ламой в понимании Закона, и он неизбежно побеждал их в диспутах о Дхарме. Если бы он примитивно понимал буддизм, да еще на уровне православного священника Кураева, то такие вещи ни в коем случае не происходили бы. Кроме того, те чудеса, мистические силы, которые демонстрировал Джа-лама, также не позволяют ставить в один его в один ряд с обычными людьми» (<http://www.bumbinorn.ru/index.php?page=96>)

²¹⁸ Ломакина И. Голова Джа-ламы. С. 210

²¹⁹ Ломакина И. Голова Джа-ламы. С. 78.

А. Бурдуков рассказывает, что Джа-ламу не любили многие ламы. Но никто из них не осуждал его ритуалы: «и вот, при такой личной неприязни баитский лама мне все же объяснил, что в ламайском культе во время некоторых богослужений стелется белое полотно, вырезанное наподобие распластанной кожи Мангыса. Мангыс в монгольском эпосе — одухотворенное злое начало... Лама говорил, что в главных храмах Лхассы в Тибете у Далай-ламы и Банчен-Богдо, для совершения великих хуралов в честь грозных богов есть настоящие кожи мангысов, но больше их нет нигде. В других местах применяется имитация. — Вот и Джа-лама снял кожу, вероятно, для обрядностей, а не по жестокости, — закончил лама»²²⁰.

Обряды Джа-ламы были не настолько "эзотеричны", чтобы никто другой их не практиковал. Когда один из сподвижников Джа-ламы Максаржав в 1921 году совершил переворот, он не просто уничтожил белый гарнизон (отряд атамана Казанцева - часть Унгерновской дивизии). Сердце есаула Ванданова (бурята-буддиста) было съедено. "При появлении в лагере Ванданова чеджин-лама сразу же впал в транс, воплотившееся в него божество требовало себе в жертву трепещущее сердце Ванданова. Ванданова расстреляли, а вынутое сердце было поднесено беснующемуся чеджину, который в экстазе его съел. Позднее он говорил, что во время транса действует божество, а не он, оно и съело сердце Ванданова"²²¹.

Ванданов был принесен в жертву при совершении все того же ритуала освящения знамени. Но на этот раз это было уже - красное большевистское знамя. И командир красных монголов Максаржав вскоре был награжден советским орденом Красного Знамени...

Вскоре в плен к "красномонголам" (термин А. Бурдукова) попал фельдфебель Филимонов из Бийска. И на этот раз сердце пленного было принесено в жертву красному знамени и съедено. Совершал обряд все тот же бывший при Максаржаве чеджин (чойджин) лама²²². "Интересно, что в современных случаях человеческих жертвоприношений инициаторами являются представители высшего ламства — Джа-лама и чеджин"²²³.

Так что речь идет не об эксцессе. Речь идет о традиции. Естественно, эзотерической... В северном буддизме в обиходе "храмовые духовые инструменты из человеческих костей и из этого же материала изготовленные зерна ламских четок... Габала изготавливалась из черепа девственника, умершего естественной смертью и не убившего ни одного живого существа. В нее наливалась кровь жертвенных животных для призвания грозных дхармапала"²²⁴. В медицине охотно использовались

²²⁰ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. с. 186. В интернете рериховцы активно распространяют коллективную монографию «Мракобесие для простаков», критикующую мою антирериховскую книгу «Сатанизм для интеллигенции». В ней, в частности, говорится, что «Не соответствует правде и утверждение А. Кураева о том, что никто из лам не осуждал "ритуалы" Джа-ламы. Ламы активно выступали против его действий, осуждая Джа-ламу именно за разрушение "желтой веры"». Однако ни одного примера, когда бы другие ламы осуждали не вообще какие-то действия Джа-ламы, а именно его тантрические ритуалы и магические манипуляции с кровью и трупами мои критики не привели... Еще пример их полемической увлеченности: «Читая 12 главу "Сатанизма для интеллигенции", мы встречаем описание использования содранной кожи ("тулум"), в качестве молитвенной принадлежности. Диакон Кураев, очевидно, не обратил внимание, где именно, по словам А. В. Бурдукова, хранил Джа-лама эту "необходимую молитвенную принадлежность". Она находилась в юрте-складе, попросту говоря, в кладовой. Это ясно показывает её значение для "ритуалов" Джа-ламы. Если учесть крайне уважительное отношение монголов ко всем предметам культа — факт помещения уникальной "молитвенной принадлежности" на склад говорит сам за себя. Отношение Джа-ламы к "коже Мангуса" можно узнать из диалога с А. В. Бурдуковым. Показателен уже сам вопрос Бурдукова, который спрашивает Джа-ламу, зачем ему эта кожа. Джа-лама спокойно ответил: кожа нужна для выполнения обряда, но согласился, что "в кладовой с продуктами ей пожалуй не место, и тут же распорядился куда-нибудь ее убрать". Здравомыслием, легко понять, что кожа киргиза имела для Джа-ламы какое-то другое значение, но отнюдь не как элемент ритуала, а, скорее всего, как символ его личного торжества над мужественным противником». Странно: Джа-лама сам говорит, что «кожа нужна ему для выполнения обряда», а рериховцы из этих его слов делают вывод, что «кожа киргиза имела для Джа-ламы какое-то другое значение, но отнюдь не как элемент ритуала»...

²²¹ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. С. 188.

²²² Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. С. 188; Ломакина И. Голова Джа-ламы. С. 210.

²²³ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. С. 189.

²²⁴ Юзефович Л. Самодержец пустыни. С. 149.

человеческие органы²²⁵, методы целительства способны были приводить в оторопь²²⁶, а медицинская этика официально не рекомендовала оказывать помощь любому больному: «Если больной причинял вред вере, был известен как недруг властей и монашеского братства, то такого больного завещается оставить, хотя бы и были средства для его врачевания, так как такое врачевание поведет только ко злу и людским нареканиям»²²⁷.

Когда людям рассказываешь о таких страничках буддистских верований и практик, реакция следует вполне стандартная: “Да не может такого быть. Ведь всем известно, что буддизм самая миролюбивая религия на земле! Это или выдумка, или вы все понимаете неверно: это всего лишь аллегории, метафоры!”

Да, буддистская философия говорит, что зверский облик и ритуальная жестокость шимнусов направлены не против инакомыслящих людей, а против не принявших буддизма демонов, а точнее - человеческих аффектов. Именно аффекты оказываются врагами веры. Именно их режут длинными ножами палачи-шимнусы. Борьба с аффектами производится посредством концентрации на образах этих грозных существ, которых и бросают в бой с внутренним неприятелем. При этом, создаваемый в медитациях образ не признается реально существующим. Здесь как бы персонализируется сакральный гнев человека против искушения²²⁸. И все же

И все же мы видели, что эти метафоры вполне могут превращаться в практику даже у весьма образованных лам. Кроме того, простые верующие уж тем более склонны все это воспринимать весьма конкретно. О том, что между подобными медитациями и колдовской практикой и жертвоприношениями не было слишком большого разрыва, я заключаю из такого, например, свидетельства: «Проклятия произносились над питьевой водой; этот ритуал – начу – вошел даже в тибетские буддийские обряды. Другое распространенное проклятие заключалось в зарывании в землю «имени» и изображения врага и в обращении к божествам с призывом убить врага»²²⁹.

Но люди до такой степени затерроризированы идеей обязательного “мира между религиями”, настолько пленены пропагандой их “равноценности” (при предполагаемом превосходстве буддизма над христианством), что даже Инесса Ломакина, в книге которой о джа-ламе столько страшных страниц, считает необходимым делать реверансы в адрес “мудрости ламаизма”. “Молодая женщина — член буддийской общины Санкт-Петербурга, прочтя часть рукописи, спросила меня: “К чему все эти ужасы, эти жертвоприношения? Буддист не сорвет травинку, благословляя все, растущее и живущее на земле. Или вы против возрождения ламаизма?”. Нет-нет, не против; любая вера сейчас, наверное, во благо. Только ламаизм — вера особая, вобравшая мудрость Степи”²³⁰. Конечно, вырывать сердца из груди живых людей — это идет “во благо человека”. Карма убитого от этого становится лучше...

²²⁵ «В тибетской медицине мясо, сало, череп человека и многое другое употребляются в качестве лекарств. Человеческое мясо и сало преимущественно берутся от казненных» (Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. с. 189.)

²²⁶ «Для продления жизни очень полезным считалось повалиться на камне, на котором рассекались трупы. Особенно ценился в данном случае камень у обители отшельников Пабонха, близ монастыря Сера, по преданию, происходивший с родины буддизма. Сам далай-лама не брезговал покататься нагишом на этом выпачканном и отполированным трупами камне» (Кычанов Е. И. Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. С. 238).

²²⁷ Учебник тибетской медицины. Спб., 1908, с. 359.

²²⁸ В данном случае я опираюсь на книгу: Лама Анагарика Говинда, "Психология раннего буддизма", "Основы тибетского мистицизма", СПб., 1993, с. 283. Однако, надо учесть, что «лама Говинда» – европеец (Эрнст Лотар Гофман; ск. в 1985 г.) и проповедник буддизма для европейцев. Ему хорошо известно, под какие стандарты гуманизма надо подгонять предлагаемый им продукт. А потому к его книгам (как и к проповедям нынешнего далай-ламы в западных СМИ или к лекциям датчанина Оле Нидала) стоит относиться с изрядной толикой осторожности: не принимая рекламу за нечто, всегда адекватно передающее реальность.

²²⁹ Кычанов Е. И. Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. с. 240.

²³⁰ Ломакина И. Голова Джа-ламы. Сс. 208-209.

Нет, это не шутка. «В буддийском каноне есть сочинения, например, Ньятрайяпрадипа, которые разрешают в некоторых случаях убийство человека. Если кто-то ведет жизнь, полную злых дел, приносящих много несчастий, то такую жизнь можно пресечь, потому что тогда эта злая личность, погрязшая в грехах и заблуждениях, быстрее возродится вновь. Гневные тантрические божества существуют еще и потому, что должны защищать учение Шакьямуни всеми возможными способами. Богиня Лхамо, явившись во сне Палдже Дордже в своем гневном образе, повелела убить грешного цэнпо во имя исполнения долга по защите буддизма»²³¹.

Для Унгерна и Джа-Ламы “кровь на лепестках буддийского лотоса казалась чем-то вполне ему соприродным и естественным”²³². Когда Бурдуков поинтересовался у Джа-ламы, как, будучи буддийским монахом, он может носить оружие, сражаться и убивать. Джа-лама ответил: “Эта истина (“шали все живое”) для тех, кто стремится к совершенству, но не для совершенных. Как человек, взошедший на гору, должен спуститься вниз, так и совершенные должны стремиться вниз, в мир — служить на благо других, принимать на себя грехи других. Если совершенный знает, что какой-то человек может погубить тысячу себе подобных и причинить бедствие народу, такого человека он может убить, чтобы спасти тысячу и избавить от бедствия народ. Убийством он очистит душу грешника, приняв его грехи на себя”²³³. Так что буддизм в состоянии предложить оправдания для преступлений, совершаемых своими адептами.

Но несмотря на это, с поразительной навязчивостью в современной (как оккультной, так и светской) пропаганде веротерпимость и миролюбие буддизма противопоставляются “кровожадности” христиан. Постоянно мелькают заявления типа: “Буддисты - единственные из всех верующих, которые за 2,5 тысячи лет никогда не были причиной кровопролития. Буддисты никогда не начинали войн, тем более братоубийственных, гражданских. Они не насаждали (в отличие от христиан) свою религию огнем и мечом”²³⁴. «Единственная в мире религия, которая не запятнала себя кровью – буддизм»²³⁵.

Что ж, сначала насчет «огня». В 1258 г. монгольский хан Хубилай созвал собор, на котором выступили представители даосистов и буддистов. Согласно буддистской версии, на этом соборе не было философских дискуссий. Все решила магия: «Только один лама хранил молчание. Наконец он, насмешливо улыбнувшись, сказал: “Великий император! Прикажи каждому из нас продемонстрировать мощь своих богов, совершив чудо, а потом суди, чей Бог лучше”. Хубилай-хан, последовав совету, приказал (даосским – А. К.) ламам показать, на что способны их боги, но сконфуженные ламы только молчали, расписавшись в собственном бессилии. — “Тогда сам покажи могущество твоих богов”, — сказал император ламе, поставившему такое условие. Лама, не говоря ни слова, посмотрел на императора долгим взором, затем перевел взгляд на всех собравшихся и простер перед собой руки. В ту же минуту золотой кубок императора оторвался от стола и поплыл к губам властелина. Сделав глоток, император почувствовал сладостный вкус напитка. Все стояли как громом пораженные, а император произнес: “Твой Бог станет и моим Богом; ему будут молиться все мои подданные. Но расскажи, какой ты веры? Учение мудрейшего Будды — моя вера”²³⁶. В итоге – «результатом этого собора было осуждение даосистов, причем книги их были сожжены»²³⁷.

²³¹ Кычанов Е. И. Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. С. 209. Речь идет о том, что в 842 г. буддистский монах-отшельник Лхалунг Палдже Дордже убил тибетского властителя, сторонника религии бон Ланг Дарму (с. 57).

²³² Юзефович Л. Самодержец пустыни. С. 156.

²³³ Цит. по: Юзефович Л. Самодержец пустыни. С. 153.

²³⁴ Дмитриева Л. Карма в свете “Тайной Доктрины” Е. П. Блаватской и Агни Йоги Рерихов. Спецкурс лекций по Основам Эзотерической Философии, прочитанный в Государственном Университете Молдовы и Международном Независимом Университете в 1993-1995 гг. Тематическое приложение к газете *Агни Священный*. Кишинев, 1996. Беседа 9. С. 118.

²³⁵ Дмитриева Л. «Тайная доктрина» Елены Блаватской в некоторых понятиях и символах. Ч.2. Антропогенезис. Магнитогорск, 1994, с. 551.

²³⁶ Оссендовский Ф. И звери, и люди, и боги. М., 1994, сс. 293-294.

²³⁷ Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв. // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999, с. 146.

Упоминаниями о сожжениях книг оппонентов пестрит религиозная история буддистского Тибета: «Знание чудодейственных заклинаний помогло Падмасамбхаве победить духов, демонов и драконов, обитавших в Тибете. В долине Тхоикхар был организован диспут, на котором Падмасамбхава и Шантиракшита победили служителей религии бон, и она была запрещена. Цэнпо запретил жертвоприношения животных и бонские рукописи.... Начались преследования ярких приверженцев бон. Книги их заточили в пещеру Брагмаре, часть сожгли, а часть утопили ... Рукописи бон были уничтожены»²³⁸.

Теперь – о мече... Здесь также модное мнение стоит сопоставить с суждением историка: «Большинство западных буддологов подчеркивает “мирный” характер учения буддизма по сравнению с исламом и христианством, словно забывая о том, что многие правители древнего и средневекового Востока именовались в буддизме “чакравартинами”, “бодхисатвами”, “буддхараджами”, хотя некоторые из них отличались крайней жестокостью и известны истреблениями целых народов, например, Ашока, Чингис-хан и др. Причем в истории зафиксировано множество случаев, когда агрессия оправдывалась религиозными целями: войны на острове Шри-Ланка за обладание Зубом Будды, поход бирманского царя Ануруддхи на государство Тхатон якобы ради получения палийского закона и т. д. Э. О. Берзин отмечает, что “борьба за разрушение государств старого типа и создание государств нового типа, как это всегда бывало в средневековье, велась под религиозными лозунгами. Так, на поверхности событий мы видим борьбу буддизма хинаяны против буддизма махаяны в Таиланде, Кампучии, Лаосе, борьбу старых анимистических культов против буддизма хинаяны в Бирме, борьбу конфуцианства против буддизма махаяны во Вьетнаме, наконец, борьбу синкретической религии буддизм-индуизм против жрецов каждой из этих религий в отдельности в Индонезии”. Необходимость и справедливость захватнической политики правителей, которые покровительствовали сангхе и дхарме, идеологи буддизма оправдывают ссылками на эдикты Ашоки, являющиеся канонизированной экзегетикой буддизма тхеравадды, и на канонизированный трактат “Милиндапаньха”, а в целом рассматривают природу этих войн через концепцию чакравартина. Следует отметить, что политика дхармавиджайи (досл. “завоевание с помощью дхармы”) известна в странах южного буддизма как часть концепции чакравартина, согласно которой правитель обязан распространять дхарму на соседние страны, то есть завоевательные походы - это его долг”²³⁹.

В Китае “императоры, благоволившие к буддизму, как правило подвергают гонению даосизм, и наоборот”²⁴⁰.

В Индии в период, когда царь Ашока оказывал покровительство буддизму, «представители буддийских толков, не согласные с царским пониманием слова Будды, вернее, несогласные с буддийскими наставниками царя, выселялись из монастырей и лишались его расположения в соответствии с Сарнатхским колонным указом»²⁴¹. Из монастырей изгонялись все кроме тех, кого объявили ортодоксами (стхавиров)²⁴². Государственная сила применялась не только для разрешения конфликтов в самой буддистской общине, но и для выяснения отношений с представителями более старых традиций: «Проповедники индуизма неоднократно увлекали верующих в свои храмы, буддисты жаловались властям, и те силой возвращали колеблющуюся паству и ее подношения в буддийские монастыри»²⁴³.

В Тибете «с приходом буддизма древняя религия бон преследовалась и вытеснялась в отдаленные пограничные районы»²⁴⁴. Придя во второй половине VIII в. к власти в Тибете, буддисты

²³⁸ Кычанов Е. И. Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. сс. 207, 46, 205.

²³⁹ Корнев В. И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1987. Сс. 186-187.

²⁴⁰ Элиаде М. Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований М.,-Спб., 1997, с. 114.

²⁴¹ Андросов В. П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М., 2001, с. 423.

²⁴² Там же, с. 426.

²⁴³ Андросов В. П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М., 2001, с. 346.

²⁴⁴ Рерих Ю. Н. Тибет – страна снегов // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999, с. 266.

оттесняют от престола своих религиозных и политических оппонентов, которые «были, по одним данным, убиты, по другим, заживо замурованы в гробницу, по третьим, объясняющим наличие двух первых версий, переведены в разряд «живых мертвых»... На смену человеческим жертвоприношениям пришел институт «живых мертвых», людей, отказавшихся от жизни в обществе и обязанных доживать свои дни у могилы. «Живым мертвым», поселенным возле погребального комплекса, запрещалось видеть живых людей и разговаривать с ними. «Живые мертвые» принимали жертвы, приносимые покойному, а сами ели ту пищу и носили те одежды, которые периодически приносили им живые родственники. Приближаясь к могиле, родственники «живых мертвых» трубили в рог, и по их сигналу «живые мертвые должны были немедленно скрыться. Оставив в условленном месте запас пищи и одежды, родственники удалялись, извещая «живых мертвых» о своем уходе новыми сигналами рога»²⁴⁵.

Впрочем, и спустя сто лет положение буддизма не было прочным: буддистских монахов осмеивали и преследовали. Ралпачан вынужден был издать указ, гласящий: «Тот, кто будет с ненавистью указывать пальцем на моих монахов и будет злобно смотреть на них, тому выколуют глаз, отрубят палец»²⁴⁶.

Аналогичный закон был издан и в XVI веке: «Любой, кто оскорбит монаха или ламу, будет сурово наказан. Если мы узнаем, что кто-то тайно хранит статуэтки с изображениями умерших, мы разрушим дом того, кто скрывал их. Вместо них люди могут держать в своих домах изображения Ешей Гонпо»²⁴⁷. И вообще во всю историю Тибета «наказания за преступления против религии были жестоки: содержание в темнице и битье плетью, отсечение рук, ног, смертная казнь...»²⁴⁸.

Так что были и насилия буддистов над иноверцами.

Были – вопреки рерихианскому мифу - и гражданские войны между самими буддистами. Буддистские секты самого Тибета, бывало, выясняли отношения между собой не на философских диспутах, а с оружием в руках. В 794 г. в монастыре Самьяй прошел диспут между двумя буддистскими сектами. "Закончился диспут совсем не мирно. Хашанг и некоторые представители его школы были забиты камнями, а несколько позже китайские буддисты и их приверженцы убили Камалашилу»²⁴⁹. Позднее «Благочестивые обитатели обладали также и целыми боевыми дружинами монахов... В ту далекую эпоху (в XVI веке) религиозные секты Тибета, которые можно сравнить с католическими монашескими орденами, вели беспрестанные войны за власть над страной. Основным соперником желтошапочников Гелугпы были красношапочники Кармапы. В самый кульминационный момент войны между красными и желтыми последние решили привлечь на свою сторону племена джунгар, хошутов и торгоутов. Главой их племенного союза считался Турул-байхур, более известный как Гушихан. В 1642 г. его армия разгромила боевые отряды Кармапы, а вождь союзников передал верховную власть над Тибетом Далай-Ламе V — Агван-Ловсан-Чжямцо, прозванному «Пятым Великим»»²⁵⁰.

В ходе этих войн «Ряд монастырей секты Гелугпа были силой превращены в монастыри секты Кармапа»²⁵¹. И, напротив, «в 1648 г. ряд монастырей враждебных сект были насильно преобразованы в монастыри секты Гелугпа»²⁵².

Чтобы убедиться, что речь идет о чисто религиозной войне, развязанной с религиозными целями, приведу описание тех же событий в изложении Блаватской: «Лама Дукпа-шаб-тунг с армией

²⁴⁵ Кычанов Е. И. Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., 1975, с. 44.

²⁴⁶ Там же, с. 56.

²⁴⁷ Там же, с. 80.

²⁴⁸ Там же, с. 146.

²⁴⁹ Там же, с. 46.

²⁵⁰ Шишкин О. Н. К. Рерих. Мощь пещер. (1) // Сегодня. 10.12.94.

²⁵¹ Кычанов Е. И. Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. С. 82.

²⁵² Там же, с. 86.

монахов захватил Бутан, где объявил себя Ламой Рим-поче, но вскоре был разбит тибетской армией с помощью китайских войск желтых шапок. Он был вынужден принять определенные условия, одно из которых давало ему полномочия духовной власти над красными шапками Бутана при том условии, что он согласится на свое перерождение в Лхасе и объявит, что таков будет закон навсегда. Так все последующие Ламы Рим-поче рождались в Лхасе. По второму пункту предлагаемых условий Ламы Рим-поче должны были препятствовать публичным демонстрациям обрядов колдовства и заклинаний; по третьему – ежегодно должна была вноситься определенная сумма денег на содержание ламаистского монастыря»²⁵³.

А вот сам термин, который европейские буддофилы так боятся приблизить к предмету своей идеализации: «Три посла Гелугпы прибыли к джунгарам, чтобы побудить их начать *религиозную войну* с врагами веры»²⁵⁴.

А вот уже не война, а прямая инквизиция – казнь безоружных диссидентов: «1640-е годы... Установление правления Далай ламы V над Тибетом с помощью монгольского оружия не прошло гладко. В Гьянцзе вспыхнуло восстание, руководимое сектой Кармапа. Затем восстало Конгпо. Восстания были жестоко подавлены объединенными усилиями монгольских отрядов Гуши-хана и войск правительства Далай-ламы. Содержавшиеся до этого в тюрьмах Лхасы лидеры Кармапы были казнены»²⁵⁵.

Пытки, кстати, буддисты могли применять весьма изощренные: «В 1864 г. регент Тибета при Далай ламе XII приказал у входа в свою канцелярию всегда держать свежеснятую шкуру быка или яка. Провинившихся немедленно после установления вины заворачивали в еще сырую шкуру, которая, высыхая под солнцем, стальным панцирем, как обручем, стягивала жертву, причиняя ей страшные мучения, после чего ослушника бросали в воду, где он и тонул»²⁵⁶.

Упомянув о новых восстаниях против власти «желтошапочной» секты Гелугпы и Далай-Ламы V в 1670-е годы, которое было потоплено в крови тибетскими и монгольскими войсками, историки заключают: «Как можно видеть, буддисты воевали, отнюдь не пугаясь крови и жестокостей, сражаясь при этом не только во славу буддизма вообще, но и за право существования отдельных буддистских сект, которые часто любыми средствами стремились захватить и удержать власть»²⁵⁷.

Буддистские монахи и поныне готовы кулаками отстаивать свои притязания. Вот информационное сообщение, прошедшее по Общественному Российскому Телевидению (ОРТ) от 12.10.1999: «В Сеуле прошли массовые беспорядки с участием монахов главного буддистского храма Южной Кореи - обители Шо-Гё. Тяжело ранены более 10-и человек. Во время штурма храма святые отцы пустили в ход дубинки и складные лестницы. Охрана отбивалась с помощью брандспойтов. К кровавым столкновениям в Сеуле привели амбиции владыки Просветленных Реформаторов - так называют себя сторонники Ордена Шо-Гё. В нарушение устава его владыка третий раз подряд самовольно занял этот пост и забаррикадировался в храме. Решающее слово в религиозном споре осталось за полицией - власти вывели на улицы сотни блюстителей порядка» (<http://www.ortv.ru/index.htm>).

А в буддистско-синтоистской Японии уже лилась кровь христиан. Объединитель Японии Тоетоми Хидэеси издал в 1587 г. закон о запрете христинства. 120 миссионерам было приказано немедленно покинуть Японию. 26 христиан было распято на крестах. Среди распятых было три

²⁵³ Блаватская Е. П. Новый Панарион. М., 1994, с. 76.

²⁵⁴ Кычанов Е. И. Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. С. 83.

²⁵⁵ Там же, С. 85.

²⁵⁶ Там же, с. 109.

²⁵⁷ Там же, с. 88.

мальчика-японца, церковные службы²⁵⁸. Более серьезные гонения начались через несколько десятилетий по воцарении династии Токугава.

До начала этих гонений в стране насчитывалось около 300 000 христиан. И это было сочтено угрозой для национальной безопасности Японии и для благополучия буддистских монастырей. Христианство было объявлено вне закона. В 1623 г. было казнено 27 христиан. В 1618-1621 — убито 50 христиан-японцев. Следующий, 1622, год вошел в историю японской Церкви как “год великомучеников”: 30 христиан было обезглавлено и еще 25 сожжено заживо (из них — девять иностранных католических священников). Казнили всех, включая 90-летних старух и годовалых детей. И так продолжалось два с половиной века. Когда во второй половине XIX века христианство было все же объявлено разрешенной религией, христиан в Японии осталось 100 000 (при этом историк отмечает, что мало кто из христиан отрекался — большинство предпочитало смерть)²⁵⁹. Философское освящение этим гонениям было дано трактатом “О вреде христианства”, написанным буддистским монахом Судэном²⁶⁰.

Технология этих гонений описывается архим. Сергием (Страгородским) - будущим патриархом Московским и всея Руси, в 1890-1893 гг. несшим послушание православного миссионера в Японии: “Первые христиане окрещены были поспешно и без подробного обучения, а священников (после начала гонений на католичество - А. К.) не было. Но все они понимали завет своих отцов и хранили веру, хотя и знали ее крайне плохо, с трудом отличая Богоматерь от Кваннон. Иконы открыто держать нельзя было: их заделывали в штукатурку стены и на эту стену молились. Иногда христианские изображения делали на манер буддийских. Например, в японском буддизме богиня Кваннон иногда изображается в виде женщины с ребенком на руках. Нигде, кроме Японии, такого изображения нет, но и в Японии его происхождение загаочно. Некоторые думают, что это на самом деле изображение Богоматери, бывшее в ходу среди тайных христиан, а потом перешедшее и к язычникам... Потомки казненных христиан до семи поколений объявлены были подозрительными и находились под надзором полиции (говорят, что некоторые были под надзором до самого падения сегунского правительства в шестидесятых годах XIX столетия). Каждый год они должны были приходиться в известный буддийский храм и здесь давать письменное отречение от христианства. А чтобы не было каких-либо ложных показаний, подозреваемых заставляли тут же попираť ногами христианскую икону. До сих пор сохранились такие иконы, литые из меди. Они очень стертые ногами попиравших, но особенно стертые, прямо ямами, их края, выступавшие вокруг иконы в виде рамы. Не имея решимости открыто отказаться от попирания своей святыни, христиане становились на края и избегали, таким образом, касаться самой иконы. К стыду европейцев нужно сказать, что эту лукавую меру подсказали японскому правительству протестанты-голландцы²⁶¹. Всего в XVII-XVIII вв. в Японии было замучено и убито до 280 000 христиан...²⁶²

В Корее христианам пришлось испытать не меньше: «Вся предыдущая история корейской церкви, история в некоторых отношениях примерная, написана кровавыми буквами. История эта громко заявляет о том, какую массу крови и ужасных бедствий, гонений приобрели и отстаивали корейцы свое верование и не только отстаивали, но и отстаивают, ибо пролитие крови христиан-корейцев и гонения на них не прекращаются до наших дней, и еще недавно (1900 г.) на острове Квельпарт и на островах юго-западного побережья Кореи произошли неслыханные по жестокости избиения христиан озверевшей грубой чернью, науськанной злонамеренными людьми из-за угла. Христианство в Корее появилось около 1784 г. Первыми проповедниками веры были сами же

²⁵⁸ Кузнецов В. Средневековая Япония // Всемирная история. Т. 1. М., 1993, с. 453.

²⁵⁹ Данные из книги: Sansom G. A History of Japan. Vol. 3.- Stanford, California, 1963. Pp. 39-43.

²⁶⁰ см. *Нагато Хироси*. История философской мысли Японии. — М., 1991, с. 69.

²⁶¹ архим. Сергей (Страгородский). По Японии. Записки миссионера. М., 1998, сс. 82-83.

²⁶² см. архим. Сергей Страгородский. По Японии. с. 200.

корейцы, принявшие учение от некоего И-сен-хунн, сына корейского посланника в Китае, который, будучи с отцом своим в Пекине, принял веру от местных католических миссионеров и, прибыв на родину, начал проповедовать учение Христово среди своих сверстников. С течением времени, когда число верующих увеличилось, к ним стали проникать из того же Китая французские миссионеры. Пробирались они тайно, в платье простых кули (чернорабочих). Такая таинственность вызвана была тем, что Корея того времени являлась страной, въезд в которую иностранцам был запрещен под страхом смертной казни. Всякий, осмеливающийся проникнуть в страну, жестоко карался, особенно миссионеры, пытавшиеся насаждать чуждую для этого замкнутого народа веру. Однако, несмотря на все строгости запретов, христианство не только проникло туда, но и нашло не мало достойных последователей, что не могло укрыться от бдительного ока правительства, которое не замедлило начать жестокие гонения на приверженцев новой религии. Но это мало помогло делу. Христианство быстро распространялось по стране. Тогда власти решили окончательно ликвидировать христианское учение, и всех, кто подозревался в принадлежности к вере Христовой, приказано было предать огню и мечу: это касалось не только явных христиан, но и язычников, родственников христиан до седьмого поколения включительно. Народ гиб целыми тысячами. Мучители не щадили никого и ничего. Палачи еле успевали сечь головы мученикам на специально изготовленной для сего гильотине. Многих живыми зарывали в землю, иных варили в кипящих котлах или просто побивали камнями без суда и следствия. Имущество конфисковывалось правительством или расхищалось палачами. Гонения продолжались с теми или иными промежутками почти целое столетие, т.е. с 1784 по 1872 г., когда христианство официально было уже признано терпимым (только терпимым!) в Корее. За этот продолжительный период корейцы насчитывают до восьми больших и малых гонений, чередовавшихся одно за другим; но самыми лютыми и жестокими считаются последние два, бывшие при королеве-регентше Ким в 1839-1846 гг. и при принце регенте Тэ-вон-гуне в 1866-1870 гг. Насколько было жестоко последнее гонение, можно видеть из того, что за один 1870 г. было умерщвлено до 8 000 человек, не считая погибших от холода, голода и др. причин, приключившихся во время скитаний людей по горам и лесам страны. В числе прочих, мученически скончавшихся, известны в 1839 г. три и в 1866 г. семь французских миссионеров, из них три епископа: Имбер, Бернье и Давелуи и семь священников. Всего же погибших корейцев считают десятками тысяч. Некоторые из них, как и скончавшиеся французские миссионеры, канонизированы уже римско-католической церковью»²⁶³.

Во Вьетнаме, в 1835 г. смертью мученика погиб о. Маршан, казненный разрезанием на 100 кусков. В 1851 году король Ты Дык издал указ, предписывавший европейских миссионеров "бросать в глубины моря или реки, а священников-вьетов рубить пополам". Реально были казнены только двое европейцев. В 1851 погиб о. Августин Шефлер, а в следующем году - о. Жан Луи Боннар. Интересно, что обоим вьетнамские власти тайно предлагали побег, опасаясь "международного резонанса", однако оба миссионера отвергли эти предложения и достойно встретили смерть. Естественно, что вьетохристиан погибало намного больше²⁶⁴.

И в России "миролюбивые" буддисты также, случалось, убивали и преследовали христиан. Об одном из таких случаев начальник калмыцкой миссии иеромонах Никодим Ленкеевич, обративший за предыдущие два года в православие 220 калмыков, писал в Св. Синод 12 марта 1730 г.: "В 1729 г. я просил рассмотрение учинить об определении крещеным калмыкам к жительству удобнаго места и об охранении их от прочих иноверных калмыков, дабы не был в обиде и утеснении. А сего 1730 года генваря в 5-й день владелец калмыцкий Ласанг, собрав войска ста в три человек, велел новокрещеных побрать и разбить до остатку, чтобы впредь не повадно было креститься их народу. И присланное

²⁶³ Архимандрит Феодосий (Перевалов). Российская Духовная Миссия в Корее (1900-1925 гг.). // История Российской Духовной Миссии в Корее. Сборник статей. М., 1999, сс. 230-231.

²⁶⁴ См. Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии в 17-19 вв. М., 1966.

войско от онаго владельца крещенаго Илью Табитя со всеми новокрещеными калмыками разбили до остатку и убили одного крещенаго до смерти, двух ранили и взяли грабежом мужеска полу восемь человек, женска полу восемь, девочек 11 мальчиков четверо, всего 31 человек. А прочие ушли, оставя имение свое, и спаслись от онаго войска... А как грабили, образы Божии иные в камыш покидали, иные с собой увезли"²⁶⁵.

Весной 1757 г. три калмыцкие семьи выехали для принятия крещения. По пути, как гласит сообщение Астраханской духовной консистории, "наехали на них на 4-х лодках некрещенные калмыки, да еще поодаль от них на 8 лодках, всего до 50 человек, стреляли из ружей, били смертно, находившемуся при некрещеных калмыках школьнику Ивану Платонову прошибли голову даже до самого мозга, отчего он обеспамятствовал, а после того, чем его еще били и мучили, от сильного удара он не упомнит, был три дня в беспамятстве и доселе от побоев находится в тяжелой болезни, калмыков крещеных и некрещеных также били и грабили, но крещеные калмыки не стреляли, так как за неимением ружей стрелять им было нечем"²⁶⁶.

Да и в унгерновской дивизии, о которой упоминалось выше, самую боеспособную часть составляла Тибетская сотня, присланная барону Далай-ламой²⁶⁷. Значит - были у тибетских лам и боевой опыт, и некоторые цели, ради достижения которых они не только имели войска, но и посылали их за пределы Тибета.

Да, и на совести христиан немало преступлений. Но давайте в таком случае четко различать: историю христиан будем сравнивать с историей же буддистов, а вероучение христиан – с вероучением буддистов. Пока же популярные лекции и брошюрки предпочитают сплетни об «ужасах христианской инквизиции» перемежать рассказами о возвышенности буддистской этики, «нежелающей зла ничему живому»...

Я же нахожу весьма уместным (для целей теософской пропаганды) совет Елены Рерих – «Очень важно забыть недостатки ламаизма»²⁶⁸. Для того, чтобы теософия могла и дальше вести свою атаку на христианство и насаждать восточный оккультизм («истинный буддизм») ей действительно важно, чтобы люди о многом забыли. История религиозных смут на Востоке должна быть забыта, зато вся история христианства должна быть преподана как криминальная хроника: среди задач Теософского общества Блаватская упоминает распространение среди язычников “доказательств, которые касаются практических результатов христианства. С этой целью оно доставляет подлинные материалы о преступлениях духовенства, проступках, схизмах, ересь, спорах и тяжбах, расхождениях по учению, критике Библии и о пересмотрах, которыми полна пресса христианской Европы и Америки”²⁶⁹. Двойные стандарты «всерепимой» теософии налицо...

Так что не стоит противопоставлять мою «нетерпимость» теософской «открытости». Я всего лишь учусь у Елены Петровны Блаватской. Я тоже стараюсь «доставить подлинные материалы» – но о языческих религиях. Ибо для полноты картины неплохо было бы и современным европейцам перестать идеализировать «духовность Востока».

Если кто-то пожелает упрекнуть меня в том, что я сосредоточился лишь на мрачных сторонах буддизма, я соглашусь с этим упреком. О буддистской философии и о ее рекламируемой глубине сегодня более чем достаточно публикаций. И чтобы их хоть как-то уравновесить – позвольте уж хотя

²⁶⁵ Полное собрание постановлений по Ведомству Православного исповедания. т. 7, 2670. Цит. по: архим. Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. т. 1. Калмыки. — Казань, 1915, с. 169.

²⁶⁶ архим. Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. т. 1. Калмыки. Казань, 1915, сс. 347-348.

²⁶⁷ см. Юзефович Л. Самодержец пустыни. с. 165.

²⁶⁸ Агни-Йога. Откровение. 1920-1941, М., 2002, с. 263

²⁶⁹ Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. М., 1994, Т. 1, с. 52.

бы в одной книге напомнить о том, что есть в буддизме нерекламируемого, но от этого не перестающего быть реальным.

Конечно, буддизм не сводится к этим мрачным страницам своей истории. Но они в ней - были. Мощная же пропагандистская машина твердит, что «религия ненасилия» никогда никого не обижала...

И сколь бы горьки ни были мои суждения о ламаизме, я никогда не говорил того, что сказал Николай Рерих: «Дальше Н.К.Р. говорит о ненужной сентиментальности по отношению к людям. Должно лишь быть стремление способствовать эволюции человечества. Но не должно быть остановок перед живыми трупами, представляющими из себя «космический сор». Так и Тибет, «космический сор» между нациями - находится в периоде духовного умирания. Это такой же живой труп, как отдельный человек с потухшей в нем жизнью духа»²⁷⁰.

И последнее: ни в одной современной христианской стране нет столь жестких ограничений на свободу совести, как в буддистской Монголии. Там в 1993 году был принят закон «Об отношениях между церковью и государством». Он гласит, что «государство обеспечивает господствующее положение буддийской религии в Монголии» (ст. 4,2), «пропаганда какой-либо религии, организованная из-за границы, запрещается» (ст. 4,7) «запрещено проводить деятельность, чуждую традициям и обычаям монгольского народа» (ст. 7,5)²⁷¹.

Религиозная нетерпимость в Индии

Не только буддисты не вмещаются в рамки нынешнего западного мифа о них.

Реальные индуисты также не менее разительно отличаются от той умильной картинки, которую живописуют западные «паломники на Восток». Например, в 70-х годах XX века индуистские жрецы захватили буддистский храмовый комплекс в Бихаре – и удерживают его до сих пор²⁷². Речь идет о комплексе, воздвигнутом на месте, где Будда достиг озарения и погрузился в нирвану... Премьер-министр Раджив Ганди был в 1991 году убит женщиной, которая по национальности принадлежала к тамилам, по вере – к индусам, которые ведут борьбу против сингалов-буддистов за создание на Шри-Ланке независимого тамильского государства. Индусские фанатики убили и Махатму Ганди –причем во время проведения им религиозной церемонии (Индира Ганди была убита уже сикхами: они мстили свой расстрелянный из танков храм; но после убийства сами гибли тысячами от рук индусских погромщиков)²⁷³.

«В Индии религиозная вражда существует уже давно, но ранее наиболее острыми были взаимоотношения мусульман и индуистов. Всего за последние десять лет в штате Джамму и Кашмир, на который в равной степени претендуют и Индия, и Пакистан, погибло более 60 000 человек. К примеру, с 21 июля этого (2001) года в этих штатах исламскими боевиками было застрелено около 43 индусов. Только 4 августа боевики похитили 22 жителя деревни Шрунтидхар, отвели их в джунгли и расстреляли там из автоматического оружия. При этом не стоит забывать, что и христиане с мусульманами не всегда находят общий язык. В Индии они не союзники. Несмотря на акты насилия в отношении своих священнослужителей, Конференция католических епископов Индии 15 августа этого года осудила продолжающиеся убийства последователей индуизма в Кашмире, которые совершают исламские экстремисты. Епископы выразили тревогу и озабоченность по поводу ситуации, сложившейся в штате Кашмир, и призвали власти страны положить конец гибели ни в чем не

²⁷⁰ Декроа Н. (Кордашевский Н. В.). С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. Спб., 1999, с. 250.

²⁷¹ НГ-религии 21 мая 2003.

²⁷² Ключев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М., Институт Востоковедения РАН, 2002, с. 47.

²⁷³ Там же, с. 149.

повинных людей. Мусульмане, в свою очередь, видят в христианских проповедниках конкурентов, которые стремятся ограничить влияние ислама в Индии»²⁷⁴. «В 1984 году в ответ на убийство премьер-министра Индии Индиры Ганди индусы расправились над пятью тысячами сикхов в течение трёх дней. Многие из них не просто убивали, а сжигали заживо. Мальчиков кастрировали»²⁷⁵.

«По крайней мере 9 мусульман были зверски убиты в минувшие сутки в результате насилия на почве религиозной нетерпимости в индийском штате Гуджарат. В число погибших, сообщает сегодня центральное телевидение из Ахмедабада, самого крупного города штата, входят пять женщин и детей, заживо сожженных религиозными фанатиками, передает ИТАР-ТАСС. Трагедия произошла в деревне Амбаса в районе Вирамгам. Неизвестные заперли и подожгли несколько домов мусульман. В поселке Умретх бесчинствующая толпа облила керосином и подожгла юношу. Он скончался в больнице от ожогов. В городе Сурад несколько десятков бунтовщиков забросали камнями полицейский участок. Стражи порядка были вынуждены прибегнуть к предупредительным выстрелам в воздух. Ожесточенные межобщинные столкновения в штате продолжаются с конца февраля. Начало им положило нападение толпы мусульман на поезд с паломниками-индуистами, в результате которого погибли 58 человек. Всего за прошедшие дни, согласно данным властей, в Гуджарате жертвами насилия стали 816 человек. В Ахмедабаде погибли 324 его жителя. Оппозиция в лице центристского Индийского национального конгресса и левого Народного фронта требует от центрального правительства немедленно отправить в отставку главного министра правительства штата Нарендру Моды. Сегодня премьер-министр Атал Бихари Ваджапайи отправился в поездку по Гуджарату, в ходе которой, как сообщила его канцелярия, он ознакомится с ситуацией на местах, встретится с населением и представителями администрации»²⁷⁶.

В 1998 году в Индии произошло 626 межрелигиозных столкновений, в ходе которых 207 человек было убито и 2065 ранено...²⁷⁷ Лидер одной из правящих партии Индии (партия зовется Шив сина – Армия Шиваджи; ее лидер Бал Тхакре) заявил в 1996 году: «Кто такие мусульмане? Если Шив сена придет к власти, каждый будет обязан пройти обряд дикша (инициации) в индусскую религию»²⁷⁸.

Что же касается положения в Индии христиан – то и оно не отличается стабильной защищенностью. Не в давние "дикие" времена, а в нашем столетии "веротерпимые" индуисты убивали христианских миссионеров.

Саду Сундар-Синг, «апостол Индии» в 20-х годах свидетельствует об этом так: «Миссионер Картар Синг, мой близкий друг, был замучен язычниками. Я поехал на то место, на гору, где его пытали и где он умер. Он был зашит в сырую кожу буйвола, которая, ссыхаясь на солнце, сжималась и душила его. Рассказывавший мне об этом индус видел, как этот человек, умирая в пытке, так благодарил Христа за преимущество пострадать за Него, что многие были поражены и уверовали. Другой мой товарищ был схвачен язычниками, которые сказали ему: «Если ты не отречешься от Христа, мы бросим тебя в пропасть». Страх охватил его, но он положился на Христа. Когда индусы поняли, что он не отречется, они толкнули его в бездну. Это было чудо - он не разбился насмерть. Что было потом, он рассказывал мне сам: «Когда я смог поднять голову, то увидел себя в крови и совершенно без сил. Я подумал: Вот, я один и нет никого, кто мог бы помочь мне. И вдруг слышу голос: Нет, ты не один. Я оглянулся, вижу подходит человек, помогает мне придвинуться к скале и опереться на нее. Я попросил пить. Незнакомец пошел к ручью и принес мне два раза воды в

²⁷⁴ Алексей Лампси. Последний оплот язычества. В Индии разгораются страсти эпохи распространения христианства // НГ-религии. 22 авг. 2001.

²⁷⁵ *Перспект.* 1994. № 10, с. 7.

²⁷⁶ Интернет-сайт Религия в России 4 апреля 2002

²⁷⁷ Ключев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М., Институт Востоковедения РАН, 2002, с. 230.

²⁷⁸ Цит. по: Ключев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М., Институт Востоковедения РАН, 2002, с. 223.

пригорошне. На третий раз, когда я пил из его рук, я заметил, что руки его пробиты. Тут я понял, что это Христос. Через час я уже мог встать и пойти в ту же деревню, чтобы свидетельствовать о том, что сделал со мною Бог". Когда он мне это рассказал, я невольно усомнился. Через некоторое время я поехал в ту деревню, и местные жители, не христиане, подтвердили это, рассказав, как они были потрясены, увидев миссионера снова среди них. Со мной тоже совершилось такое чудо. В одной индусской деревне мне сказали, что если я приду еще раз говорить о Христе, меня убьют. Они меня не убили, но раздев донага, туго привязали цепями к дереву и закрыв цепи на замок, оставили одного. Вначале я очень страдал от холода, потом стал горячо молиться. Вдруг стало так легко - я ощутил присутствие Христа. Радость охватила мою душу - я понял, что значит "небо на земле". Холод больше меня не мучил, я уснул и проснулся от шума - с дерева упал созревший плод. Я вздрогнул и почувствовал, что цепи спадают. Рядом на земле лежал зрелый плод, которым я освежил горло. Наутро я пошел в ту же деревню. Можете представить их изумление. Они стали спрашивать, кто открыл замок. Единственный ключ от замка находился в руках ламы. Мне же было ясно, Кто избавил меня от смерти"²⁷⁹.

В Индии сейчас христиан больше чем буддистов – по переписи 1991 года христиан в Индии 19 миллионов (2.4 % населения), а буддистов – 6 миллионов (0.76%) - это даже при учете многочисленных буддистов-беженцев, покинувших Тибет после его оккупации Китаем²⁸⁰. Тем не менее, статус христиан в Индии достаточно проблематичен.

В 1950 г. указом президента бедняки («неприкасаемые»-далиты) в случае обращения в христианство лишались ряда предусмотренных законом льгот (указ подтвержден Верховным судом Индии в 1985 году)²⁸¹. В 70-е годы в ряде штатов были приняты законы, просто запрещающие обращение индуистов в христианство и ислам²⁸².

В 90-е годы к власти в стране пришли националистически настроенные партии. В итоге началась политика тихого удушения христианства.

Верховный суд Индии еще в 1977 году постановил, что в Конституции «не предусмотрено право обращать другое лицо в свою веру»²⁸³. Это свое решение тот же самый суд подтвердил 1 сентября 2003 года. Согласно постановлению суда, в Индии не существует «фундаментального права обращать» кого-либо в ту или иную веру, а правительство имеет право вводить законы, препятствующие обращению. «Мы крайне разочарованы этим вердиктом», - заявил президент отделения Всеиндийского христианского совета (ВИХС) в штате Орисса пастор П.Р. Паричха. Именно ВИХС был инициатором слушаний в верховном суде. Эта экуменическая организация оспаривала конституционность закона «Акт о свободе религии», принятого в Ориссе в 1999 году. Согласно этому закону, для перехода из одной веры в другую житель штата должен получить разрешение от местных властей. Желая обратиться в новую религию должен написать в районный магистрат заявление о том, что обращение происходит по его собственной воле. Из магистрата бумага направляется в полицию, и только потом выдается разрешение. Любой религиозный деятель, который планирует совершить крещение или обряд инициации в другую религию, должен заранее поставить администрацию в известность о времени и месте проведения церемонии. Нарушение этих процедур карается штрафами или тюрьмой. «Эти правила являются ущемлением фундаментальной свободы вероисповедания, которая гарантирована конституцией», - заявил Паричха в интервью ENI. По словам баптистского пастора, в штате Орисса «Акт о свободе религии» до сих пор используется только против христиан, в то время как «индуистские фундаменталисты делают все, что хотят». В 2002 году более

²⁷⁹ Саду Сундар-Синг. Речь в Тиволи 6 марта 1922 г. // Примиритель. N. 1 (2), 1992, с.23-24.

²⁸⁰ Клюев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М., Институт Востоковедения РАН, 2002, сс. 64 и 40.

²⁸¹ Клюев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М., Институт Востоковедения РАН, 2002, с. 73.

²⁸² Клюев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М., Институт Востоковедения РАН, 2002, с. 71.

²⁸³ Клюев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М., Институт Востоковедения РАН, 2002, с. 71.

100 новообращенных христиан были насильно возвращены в индуизм, что заставило ВИХС направить жалобу в правительство, однако власти никак не отреагировали на нее.

Еще более поразителен индийский закон, запрещающий считать местом культа здание, в котором находится вино. В христианстве, как известно, вино употребляется во время причастия, так что христианские храмы лишаются статуса святынь. Это значит, что если какой-нибудь воинствующий фанатик ворвется в христианский храм и устроит там скандал или погром, то это будет рассматриваться не как кощунство, а как обычное уличное хулиганство. То есть все равно, что нагадить в телефонной будке, что в алтаре христианского храма.

Если так смотрят на христиан индийские законодатели – то что же удивляться волне прямых насилий. “В 1998 г. христианская община Индии испытала на себе больше насилия, чем за все 50 лет независимости страны. Участились случаи убийств священников, изнасилования монахинь, сожжения Библий, разрушения церквей и христианских учебных заведений. За год жертвами фанатиков стали более 64 христиан. Сотня воинствующих индуистов, поддерживающих правящую Бхаратия-Джаната-Парти, выкрикивая антихристианские лозунги, сожгла около 300 экземпляров Библии в г. Раджкот (штат Гуджарат на северо-западе Индии). В селении Симдага на юге штата Бихар была зверски убита христианская семья : мать, отец и четверо детей в возрасте от 12 до 2 лет. Под Калькуттой разграблен женский монастырь, при этом изнасилована служанка. Вооруженная группа пробовала ворваться в церковь в г. Джхабуа (штат Мадхья-Прадеш). В этом же штате изнасилованы четыре католические монахини. В штате Гуджарат около 150 делегатов съезда христианского миссионерского движения Alpha missionary Movement были избиты боевиками индуистской организации “Баджранг дал”. Епископ-помощник Делийской архиепископии монс. Винсент Консессао считает, что ненависть индуистов-фундаменталистов к католикам вызвана, в частности и тем, что Церковь последовательно выступает за равенство всех людей, невзирая на кастовое происхождение. Поэтому-то чаще всего нападениям подвергаются те, кто посвятил себя служению бедным и обездоленным... Христиане составляют от 2 до 3% населения Индии. Сеть учебно-воспитательных и лечебных учреждений христианской общины шире государственной. Христиане содержат в Индии 258 ВУЗов, 3614 средних и 8315 начальных школ, а также детские сады и 1185 профессиональных училищ”²⁸⁴.

«По сообщению агентства ENI, с тех пор как правительственная коалиция во главе с религиозно-националистической партией Бхаратия Джаната Парти пришла к власти в марте прошлого года, в стране участились нападения индуистских фундаменталистов на христиан. Это обстоятельство вызвало разногласия в правящей коалиции. Мадан Лал Хурана, министр по делам парламента, 30 января вышел из состава кабинета после того как его призыв жестокости по отношению к христианам вызвал в партии резкую критику со стороны радикалов. В своей речи 2 февраля он напомнил об убийстве в прошлом месяце австралийского миссионера Грэхема Стейнса и двух его сыновей, 10-летнего Филипа и 8-летнего Тимоти. Они были сожжены в своей машине 23 января в деревне Манохарпур в восточноиндийском штате Орисса. В этом преступлении была обвинена индуистская фундаменталистская группировка Баджранг Дал. Стейнс проповедовал среди прокаженных в Барипадже с 1965 г. В течение 1998 г. Объединенный христианский форум за права человека зарегистрировал 120 нападений и других враждебных актов, направленных против христиан, в том числе поджоги более 30 церквей в западном штате Гуджарат на рождественской неделе. «Сейчас людей натравливают друг на друга – нехристианские племена на христианские» - сказал Генеральный секретарь рационального Совета церквей Индии Джозеф. При этом в Индии из 980 млн человек около 29 млн. составляют христиане»²⁸⁵.

²⁸⁴ Индийские христиане чувствуют себя в опасности // Истина и жизнь. Обзорение. Приложение к: Истина и жизнь. Христианский журнал. 1999, №1, сс. 7-8.

²⁸⁵ Иванов П. Фундаменталисты бросают вызов. В индийском правительстве наметился раскол в связи с разным отношением к погромам христиан // НГ-религии. 10 февраля 1999.

В том же 1998 г. по сообщению CWN Нью Дели от 3 апреля был убит член ордена миссионеров милосердия 46-летний брат Люк Путтанийила. Он сопровождал груз лекарств для пациентов лепрозория. 24 марта попал в засаду устроенную бандитами на дороге из Калькутты в Патну. Тела убитых были брошены на дроге. Полиция закопала их и не сообщила об убийстве. Через три дня орден обеспокоился пропажей своих братьев. По инициативе ордена могилы были вскрыты, и представители ордена опознали своего собрата. Руки и ноги были связаны и рот связан рубахой. Это не было ограбление... Сообщение от 24 марта CNS из Ранчи: 14 марта 10 мужчин в масках совершили нападение на здание католической епархии, ранив священника Бека (16 лет прослужившего в Ранчи и не имевшего личных врагов) и несколько мирян.

«В один день, 6 августа, неподалеку от Бомбея был ранен священник Оскар Мендонка, а в центральном штате Мадхья-Прадеш неизвестные стреляли в монахиню ордена Поклонниц Святых Тайн Лину Варгее. Оба они находятся в больнице. Католики склонны обвинять в этом членов индуистского движения «Баджранг Дал», которые проводили в этот день митинги... Как заявил один из лидеров «Баджранг Дал» Милинд Паранде, «истинной причиной насилия является возмущение индусов прозелитической деятельностью христиан». Основную базу для распространения христианства составляют представители низших каст, так называемых далитов, число которых составляет в Индии около 230 миллионов. Они, как правило, занимают самые низкооплачиваемые должности и выполняют «нечистую» работу: среди них встречаются дворники, уборщики, маляры. Многим из них даже запрещают молиться в индуистских храмах. Сейчас процесс обращения низших каст в христианство приобретает лавинообразный характер. Число обратившихся исчисляется тысячами. Уже объявлено, что 14 октября в Нью-Дели, возможно, состоится самое массовое крещение в истории христианства. Новую религию примет около миллиона человек. Все они — далиты. Понятно, что индуистские традиционалисты не готовы смириться с таким резким изменением привычной картины жизни... В одном ряду стоят самые настоящие репрессии против христиан в Лаосе и Непале и дискриминационные законы талибанского правительства в Афганистане, обязывающие немногочисленных индуистов носить желтые повязки. В Индии же обстановка еще напряженнее. Начиная с 1998 года радикальные индуистские группы постоянно проводят акты насилия. На их счету, в частности, разрушение церквей в прошлое Рождество в Гуяжарате (запад Индии), убийство австралийского миссионера в январе нынешнего года. В начале сентября в том же штате стрелой был убит католический священник, а в соседнем штате Бихар агрессивным действиям подверглась католическая монахиня. Это вынудило католические организации Индии в октябре 1999 года обратиться к премьер-министру страны с просьбой принять адекватные меры по пресечению насилия и беззакония в отношении христиан. В прошлом году 7 августа в двух христианских церквях Индии произошли взрывы, в результате чего один священник убит. Ранее, 4 августа, в городе Матуре, который находится в 150 км от Нью-Дели, был забит насмерть преподобный Джордж Кужикандала. А 6 августа в двух церквях в штате Андхра-Прадеш произошла серия взрывов, в результате чего пострадали три человека. Также были взорваны бомбы в церквях города Гоа и, в штате Карнатака. В октябре того же года был избит священник Артура Раджвади и выставлен напоказ раздетым бандой, которая напала на него во время распространения им христианской литературы на ярмарке в Сурендранагаре, штат Гуджарат»²⁸⁶.

«Норвежское министерство иностранных дел предприняло новую попытку помочь норвежскому миссионеру Тронду Бергу, который был арестован в октябре прошлого (2000-го) года в Непале. Его обвинили в попытке обращения местных жителей в христианство, что запрещено законами страны»²⁸⁷.

²⁸⁶ Алексей Лампси. Последний оплот язычества. В Индии разгораются страсти эпохи распространения христианства // НГ-религии. 22 авг. 2001

²⁸⁷ <http://www.ntv.ru/religy/18Jan2001/norge.html>

«По рассказу доктора Виктора Чоудхри из Индии, в августе 2001 г. христианина Лалита Найяка из округа Баракхама, Фульбани, штат Орисса, попросили принять на себя председательство во время праздничных торжеств в честь дня независимости Индии. Во время церемонии выноса знамен четыре христианина были так жестоко избиты фанатично настроенными индусами, что пострадавшим пришлось оказать помощь в местной больнице. Фанатики пришли в больницу и стали угрожать врачам, чтобы они не лечили этих христиан. Вскоре в городе возникла суматоха, люди стали объединяться в группы. Вожди индуистов призывали женщин из племен подражать богине Кали, они стали пить, раздеваться и обнажили свои головы. Богиня мести Кали в представлении многих индусов — это чернокожая обнаженная женщина с длинным красным языком, которая пила кровь своих жертв. Группа людей танцевала, поддаваясь экстазу, и даже прибывшим на место полицейским стали угрожать, так что до двух часов ночи они не могли ничего сделать, но затем им все-таки удалось утихомирить процессию. Воинствующее индуисты на этом не успокоились и решили собраться 27 августа, чтобы прогнать христиан из этой местности. Полиция запретила мероприятие, а христиане стали молиться и поститься. В назначенный срок, несмотря на запрет полиции, собралось около 5 000 воинствующих индусов. У них были явные намерения расправиться с христианами. Полиция беспомощно смотрела, как народ направлялся к индуистскому храму, взяв с собой козу для жертвоприношения. Затем одной женщин было приказано выпить кровь козы, после чего под влиянием демонических сил она впала в транс. Толпа народа обратилась к богине Кали: «Мать, что нам сделать с христианами? Поведешь ли ты нас?». Женщина от имени богини закричала: "О, нет. Большой белый ангел стоит в центре города и держит в руке огромный меч. Нам не справиться с ним!». Толпа направилась к другому храму города, они принесли в жертву еще одну козу и принудили другую женщину выпить кровь животного. Когда ей задали тот же вопрос, она ответила, что город оккупирован белыми ангелами с большими мечами в руках. «Они слишком сильны по сравнению с нами», — воскликнула она. Воинствующая толпа отказалась от своих намерений, и все разошлись по домам»²⁸⁸.

«25.10.2002. Пятеро далитов убиты толпой индуистов в отместку за смерть священной коровы. Индийские христиане присоединились к общенациональным протестам по поводу убийства пяти далитов, членов самой низкой касты Индии, около Нью-Дели обезумевшей толпой, разогретой слухами о том, что жертвы зарезали корову, считающуюся в индуизме священным животным, сообщило "ENI". Этот суд Линча стал "одним из наиболее ужасающих преступлений против человечества, и это также признак тяжелейшего положения далитов в этой стране", подчеркнул Национальный Совет Церквей Индии в своем заявлении»²⁸⁹.

«Епископская конференция Индии призвала местные и государственные власти обратить пристальное внимание на целую серию нападений на христиан. В заявлении, подписанном монс. Персивалем Фернандесом, генеральным секретарем епископата, содержится просьба к властям расследовать случаи насилия против Церкви в Индии, сообщает "Agnuz". В документе отмечается необходимость принятия адекватных действий против двух подсудимых, виновных в уничтожении церквей и нападениях на представителей монашеских орденов. "Только за этот месяц в Индии было зафиксировано пять крупных атак на христианские институты. Церковь Святой Троицы, санктуарий Младенца Иисуса в штате Мадхья-Прадеш, два монастыря в штате Бихар, монастырь Сестер Милосердия из Назарета – вот далеко неполный список объектов, которые подверглись нападению", – отмечается в заявлении, опубликованном 18 июня. "Эти случаи насилия против Церкви крайне тревожны, так как они демонстрируют спланированную цепочку нападений на служителей Церкви, особенно, на самых незащищенных – монахинь", – подчеркивается в документе епископата» (<http://www.maranatha.org.ua/cnews/index.php?id=16176>).

²⁸⁸ Православная Русь. Джорданвилль, 2002. № 7.

²⁸⁹ Портал-Credo.Ru 25.10.2002.

Это - новости с телетайпной ленты из современной Индии, веротерпимость которой столь воспевают почему-то в России. Ненависть к христианам в этой языческой стране такова, что католические епископы предлагают допускать индусов к Причастию без крещения: "Епископ из Индии Валериан д'Соуза заявил о том, что Католическая Церковь должна рассмотреть вопрос о возможности преподания Святых Тайн верующим, которые по причинам "давления на них со стороны семьи и общества" не прибегают к таинству крещения. Индуист, принимающий другую религию, полностью лишается права наследства, - рассказал монсеньер д'Соуза. - Как правило, индуисты враждебно настроены по отношению к христианству. Даже те из них, кто относится к нам достаточно дружелюбно, обязательно прокляли бы своего родственника, ставшего христианином". Отступничество одного члена семьи неминуемо повлечет тяжелые последствия для всех родственников, продолжил индийский прелат. Если, например, женщина-индуистка обратится в христианство, ее сестрам будет очень трудно выйти замуж. Если же веру во Христа примет мусульманин, это будет чревато для него преследованиями и, возможно, мученической смертью"²⁹⁰.

Впрочем, кровь проливается индуистскими фанатиками не только в ходе погромов.

«Чтобы умиловать богиню, священнослужитель индуистского храма города Мадлехалли (округ Типтур, дистрикт Тумкур, Индия) убил свою дочь, сообщает газета "The Hindu". Нараянаппа, служитель храма богини Чоудешвари, взял свою 12-летнюю дочь Амбику в Типтур в последнее новолуние (29 июня) под предлогом покупки учебников для нее. Однако на следующий день он вернулся домой без нее. Спустя некоторое время, его жена Гоурамма, заподозрив неладное, обратилась в полицию. Полиция нашла тело Амбики 16 июля на холме Галибанд в километре от Мадлехалли. Голова девочки была выбрита. На месте, где нашли тело, были найдены также следы жертвенных обрядов. Волосы девочки, заплетенные в косу, были найдены неподалеку. Место убийства посетил заместитель суперинтендента полиции Л. Шивашанкар. Как сообщил источник в полиции, священнослужитель, совершивший жертвоприношение, бежал»²⁹¹.

«В индийском штате Западная Бенгалия два индуистских жреца похитили и обезглавили восьмилетнего ребенка, принеся его кровь в жертву богине Кали. Это событие подтверждает усиливавшиеся подозрения гуманитарных организаций о совершении человеческих жертвоприношений в этом регионе. Тело ребенка, похищенного 26 марта 1998 г., было обнаружено в окрестностях селения Барпунна»²⁹². А ведь речь идет о самом европеизированном индийском штате...

Всего же за 20 лет (с 1977 по 1997 годы) пресса сообщила о 17 человеческих жертвоприношениях²⁹³.

Так что человеческие жертвоприношения в современном буддизме и индуизме противоречат разве что не в меру завышенным европейским представлениям о «духовности Востока», а не реалиям самого языческого Востока.

Человеческие жертвоприношения в античном мире

В своей истории христиане проливали крови, наверно, не меньше буддистов или индуистов. Но эта кровь никогда не была ритуальной. Христиане никогда не убивали других людей во искупление своих собственных грехов. И потому церковная жизнь, давно покрывшаяся золой быта и грешками мирян и пастырей, в схоластическом спокойствии ищущая равновесия всех духовных проблем - все же лучше безумного пламени, что опалает ветеранов "контактов с космическим Разумом".

²⁹⁰ Некрещенные верующие нуждаются во Христе // Свет Евангелия. Российская католическая газета. 10 мая 1998.

²⁹¹ <http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=11948&cf=>

²⁹² Информационный бюллетень. Издание учебного комитета при Священном Синоде РПЦ. № 7, 1998. с. 37.

²⁹³ Ключев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М., Институт Востоковедения РАН, 2002, с. 85.

*Я был в Мексике. Взбирался на пирамиды...
Что бы они рассказали, если б заговорили?
Ничего. В лучшем случае, о победах
над соседним племенем, о разбитых
головах. О том, что слитая в миску
Богу Солнца людская кровь укрепляет в последнем мышцу;
что вечерняя жертва восьми молодых и сильных
обеспечивает восход лучше, чем будильник.
Все-таки лучше сифилис, лучше жерла
единорогов Кортеса, чем эта жертва.
Ежели вам глаза скормить суждено воронам,
лучше, если убийца - убийца, а не астроном.*

(Иосиф Бродский. Мексиканский дивертисмент).

Этот мир, мир языческих жертвоприношений был хорошо знаком людям Библии. Библейские пророки имели возможность своими глазами видеть человеческие жертвоприношения у своих соседей по планете: у финикийцев... Жесткое отмежевание первых христиан от "античного наследия" также станет понятнее, если вспомнить, что в глубине этого "наследия" проступала человеческая кровь.

Египетская «инквизиция» сжигала тех, кого считала «бесноватыми»: «Многие утверждают, что в эти твари переселилась душа самого Тифона... В городе Илифии, пишет Манефон, заживо сжигали людей, которых называли Тифоновыми, и, провеивая их пепел, рассеивали и уничтожали его» (Плутарх. Об Исиде и Осирисе, 73)

В «Илиаде» (23,175-176) упоминается о заклании 13 троянских юношей при погребении Патрокла. Ифигения, по одной версии, будучи жрицей Артемиды в ее храме в Тавриде, должна была приносить в жертву всех попавших в эти края чужеземцев; по другой - она сама была убита своим же отцом Агамемноном по научению жреца...²⁹⁴ И даже в «историческое время», во второй половине I тысячелетия до н.э. такие жертвы приносились, например, в Риме после поражения при Каннах и в Греции перед битвой при Саламине Фемистокл был вынужден подчиниться требованию народа и убить трех знатных персов перед сражением (см. Плутарх. Жизнеописание Фемистокла, 13). «Когда Фемистокл совершал жертвоприношение у триеры главного начальника, к нему привели трех пленников, очень красивых собою, роскошно одетых. Как говорили, это были дети царской сестры. Когда их увидел прорицатель Евфрантид, жертвы вспыхнули ярким пламенем и в то же время справа кто-то чихнул, что также было добрым предзнаменованием. Тогда Евфрантид велел обречь на жертву юношей и заклать их Дионису Оместу: в таком случае будет эллинам победа»²⁹⁵).

Даже в начале четвертого века после Рождества Христова человеческая кровь, орошающая языческие алтари, еще не была чем-то из области далеких преданий: «Финикийцы каждый год приносили любимое и единокровное дитя в жертву Кроносу, ему же в шестой день месяца Метагитиона заколали людей и на Родосе; а в Саламине, в одном храме аргонидской Афины и Диомеда, какой-нибудь преследуемый человек обегал трижды вокруг жертвенника, и потом жрец, пронзив ему копьем чрево, сжигал его на горящем костре. Много таких же человекоубийств происходило и в Египте: в

²⁹⁴ «Религия больше и нечестивых сама и преступных деяний рождала. Было в Авлиде ведь так, где жертвенник Тривии Девы Ифианассиной был осквернен неповинною кровью, пролитой греков вождями – героями лучшими войска... Только узрела она, что подавленный горем родитель пред алтарем предстоит, а прислужники нож укрывают... Гнусно рукою отца быть убитой» (Лукреций. О природе вещей. 1, 82-99).

²⁹⁵ У персов была такая же практика – «Они привели на нос корабля самого красивого воина и закололи его» (Геродот. История 7,180 «Узнав, что это место называется Эннеагодой, они принесли в жертву там столько же (т.е – 9) мальчиков и девочек из числа местных жителей. Закапывать жертвы живыми – это персидский обычай. Супруга Ксеркса Амстрида, достигнув преклонного возраста, велела закопать живыми 14 сыновей знатных персов в благодарность богу, живущему под землей» (7,114).

Гелиополе, например, ежедневно приносили три человеческие жертвы, пока, узнав об этой жестокости, царь Амосис не приказал заменять их столькими же восковыми изображениями. На острове Хиос жертвоприношение омадийскому Дионису состояло в расчленении человека, тоже делалось и в Тенедосе, да и в Лакедемонне жертвой Ареса бывал также человек, и на Крите совершали подобные человекоубийства в честь Кроноса, а Афине сирийская Лаодикия ежегодно приносила в жертву деву, которую теперь заменяют ланью. Равным образом, человеческими же жертвами умилостивляли своих богов ливийцы и карфагеняне, да и думатинцы в Аравии всякой год заколали в жертву отрока и погребали его под жертвенником. Сверх того история свидетельствует, что все вообще эллины, перед выступлением в поход, приносили в жертву людей, тоже делали фракийцы и скифы, а афиняне упоминают о принесенных в жертву дочерях Леоса и Эрехтея. Да и ныне, кто не знает, что в великом городе, (т. е. Риме) в праздник латриарского Зевса закапывается человек? Справедливость этого засвидетельствовали и известнейшие философы. Диодор, сделавший сокращенное описание библиотек, говорит, что ливийцы, торжественно приносили в жертву Кроносу двести благороднейших отроков, и к этой жертве присоединяли не менее трехсот других²⁹⁶. А писатель римской истории Дионисий повествует, что в Италии именно сами Зевс и Аполлон требовали себе человеческих жертв от так называемых аборигенов, и что те, которых коснулось это требование, приносили богам часть всех плодов, а если они не приносили в жертву людей, за то подвергались различным бедствиям, и до тех пор не видели конца злу, пока не обрекали себя на десятину, умертвив же и принеся в жертву десятого из людей, были причиной запустения своей страны» (Евсевий Памфил. Слово василевсу Константину по случаю тридцатилетия его царствия, 13)²⁹⁷.

Иной сборник языческих свидетельств о человеческих жертвоприношениях в античном мире составляет христианский писатель конца II века Климент Александрийский: «Мессенец Аристомен заколол триста человек Зевсу Итомскому, полагая, что столь великие и вместе с тем столь изысканные гекатомбы совершил при благоприятных предзнаменованиях. В том числе закланных был и Теопомп, царь лакедемонян, благородное и жертвенное животное. Тавры — племя, населяющее полуостров Таврику, тех из чужестранцев, которых они у себя захватят, после того, как те, плывя по морю, сбились с пути, сразу приносят в жертву Артемиде Таврической. Эти заклятия Еврипид вывел в трагедии. Моним же в «Собрании удивительных вещей» рассказывает, что в Пелле, городе Фессалии, приносят в жертву Пелею и Хирину ахейцев. Аентиклид в книге «Возвращения» сообщает, что ликтийцы (это критское племя) закалывают Зевсу людей, а лесбосцы подобную жертву приносят Дионису, по словам Досида. Фокейцы же (не премину сказать о них), как Питокл повествует в третьей книге "О согласии", устраивают человеческие всеожжения Артемиде в Таврополье. Житель Аттики Эрехтей и римлянин Марий принесли в жертву собственных дочерей: один — Персефоне, как сообщает Демарат в первой книге «Трагедийных деяний», другой же, Марий, — Аверрункам, как рассказывает Дорофей в четвертой книге "Италийской истории»» (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 42,2-7).

И римляне не были чужды этому обычаю. В 536 г во вторую пуническую войну по совету Сивиллиных книг на базарной площади были живьем зарыты в землю два галла и два грека (по мужчине и женщине)²⁹⁸. В крайне стесненных обстоятельствах употреблялся обет священной весны. В силу этого обета все, что родится в будущую весну живого, не исключая и людей, должно быть принесено в жертву богам. Убивать, впрочем детей не решались в историческое время, а давали им вырасти до зрелого возраста и затем выпроваживали их за пределы своего отечества на все четыре

²⁹⁶ «Ливийцы» - это жители Карфагена; «Кронос» – Ваал.

²⁹⁷ Евсевий Памфил. Жизнь Константина. М., 1998, сс. 251-252; языческие источники, подтверждающие правдивость слов Евсевия, приведены в комментариях к цитируемому изданию на сс. 343-345. Евсевий Памфил. Жизнь Константина. М., 1998, сс. 251-252; языческие источники, подтверждающие правдивость слов Евсевия, приведены в комментариях к цитируемому изданию на сс. 343-345.

²⁹⁸ см. Бердников И. Мир с богами как необходимое условие благополучия Римского государства и средства к его поддержанию со стороны последнего // Православный собеседник. Казань, 1879, октябрь, с. 131.

стороны. Подобный обет раз сделали и Римляне в начале второй пунической войны (537 г.), ограничив, впрочем его одними жертвенными животными и через 21 год действительно исполнили обещанное²⁹⁹. Был у римлян и своеобразный ритуальный штрафбат - Devotio: посвящение человека в искупительную жертву за государство. У римлян полководец мог обречь в жертву подземным богам кого угодно из списка воинов, чтобы чрез это отвратить гнев богов от своего войска. Обреченный бросался в самый пыл сражения и если был убит, это значило, что жертва принята богами благоприятно. Если же он оставался в живых, то вместо него все-таки хоронили изображение человека и над ним приносили очистительную жертву³⁰⁰.

Язычники и сами со временем начали гнушаться подобными практиками: “ - Смотри, что ты делаешь, преступный Дамид! Своими словами ты едва не опрокидываешь храмы и алтари богов. - Не все алтари, Тимокл. Ведь что ж в них дурного, если они полны благовоний и фимиама? Но я увидел бы охотно свергнутых со своих оснований алтари Артемиды в Тавриде, на которых эта дева наслаждалась известными всем жертвоприношениями, радовавшими ее” (Лукиан. Зевс трагический, 44). «Известные всем жертвоприношения» Артемиде - это намек на историю Ифигении...

В Аркадии богу Ликею «обыкновенно» приносили в жертву мальчиков (Августин. О Граде Божиим. 18, 17).

"В историческую эпоху здоровое чувство Греции победоносно борется с этим страшным пережитком. Где человек заменяется жертвенным животным³⁰¹; где - куклой; где человек остается человеком, но жертвоприношение заменяется окроплением жертвенника его кровью, или же его сбрасывают со скалы, принимая меры к тому, чтобы он был спасен; где, наконец, очень редко, - и это было самым строгим отношением к старине, - для жертвоприношения приберегают присужденного к смертной казни преступника. Все это были так называемые "фармаки", то есть средства "исцеления" государства от болезни"³⁰².

И все же – было... Было и в Греции, было и на Руси.

Рассказ "Повести временных лет" о том, как Перуна пустили в плавание по Днепру, перестает казаться "разрушением культурных памятников родной старины", если вспомнить, что Перуну еще за несколько лет до года Крещения принесли в жертву христиан: "В год 6491 (983) пошел Владимир против ятвигов, и победил ятвигов, и взял их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: "Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам". Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти диавола. И посланные к нему, придя, сказали: "На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам". И сказал варяг: "не дам сына моего бесам". Посланные ушли и поведали об этом людям. Те же схватили оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг

²⁹⁹ Бердников И. Мир с богами как необходимое условие благополучия Римского государства и средства к его поддержанию со стороны последнего // Православный собеседник. Казань, 1879, октябрь, с. 114.

³⁰⁰ Бердников И. Мир с богами как необходимое условие благополучия Римского государства и средства к его поддержанию со стороны последнего // Православный собеседник. Казань, 1879, октябрь, с. 116.

³⁰¹ «Греческая религия казалась сквозь призму классицизма и многим до сих пор кажется светлой и беззаботно радостной. Но те, кто полагает, что «соблазн» Распятия – явление совершенно другого порядка, недооценивают более глубокого слоя, скрытого за картиной беспечной жизни богов, описанной Гомером и представленной в греческом искусстве. Если человек может стать близок богам, как жрец Хрис – Аполлону или Гектор и Одиссей – Зевсу, то лишь потому, что «сжег много бедер быков» (Илиада 1,40,22,170; Одиссея 1,66), ибо таков акт благочестия: кровопролитие, бойня – и поедание... Почитатель сильнее всего ощущает бога не в благочестии образа жизни, и не посредством молитв, песнопений и танцев, а через смертельный удар топора, поток хлещущей крови и сожжение бедер животных» (Буркерт В. Номо песанс. Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и мифе // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000, С. 406).

³⁰² Зелинский. Ф. Ф. Древнегреческая религия. - Киев, 1993, с. 77.

же стоял в сенях с сыном своим. Сказали ему: "дай сына твоего, да принесем его богам". И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили"³⁰³. До Крещения Владимира и Руси оставалось пять лет...

Не от жестокости люди приносили столь страшные жертвы - скорее от отчаяния. Слишком далек Бог. Слишком близки боги. И слишком непостоянен у них характер: сегодня помогают - завтра издеваются. И как жест последней надежды люди убивали друг друга перед лицом богов: может, хоть это сделает вас милосерднее...

Нельзя понять Евангелие без рассказа о грехопадении. Нельзя понять сияние Фаворской горы без знания той пропасти, в которую скатились люди. Долго человечество карабкалось к той "полноте времен", когда ему можно было дать Евангелие. За это время не только много воды утекло - но и много крови у многих алтарей.

Есть смутный отблеск правды в этих кровавых блужданиях религиозного чувства. Действительно, "без пролития крови не бывает прощения" (Евр. 9,22). Кровь есть жизнь, и человек ощущает потребность именно жизнь, "весь живот наш" вверить, посвятить горнему миру. Кроме того, Бог просит людей: "Сыне, дай мне сердце твое". Но и духи также хотят всецело подчинить себе людей. Поистине, по слову Достоевского, - "здесь дьявол с Богом борются, и поле битвы сердца людей". Союз должен быть не поверхностен, он должен быть заключен не на периферии человеческой жизни, а в ее глубине - в сердце. И вот духи просят: так вынь это сердце наружу и дай его нам. Как жест вверения себя духовным владыкам, человек льет кровь свою и кровь жертв.

И у семитов в доветхозаветные времена был культ человеческих жертв. Жертвоприношение Иеффая (Суд. 12) предстает как отголосок архаичной практики. По весьма вероятной догадке В. Розанова, обряд обрезания родился как замена ханаанскому обычаю жертвоприношения первенцев³⁰⁴.

И все же не кровь людей, но кровь животных льется в мире Ветхого Завета. Это - лучше, чем "вечерняя жертва восьми молодых и сильных".

Тем не менее, если знать техническую сторону ветхозаветных ритуалов, то планы восстановления иерусалимского Храма и древнееврейского богослужения не вызывают энтузиазма.

Как приносили жертвы в иерусалимском храме

Священники ходили по потокам крови и их руки были в самом буквальном смысле "по локоть в крови". Более того — они сами и проливали эту кровь. Вот приносят в жертву горлиц : "Как совершается хаттат из птиц? Он помещает оба ее крыла между своими двумя пальцами и обе ноги ее между своими двумя пальцами и вытягивает шею ее на своих пальцах и щемит ногтем против затылка, но не отделяет головы и окропляет ее кровью стены жертвенника, а остальную кровь выжимал на иесод... Как совершается всесожжение из птиц? Он щемит голову ее против затылка, отделяет и выжимает ее кровь на стену жертвенника, затем берет голову, прижимает место отщемления к

³⁰³ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI - начало XII века. - М., 1978, с. 97.

³⁰⁴ "Жертвоприношение младенцев не было никогда отменено, но лишь заменено, по милосердию и жалости к страданию родительскому. В законе установлены "ассигнации", но есть и "золото". "Бог Израилев" допустил ассигнации в жертвоприношениях.. На "ассигнациях" еврейских есть крупинка золота, мазок подлинной крови; это - обрезание. А все-таки нож, в религиозном обиходе евреев, дотрагивается до тела еврейского новорожденного мальчика и извлекает из него кровь... В силу закона Моисеева, всякий младенец мужского пола обречен в жертву Богу, родители должны его выкупить. Это выражалось, пока существовал Храм, через жертву: богатые приносили в жертву ягненка, бедные - двух птенцов голубиных" (Розанов В. В. Важный исторический вопрос // Розанов В. В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. - СПб., 1914, сс. 46-54). О подробностях самой процедуры обрезания см.: Соколов В. Обрезание у евреев. // Православный собеседник 1890-1891 г.

жертвеннику, обтирает солью и бросает на огонь жертвенника... затем разрывает туловище и бросает в огонь жертвенника... разрывает рукой, но не ножом” (Талмуд. Трактат Зевахим. гл.6,4-6)³⁰⁵.

Ветхозаветным законом предписывалось ежедневное принесение жертвы: "Вот что будешь ты приносить на жертвеннике: двух агнцев однолетних каждый день постоянно; одного агнца приноси поутру, а другого агнца приноси вечером" (Исх. 29,38-39). Ежедневное утреннее жертвоприношение ягненка начинается с того, что, дождавшись первых солнечных лучей, священник говорит тем, за кого приносится жертва: "выйдите и принесите ягненка из камеры ягнят". Ягненку связывали переднюю ногу с задней ("Комментаторы понимают это так: ягненка не вяжут, но священники держат его за ноги"). "Голова обращена на юг, а лицо поворачивалось на запад. Заколающий стоит на востоке лицом на запад. Снимавший кожу не ломал задней ноги, но придырявливал колено и вешал; кожу снимал до груди; дойдя до груди, он срезал голову и передавал ее тому, кому выпала голова; затем срезал голени и передавал тому, кому они выпали; он доканчивал снятие кожи, разрывал сердце, выпускал кровь его, отрезал руки (передние ноги) и передавал их тому, кому они выпали на долю; приходил к правой ноге (задней), отрезал ее и передавал тому, кому она выпала, а с нею оба яичка, затем он разрывал его и весь оказывался перед ним открытым; он брал тук и клал на место отреза головы, сверху; затем брал внутренности и передавал тому, кому они выпали, чтобы он их обмыл. Он брал нож и отделял легкое от печени и палец печени от печени, но не сдвигал их сместа; он прободал грудь, обращался к правой стенке и резал, спускаясь до позвоночника, но не доходил до позвоночника, а доходил до двух мягких ребер; он это отрезал и передавал тому, кому это выпало, а печень висела на этом. Он обращался к шее и оставлял при ней два ребра с одной стороны и два ребра с другой, отрезал и передавал тому, кому она выпала на долю, а дыхательное горло, сердце и легкие висели на ней. Он обращался к левой стенке и оставлял при ней два мягких ребра сверху и два мягких ребра снизу и столько же оставлял у другой стенки; он отрезал ее и передавал тому, кому она выпала на долю, а позвоночник с нею и селезенка висит на ней. Он обращался к хвосту, отрезал его и передавал тому, кому он выпал на долю, а курдюк, палец печени и обе почки с ним. Затем он брал левую заднюю ногу и отдавал тому, кому она выпала на долю. Оказывается, все они (участники жертвоприношения) стоят рядом с жертвенными членами в руках; первый с головой и задней ногой: голова в правой руке, нос обращен к верхней части руки, рога между пальцами, место зареза наверху и тук над ним, а правая задняя нога в его левой руке с местом кожи наружи; второй с двумя передними ногами: правая в его правой руке, а левая в его левой, и их место кожи наружи; третий с хвостом и ногой: хвост в правой руке, курдюк свешивается между его пальцами, а палец печени и две почки с ним, а левая задняя нога в левой руке..." Всего так стоят 9 участников утреннего жертвоприношения. Они отправлялись и клали свои доли на нижней половине кевеша к западу, солили их, сходили, приходили в камеру газит, чтобы читать Шема" (утреннюю молитву). (Талмуд. Трактат Тамид гл. 3,3-4,3)³⁰⁶.

Понятно ли теперь, почему Христос не был иудейским священником, почему Тот, Кто Себя принес в жертву за грехи всех людей, Кто Сам был Первосвященником, был лишь мирянином?

Наконец, помимо ежедневных, малых жертв, ритуалы Ветхого Завета предписывали совершать и жертвы всежжения, то есть такие жертвоприношения, при которых части жертвенного животного не раздавались людям, участвовавшим в служении, но все тело животного сжигалось. Предназначенный для этого жертвенник всежжения имел 30 локтей ширин и 15 - высоты. "Вечный огонь горел на нем. Это был не очаг, а целый пожар. Представьте себе треск, свист шипение огня на таком жертвеннике. Представьте себе почти циклон, образующийся над храмом. По преданию, он никогда не гас даже от дождя. Тут сжигали целых быков, не говоря уже о множестве козлов и баранов. Вообразите, какой стоял запах гари и сала - если от одного пашлыка на Востоке несется чад на несколько улиц! По Иосифу Флавию, на Пасху закалалось 265 тысяч агнцев... Порою священники

³⁰⁵ Талмуд. Мишна и Тосефта. Пер. Н. Переферковича. т. 5. кн. 9 и 10. — Спб., 1903, сс. 49-50.

³⁰⁶ Талмуд. Мишна и Тосефта. Пер. Н. Переферковича. т. 5. кн. 9 и 10. Спб., 1903, сс. 388-393.

ходили по щиколотку в крови - весь огромный двор был залит кровью. Со слабыми нервами сюда нечего было идти. В праздник кущей в 1 день приносилось 13 быков. Ветхозаветный культ принудительно устрашал своей огромностью", - дает свящ. Павел Флоренский картинку ветхозаветного культа³⁰⁷.

Это общий закон Моисеева ритуала: помазание кровью и кропление кровью. Приблизительно как у нас помазание маслом и окропление святой водой. И как в "практическом руководстве для православных пастырей" рассказывают о том, как держать младенца при крещении, чтобы не повредить ему, так в иудаизме хранятся инструкции по убийству животных. Наш священник кропит водой, еврейский кропил кровью. Оттого «иудаизм в диаспоре распространялся тем легче, что культовая практика сосредоточилась только в одном храме – Иерусалимском, и потому за пределами Иерусалима иудаизм фактически стал религией, не приносящей в жертву животных»³⁰⁸.

И вот вся эта внешняя мощь и стихийность древнего культа заменяется вознесением кусочка хлеба и чаши вина... Количественная величественность культа ветхозаветного как бы сжимается в качественную напряженность культа новозаветного. "Христианство бесконечно сгущеннее иудейства и окончательно отвечает на законные (ибо "без пролития крови не бывает прощения" по слову Апостола) запросы иудейства; но иудейство непрестанно пытается удовлетворить свои запросы временными, и потому недостаточными, средствами"³⁰⁹.

И потому уже в зените Ветхого Завета Бог начинает отучать людей от этих жертв. "Жертва Богу - дух сокрушен", - открывается Псалмопевцу. Амосу говорится: "Ненавижу, отвергаю праздники ваши, и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесете Мне всесожжение и хлебное приношение, Я не приму их" (Амос, 5,21-22). О том же слышит Иеремия: "Всесожжения ваши неуютны, и жертвы ваши неприятны Мне" (Иер. 6,20). И Исайя передает своему народу: "К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов; и крови тельцов и агнцев Я не хочу. Не носите больше даров тщетных; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие - и празднование! Новомесячия ваши и празднования ваши ненавидит душа Моя; они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло³¹⁰; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову" (Ис. 1,11-17).

Наконец, наступает время Нового Завета. Если раньше к Богу в жертву пригоняли стада быков и овец, то теперь Бог Сам пришел к людям со Своей Жертвой, со Своим даром.

«Первосвященник входит во святилище с чужою кровью» (Евр. 9,25), Христос же пришел – «со Своею Кровию» (Евр. 9,14).

Человеческие усилия взобраться к Богу, человеческая готовность вылавливать из себя и из животных кровь по капле ради того, чтобы ее ручеек вопиял от земли к небу, оказались тщетны: "Закон никого не довел до совершенства" (Евр. 7,19). Жертвы Ветхого Завета "не могут сделать в совести

³⁰⁷ свящ. Павел Флоренский. Философия культа // Богословские труды. N. 17, М., 1977, с. 97. Подобного рода массовые приношения животных не были чем-то необычным в древнем мире: «Гекатомба – единовременное принесение в жертву сотни и больше животных. Любопытное описание гекатомбы дает Юлий Капитолин (Максим и Бальбин. 11,5-6): «Гекатомбой называют такое жертвоприношение: устраивают в одном месте сто дерновых алтарей и перед ними происходит заклание ста свиней и ста овец. Если это жертвоприношение совершает император, то убивают сто львов, сто орлов и других животных по сто штук» (Калинин А. А. Комментарии // Евсевий Памфил. Жизнь Константина. М., 1998, с. 337).

³⁰⁸ Буркерт В. Ното песанс. Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и мифе // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000, С. 409.

³⁰⁹ Розанов В. В. В другую плоскость // Розанов В. В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. - СПб., 1914, с. 92.

³¹⁰ В латинском переводе Библии - Вульгате: "отдохните от того, чтобы делать зло".

совершенным приносящего" (Евр. 9,9). В самом деле - принесение жертв есть движение потревоженной совести, есть смутное ворочание покаянного чувства, ощущение ненормальности своей жизни. Но после принесения жертвы так ничего и не менялось. И потому возникала необходимость новых и новых жертв, и потому жертвы были ежедневными. Трупы животных не могли заполнить пропасти, разверзшейся между Богом и человеком.

Но пришел Христос, Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира. Не юридическую или нравственную ответственность за грехи людей перед лицом Отца взял на Себя Христос. Он принял на Себя последствия наших грехов. Ту самую ауру смерти, которою люди окружили себя, изолировав себя от Бога, Христос заполнил Собою. Не переставая быть Богом, Он стал человеком. Люди далеко ушли от Бога, невольно пододвинулись к небытию - и туда, к той же границе небытия свободно подошел Христос. Не приемля греха, но приемля последствия греха. Как пожарный, бросающийся в огонь, не соучаствует в вине поджигателя, но соучаствует в боли тех, кто остался в охваченном огнем здании.

Не всех людей Христос нашел на земле. Многие уже ушли в шеол, в смерть. И тогда Пастырь идет за потерявшимися овцами вслед за ними - в шеол, чтобы и там, в бытии после смерти, человек мог находить Бога: «умирая, Я следую за тобой»³¹¹. Христос проливает кровь не для того, чтобы умилостивить Отца, переменить Его отношение к людям с гневного на милующее и дать Ему "юридическое право амнистировать" людей. Через пролитие крови Он, Его любовь, ищущая людей, получает возможность для входа в мир смерти. Не как Deus ex machina врывается Христос в ад, но Он входит туда, в столицу своего врага, естественным путем - через Свою собственную смерть. Христос мучительно умирает на Кресте не потому, что Он приносит жертву дьяволу - "Он раскинул руки Свои на кресте, чтобы обнять всю вселенную" (св. Кирилл Иерусалимский. Огласительные беседы. 13,28).

Жертва Христа - это дар Его любви нам, людям. Он дарит Себя, Свою Жизнь, полноту Своей Вечности нам. Мы не смогли принести должный дар Богу. Бог выходит навстречу и дарит нам Себя.

Богочеловек Себя пожертвовал людям, подарил Свою жизнь нам — не чтобы Ему умереть, но чтобы нам жить в Нем. И поэтому христианское жертвоприношение, Литургия, совершается со словами: "Твоя от Твоих Тебе приносим за всех и за все". Мы теперь Богу приносим не свое, а Богово. Не со своей кровью мы подходим к алтарю. Мы берем плод лозы, возвращенной Творцом. Чаша вина — вот то, что от нас в Литургии (плюс наши сердца, которые мы просим освятить). И мы просим, чтобы этот, первый дар Творца, дар лозы стал вторым Даром — стал Кровью Христа, стал пропитан Жизнью Христа. От Твоих людей, от Твоей земли мы приносим Твою же Жизнь Тебе, Господи, потому что Ты ее дал нам для всех и для избавления от всякого зла. И мы просим, чтобы Твоя Жизнь, Твоя Кровь, Твой Дух жили и действовали в нас. "Господи, ниспосли Духа Твоего Святого на нас и на предлежащие Дары сия", — просит вершинная молитва Литургии.

Мы приносим Богу, к алтарю символ Завета - вино и хлеб. А взамен получаем Реальность. "Со страхом Божиим, любовью и верою - приступите".

Должный дар Богу — это такой, который позволяет глубиной своей совести быть с Богом. Мы — непостоянны. Поэтому взлеты религиозного, покаянного или радостно-славословящего чувства мы оставляем и возвращаемся на путь служения плоти. Но "Христос вчера и сегодня и во веки Тот же" (Евр. 13,8). И поэтому "Он не имеет нужды приносить жертвы ежедневно, как те первосвященники, ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого" (Евр. 7,27).

Жертву Христа нельзя и не имеет смысла повторять: "Христос вошел не для того, чтобы многократно приносить Себя, иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира: Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею" (Евр. 9,24-26).

³¹¹ Свт. Григорий Великий. Беседа 6,1 // Избранные творения. М., 1999, С. 44.

Аватары-"Спасители" Индии вынуждены приходить регулярно. Каждый раз, когда в мире затмевается память кармического закона, они должны приходить и напоминать о нем. Они говорят о космическом круговороте, и в этом круговороте должны принимать участие сами. Но в Библии — линейная история; каждое мгновение времени единично, уникально и ответственно. В библейском времени возможны неповторимые события. Самым важным из них и был приход Христа. Христос воздействует не на рассудок, не на память людей — и поэтому плод Его пришествия несравнимо глубже. Собою Он изменил вообще всю космическую структуру. Потому что Он пришел не с книгами и "не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление... Кровь Христа очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному" (Евр. 9,14). Теперь — "имеем дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым" (Евр. 10,19).

Если бы в то святилище, где человек обретает Бога, можно было войти путем жертв, совершаемых самим человеком, то можно было бы предположить позитивное значение иных, внехристианских религиозных путей. Если бы в это святилище человек входил посредством расширения своего знания о Реальности, то есть путем накопления гнозиса, то можно было бы ожидать появления новой религии, учитывающей "эволюцию достижений человеческой культуры". Но вход в это святилище Бог обусловил иным: Своей любовью и Своей жертвой. Она уже принесена. Однажды и вовеки.

Не надо бояться необычности Божия решения. Не надо убегать от Христа и Его Церкви в Шамбалу, в Индию или в "Третий Завет". Бог уже давно ждет нас рядом с нашим домом в обычной приходской церквушке на соседней улице, где каждое воскресное утро совершается Таинство Любви. Та Любовь, что некогда зажгла и сдвинула Солнца и светила, искрится и в маленькой Евхаристической чаше: "И Евхаристия как вечный полдень длится. Все причащаются, играют и поют. И на виду у всех Божественный сосуд неисчерпаемым веселием струится" (О. Мандельштам)...

Зачем ходить в храм, если бог у меня в душе?

У каждого из нас есть знакомые и даже родные люди, которые с недоумением смотрят на наши сборы в храм. На их лицах написано глубокое непонимание, а порой и возмущение. Иногда оно изливается в слова: "Ну ладно, ударился ты в веру, пусть уж. Но зачем же в храм-то ходить, столько времени и сил на это тратить?! Вот я, к примеру, тоже верующая. Но я верю в душе. Бог у меня в душе, и мне не нужны никакие внешние ритуалы. Да вспомни, как недавно сатирик Михаил Задорнов сказал: "Для общения с Богом мне не нужны никакие посредники!"³¹².

Как пояснить таким людям наше поведение? Как всегда, есть два пути: нападения и защиты. Критика подобного рода житейской "философии" не трудна. В конце концов, толики здравого смысла достаточно, чтобы понять, что общество, в котором шуты (по нынешнему — "сатирики") воспринимаются в качестве экспертов в области богословия и духовной жизни, весьма больно. Болеет оно как минимум утратой чувства юмора: оно уже не способно смеяться, видя, как шут залезает на проповедническую кафедру... Нынешнее общество считает серьезным то, над чем потешались наши предки в масляные недели...

Не стоит серьезного отношения и заверение в том, будто у наших нецерковных «христиан» "Бог в душе". Да, конечно, такое состояние является высшим идеалом духовной жизни. Этого для нас

³¹² «Я верю в перерождение человека, в перерождение души. Об этом говорил еще Иисус. И Ориген перед первым Никейским собором хотел, чтобы все учение Иисуса было внесено в Ветхий Завет. Но епископам было нужно, чтобы человек шел в церковь и приносил туда деньги, и они предали анафеме Оригена» (М. Задорнов. Мысли (острые) вслух // Аргументы и факты. 26.06.2002). Здесь в каждой фразе не то что неправда, а просто дурь, столь же безапелляционная, сколь и безграмотная.

желал еще апостол Павел: “Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал. 4, 19); “да даст вам крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши» (Ефес. 3,16-17).

Если бы слова “Бог у меня внутри” сказал преподобный Серафим Саровский – эти слова имели бы вес, ибо они были бы честным свидетельством о плоде его подвига. Если бы пустынный сказал, что он приучил себя к непрестанной внутренней молитве, и потому отдаленность храма, который он посещает лишь изредка, для него уже не чувствительна – в таких устах такие слова тоже были бы оправданны.

Но когда мы слышим такие же слова от обывателей... Тогда у нас есть право поинтересоваться: в результате каких же именно духовных подвигов Вы достигли такого успеха? Бог у Вас в душе? Поясните, каким же был путь Вашей молитвы? Как часто вы читаете Молитву Господню?.. Что?.. “Отче наш” Вы плохо помните?.. Ладно, тогда хотя бы расскажите, как именно Вы переживаете присутствие Бога в Вашей душе? Какие плоды даров Духа Вы в себе ощущаете? Вот Вам подсказка: “Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание” (Гал. 5,22-23). Есть в Вас эти чувства? Нет, не свойства характера, а дары. Дар – это то, чего в нас прежде не было, но при духовном рождении вошло в нашу жизнь, обновило ее? Не помните Вы такого обновления?

Вы можете отличить в Вашем душевном опыте: вот это - “присутствие Бога”, а вот это – проявление обычных человеческих качеств: ощущение красоты, гармонии, совестное чувство, человеческая приязнь?.. Не можете? Значит, Вы не заметили того момента, когда Бог, Творец Вселенной, вошел в Вашу жизнь и в Вашу душу? Разве можно *такое* не заметить? Так, может, Он и не входил?

Так, может, Вы спутали - и отождествили веру в Бога с присутствием Самого Бога? Впрочем, подождите, а вера-то в Вас есть? Вера ведь не просто пассивное согласие: “ну ладно, я согласна, что что-то там такое есть...”. Вера - это стремление к тому, чтобы оказалось правдой то, что решилась полюбить душа... Вера не пассивно уступает давлению авторитетов или доводов; вера активно жаждет: “я хочу, мне нужно, чтобы так было!”.

Вера – это действие. Это стремление к тому, что уже предчувствуется, но еще не стало очевидностью. Стремление к тому, что уже прикоснулось к нашей жизни, бросило в нее свой отблеск, но еще не вошло в нее всецело... Вера – это желание нового опыта. Но те, кто говорят: “у меня моя вера, и она в душе” говорят это с такими тусклыми глазами, что трудно поверить, будто они хотя бы когда-то испытывали стремление к Богу.

Нельзя любить, не проявляя своей любви, не делая хоть каких-то движений к любимому человеку. Так же нельзя верить, никак не проявляя своей веры во внешних действиях³¹³. Роза, которую дарят любимой, сама по себе ей не нужна. Этот цветок ей дорог не своей собственной красотой, а тем отблеском, который положила на него любовь подарившего. Цветы купленные и цветы подаренные совсем по разному оживляют комнату. Если человек утверждает, что он любит кого-то, но он ничего не делает во имя своей любви: не ищет встреч, ничего не дарит, не уделяет времени для общения, ничем не жертвует – значит, он просто хвастается перед своими уже влюбленными друзьями: “мол, и я ничем не хуже, и у меня уже есть возлюбленная!”.

Итак, вы, утверждающие, что у вас “Бог в душе” – что вы сделали для того, чтобы очистить свою душу для столь дивного Посещения? Как и каким именем вы позвали Его? Как Вы храните Его

³¹³ «Можно ли считать христианином человека, не посещающего церковь? – Можно, конечно. Как может называться филантропом человек, который любит все человечество, но не сделал ни одного доброго дела» (прот. Александр Мень. Отец Александр отвечает на вопросы слушателей. М., 1999, с. 55).

в себе? Что изменилось в вас от этой Встречи? Полюбили ли вы Того, Кого встретили? И что вы делаете ради этой любви? Если эти вопросы повергают вас в недоуменное молчание – так хотя бы не считайте себя превзошедшими тех, кто хоть что-то делает для того, чтобы пребывать с Богом! Вечно стоящие – не презирайте идущих, даже если те спотыкаются!

Такие вопросы можно задать тем, кто свою леность оправдывает своей мнимой “духовностью”.

Но ведь и нам самим важно осознать – зачем мы-то ходим в храм. Что-то сделать там для Бога? – Но “Он ничего не просит у тебя – Он ни в чем не нуждается”³¹⁴. Значит, что-то сделать, необходимое для нас самих? Но что? Послушать проповедь? Для этого сегодня можно включить радиоприемник. Помолиться? Молиться можно везде и во всякий час. Более того, таков именно совет апостола: “Непрестанно молитесь” (1 Фес. 5,17). Принести пожертвование? Сегодня сборщиков много и на улицах. Подать поминальную записку? Ее можно передать со знакомыми. Поставить свечку? Так ее можно поставить и перед домашним образом. Так зачем же мы ходим в храм?

Более того, некоторые люди говорят, что если они хотят помолиться, то они уходят в лес, к речке или к морю, и там, в Богозданном Храме, им легче ощутить величие Творца и восславить Его. Зачем же, говорят они, нам из бескрайнего Храма заходить под тесные своды храма рукотворного?

Чтобы, понять это, давайте еще раз выйдем за пределы христианского храма. Раскроем “Брихадараньяка-Упанишаду” - древнюю индийскую книгу, создание которой относится к VII-VI векам до Рождества Христова³¹⁵. «Упанишады» до сих пор священны для индуистов, а с недавних времен стали весьма авторитетны и для многих наших соотечественников, ушедших вслед за оккультистами в модное ныне “паломничество на Восток”. Вот как в “Упанишадах” описывается начало творения мира: “Вначале здесь не было ничего. Все это было окутано смертью или голодом, ибо голод – это смерть. Он – зовущийся смертью – пожелал: “Пусть я стану воплощенным” – и сотворил разум... Он двинулся, славословя, и от его славословия родилась вода... Он изнурил себя... Разумом он – голод или смерть – произвел сочетание с речью. То, что было семенем, стало годом... Он раскрыл рот, чтобы съесть рожденного... Он подумал: “Если я его убью, у меня будет мало пищи”. Тогда той речью и тем телом он сотворил все, что существует здесь: ... жертвоприношения, людей, скот. Все, что он произвел, он решил пожрать... Он пожелал: “Пусть это тело будет пригодно мне для жертвы и пусть я воплощусь с его помощью”. Тогда оно стало конем; возросши, оно сделалось пригодным для жертвы... По истечении года он принес его в жертву самому себе, а других животных отдал богам”³¹⁶.

Перед нами объяснение одного из самых устойчивых языческих убеждений: в религии и ритуале происходит кругооборот одной и той же энергии.

Две основные категории присущи архаичному мышлению. Первая – Космос. Космос - от слова украшаю (откуда и просходит слово косметика). Вторая категория - Хаос. Слово хаос производное от глагола, имеющего значения раскрываться, разверзаться, зиять пастью. В космосе есть границы, есть многообразие, есть различия, а потому есть структура и жизнь. В хаосе все неразлично и поэтому в нем жизни нет... Между космосом и хаосом идет борьба. И она требует затраты сил. Любая хозяйка знает, что если за домом не ухаживать, в нем воцаряется хаос. Если за полем не следить – оно зарастает, и исчезает грань между природой дикой и окультуренной. Если по дороге не ходить – она теряется. Современная физика в таких случаях предпочитает говорить об энтропийных процессах. Только

³¹⁴ Слово Мелитона Философа пред Антонином Кесарем // Раннехристианские апологеты II-IV веков. Переводы и исследования. М., 2000, с. 146.

³¹⁵ Сыркин А. Я. Ранние Упанишады и Брихадараньяка // Брихадараньяка Упанишада. Перевод, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина. М., 1992, С. 17.

³¹⁶ Брихадараньяка Упанишада. Мадху. 1,2 // Брихадараньяка Упанишада. Перевод, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина. М., 1992, сс. 67-69

приток энергии извне помогает избежать «тепловой смерти», перехода системы в такое состояние, когда энергия в ней распределилась равномерно, и потому в ней остановились все процессы...

Архаичная мысль тоже понимала, что для поддержания порядка, космоса, нужны траты. Божество, создавая мир, затрачивает в этом труде немалую часть своих сил, беднеет, изнуряется. От языческих богов поддержание в мире порядка, удержания “космоса” от распада в “хаос” требует немало затрат. Силы же богов не безграничны. Во-первых, потому, что их много, а значит, они самой своей множественностью кладут пределы друг другу, и никто из них не может быть Беспредельным. Значит, божественная энергия раздроблена между ними и у каждого из них ограничен запас сил. Во-вторых, потому, что сами языческие боги не трансцендентны по отношению к космосу, но сами являются его частью. Как говорил Аристотель, космос – это город, населенный богами и людьми. Боги, будучи частью того, что они должны поддерживать, конечно, рано или поздно теряют свои ограниченные силы.

И тогда богов, обессилевших в труде по удержанию космоса (космос в смысле упорядоченное творение) от распада, должны поддержать люди. Для этого люди должны встать на путь ... разрушения. Разрушая часть космоса, жрец высвобождает из нее ту энергию, которую боги когда-то затратили для ее создания и тем самым возвращает эту энергию богам, укрепляя их силу. В ритуале разрушается часть мироздания, чтобы укрепившиеся боги могли поддержать мир в целом и защитить его от конечного распада. В нашей сегодняшней жизни аналогию можно усмотреть в работе физиков, которые научились при искусственно спровоцированном распаде атома высвобождать энергию и направлять ее на другие цели... Языческое богословие убеждено, что бог вкладывает в творения часть своей силы, и от этого слабеет. Но жрец, разрушая творение перед лицом этого бога, принося ему жертву, возвращает назад к первоисточку ту же божественную энергию, которая была закреплена в той части космоса, что теперь сжигается на жертвенном огне. Жертва может быть малой – ибо на языке магии часть равняется целому (pars pro toto – часть вместо целого) и сжигание одного волоса тождественно сожжению всего человека, а сожжение одного человека или тельца равняется очищению всего космоса... Освобожденная божественная энергия возносится к обителям богов. И боги буквально питаются ею: «Гимны усилили Индру, словно реки – море» (Ригведа 8,6,35). Так циркулирует в мире единая энергия, поддерживая в нем порядок, ибо «Только дарящий – радость для дарящего» (Рв. 7,32,8).

Подкормка богов настолько важна не только для людей, но и для самих божеств, что между людьми даже возникает конкуренция: кому удастся подманить богов к себе поближе: «Все как один смертные зовут тебя наперебой! Только нас услышь, о всепобеждающий!» (Рв. 7,28,1). «К нам приезжай, о Индра, опьяненный сомой мимо многих выжиманий соперника» (Рв. 4,29,1). «Пусть никакие другие жрецы не удержат тебя вдалеке от нас!» (Рв. 7,32,1). «Да не остановят другие жертвователи пару твоих буланных жеребцов! Проезжай мимо них! Мы хотим удовлетворить тебя выжатыми соками сомы» (Рв. 3,35,5) «Приезжайте к нам с неба, с земли! Да не удержат вас, Ашвины, другие почитатели богов» (Рв. 4,44,5).

Поэтому и в другом языческом мифе – “Эпосе о Гильгамеше”, составленном в древнем Шумере – содержится деталь, которая сегодня кажется сатирической и смешной. Боги наводят на землю потоп. Спасается от него лишь один человек - Утнапишти... Проходят дни, и вдруг боги замечают, что люди приносили им не только беспокойство и неприятности. С исчезновением людей прекратились жертвоприношения... Боги начинают голодать («пересохли их губы») и прекращают потоп. Когда же шумерский “Ной” приносит первую жертву по прекращении потопа, то, говорится в этом древнем мифе, «Боги почуяли добрый запах, Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву»³¹⁷.

Греческая религия также разделяла это убеждение в том, что запах горящего мяса неприятен

³¹⁷ Эпос о Гильгамеше. - М., -Лд., 1961, стр. 77.

богам и что потому огонь есть наилучшее коммуникативное средство между людьми и богами. В так называемых «Гомеровых гимнах», созданных в VII-V вв до Р.Хр., повествуется, как Гермес, изобретя огонь, жарит первого быка и – «тотчас взалкал он вкусить от оной трапезы священной, ибо весьма раздражил его, бессмертного, запах лакомый» (Гомеровы гимны, 4. К Гермесу (Обретение лиры) 130-133)³¹⁸. Зевс у Гомера говорит о том же: «Жертвенный чад, возлиянья – нам дар сей достался на долю» (Илиада 4,49). Платон же полагает, что боги некогда не уничтожили людей (андрогинов) по той же причине, по которой боги Шумера сохранили Утнапиштима: «И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как поступить с ними: убить их, поразив род людской громом, - тогда боги лишатся почестей и приношений от людей» (Пир 190с)³¹⁹.

Так что христианский философ третьего столетия Ориген имел основания к тому, чтобы подытожить языческую «философию культа» такими словами: “Демоны особенно нуждаются в жертвах, чтобы остаться в этом плотном облегающем воздухе, ибо пищею им служит запах жертв, и оттого они выведывают, не идет ли где жертвенный дым, чуют кровь, обоняют курения... Те, которые поддерживают жертвами слугителей зла, чрез то удерживают их в окружности земли” (Увещание к мученичеству, 45)³²⁰.

Иногда богам для пищи требуются даже человеческие жертвы. Вот цитата из газеты, сообщающей о печальных находках археологов: Американский антрополог Джон Рейнхард начал работы “в районе вулкана Льюльальако потому, что когда-то читал о древнем поселении инков на склонах этого вулкана. Члены экспедиции жили в палатках на вершине вулкана (его высота 6705 метров). После почти месяца раскопок из-под камней и сухой промозглой земли были вытащены три мумии, завернутые в какой-то тряпичный балахон. Мумии были откопаны из места, внешне напоминающего ритуальное захоронение. Рядом с мумиями членами экспедиции были найдены 35 предметов из золота, серебра и раковин, остатки материй, украшенные орнаментом и вышивкой, мокасины и керамическая посуда. В ней кое-где еще сохранились остатки еды. Мумии — тела двух девочек и мальчика в возрасте от 8 до 13 лет — относятся к доколумбовому периоду, то есть насчитывают порядка 600 лет. “Эти мумии, — заявил журналистам профессор Рейнхард, — наиболее сохранившиеся из всех, которые мне довелось видеть за всю мою карьеру. Они были заморожены, в то время как другие мумии были забальзамированы. У меня есть подозрения, что они были заморожены, будучи еще живыми”. По словам американского профессора, девочки и мальчик, судя по всему, были принесены в жертву богам инков в ходе какого-то религиозного ритуала,

³¹⁸ Публикация: Aequinox МСМХСШ. – М., 1993, с.21.

³¹⁹ Прометей у Эсхила себе приписывает заслугу спасения людей: Зевс, свергнув Крона – «истребить людей хотел он даже, чтобы новый род растить. Никто, кроме меня, тому противиться не стал. А я посмел. Я племя смертное от гибели в Аиде спас. За это и плачусь такими муками» (Эсхил. Прометей . 230-233).

³²⁰ Ориген. О молитве и Увещание к мученичеству. Спб., 1897, сс. 217-218. Одним из доводов, приведших Оригена к такому выводу, были слова языческого философа П в. Цельса о тяге демонов к мясу, крови и сжигаемому жиру (см. Ориген. Против Цельса. 8,60). Отметим также, что А) Бог Библии всегда резко отстраняет предположение, будто Ему приятны дымы жертв, сжигаемых в Иерусалимском храме (см. Пс.49,13; 1 Цар. 15,22; Ис.1,11-13; Ам. 5,21). Б) С точки зрения Оригена (а также Минуция Феликса, Тертуллиана, преп. Макария Египетского, Августина, блаж. Иеронима и других раннехристианских писателей) демоны облачены в тонкие тела, подобные “разреженному воздуху” (Ориген. О началах. 1, Предисл. 8). В) В православной традиции именно воздух, облекающий землю и есть место обитания демонов, отчего ап. Павел и называет сатану “князем, господствующим в воздухе” (Ефес. 2,2). Г) В современном неоязычестве, оккультизме вновь начали слышаться нотки заигрывания с воздушными духами: “Явлю сказание об Отважном Духе. Давний дух решил принести людям три дара. Первый — единение и очищение религий. Второй — средину величия Женского Начала. Третий — вооружение человека мощью воздуха... Дух давний, скоро дойдешь!” (Рерих Е. И. Огненный опыт. // Рерих Е. И. У порога нового мира. — М., 1993, с. 59). Философское же обоснование тезиса, согласно которому существование богов поддерживается психической энергией людей, которую те ритуально жертвуют этим богам, содержится в буддизме. Без знания этой стороны языческой философии религии будет непонятна нетерпимость христиан к языческим капищам: мученики, рискуя своей жизнью, разрушали языческие идола (а позднее это делала уже государственная христианская полиция) не для того, чтобы силой понудить язычников отказаться от их веры, а для того, чтобы ограничить зону влияния языческих духов на мир всех людей, ибо и с точки зрения язычников, и с точки зрения христиан, прекращение культа ослабляло нити, привязывающие воздушных (“астральных”) духов к миру людей.

совершавшегося, похоже, один раз в год. “Мы также намерены выяснить, — продолжал ученый, — как были умерщвлены дети, поскольку на черепах нет следов ударов, которые, как правило, обнаруживаются на трупах тех, кто приносился в жертву своим богам”. В сентябре прошлого года около города Арекипы на юге Перу в вулканической зоне были найдены шесть замороженных мумий, правда, не в таком совершенном состоянии, как аргентинские. Они тоже, как полагают эксперты, были принесены в жертву богам инков, и на черепах их обнаружены характерные отметины от удара, которые свидетельствуют о том, что они прошли обряд жертвоприношения”³²¹.

Итак, важная проблема языческих религий – это вопрос о том, какие жертвы люди должны приносить богам. Когда надо приносить жертву. Кто должен их приносить. В чем должна состоять эта жертва. По какому ритуалу она должна быть принесена. Какому из многочисленных богов...

Но в Евангелии мы видим нечто противоположное. Если язычники говорят о том, какую жертву люди должны принести богу, то Евангелие говорит о том, какую жертву Бог принес людям: “Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих” (Мф. 20,28); “Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную” (Ин. 3,16).

Понимаете, Бог Библии настолько превышает всю вселенную, что не может быть и речи о том, что Он слабеет при творении мира. Да, Бог Своей силой, Своей энергией поддерживает существование космоса. Но Его бесконечная мощь от этого нисколько не убывает. А потому и не нуждается в восполнении со стороны людей.

Поэтому библейские жертвоприношения нужны не Богу, а людям. Люди просто должны научиться быть благодарными. Люди должны научиться хотя бы часть своей жизни, своего имущества и своего времени (вспомните заповедь о субботе) уметь отставлять от себя и предлагать пред лице Господне. Не потому, что Богу нужна эта уделенная Ему часть. А потому, что люди тем самым учатся жертвенной любви.

Лишь на десятую или сотую часть религия состоит из того, что в нее вносят люди. Главное в религии то, что приносит в нее Бог. Главное не то, что люди делают ради Бога, но то, что Бог делает ради людей. Главное в религии не то, что люди приносят в храм, а то, что они износят из храма.

То, что мы можем принести Богу, мы можем принести Ему в любом месте. Все, что есть в мире, и так принадлежит Ему. Но есть такая частичка бытия, в которой Бог позволил царствовать не Себе, а другому. Это моя душа. Эта та комнатка в бесконечном здании Вселенной, куда Зиждитель не входит без спроса. И от нас зависит, на службу чему мы поставим свою свободу, дарованную нам Богом. Будем ли мы служить Богу, или себе самим и своим прихотям и похотям. Единственное, чем мы можем обогатить беспредельную власть Господа – это если мы и свою свободную волю предадим Ему. Поэтому – “жертва Богу дух сокрушен” (Пс. 50,19). И эту жертву может принести любой из нас. И в этом смысле любой из нас – священник, жрец. В этом смысле надлежит понимать слова ап. Петра о том, что христиане – это народ, состоящий из священников (1 Петр. 2,9). Как священники – мы имеем право входить в храмы, а не просто собираться перед ними (в язычестве храмы были только обителью божества, а не местом собрания верующих, и потому только особо посвященные жрецы имели право доступа внутрь³²²). Мы – священники, потому что сами можем призывать освящающую силу Божию в любой момент нашей жизни («Царю Небесный!.. Прииди и вселися в ны»). Мы - жрецы, потому что можем принести Богу ту жертву, которая единственно угодна Ему. Никто не сможет вместо меня принести Богу в жертву мою волю. Только я сам владею ей и я сам могу принести ее ко престолу Божию. Поэтому и призываются православные на каждой службе: «Весь живот наш Христу Богу

³²¹ Геннадий Кочук. Дети снежной королевы. Тела трех детей, принесенных в жертву богам почти 600 лет назад, обнаружили ученые в перуанских Андах // Труд. 16.4.1999.

³²² Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. Киев, 1993, С. 49.

предадим». Принести же присягу на верность и сказать: «Господи, воля Твоя, а не моя да будет! Благодарю Тебя за все, что Ты пожелаешь привнести в мою жизнь! Дай мне возможность послужить Тебе каждым моим дыханием!» – можно в любом месте.

Итак, то, что мы можем принести в жертву Богу, всегда с нами. И потому всегда мы можем сказать своему “Я” те слова, которыми философ Диоген некогда отвечал на предложение властелина мира Александра Македонского исполнить любую просьбу мудреца: “отойди, и не заслоняй мне солнце!”.

Для того, чтобы христианин мог принести жертву Богу, он не нуждается в храме. Но в религии есть не только то, что мы даем. Важнее то, что мы получаем. Важно не то, зачем мы ищем Бога. Важнее то, зачем Он ищет нас.

Зачем мы чаще всего приходим в храм и обращаемся с мольбой к Богу – хорошо известно...³²³ А вот зачем Бог ищет нас? Он хочет у нас что-то забрать? Или дать?

Зачем призывает Его Слово: “Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии” (Мф. 11,28)?.. Нет у этого призыва продолжения в роде: “И вы отдадите Мне то-то...”. Иным предвестием кончается это приглашение; оно говорит о том, что Бог сделает ради отозвавшихся: “И Я успокою вас... найдете покой душам вашим”.

Итак, Бог зовет нас к Себе, чтобы что-то вручить нам. Что же? Знание – “Научитесь от Мене”... Дух – “Примите от духа Моего”... Любовь, мир и радость – “Пребудьте в любви Моей... Мир Мой даю вам... Радость Моя в вас да будет...”. Но Христос дает нам и еще нечто немислимое...

“Пребудьте во мне, и Я в вас... Примите, сие есть кровь Моя за вас изливаемая...”. Он дает нам Чашу Причастия.

Это – то, чего нет в наших домах. Вы можете себе представить человека, который у себя дома читает Евангелие, доходит до той страницы, на которой описывается Жертва Христа, преисполнившись благодарности, бежит на кухню, достает из шкафчика бутылку вина, из хлебницы – свежий батон, наливает вино в стакан, и, ломая горбушку, говорит: «Господи, это тело твое!»? Даже протестанты понимают, что такое поведение немисливо: невозможно взять в руки чашу с вином как будто чашу Крови Христовой, не имея особого личного благословения и посвящения. Поскольку Причастие – дар Христов нам, то мы сами не можем его изготовить. А потому стоит пойти туда, где Христос дает Свое, не требуя нашего.

Итак, в храм мы приходим для того, чтобы нечто в нем получить. Храм - это стены, выстроенные вокруг Тайнства Причастия. Тайнство же состоит в том, что к людям протянута рука с Дарами. Поэтому посещение храма – не тяжкая повинность, а дивная привилегия. Нам дано право стать соучастниками Тайной Вечери. Нам дана возможность стать “причастниками Божеского естества”. Нам дана возможность прикоснуться к той Энергии, которую не в силах выработать ни одна электростанция в мире.

Те, кто говорит, что им храмы и посредники не нужны, вряд ли считают авторитетным для себя слово Евангелия. Но, может быть, они почувствуют человеческую достоверность в словах всеми любимого Винни-Пуха. Однажды, в ответ на предложение Пятачка сочинить песенку, Винни-Пух сказал: «но это не так просто. Ведь поэзия - это не такая вещь, которую вы находите, это вещь, которая находит вас. И все, что вы можете сделать, это пойти туда, где вас могут найти».

Бог искал нас. И нашел. Нам же просто надо пойти и встать в такое место, где Бог ближе всего

³²³ «Но обсудите, прошу, свои прошения, посмотрите, во имя ли Иисуса вы молитесь, т.е. просите ли радостей Вечной Жизни? Ибо в доме Иисуса вы ищете не Иисуса, если в Храме Вечности неблагоприятно молитесь о временном» (свт. Григорий Великий. Беседа 27,7).

подходит к людям, в такое место, где Он самые небывалые дары раздает людям. Если Чашу с причастием Христос подает нам через Царские врата храма – стоит ли нам отворачивать нос и твердить “Бог у меня и так в душе”?

Христос сказал, где он нас ждет и что желает нам дать. Он, Вечный, желает с нами встретиться и соединиться в этой жизни – для того, чтобы в будущей, вечной нашей жизни мы не стали непоправимо одиноки.

Так вежливо ли, получив уведомление о том, что кто-то нас ждет на встречу на площади Пушкина, в назначенное время отправляться на прогулку по улице Льва Толстого? Если встреча не состоялась – кто в таком случае будет виноват?.. Знамо дело – “Пушкин”!

Те, кто говорит, что им не нужны посредники в их отношениях с Богом, не понимают, что в храме их ждет тот Посредник, который вместо них как раз и принес жертву и освободил людей от необходимости что-то разрушать в мире и плодами разрушений подкармливать божков. Неужели же так невыносимо трудно раскрыть свои руки для того, чтобы в них можно было вложить Дары?

МОЖНО ЛИ СПАСТИСЬ ВНЕ ЦЕРКВИ?

Воздушная блокада или где живут демоны

Почему православные так убеждены, что вне Церкви нет спасения? Это что - дурная черта характера? Наследие советской идеологической нетерпимости? Пережиток более давнего "средневекового" склада мыслей и чувств? В какой мере явное и скандальное дистанцирование православных от других религий является особенностью современного поколения православных христиан, то есть тем, что зависит от нас самих, от нашего настроения, от нашего воспитания, а в какой - это всевековая норма православного мироощущения? Вырастает ли православный изоляционизм из желания (греховного, с точки зрения светской морали) части пастырей и современных мирян, или же он вырастает из самой сердцевины Библии и православной традиции?

Христиане - не хозяева своей Церкви и своей веры. Уже об апостолах сказано: *Не вы Меня избрали, а Я вас избрал* (Ин. 15,16). Христиане не владеют никакой истиной. Если бы мы были гностиками или оккультистами, которые своими усилиями и своей аскезой создают свои космогонические системы, мы могли бы сказать о себе, что мы нашли знание, и мы овладели им. Но это не так: истина сама вторглась в жизнь апостолов и сказала: не идите против рожна (см.: Деян. 9,5). Верующий человек не "владеет истиной"; он служит Ей. А, значит, даже при всем желании быть "открытыми" и "современными", мы просто не можем выдумывать себе нового Христа.

Вхождение в Церковь есть вступление в конкретную, живую общину, которой Христос сообщил не расплывчатый набор загадок-коанов, но нечто вполне определенное. "Вера - не результат одинокого умствования, в котором свободное от всяких связей Я что-то выдумывает для себя в поисках истины... И если вера не есть то, что выдумывается мною, то слово ее не отдано мне на произвол и не может быть заменено на другое"³²⁴.

В Евангелии есть много такого, что мне лично совсем не нравится. Например, в нем говорится *блаженны алчущие и жаждущие правды*, хотя меня больше утешило бы, если бы там было сказано "блаженны профессора богословия".

Еще мне очень хотелось бы, чтобы в Евангелии не было притчи о десяти девах. Смысл этой притчи ясен: можно со всем жаром сердца откликнуться на зов Жениха, можно стать христианином и

³²⁴ Рацингер Й. Введение в христианство. – Брюссель, 1988. Сс. 54–55.

при этом в итоге разминуться с Христом - если в светильнике твоей души, в твоей жизни масло ревности по Богу выгорело слишком быстро, если молитвенное горение первых времен жизни со Христом ты затем незаметно растерял и к концу своей жизни стал обычным теплохладным обывателем, который словами говорит о Христе, но никого не греет своими делами. Мне больше была бы по сердцу та концепция, которая есть в секте "Семья" (ранее носившей имя "Дети Бога" и стяжавшей скандальную известность тем, что среди средств проповеди Евангелия она практиковала проституцию, в том числе и детскую, именуя ее "пастырством флиртующей рыбки"): если ты однажды уверовал во Христа, то потом никакие грехи не смогут лишить тебя Царствия Небесного, ты просто уже обречен на спасение³²⁵.

Хотелось бы мне многое переиначить в Евангелии... Но не могу - потому что негоже христианину цензурировать Евангелие. Если мы "куплены в послушание Христово", то надо не приспособливать слово Божие под наши желания и наш уровень понимания, а самим постараться понять - что и зачем возвещает нам Писание. Можно возмутиться тем, что Татьяна Ларина отвергла Онегина. Но если мы хотим понять Пушкина, а не просто высказать свою точку зрения на жизнь вообще и на "свободную любовь" в частности, плодотворнее было бы задуматься над тем, почему все-таки Пушкин выбрал именно такую концовку... Если мы хотим понять самое важное в Евангелии - а именно понять, зачем Бог стал человеком и почему Он не ограничился проповедями и беседами, но еще и умер и воскрес, - то надо как минимум внимательно вчитаться в Писание. А то или иное свое желание, ту или иную модную мысль надо бы сверить с Писанием.

Итак, христианское убеждение в том, что нет спасения вне Христа - есть ли это плод человеческой нетерпимости и ограниченности или это неизбежный и логический вывод из того откровения, что запечатлено в Писании?

Собственно, то, что сказали об этом пророки и апостолы, было весьма логичным выводом из... языческих доктрин. Язычники говорили, что те боги, которым они молятся - это не тот Бог, Который был изначально и Который дал жизнь всему сущему. Люди Библии согласились: да, это так. Но, значит, и служения тем, кто не является источником жизни, не ведут к Вечной Жизни.

Язычники говорили, что теснее всего они общаются с теми духами, которые живут около земли, в атмосфере. «Есть между высшим миром и низшей землей некие срединные божественные силы, размещенные в воздушном пространстве, которые сообщают богам все наши заслуги и упования. Греки их величают именем «демонов», этих между житеелей земли и неба перевозчиков (туда – прошений, оттуда – подаваний). Чрез них совершаются и знамения и чудеса магов и все виды пророчеств», - пишет Апулей, излагая уже философизированную версию мифологии (Апулей. О божестве Сократа, 5). В более древние времена и высшие боги именовались «демонами». Например, в орфической традиции Эрот – «великий демон... нежный» (фр. 83 К) При этом 58-й орфический гимн возглашает Эроту «Ты один властвуешь, как видно, над всеми». По мнению Пифагора, «Сброшенная на землю, душа скитается в воздухе... Душами полон весь воздух, называются они демонами и героями, и от них посылаются людям сны и знамения» (Диоген Лаэртский. О жизни философов. 8,32).

Демоны в лексиконе античности есть существа, посредствующие между высшими богами и людьми. Это отнюдь не обязательно именно злые существа (и тем более не богоборческие). Сократ говорил о некоем «демоне», который направляет его по жизни... Порфирий уверяет, что некий египетский жрец, вызвал «демона» Плотина – «когда демон был вызван и предстал перед глазами, то оказалось, что он не из породы демонов, а из породы богов. Увидевши это, египтянин воскликнул: Счастлив ты! Хранитель твой – бог, а не демон низшей породы», впрочем тут же запретив о чем бы то

³²⁵ «Спасшись один раз, верующий остается спасенным навсегда» (Наша Декларация Веры, бд). Согласиться с "Семьей" мне мешает такое, например, предупреждение ап. Павла: "Мы сделали причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохраним до конца" (Евр. 3,14).

ни было спрашивать вызванного им духа (Порфирий. О жизни Плотина 10). Впрочем, и язычники полагали, что демоны могут причинять зло. В «Одиссее», например, поминается «ужасный демон» (5,396).

К этим воздушным силам и были направлены повседневные молебствия язычников. Магическое заклинание эллинистической эпохи призывает: «Прииди ко мне дух, парящий в воздухе, которого призывают тайными знаками и именами»³²⁶; греческие магические папирусы из Египта римского времени призывают демона Паредроса, именуя его «владыка воздуха»³²⁷. И так, сами язычники уверяли, что именно воздушная стихия и видимое небо полны их богами. Христиане согласились. Их Бог – это Бог Неба, а не зримых небес. Это Бог надкосмический. Если же язычники настаивают, что место прописки посещающих их духов – воздух, то приходится признать, что атмосфера выполняет роль подушки, тормозящей восхождение человеческого ума к Истинному Богу. Обитатели слоев, ближних к земле, окрадывают и Бога и человека, переключая религиозное стремление людей на себя. Если при этом обратить внимание на то, что именно от воздушных духов язычники получают, по их собственным словам, свои пророчества, и учесть весьма двусмысленный, а зачастую и прямо аморальный характер языческих мифов, то трудно избежать вывода о том, что язычников посещают не духи, служебные по отношению к Богу, а падшие ангелы.

Впрочем, и Платон к концу своей жизни начал утрачивать оптимизм: «Если же космос движется неистово и нестройно, то надо признать, что это – дело злой души» (Законы. 897d). Тут очевидное отличие от прежнего любования космосом и его владыками: «космос прекрасен, а его демиург добр; космос – прекраснейшая из вещей, а его демиург – наилучшая из причин» (Тимей 29а)... И так, языческие философские школы рассказывали, что миром правят демоны, которые не являются богами, да вдобавок, могут и нагрешить...

И тогда люди Библии делают парадоксальный вывод: место обитания падших духов – не подземелье, а надземелье, воздушный мир. «И хотя они в качестве наказания, как тюрьму, уже получили ад, т.е. нижний мрачный воздух (aerem), который хотя и называют небом, но это не звездное небо (siderem – «слава», «созвездия»), но нижнее, туманом которого собираются тучи (nubila) и где летают птицы, почему и называется обычным небом (caelum nubilum)» (Августин. О природе добра, 33).

Суждение Августина можно считать поздним: он жил в пятом веке по Рождестве Христовом. Светский исследователь мог бы сказать, что он испытал влияние поздних греческих философов («Под влиянием Пифагорейцев и стоиков в эллинистическую эпоху область Аида был перенесен в воздушную сферу»)³²⁸. Но дело в том, что в самих Библейских текстах, причем как ветхозаветных, так и новозаветных есть тот же самый вывод. При вчитывании в Писание замечаешь, что мир зла, мир тех духов, что не слишком симпатизируют человеку, Библией помещается не под землей, а над землей. Земля - заблокированная планета, она окружена поясом враждебных человеку духовных стихий, через которые наднебесный Творец должен пробиваться к людям.

В десятой главе книги пророка Даниила Ангел, которого он молил о помощи, смог прийти к нему только три недели спустя после обращения пророка. Причину же своей задержки Ангел "великой силы" (Дан. 10,1) объяснил так: С первого дня, как ты расположил сердце твое, чтобы достигнуть разумения и смирить тебя пред Богом твоим, слова твои услышаны, и я пришел бы по словам твоим. Но князь царства Персидского стоял против меня двадцать один день; но вот, Михаил, один из первых князей, пришел помочь мне... А теперь я пришел возвестить тебе... (Дан. 10, 12—14). И так, Господень вестник не может беспрепятственно проникнуть в мир людей. Некие духи, обратившие на

³²⁶ Цит. по: Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000, с. 448.

³²⁷ Смагина Е. Б. Комментарии // Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. М., 1998, сс. 300-301.

³²⁸ Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000, с. 166.

себя религиозный энтузиазм язычников (в данном случае — персов), оказывают реальное сопротивление благодати. И лишь с помощью Архангела Михаила (который в церковном предании не случайно называется "Архистратигом — военачальником — небесных сил") блокаду удалось разомкнуть — и то лишь на время. *Теперь я возвращусь, чтобы бороться с князем Персидским; а когда я выйду, то вот, придет князь Греции* (Дан. 10, 20).

Здесь демоны именуется по имени тех языческих народов, которые им служат. Но живут они не на земле этих народов и не под нею. Потому в Библии духи злобы так и называются — духи злобы поднебесной (см.: Еф. 6, 12). Для библейских авторов богоборческие духи — это некие космические существа, обитатели именно небесных, а отнюдь не подземных сфер. Оказывается, тот мир, который люди привыкли называть "видимым небом", отнюдь не безопасен, он стремится подчинить себе человеческое сердце...

Небеса скрывают от человека Бога - и эту блокаду надо прорвать. О, если бы Ты расторг небеса и сошел! - восклицает ветхозаветный пророк Исаия (Ис. 64, 1). Еще одна древняя библейская книга обличает иудеев за то, что они оставили все заповеди Господа... и поклонялись всему воинству небесному (4 Цар. 17, 16). Уже в Пятикнижии уникальность религиозного опыта Израиля описывается так: *Воинство небесное Господь, Бог твой, уделил всем народам под всем небом. А вас взял Господь Бог, ...дабы вы были народом Его удела* (Втор. 4, 19—20). Пророк Исаия предвидит день Гнева, день падения "космических иерархий": *Истлеет все небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист - со смоковницы, Ибо упился меч Мой на небесах* (Ис. 34, 4—5).

Настает время Нового Завета - и оно оказывается отнюдь не временем примирения Бога и космических духов. Оно оказывается временем их решающей битвы. При религиозном, а не моралистическом чтении Нового Завета нельзя не заметить, что Христос - воин, и Он прямо говорит, что Он ведет войну против врага, которого называет князь мира сего (Ин. 12, 31). Не менее характерны слова ап. Павла: Наша брань не против плоти и крови, но против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф. 6, 12). Мироправители здесь - kosmokratores. На современный оккультный жаргон kosmokratoros вполне можно перевести как "Владыка Космоса".

Не сам по себе мир плох. Нет, сам kosmos создан Богом, создан тем самым Логосом, который воплотился во Христе. Но после того, как: *В начале сотворил Бог небо и землю* (Быт. 1, 1), в небесном мире произошел некий надлом. И часть Ангельских сил с тех пор притязает на самостоятельную, безбожную власть над человеком и его миром. Преподобный Антоний Великий так говорит о происхождении язычества: "Итак, во-первых, знаем, что демоны называются так не потому, что такими сотворены. Бог не творил ничего злого. Напротив того, и они созданы добрыми; но, ниспав с высоты небесной и вращаясь уже около земли, язычников обольщали видениями"³²⁹.

Все послания апостола Павла единогласно говорят о Кресте как о победе Христа над некими "космическими властями", "князем власти воздушной" (Еф. 2, 2; церковно-слав. перевод). Против них сразился Христос: отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою (Кол. 2, 15)³³⁰.

³²⁹ Св. Афанасий Великий. Житие преподобного отца нашего Антония. 22 // св. Афанасий Великий. Творения. Т. 3. Троице-Сергиева Лавра, 1903. С. 236.

³³⁰ После всего сказанного понятно, что для христианина визитная карточка того духа, что общается с Рерихами - "Владыка Космоса" - выглядит весьма недвусмысленно. И если человек помнит эти новозаветные свидетельства о "князе власти воздушной" и о духах, которые желают разлучить Христа и человека, он не может не обратить внимания на такое, например, заявление Николая Рериха: "Множество населяющих межпланетные пространства подтвердят охотно мощь мысленного сотрудничества" (Рерих Н. К. Сожжение тьмы. Привет молодым. // Рерих Н. К. Душа народов. М., 1995. С. 101).

Теперь же, после воплощения надкосмического Бога в **поднебесном** мире, человек может вступить в общение с бытием **Наднебесным**: *Как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которую Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив Его одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его* (Еф. 1, 19—23).

По пояснению преподобного Максима Исповедника, Крест упразднил "враждебные силы, наполняющие среднее место между небом и землей"³³¹. Более того, выбор именно крестной казни, то есть такой, которая происходит не на земле, а в воздухе, в домостроительном Промысле оказывается связан с необходимостью освятить "воздушное пространство" - то есть то пространство, которое и отделяет людей от Того, Кто "превыше небес". Голгофский Крест - это тоннель, пробитый сквозь толщу демонических сил, которые норовят представить себя человеку как последнюю религиозную реальность. Так во всяком случае об этом свидетельствует святитель Иоанн Златоуст: "Почему же закаляется Он на высоте помоста, а не под кровом? Чтобы очистить *воздушное естество*"³³². От чего очистить? - От падших духов, а не от выхлопных газов: «Сколько бесов носится в этом воздухе! Сколько противных нам сил»³³³. Еще раньше схожее рассуждение предлагает святитель Афанасий Великий: «Диавол, пав с неба, блуждает по здешнему дольному воздуху, производит мечтания обольщаемых и намеревается задерживать восходящих... Господь же пришел очистить воздух... Какую иную смертью совершилось бы это, как не смертью, принятою в воздухе, то есть на кресте?.. Посему-то Господь претерпел крест: ибо, вознесенный на нем, очистил воздух от диавольской и всякой бесовской козни... открывая же путь к восхождению на небо, обновил оный, говоря: *возьмите врата князи ваша и возьмите врата вечная* (Пс. 23,7). Ибо не для самого Слова как Господа всяческих нужно было отверстие врат, и ничто сотворенное не заключено было для Творца; но имели в этом нужду мы, которых возносил собственным Телом Своим» (св. Афанасий Великий. Слово о воплощении, 25).

И вот после Пятидесятницы первоученик Стефан видит небеса отверстые, через которые становится зримым Иисус, стоящий одесную Бога (Деян. 7, 56). Спаситель, которого узрел первоученик Стефан, совершил борение, итог которого апостол Павел видит в том, что отныне христиане имеют Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия (Евр. 4, 14).

Ничто не должно разлучать человека с Богом: *Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38—39). Истинная религия - это не контакт с духами космоса. Религия - связь человека с Богом. С Тем, Кто изначально создал космос и человека, а не с чем-либо появившемся в космических пространствах.

Христианство не обращает внимания на языческое различие демонов (как духов атмосферного неба) от богов (как владык неба звездного). Две оценки языческих мифов сосуществуют в библейском мире. Согласно одной, «Все боги народов ничто, а Господь небеса сотворил» (1 Пар. 16,26)³³⁴. Согласно второй оценке, «все боги язык бесове» (Пс. 95,5; славянский перевод в соответствии с греческим текстом Септуагинты)³³⁵. Таким образом, имя, которое язычники прилагали

³³¹ Прп. Максим Исповедник. Творения. Ч. 1. М., 1993. С. 187.

³³² Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1896. С. 438.

³³³ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 5. Кн. 1. СПб., 1899. С. 158.

³³⁴ Ср. радикальный «евгемеризм» св. Иоанна Златоуста: «Весь список языческих богов состоит из этих людей» (св. Иоанн Златоуст. Творения. т.2. кн.1. Спб. 1896, с.16).

³³⁵ Масоретский (еврейский) текст Писания в этом месте гласит: «Все боги народов - идолы, а Господь небеса сотворил».

к части своих владык, Библия относит ко всем языческим божествам; она равнодушна к тому, какими титулами себя называют духи, вдохновляющие язычников³³⁶.

Апостолы в своем бунте против язычества не ограничились отвержением власти воздушных демонов, подлунных владык, но и отказались служить владыкам звездного неба. «Космократоры», которых мы встретили в тексте ап. Павла, не есть термин, изобретенный апостолом. В античной философии космократоры – это правители чувственного космоса, планетарные боги. «Семь космократоров»³³⁷ - это Крон (Сатурн), Зевс (Юпитер), Арес (Марс), Гелиос (Солнце), Афродита (Венера), Гермес (Меркурий) и Селена (Луна). И снова мы видим, что градации богов, проводимые самими язычниками, оказались слишком малозначащими перед ликом Того, Кого повстречали апостолы. Именуют ли они себя владыками воздушных ветров (собственно «демоны»), или планет («космократоры»), или созвездий («зодиократоры») – они должны умолкнуть, когда «Бездна бездну призывает» (Пс. 41,8), то есть когда Бесконечный Бог обращается к Своему неисчерпаемому образу – к человеку.

Св. Иоанн Златоуст сравнивает небо с завесой Иерусалимского храма³³⁸. Что ж, язычники - это люди, которые запутались в занавеске и преждевременно пали на колени, не дойдя до подлинной Святыни.

Все народы земли пошли путем общения с "космическими духами", и потому "главную мысль большей части Ветхого Завета можно было бы назвать одиночеством Божьим"³³⁹. Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною (Ис. 63, 3). Тогда Бог создал Себе новый народ для того, чтобы хотя бы его защитить от поклонения богине неба (см.: Иер. 44, 17)³⁴⁰.

И это не потому, что Богу хотелось разорвать кольцо своего одиночества. Просто люди умирали в этой блокаде: вель они были окружены тем, о ком сказано, что он человекоубийца от начала (см.: Ин. 8, 44).

Потерянное бессмертие

У человека нет источника Вечной Жизни внутри него самого. Человек сотворен по природе ни смертным, ни бессмертным. Ибо если бы Бог сотворил его вначале бессмертным, то сделал бы его Богом, если же наоборот, сотворил бы его смертным, то Сам оказался бы виновником его смерти. Итак, Он сотворил его способным и к тому и другому (свт. Феофил Антиохийский, К Автолику, 2, 27). Сам по себе человек не имеет ни необходимости умереть, ни полноты, необходимой для бессмертия. Он обладает лишь некоей потенцией: к чему "прислонит" он свое бытие - таким и станет.

Человек может дышать Богом - и тогда он становится бессмертным. Но если человек замкнут в себе самом и в мире невечных творений - он умрет. Человек, каким видит его Православие, похож на водолаза, который получает воздух по шлангу с корабля. И вот этот водолаз неосторожным движением защемил шланг и задыхается. Бесполезно ему сверху кричать, ругать или, напротив, ласково сообщать о том, что капитан не сердится на него за испорченное имущество. Нужно, чтобы кто-то другой прыгнул сверху и принес новый шланг с живительным воздухом и дал вдохнуть неудачнику. И плач людей Ветхого Завета к Богу - о том, что нет между нами посредника (Иов. 9, 33). Некому донести до тонущего человека Горнее Дыхание.

³³⁶ Центр японско-тибетской секты «Рейки», членом которой был певец Игорь Сорин (солист группы «Иванушки International»), покончивший с собой, скромно именует себя «Межгалактический Центр Сотрудничества».

³³⁷ Дамаский Диадох. О первых началах. СПб., 2000, с. 371 и 939.

³³⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1896. С. 392.

³³⁹ Честертон Г. К. Книга Иова // Избранные произведения в 5 томах. Т. 5. М., 1995. С. 174.

³⁴⁰ Буквально здесь стоит "царица неба" - у Иеремии речь идет о поклонении Луне (Астарте, Юноне...) как божеству.

Начало человеческой истории было опалено космической катастрофой. Через грех в мир вошла смерть. Можно сказать, что в мире взорвался Чернобыль. Суть не в том, что Бог злится на нас и наказывает поколение за поколением за проступок Адама. Просто мы сами сотворили смерть. Мы - виновники тому, что весь мир, весь космос, стал подчиняться законам распада и тления. Бог, напротив, ищет - как спасти нас от радиации смерти.

Внешне в Чернобыле все спокойно. Но человек, пьющий тамошнее молоко - пьет смерть. Он дышит лесным воздухом - он вдыхает смерть. Он собирает грибы - он собирает смерть... Почему нельзя заниматься бегом в центре Москвы? - Потому что чем интенсивнее здесь дыхание, чем больше воздуха будет человек прогонять через свои легкие — тем больше грязи будет осаждаться в них.

Так и в мире после грехопадения: чем больше "космических энергий" человек пропустит через себя - тем больше продуктов распада будет оседать в его душе... Так все "космические откровения" и "экстрасенсорные пассы", все подключения к "энергии космоса" и к "неизведанным ресурсам человечества" чреваты энергиями разрушения... Язычество поэтому имеет в Библии еще одно определение: рабство пустым и суетным стихиям мира. Мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началам мира... Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь к немощным и бедным началам... хотите еще снова поработить себя им (Гал. 4, 3—9). В греческом тексте "начала" - это "стихии", то есть, на языке греческой мысли, те первоначала, из которых сложен космос. От сообщения с космическими стихиями надо уклоняться - ибо вы со Христом умерли для стихий мира (Кол. 2, 20).

Для уклонения от игры со "стихиями" (то есть религиозно понимаемыми "космическими энергиями") есть весьма основательная причина: они не вечны. Однажды созданные, разгоревшиеся стихии растут (2 Пет. 3, 12). Значит, душа, пропитанная их энергиями и принявшая их вместо силы Божией, сгорит вместе с ними. Для стяжания бессмертия души надо прорваться сквозь легионы космических "энергий" и причаститься Единому Бессмертному (см.: 1 Тим. 6, 16). Так что для того, чтобы избежать печального будущего, надо в настоящем строить свою религиозную жизнь не по влечениям космоса.

Вообще космос ни одной из своих частей не может дать бессмертие. Он может пониматься как бесконечный, как вечный в своей целостности. Но любая составная его часть вовлечена в кругооборот стихий, и потому то сочетание, которое составляет на данный момент эту конкретную часть "проявленного бытия", рано или поздно распадется. Человек - очень быстро; камень - дольше; бог (Брама) еще на некоторое время задержится в бытии, но затем также исчезнет в кругообороте элементов. Только если у человека есть над-космическая опора для бытия, то есть если у нас есть над-космическое происхождение от над-космического Существа, никак не затронутого потоком времени, у нас есть шанс на личное бессмертие. Если есть личный Бог, свободный от космоса, личный и трансцендентный по отношению к миру Бог, для которого космос есть Его свободное творение и потому космические циклы, свободно созданные Им, никак не подчиняют себе своего Творца, и если человек есть образ такого Бога - только тогда у человеческой личности есть защита от космического стирания граней, от уничтожения в космической стихийности.

Если же человек не дошел до Бога, запутавшись в "небесах", "планах" и "астралах" - Бог не может передать ему Свое бессмертие.

С грехопадения первых людей в структуре мироздания произошла подвижка, которая перервала животворящую связь людей и Бога. В самой природе человека произошла мутация, сделавшая его неспособным к подлинному Богообщению. Даже в смерти праведник не соединялся с Богом. До Христа Царство Радости еще не может вобрать в себя мир, и никто из мира не может вместить его в себя.

Вот что важно отметить для понимания христианства: фон, на котором оно зазвучало как "Радостная Весть", как Евангелие, был довольно мрачен. Ни для кого - никакой надежды. Мир отрезан от Жизни. Две виднейшие раввинистические школы античности - Гиллеля и Шама - провели три года в диспуте на тему "не напрасно ли создан человек?". И пришли к общему выводу: лучше было бы человеку не появляться на свет³⁴¹.

Здесь настало время заметить исходную разницу между христианским мировосприятием и тем, которое владеет умами сегодня. Только христианство знает идею прогресса: было очень плохо, было "ветхо", и вот - забрезжила заря обновления всей твари. Мир рационализма, просветительства, мир позитивизма и гедонизма последних веков хоть и клянется в верности идее прогресса, на самом деле в самом главном прогресса не видит и не признает. Не заметив единственно важного Прогресса в прорыве от Ветхого Завета к Новому, наш век разменял великую идею Новизны на мелкие "улучшательства". Прогресс в технике войны, прогресс в эксплуатации земли и "человеческих ресурсов", улучшения в быту и в заботе о теле... "Да разве культурный прогресс ставит себе такие задачи, как уничтожение смерти? - Знаю, что не ставит, но ведь потому и его самого очень высоко ставить нельзя", - сказал в своем завещании Владимир Соловьев³⁴².

Современный мир полагает, что в принципе всегда все было хорошо. В космическом хозяйстве - все в порядке, и только недостаточная просвещенность людей мешает всё подвести под ранжир "общечеловеческих ценностей". Главное же - что хотя никакого Творца и нет, но все же человек создан (космосом, не Богом!) для счастья как птица для полета. И любая религия, любая философия и политика должны оправдать претензии человека на его право на счастье. Радикальные атеисты (экзистенциалисты), которые говорили, что в мире нет разума, и потому проблеск самосознания в человеке - это страшная и болезненная ошибка бессмысленного космоса, объявлены несовременными, равно как и христиане.

В мироздании царит улучшательская эволюция: уровень жизни должен расти не только в этой жизни, но и в будущей. Отсюда требование массового сознания к христианству: Утешьте нас, скажите, что мы можем жить по стандартам потребительского общества, можем ежедневно исповедовать практический материализм, а за это Иисус вместе с Буддой введут нас после расставания с телом в миры и более богатые и более красочные и счастливые. Позвольте без всякой иронии распевать песенку Бориса Гребенщикова: "Будда бродит по Голгофе и кричит: "Аллах акбар!". И прежде всего - избавьте нас от необходимости думать, выбирать, и вообще сознательно растить свою душу. Мы ничего не знаем о мире религий - и поэтому для нас все религии равны, и поэтому мы очень веротерпимы. Вы, богословы, не смущайте наш энтузиазм и позвольте нам считать себя христианами, несмотря на наш оккультизм. Не мешайте нам считать себя духовными ("эзотерическими") христианами, при том, что Евангелие мы листали лишь однажды, а не исполняли никогда.

И вот здесь я могу сказать только одно: мы можем выбирать духовные пути, мы можем следовать или нет духовным законам. Но сами эти законы столь же независимы от нашего желания, как и законы астрономии. Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое (Втор. 30, 15—19), - передает Моисей людям Закон Творца. Мы не можем предложить Богу маршруты, по которым нам хотелось бы идти. Он открыл для нас духовный путь, на котором можно найти Его, и предупредил о том, в каких случаях Царство Божие не наследуется людьми.

Вот в чем разница между апостолами и современными богостроителями: Апостолы знали, что весь мир лежит во зле (1 Ин. 5, 19) и потому радовались, что Господь открыл возможность для спасения по крайней мере некоторых (1 Кор. 9, 22). Современный мир убежден в том, что все

³⁴¹ См. Eisenberg J., Abecassis A. A Bible ouverte. Paris, Albin-Michel, 1978. Pp. 101–102.

³⁴² Соловьев В. С. Три разговора // Сочинения. Т. 2. М., 1988. С. 717.

космические пути открыты и хороши, что в религиях нет ничего опасного, что все люди будут спасены, и потому воспринимают как скандал напоминание о евангельском свидетельстве о том, что пути людей необратимо разделятся.

В отличие от улучшательской идеологии современности, христианство - религия спасения. Спасают того, кому уже нельзя "помочь". Спасают там, где уже нельзя ограничиться "советами". Спасают не от недостатков. Спасают от смерти.

Христианство — это Новый Завет. Это значит, что прежний образ религиозности оказался недостаточен, оказался беспомощен. Это значит, что вне Нового Завета люди не смогли приблизиться к подлинному Богу - и потому Господь не усовершенствовал некую наличную философскую традицию, а пришел Сам, и в Своей Крови, а не на папирусе, заключил с нами Завет Новый.

И даже более того: после того, как людям был дан Новый Завет, прежний Закон стал не просто чем-то устаревшим. Он стал мягко говоря, помехой. Это именно мягко говоря. А апостол Павел прямо сказал, чем стал прежний, иудейский Закон. Настолько прямо, что переводчики до сих пор не могут решиться перевести буквально это его высказывание. «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания... Я, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по правде законной - непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего. Для Него я от всего отказался, и **все почитаю за сор**, чтобы приобрести Христа» (Флп. 3, 2—8). Сор в последней фразе - это stercus в древнейшем латинском переводе. Откройте словари и посмотрите значения этого слова. Значение "сор" там не встретить. Это - навоз, кал, испражнение, дерьмо.

Еще прежде апостол Павел назвал дохристианские религиозные установления (даже не языческие, а собственные, еврейские, ветхозаветные!) "тщетою". Тщета по гречески - убыток, ущерб, вред. От этого "вреда" апостол Павел "отказался". Употребленный им глагол не просто отстранился, а убежал как от чего-то крайне опасного.

Итак, иудаизм уже не просто "тщета", то есть ненужная трата сил, но и вред и даже более того - дерьмо. Но если это о ветхозаветном Законе говорит Павел — то тем более таково отношение апостольского христианства к язычеству. Как бы ни было оно потенциально светло до Христа, теперь оно "сор и тщета".

Часто христиан называют жестокими людьми - за их свидетельство о том, что вне Христа нет спасения. Что ж, представьте, что включается служба оповещения гражданской обороны и объявляет: "Граждане, тревога! По нашему городу нанесен ракетно-ядерный удар. Через десять минут ракеты будут над нами. В вашем районе ближайшее убежище находится там-то... Кто успеет до него добежать - у того есть шанс спастись"... Скажите, кто жесток в этой ситуации: диктор гражданской обороны или тот, кто нанес ядерный удар по городу?

Святитель Иоанн Златоуст однажды обратился с увещанием к родителям, которые возмущались проповедью монахов. Мол, подросшие дети, вместо того, чтобы помогать отцам в торговле или ремесле, собираются в храмы, слушают монахов и даже уходят в монастыри... Златоуст предлагает сравнение: если кто-то ночью поджег ваш дом, и проходивший мимо человек вбегает в него, стучит во все двери, будит людей и понуждает их выбежать из огня - кого вы назовете виновником ночного беспокойства? Поджигателя или спасателя? Так вот, если бы в наших городах, в ваших городах можно было бы защитить свою душу от огня грехов — не было бы нужды в монастырях. Не монахи подожгли грехами ваши города. И если они учат ваших детей защите от греха — в чем же их вина?

В мире и космосе разлита смерть. Мы сами ничего не сделали для ее преодоления. Но нам дано лекарство от смерти, "лекарство бессмертия", противоядие. Вечный Бог стал человеком, чтобы

привлечь нас к Себе и Собою защитить нас от последствий наших же беззаконий. Вот - Чаша с врачевством бессмертия. Вот - Чаша Жизни. Придите и вкусите... Жесток ли врач, уверяющий больных, что без принесенного им лекарства им не выжить? Жесток ли проповедник, говорящий, что вне Причастия человек не найдет Жизни?..

И в этой ситуации совсем не очевидно, что разницей между христианством и язычеством можно пренебречь. Христианство говорит: пройди через боль покаяния и устремись к Богу. Язычество уверяет, что не надо ни того ни другого, а нужно лишь "расширить свое сознание". Для этой цели сгодятся и наркотики, и ЛСД и "ребефинг" - модная сегодня техника регулирования дыхания, при которой в мозгу, доведенном до кислородного голодания, возникают галлюцинаторные видения "райских планет" (иногда, напротив, этот же эффект дает техника "гипервентиляции мозга": чувство эйфории достигается через перенасыщение кислородом). А если и нужно встречаться с кем-либо, то отнюдь не с Богом, а просто кое с кем из космических жителей...

Богословие Чернобыля

Вновь вернемся к Чернобылю. Люди, живущие вокруг него, не виновны в своей беде. И все же смерть поселилась в их домах. И вот приезжает врач и говорит: я смог найти лекарство от вашей болезни. Эти ампулы у меня; придите ко мне, и я бесплатно вам их дам.

Этот врач остановился в деревне Малая Ивановка. И жители Верхней Ивантеевки, узнав об этом, заявили громкий протест: мы не будем лечиться у этого врача, потому что он остановился не у нас, а у наших соседей. Сами не пойдём и детей наших не пустим... Да, Христос воплотился не в Калуге и не на берегах Инда. Но вопрос "спасутся ли индусы", не пришедшие ко Христу, оказывается столь же абстрактно-моралистическим, как и вопрос о том, спасутся ли "ивантеевцы", обиженные тем, что врач поселился не у них. Доктор ведь не по злобе так сделал и не по несправедливости. Он пришел в зону смертельного поражения (хотя мог этого и не делать) и поселился там, где быстрее мог найти первых пациентов.

А у жителей хуторка в Новых Черемушках ситуация оказалась еще сложнее: они бы пошли к врачу за лекарством - но почтальоны до них не дошли, а радиосвязь не работала... Никто и не знал, что в этой глухомани еще живут люди. Они будут болеть и преждевременно умрут. Виноват ли в этом доктор, приехавший в Малую Ивановку? Индусы слышали о Христе и не приняли его. Аптеки многие века и не слышали о Нем. Виноват ли Христос, что каждую гору Он не сделал горой Преображения?

Еще были люди, которые и услышали и даже сходили посмотреть на врача и его помощников, но так и не могли понять, зачем это надо. Почему все говорят об опасности? Вроде все как всегда. И солнце светит, и цветы растут. Разве что поросята иногда странные рождаются - так для этого есть ветеринары, а нам-то зачем эти лекарства пить. Мы здоровы. Мы испокон веку сами себя лечили. И этот врач не лучше наших бабок. И ваш Иисус не лучше наших махатм...

Иные и готовы принять лекарство, но говорят: только лично из рук врача. Его помощникам мы не доверяем. Вот если бы он лично явился мне, скажем, сегодня после обеда - я с ним повечерял бы, а потом и лекарство, пожалуй, принял... В "Духовном луге" рассказывается о святом старце, который совершал Литургию с употреблением еретического Символа веры, но в сослужении Ангелов. Встретив возражение со стороны православного, старец спросил Ангелов - почему они сами не предупредили его об опасности. "Видишь ли, Бог так устроил, чтобы люди научались от людей же", - был ему ответ³⁴³. И вот эти человеческие руки, которыми написано слово Божие и которыми оно разносится между людьми - многим не нравятся. Брезгают.

³⁴³ Иоанн Мосх. Духовный луг. Сергиев Посад, 1915, с. 247.

Еще были люди, которые и услышали, и пришли, но не вняли предупреждениям врача. Скажем, оказалось, что лекарство нельзя запивать водкой. А эти пациенты вышли из больницы, и сразу повернули свои стопы в ближайший кабак: «Ну, что мужики, надо же исцеление отметить!.. И за доктора выпить – святое дело!.. И медсестричку не забыть!.. И за тех, кто в море!». А в итоге избили себя принятое лекарство. Врач виноват, что не бегал за каждым и не бил по рукам?

Обнаружились и такие люди, что причастились лекарству, и все правила его применения хранили. Но никак их нельзя было уговорить держаться подальше от эпицентра взрыва. Им все казалось, что там есть что-то более экзотическое и что вообще опасность радиации преувеличена. Они и в христианский храм ходили, и в Шамбалу каждый вечер через астрал летали. Христу они присвоили высокое звание в Космической Иерархии (полковника планетарного Логоса), но не считали зазорным общаться с лейтенантами ("барабашками") и с генералами Фохатами.

Наконец, объявились и такие, которые слушали наставления врача с чрезвычайным благоговением и наизусть запомнили все его инструкции. Они на зубок знают, как пользоваться лекарством, с чем оно несовместимо, а что, напротив, помогает его лучшему усвоению. Вот только само лекарство они так и не попробовали.

О последних двух группах стоит поговорить особо.

Почему нельзя совмещать служение Христу с "контактерством" и почитанием иных божеств?

С точки зрения языческой философии Божество, Абсолютная Реальность находится не просто вне человеческого познания. Она пребывает вне всякой связи с миром людей. От Абсолюта к миру людей идет иерархия, лестница миров (эонов, эманаций, духов), и лишь те ее низшие ступени, которые непосредственно соседствуют с нашим миром, могут быть доступны религиозному дерзновению людей. Божество непознаваемо и ненаходимо, а потому религиозный импульс следует направить на те инстанции, что ближе к Земле и доступнее - на мир богов.

Радость же Библии (как Ветхого, так и Нового Завета) состоит в том, что Абсолют, Источник всякого бытия Сам создал мир людей. Он не поручил это кому-то из подчиненных духов, но Сам открыл Свою любовь тем, что смирил Себя до создания нашего мира. Плотный круг "олимпийцев", кольцо божков и духов, которые во много слоев пеленали сознание язычника, было разорвано простыми словами: *В начале Бог создал небо и землю* (Быт. 1, 1). Бог - совершенно иной, чем мир. Бог не есть космос. Бог не есть человек. Бог непознаваем и неизречен. И все же именно Он создал наш мир и открыл Себя в нем. Высшее и Непостижимое Бытие, оказалось, любит нас, а мы - в ответ - можем любить именно Его (а не космического посредника) и можем обращаться к Нему как к Личности. Безликое Брахмо индийской философии обретает ясный личностный Лик в Библии. Человек получает право говорить Абсолюту - "Ты".

Христианство прекрасно знает и глубоко переживает Непостижимость Бога. "Никакая буддийская литература, никакой греческий неоплатонизм, никакая западная мистика, средневековая или новая, не может и сравниться с Архопагитиками по интенсивности трансцендентных ощущений, - пишет А. Ф. Лосев. - Это не риторика, но это какая-то мистическая музыка, где уже не слышно отдельных слов, но только слышен прибой и отбой некоего необъятного моря трансцендентности... *Во-первых*, тут перед нами не столько философия и богословие, сколько гимны, воспевание. Архопагит так и говорит вместо "богословствовать" - "петь гимны". *Во-вторых*, несомненно, это воспевание относится только к личности - правда, абсолютно-трансцендентной и ни с чем не сравнимой, но обязательно к личности. Вся эта необычайно напряженная мистика гимнов возможна только перед каким-то лицом, перед Ликом, пусть неведомым и непостижимым, но обязательно Ликом, который может быть увиден глазами и почувствован сердцем, который может быть предметом человеческого общения и который может коснуться человеческой личности своим интимным и жгучим

прикосновением. Вся эта апофатическая музыка есть как бы упоение благодатью, исходящей от этой неведомой, но интимно-близкой Личности, когда человек испытывает жажду вечно ее воспевать и восхвалять, не будучи в состоянии насытить себя никакими гимнами и никакой молитвой. От буддийской жажды самоусыпления это отличается огромной потребностью достигнуть положительных основ бытия, положительных вплоть до того, чтобы общаться уже не со слепым становлением вещей, и даже не с самими вещами, живыми или мертвыми, но только с личностью, которая ясно знает себя и знает иное и способна к разумной жизни и к человеческому общению. Такое сознание уже не имеет нужды в отвлеченной философии. Дедукция категорий для него очень маленькое и скучное дело. Обладая колоссальной мощью антиномико-синтетических устремлений, оно нисколько не интересуется самими категориями, а просто только воспекает высшее бытие со всеми его антиномиями и синтезами в такой непосредственной форме, как будто бы здесь и не было никаких антиномий. В неоплатонизме самое бытие, в котором фиксируются антиномии, гораздо холоднее и абстрактнее. У Ареопагита абсолютная самость, в которой фиксируются антиномии, настолько живая, личная, богато-жизненная, что сознание философа занято только тихим же живым общением с нею, так что только кто-то другой может со стороны наблюдать и систематически размещать все возникающие здесь антиномии, но самому философу этим некогда заниматься... Если бы мы стали искать, где же в истории философии то учение или система, которая вскрыла бы в отвлеченной мысли содержание ареопагитского апофатизма, то, пожалуй, мы не могли бы найти другого более значительного имени, чем Николай Кузанский. "Господь и Бог мой! Помоги Тебя ищущему. Я вижу Тебя в начале рая и - не знаю, что вижу, ибо я не вижу ничего видимого. Я знаю только одно: я знаю, что не знаю, что вижу и никогда не смогу узнать. Я не умею назвать Тебя, ибо не знаю, что ты Есть. И если скажет мне кто-либо: то или иное есть Твое имя, то потому уже, что он дает имя, я знаю уже, что это не Твое имя. Ибо всякое обозначение того или иного смысла имен есть стена, выше которой я Тебя вижу. Если дает кто-либо понятие, которым Ты можешь быть понят, я знаю, что это не есть понятие о Тебе, ибо всякое понятие находит свою границу в пределах ограды рая. И во всяком образе и сравнении, с помощью которого стали бы мыслить Тебя, я знаю, что это не есть соответствующий Тебе образ. Кто хочет приблизиться к Тебе, должен подняться над всеми понятиями, границами, и ограниченным. Следовательно, интеллект должен сделаться неведущим (*ignorantem*) и погрузиться во тьму, если хочет видеть Тебя. Но что же тогда есть Бог мой, это неведение интеллекта? Не просвещенное ли это неведение? Поэтому к Тебе, Боже мой, Который есть бесконечность, может лишь тот приблизиться, который знает, что не ведает Тебя" (О видении Бога. 13)³⁴⁴.

И это еще не все. В Новом Завете открывается, что любовь Бога к людям сделала Его человеком. Величайшая радость христианства в том, что Тот, Кто пришел нас спасти, есть Тот, Кто нас некогда создал. Во Христе мы встречаем Саму Вечность, прорвавшуюся в наше время. Ничего большего не мечтает подарить человеку ни одна другая религия. Все попытки примирить Евангелие с язычеством неизбежно приводят к потере этой радости. Христос оказывается всего лишь одним из учителей (где-то между Пифагором и Джордано Бруно). Но если Он — всего лишь Человек, если Он — не Бог, значит, с Богом люди так и не встретились.

Иногда неоязычники (неоязычество — язычество после Христа) утверждают, что Христос - "аватара" Божественного Духа. Но тогда Само Божество так и оказывается безличным и безликим, а Христос оказывается не более чем маской, накинутой на Брахман. Человеком Он не был (а, значит, и не страдал, и на Голгофе был лишь спектакль, призванный выжать слезы скорби и покаяния из людей)³⁴⁵. Наконец, в некоторых неоязыческих школах утверждается, что Христос более чем человек, но все-таки менее, чем Божество. Так, - "Планетарный Логос".

³⁴⁴ Лосев А. Ф. Самое само // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. - М., 1994, сс. 363-367.

³⁴⁵ "Конечно, совершенно невозможно понимать значение жертвы распятия Христа, как это понимается некоторыми недорослыми сознаниями. Смысл ее в том, что Христос, желая показать силу Духа над физической плотью, принял чашу и запечатлел своей кровью Завет, принесенный Им: "Нет больше любви той, как если кто положит душу за други свои"

А если Христос есть и в самом деле Тот, Кем Он Себя называл (От начала Сущий - Ин. 8, 25) и каким Его познала Православная Церковь, то что еще искать в других религиях? Сам Бог, Сама Вечность пришла к нам и сказала о пути спасения - а мы хотим "дополнить" Её плохо понятыми обрывками буддизма и язычества? Как Он Сам расценивает такое поведение - Он ясно сказал еще в ветхозаветную пору: это — прелюбодеяние.

Библейская формула "Бог един" - это эксклюзивистская, исключаящая формула. Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет потом: "пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им, - то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего, ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей (Втор. 13, 1—3).

Когда Бог говорит Моисею первую заповедь - "Бог один", Он не имеет в виду, что тем самым Моисею открывается эзотерическая тайна - имен, дескать, богов много, а на самом деле все религии говорят об одном и том же Едином Боге. "Моисей, если хочешь, называй Меня Кришной. А ты, Аарон, можешь по вторникам звать меня Зевесом, а по пятницам хоть Астартой. А будет желание — молитесь так: "О, Карлсон, иже еси на крыше!"

Пантеистическая формула "Бог един", напротив, инклюзивная: она вбирает в себя самые разные формы духовного движения. Заповедь Моисея имеет в виду "единый" как "единственный" - "нет иных богов!". Бог Библии называется Единым - потому что исключает иных богов. "Бог" современного религиозного китча называется "Единым", потому что вбирает всех богов.

Вообще много странностей в современной интеллигенции. Она, например, не знает Библии, не верит Библии и не признает ее Боговдохновенности. Но при этом она свято верит в то, что Православная Церковь неправильно понимает Библию и исказила ее.

Еще более занимательно, что ради чаемого «примирения религий» она готова их все уничтожить - превратив их в безрелигиозную моралистику... О последней мечте российской интеллигенции замечательно сказал современный публицист Максим Соколов: «Член Политбюро ЦК КПСС, «отец перестройки», академик А.Н.Яковлев, проникшись буддийским учением, также с легкостью сумел синтезировать буддизм и христианство - последнее по необходимости было очищено от искажающих наслоений. Если буддизм, по мнению акад. Яковлева, последовательно проводит великий принцип ненасилия, то христианство (т. е. Христос) фразами типа «Я не мир принес, но меч» постоянно отступало от этого принципа, что и привело к прискорбным историческим последствиям. Наиболее же близким к подлинным идеалам христианства акад. Яковлеву видится опять же Толстой, тогда как отлучение Толстого - очевидный грех или, по крайней мере, сугубая ошибка Церкви. На всякого мудреца довольно простоты. Если бывший шеф-идеолог проникся учением Бунды Гаутамы, то, конечно же, вольному воля, спасенному рай. Но решительно непонятно, почему шеф-идеолог, по своему прежнему роду службы обязанный вроде бы разуместь различие между христианством и буддизмом (на то и «Курс научного атеизма» имелся), не может прямо и достойно назвать себя буддистом, а, немного похвалив Будду, тут же начинает очищать христианство от наслоений. Беда не в том, что человек добросовестно не верует в Христа - пути Господни неисповедимы, - а в том, что он называет свое учение христианским, не имея к тому должных оснований. Чем до А. Н. Яковлева не менее успешно занимался и гр. Л. Н. Толстой. Причина, вероятно, в том, что современный интеллигент склонен искать в христианстве прежде всего этическую составляющую - он ее находит, и она кажется

(Письма Елены Рерих. 1932—1955. Новосибирск, 1993. С. 415). Вот слова св. Григория Богослова на эту тему: "Какую же у них видим причину вочеловечивания? Если ту, чтобы вместился Бог иначе невместимый, и во плоти, как бы под завесою, беседовал с людьми, то это будет у них одна нарядная личина и зрелищное лицедейство. Можно было иначе беседовать с нами, как прежде в купине неопалимой и в человеческом образе" (Послание 3, к Кледонию // свт. Григорий Богослов. Творения. М., 1994. Т. 2. С. 12).

ему превосходной и возвышенной. Полагая, что именно в том и состоит соль Христова учения, он, как человек образованный, не может не видеть, что столь же превосходные этические принципы содержатся также и в других религиозных учениях - отсюда естественное стремление вычленив главное и роднящее Новый Завет с другими великими книгами, т. е. этические заповеди, а то, что не имеет непосредственного отношения к правилам счастливого жизнеустройства (воскресение Христа, например) подвергнуть благоумолчанию - и назвать все это подлинным христианством. Этика христианства направлена на обретение полноты совершенного бытия с Богом. Этика толстовства направлена на достижение блаженного небытия. Бог христиан - это Тот, Кто в Своей неизреченной любви даровал им жизнь вечную. Бог Толстого - это некто, кто из малопонятного далека, никому ничего не даруя, раздает общепользные указания»³⁴⁶.

Вопрос о времени появления «искажений» и «позднейших наслоений», которыми, якобы православная традиция испещрила чистый лик «первоначального христианства», решается довольно просто: обращением к историческим источникам.

Апостольская нетерпимость

Так часто обвиняют сегодня Церковь в теплохладности, в том, что она совсем не похожа на Церковь апостолов, на пламенную общину первохристиан. Это правда. Но на первых христиан мы похожи именно в том, что более всего и не нравится в нас людям "всерелигиозным". В чем угодно можно противопоставлять первых христиан и нас. Но только не в одном. Нельзя противопоставлять современную "православную нетерпимость" "терпимости апостолов", потому что последней просто не было. Апостолы никого не преследовали (как и православные сейчас). Они лишь твердо стояли на своем: нет спасения вне Христа, а потому не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую (1 Кор. 10, 21). Нет возвращения в прошлое, когда не знав Бога, вы служили богам, которые в существе не боги (Гал. 4, 8).

Слишком хорошо знали и апостолы и первые христиане мир языческих мистерий, философий, мир без Христа. Они проповедовали не в атеистическом мире, а в мире, где у каждого человека, у каждой семьи, у каждого народа уже была своя религиозная традиция. И этому миру они принесли НОВОЕ. Сегодняшний мир, не зная толком НОВОГО Завета, а также порядком отвыкнув от настоящего язычества, полагает, будто Новый Завет можно "обновить" через прививку к нему языческого оккультизма.

И вот - из двенадцати первых апостолов Христа десять были убиты за свою проповедь (кроме Иуды Искариота и апостола Иоанна, который после многих ссылок и арестов все-таки ненасильственно ушел из этой жизни). Был убит и апостол Павел. Все они предпочли пойти на смерть, но не преклониться перед богами языков³⁴⁷.

Если бы в их представлении Христос был воплощением одного из многих иерархов или духов, если бы Он казался им лишь очередным "аватаром" - они не стали бы ценою своих жизней отказываться от почитания иных "сыновей божиих".

Если бы Бог Библии воспринимался как один среди многих иных богов, как одна из многих эманаций Единого, наряду с Ним было бы естественно почитать иные божества. Как писал апологет язычества Цельс, "Кто почитает нескольких богов, тем самым делает приятное Богу, поскольку он почитает нечто от великого Бога. Поэтому, если кто почитает и боготворит всех (приближенных Бога), он не оскорбляет Бога, которому все они принадлежат... Право же, тот, кто, говоря о Боге, утверждает,

³⁴⁶ Соколов М. Поэтические воззрения россиян на историю. Ч.1. Разыскания.М., 1999, сс. 164-165.

³⁴⁷ О причинах гонений на христиан см. главу "За что преследовали христиан в языческом мире" в моей книге "Сатанизм для интеллигенции. Т. 1. Религия без Бога" (М., 1997).

что только одного можно назвать Господом, поступает нечестиво, так как он тем самым разделяет царство Божие, создает в нем раздор, как будто бы существовали (две) партии и имелся какой-то другой, противостоящий Богу" (Против Цельса. 7,2 и 8,11).

Но библейские пророки, а позже и христиане как раз и считали, что духовный мир разделился. И потому дружба с языческими духами есть вражда против Бога. Может быть, некоторые языческие ритуалы, образы, мистерии сами по себе не так уж плохи; далеко не все в языческой религиозной жизни может быть оценено как внушение сатаны. Но когда пришел Свет, когда открылась возможность прямого обращения к Богу, уже нельзя оставаться в мире языческих двусмысленностей. Отворачиваться от Христа, пришедшего к людям, и обращаться к прежним языческим заклинаниям - значит противиться Христу, отречься от Него.

И пророки и апостолы признавали, что у других народов есть свои божества³⁴⁸ - но решительно отказывались признать за богами язычников статус Истинного Творца (язычники, впрочем, на этом и сами особенно не настаивали). Отсюда - слова апостола Павла: *Итак об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого. Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, - но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им* (1 Кор. 8, 4—6). Если бы эта фраза звучала как "знаем, что есть много богов и господ много; но у нас один Бог Отец" - это было бы манифестом обычного язычества: мы выбираем своего бога из сонма многих владык, и уважаем право иных религий иметь общение с прочими богами (если я храню деньги в банке А, это не означает, что я отрицаю право других людей хранить их деньги в банке В). Но немедленно добавляемая богословско-метафизическая нагрузка резко меняет ситуацию: "у нас один Бог Отец, из Которого все". Не просто - "у нас есть Бог, из которого происходим мы, наше племя, наша вера", но - "из Которого все" (то есть - из этого Источника все получило свое бытие), а также "Которым все" (то есть и поныне все, что есть, существует по причастности к этому Истинному Бытию).

Христиане убеждены, что те, кто влагают свои сердца и деньги в свои языческие банки, слишком близки к краху. Их "космические иерархии" не более чем экономические пирамиды типа МММ. И не от злобы к этим людям, а от желания им добра апостолы вновь и вновь предупреждали: отойдите, пока не поздно, от ваших богов. Обратитесь к Единому Вечному Творцу.

Отказ же от Завета с Личным Богом, который вне Себя создал вселенную, означает растворение себя в космосе, подчинение своей жизни и своей судьбы безликим и бездумным, бессострадательным законам космоса (например, законам кармы и астрологии).

Да, в язычестве есть отблески правды. Как в воде тоже присутствует растворенный кислород. Но если водолаз посчитает себя рыбой и попробует дышать этим воздухом, он погибнет. Ему протянут воздуховод с поверхности. А он станет дышать через раз: разок из шланга, а разок - прямо пуская воду в свои легкие... То, что он скоро погибнет от таких упражнений, очевидно. Но смерть души не так заметна. И "всерелигиозные", "терпимые" и "открытые" оккультисты носят в своих телах агонизирующие, протравленные "космическими энергиями", распадающиеся души, но притом уверяют христиан, что больны именно мы - больны "нетерпимостью".

Я это говорю не из книг. Любой православный священник может рассказать десятки историй о людях, которые взрастили в себе духовные болезни, пробуя совместить христианство с "восточными учениями". Порой отголоски этих катастроф прорываются даже на страницы газет³⁴⁹...

³⁴⁸ Упоминания «иных богов» в Библии: Ис. 27,1; 51,9; Пс. 74,12-17; 89,10; 103,7; Иов 7,12; 9,13; 26,12.

³⁴⁹ «В ночь на 21 марта в административном центре Эвенкии - поселке Тура - был зверски убит священник местного прихода отец Григорий. Убийца отрезал священнослужителю голову и положил ее на алтарь церкви. Эвенкийский приход отец Григорий возглавил недавно - полтора года назад, но успел снискать уважение местных жителей. Священника любили

Протестант в «Чернобыле»

И вновь о Чернобыле. Уже упоминалась группа людей, которые знают все инструкции по пользованию новым лекарством, но самого лекарства не принимают. Они считают, что если врач не сердится на пациента - то, значит, больной от этого становится здоровым. Так считают протестанты: по их мнению, источник нашей болезненности - в отношении Врача к нам и нашим грехам. Поскольку достоверно известно, что Бог на нас уже не гневается (будучи удовлетворен жертвой Христа), то, как только мы узнаём о происшедшей перемене в отношении к нам Бога, так сразу становимся здоровыми и спасенными.

Что ж, представим, что инженер, по вине которого произошла Чернобыльская авария, оказался под судом. Предположим, что через некоторое время в виду тяжелого состояния его здоровья ему объявляют амнистию. Сильно ли облегчит эта бумага его положение? Ведь он сам носит в себе тягчайшую кару за свой грех. Он сам пропитан радиацией. Он сам умирает. И никакой суд, никакая апелляционная инстанция не могут защитить его от нарастающей боли, от поглащающей слабости.

В отличие от западного христианства, склонного описывать драму грехопадения и искупления в терминах юридических, восточное христианство осмысляет отношения человека и Бога в терминах органических. Для православия грех - не столько вина, сколько болезнь. "Грех делает нас более несчастными, чем виновными" - говорил преподобный Иоанн Кассиан³⁵⁰, а преподобный Исаак Сирий сравнивал грешника со псом, который лижет пилу и не замечает причиняемого себе вреда, пьянея от вкуса собственной крови³⁵¹. И в чине исповеди священническая молитва увещевает: "Пришел еси во врачевницу, да не неисцелен отыдеши".

Мало объявить человеку, что Бог более не сердится на него. Надо дать ему реальную защиту от смерти, надо дать ему реальную возможность дышать Богом. Не Бог удерживает Себя вдали от людей. Люди удалены от Него: как собственными грехами, так и блокирующими духовными посредниками. Надо дать лекарство. Лекарство нужно от смерти. Лекарством от смерти может быть только Бессмертие. Бессмертие имеет только Бог. Значит, Бог, бывший вдали, должен обрести жизнь внутри человека. Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий... Хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру... Я ем хлеб жизни... Отцы ваши ели манну в пустыне, и умерли, Хлеб же, сходящий с небес, таков, что

за доброту и открытость. В конце прошлого года в Туре появился человек, которого многие считали помешанным - до поселка он добрался пешком, в одиночку, из Томской области. Странник обратился за помощью к отцу Григорию и получил ее: священник нашел для него теплую одежду, пристанище и взялся кормить. "За сына ему был", - говорят об убийце местные жители. Вечерами священник и странник, оказавшийся кришнаитом, обсуждали вопросы веры, но конфронтации между ними не возникало, наоборот, каждый видел в другом интересного собеседника... Двадцать первого марта, где-то между четырьмя и шестью часами, когда кончалась ночь, и приближалось утро, странник - кришнаит пришел к отцу Григорию в храм. Тот открыл ему. Дверь была не взломана, открыта естественным образом. Как произошла их встреча?... Кришнаит наносит заточенным электродом отцу Григорию удар в сердце посередине груди. Удар в левый бок и в шею слева. Бил значит правой рукой. Отец Григорий, видимо, пытался защититься, - тот нанес сквозной удар в кисть его правой руки. Раны от этих ударов мы видели своими глазами. Отец Григорий упал, но удары электродом не умертвили его сразу. Он был еще жив. Об этом свидетельствует как сам убийца, так и медицинская экспертиза. Был еще удар перочинным ножом по шее слева. После этого с живого убийца начинает этим перочинным ножом срезать голову священника. Кришнаит - убийца с головой в руках входит в храм. Посреди храма аналой, на нем, как принято во многих храмах в Великий пост икона Христа в терновом венце. Убийца обходит с головой по кругу вокруг аналая. На полу кровавый круг. На вопрос, - Зачем это делал? - ответил, - Так требовал Кришна, так надо! С головой священника он входит северными дверями в алтарь и кладет отрезанную голову на престол между Евангелием и на престольным крестом. <http://www.rusk.ru/st.php?idar=6736>

«Сейчас он находится в изоляторе временного содержания при УВД Туры и, по словам сотрудников дежурной части, распевает в камере "Харе Кришна"» (Голубович Т. Кришнаит совершил ритуальное убийство // Коммерсантъ 22.03.2000). Делать стремительное заключение от одного несчастного визионера ко всем кришнаитам не стоит. Неверно было бы полагать, что все кришнаиты только и мечтают, как бы отрезать головы православным священникам. Из этого случая мне представляется возможным сделать только один вывод: напоминать о нем в тех случаях, когда нам твердят, что любой "духовный опыт", любое видение и откровение хороши... Видение-то было. И «голос» был. И кровь – была.

³⁵⁰ Прп. Иоанн Кассиан. Собеседование 23,15 // Писания преп. Иоанна Кассиана Римлянина. М., 1892. С. 599.

³⁵¹ Прп. Исаак Сирий. Творения. Сергиев Посад, 1911.С. 582.

ядущий его не умрет... хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... если не будете есть Плоть Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни (Ин. 6, 27—53).

Причастие Крови и Тела Христова - вот то анти-космическое лекарство бессмертия, которое принес Спаситель. Христос позвал нас на "вечерю бессмертия" (Климент Александрийский, Строматы 7, 3). Сам Христос установил именно такой способ сообщения со своими учениками. Не просто через проповедь, не просто через молитвы или гимны, не просто через обряды - через Таинство Причащения Телу и Крови Христа. Люди, которые говорят, что достаточно читать о Тайной Вечере и вспоминать о ней, люди, по уверению которых само Лекарство Бессмертия для нас сегодня недоступно, не поняли замысел Спасителя. Эти люди — протестанты³⁵².

По их мнению, "единственное, что может спасти человека - Евангелие, радостная весть о спасении через Иисуса Христа и искупление на Голгофе. Задача Церкви - проповедь Евангелия, слышание которого открывает людям путь ко спасению"³⁵³. Человек утоляет жажду информацией о воде, а не самой водой. Человек питается символом хлеба, а не самим хлебом. Спасает "весть о спасении", "информационный выпуск Хороших Новостей из Иерусалимского отделения ВВС", а не реальная благодать Христова.

Протестанты похожи на человека, который проезжает на джипе по пустыне и вдруг под одним из барханов видит умирающего от жажды путника. Подойдя к нему и по-голливудски неотразимо улыбаясь на все 49 зубов, миссионер начинает рассказывать умирающему о пользе воды. Три часа он говорит о том, какие замечательные свойства у воды, о том, что без воды не может быть жизни, о том, что тело человека на 80 процентов состоит из воды («у тебя, впрочем, уже, кажется, только на шестьдесят!») о том, вода универсальный растворитель, что вода при замерзании увеличивает занимаемый ею объем, что надо бороться за чистоту источников и водоемов... А в конце вопрошает: "Ну, разве ты еще хочешь пить? Разве недостаточно тебе "хороших вестей о воде"? Хочешь саму воду? Но у нас ее как раз и нет. Мы пьем "символ воды", мы даем людям "вспоминание о воде". Это только невежественные православные и католики считают, что жидкость в их литургических сосудах действительно есть Вода Жизни, Кровь Христа. А мы считаем, что вода - это слова Христа. Эти слова мы тебе и пересказали. Почему же ты еще хочешь пить?! Ты же слышал: "задача Церкви - проповедь Евангелия", а совсем не Причастие Телу и Крови Христа; ты же слышал, "слышание открывает людям путь ко спасению", а совсем не соединение с Богочеловеком. Ну, что, тебе расхотелось пить? Я вот тебе оставлю формулу воды. Возьми от меня в дар вот эту бумажку с этой надписью: H₂O. И помни, помни, что когда-то вода на земле была! И, кстати, если тут рядом будет проходить православный священник с Чашей - смотри, ни в коем случае не пей из нее!".

В Причастии мы приобщаемся Пасхальной, Воскресшей плоти Христа. Это "иног бытия начало". Частицы нового космоса, того космоса, в котором уже нет отравы смерти, в котором побеждена энтропия и смертный распад, вторгаются в нас, чтобы ослабить давление плоти греха на нашу личностную свободу. Через причастие мы вновь оказываемся в состоянии как бы Эдема: прошлое греха не давит на нашу личностную волю, и мы в состоянии свободы делаем свой выбор, не испытывая чрезмерного греховного давления собственного прошлого, привычки нашей природы, искривленной грехом.

³⁵² "Мы не признаем таинства превращения хлеба в Тело Христа и виноградного вина в Кровь Спасителя, и того, что верующие якобы вкушают не хлеб и вино, но истинное Тело и Кровь Христа" - утверждает баптистский учебник догматики (Догматика. Заочные библейские курсы ВСЕХБ. Москва, 1970. С. 262). Сопоставление протестантского и православного понимания Евхаристии см. в моей книге "Протестантам о Православии" (М., 1997).

³⁵³ Эжман У. Доктрины. Основы христианского вероучения. М., 1996. С. 208.

Путь исцеления состоит в том, что Христос в Себе, в Своей Божественной Личности исцелил воспринятую Им человеческую природу и ее, уже исцеленную, подает нам в Причастии, чтобы через исцеление самой природы исцелить личность каждого из нас.

Там, где эта новая человеческая природа живет - там Тело Христа, там Церковь. Именно бытие Церкви как Тела Христова Павел называет *тайной, сокрытой от веков и родов, ныне же открытой святым его, тайной - которая есть Христос в вас* (Кол. 1, 26—27).

Поэтому и нет спасения от мира павшего космоса вне Церкви Христовой. Там, где нет Причастия - там нет НОВОЙ Реальности Нового Завета. Там нет причастия Вечной Жизни. Там по-прежнему "смерть и время царят на Земле"...

Христиане приглашают: "Придите и вкусите"... А нас называют "нетерпимыми". За то, что мы хотим передать людям великий Дар Христов - нас чествуют "жестокими". За то, что мы возвещаем НОВЫЙ Завет - нас именуют "отсталыми". За то, что мы призываем продумать и понять Откровение Божие - нас обзывают "бездумными фанатиками".

Мы говорим о возможности спасения во Христе – а нас за это называют «несправедливыми». «Где справедливость? - Справедливость требовала бы, чтобы вся человеческая порода была обречена на гибель, так как она вся, как *massa perditionis*, заслуживает ее; если же Богу в его неисповедимой милости угодно было добрую часть ее, по собственному выбору спасти и удостоить высшего блаженства, то кто осмелится видеть тут нарушение справедливости?»³⁵⁴. «Язычников возмутила проповедь об аде для них. «Слыша такие речи, язычники спрашивали: «за что? Чем мы так худы, и чем вы лучше нас?». Они не могли понять, что христианское учение считает гибнувших не за худших, а прежде всего за несчастных, а христиан – не за лучших, а прежде всего – за помилованных и облагодаствованных»³⁵⁵.

Спасение в Церкви есть - приидите. А вне Церкви... Еще в III веке священномучеником Киприаном Карфагенским сказано: "Кому Церковь не Мать - тому Бог не Отец". И нехристиане с этим были согласны: и в самом деле для тех, кто живет вне христианства, Бог - не Отец. Он - "Владыка", "Единая Энергия", "Карма", "Нирвана", "Божественный Принцип", "Безликий Брахмо"... И только Христос сказал: *Отче, Я открыл имя Твое человекам* (Ин. 17, 5-6). Это, новое, имя Бога - Отец. И соединяемся мы с Ним в Его Сыне - во Христе через Его Тело, которое есть Церковь. В это тело мы входим через Его Вечный Дух, который исходит от Отца, а не от Космоса и почивает в Сыне, а не в "астрале". Христос дал нам не только право обращаться к Богу - "Отец"; Он дал нам *Духа, Которого мир не может принять* (Ин. 14, 17).

Мир за это очень обиделся на Христа и на христиан. Обиделся еще при жизни Христа. И даже две тысячи лет спустя после Его казни так и не простил Христу: ясности Его свидетельства о том, что Путь Спасения - один.

За что распяли Христа? - Ну, в частности, за это: *Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники, но овцы не послушали их. Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется* (Ин. 10, 8-9)³⁵⁶.

³⁵⁴ Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства. Спб., 1995, с. 367.

³⁵⁵ Мелиоранский Б. М. Из лекций по истории и вероучению Древней христианской Церкви (I-VIII в.). Вып. 1. Спб., 1910, с. 66.

³⁵⁶ Кого имеет в виду Христос? Кого овцы не послушали и тем самым проявили рассудительность и духовную трезвость? Не следует ли из Его слов, что тот религиозный проповедник, чей голос слушают, уже тем самым не есть вор и разбойник? Но тогда получается, что гнев Христа направлен против тех людей, у которых и так нет никакого авторитета, которых и так никто не слушал. А если "вора и разбойника" и так не слушают - то стоит ли против него говорить? Значит, все сложнее: есть таки проповедники, за которыми люди идут - вопреки воле Христа... Не есть ли "овца" этой притчи последняя сердечная глубина, к которой допускает только "привратник", опознавший зов Господа? Только Бог, создавший человека, - знает ключ к его последней сердечной глубине. Все остальные подчиняют себе человеческую волю разбойничьим

А вот еще то слово Христово, которое так не любят сейчас вспоминать: *Думаете ли вы, что Я пришел дать мир на земле? Нет, говорю вам, - но разделение* (Лк. 12, 51)³⁵⁷. "Истинное Слово, когда пришло, показало, что не все мнения и не все учения хороши, но одни худы, а другие хороши" - спустя сто лет сказал мученик Иустин Философ, до встречи с христианством прошедший искус языческими мистериями и философиями³⁵⁸. Иустин философ стал Иустином мучеником. Его казнили - как и его учителя священномученика Поликарпа епископа Смирнского. Казнили за то, что не оказывал почтения к языческим практикам и доктринам.

И до сих пор языческий мир, мир "улучшателей" и "прогрессистов", не разглядевших Нового Завета, требует от нас: Ну, скажите нам, что мы тоже спасемся. - Да, спасетесь. Если придете ко Христу, если примете Евангелие целиком, а не кусочками. Если расслышите Его обращение: "Покайтесь... Приимите... Сия есть Кровь Моя, за вас и за многих изливаемая во оставление грехов...".

Грех без прощения

Одна из самых поражающих строк Евангелия – “*Всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку*”. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем” (Мф. 12,31-32).

Отчего столь жесткое предупреждение? Неужели у разных личностей в Троице разные характеры, и Дух более обидчив, чем Сын? Почему столь резкое исключение? Оказывается, тот, знакомый нам по “Братьям Карамазовым”, мерзавец, который бросил крепостную девочку на корм собакам, может быть прощен, а человек, сказавший лишь одно слово, не имеет уже никакой надежды?

С точки зрения нравственной подобное суждение не может быть понято. Означает ли это, что Христос проповедовал безнравственные вещи? Очевидно, что нет. Значит, надо искать иную перспективу, в которой слова Христа обретают свой смысл. Если этой перспективой не может быть моралистика, значит, речь идет о религии.

Да, потребности и мерки этики и религии не всегда совпадают. Как не всегда совпадают правила хорошего тона и правила поведения спасателя. Нехорошо мужчине класть руку на грудь незнакомой женщине и, не спросив ее позволения, касаться своими губами ее уст. Но будем ли мы с этих позиций оценивать спасателя, который делает искусственное дыхание потерявшей сознание гореловчичке? Будем ли мы звать милицию, чтобы она остановила хулигана?

Вот также и та трудность, к разрешению которой направлена Священная история, - это трудность религиозная, а не нравственная. Главная проблема человечества не в том, что оно склонно забывать нравственные прописи. Самая страшная неудача человечества, как она осознается религиозной мыслью – это то, что мы смертны.

Наверно, все религиозные мыслители согласятся со словами апостола Павла: “Господь – един имеющий бессмертие” (1 Тим. 6,16). Все остальное имеет жизнь лишь по причастию к Богу. Источник бессмертной жизни один. Туда, куда добрызжут капли той струи бытия, что бьет из этого Источника, там тоже будет жизнь. Но что же будет с теми, кто отворачивает свое лицо от этих капель? Если Бог есть жизнь, а человек отвернет от Него лицо – куда же будет устремлен его взор? В пустоту. Помните, в «Гамлете» - “Ты повернул глаза зрачками в душу, а там сплошные пятна черноты”?..

Всем нам знакома та боль, что возникает при резком перепаде высоты и, соответственно,

способом, - не благодатью, но человеческими средствами: медитациями и философскими рассуждениями, тварными чудесами, магией, авторитетом, силой оружия...

³⁵⁷ Комментарий Владимира Соловьева: "Он пришел принести на землю истину, а она, как и добро, прежде всего разделяет" (Соловьев В. С. Три разговора. С. 710).

³⁵⁸ Св. Иустин Философ. Апология 1 // Ранние Отцы Церкви. - Брюссель, 1988. С. 354.

давления. Бог создал нас для Себя, для жизни в Вечности. Поэтому Он насытил нас таким богатством жизни, чтобы мы чувствовали себя хорошо, будучи окруженными Вечной Жизнью. Но мы отпали в пустоту, в разреженные слои бытия. И эта пустота начала отсасывать из нас давление, ставшее избыточным. От этого перепада начались наши боли. Мы начали разрываться изнутри. Другие существа в мире не были созданы для Вечности, и потому мера их боли в нашем мире несравнима с человеческой.

Отсюда та необычность места человека в мире, которая столь настойчиво порождает вопросы, подобные тем, что родились у Тютчева или у Семена Франка:

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?*

«Откуда, этот разлад между человеческой душой и всем миром, в состав которого ведь входит и она сама? Это есть великий факт человеческого бытия. Столь ничтожный и мелкий факт, как неспособность двуногого животного, именуемого человеком, спокойно устроиться на земле, есть - для взора, обращенного внутрь и вглубь - свидетельство нашей принадлежности к совсем иному бытию»³⁵⁹.

Но люди выпали из Богообщения. Люди не смогли сами вернуть себе Бога. Что ж, тогда Бог вышел на поиски человека.

Бог ищет человека не для наказания. В притче о потерявшейся овце пастырь ищет овечку не для того, чтобы в наказание содрать с нее три шкуры, но чтобы избавить от опасностей. В притче о блудном сыне отец вернувшемуся грешнику устраивает пир, а не головомойку.

Итак, Бог протягивает человеку руку помощи. Точнее – две руки: Сына и Духа³⁶⁰. Но предстают эти две руки в поле зрения человека по разному. Сын приходит “в образе раба” (Фил. 2,7). Он приходит под “завесой плоти” (Евр. 10,20). “Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих” (Мф. 20,28).

Служение Сына сокровенно. Тайна Его может быть познана только тем, кому ее откроет Дух: “Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым” (1 Кор. 12,3). Поэтому, если человек не узнал в Иисусе Господа – это не его вина. Ему не было откровения, посвящающего его в «великую благочестия тайну: Бог явился во плоти» (1 Тим. 3,16). Человек, не знавший о тайне, не виноват, что идет по жизни, не оглядываясь на нее... Поэтому “Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему”.

Но иначе действует Дух. Сын Человеческий скрывает Свою Божественность. Дух Свою Божественность открывает (и вместе с тем открывает и Божественность Сына). Одно из библейских значений слова Дух – это проявление Бога в мире, вторжение Творца в нашу обыденность. И если Бог нескрываемо стоит на пороге твоей души, а ты Его отгоняешь – значит, ты вновь прошел мимо Жизни.

Тот, кто не замечает протянутой ему спасающей руки или в помрачении молотит по ней – останется один на один со своей бедой. Только Бог может вновь наполнить нас Своей Вечностью. Только Он может вновь так уравнивать давления внутри нас и вовне, чтобы при возвращении в Вечность мы не были сплюснуты. Если внутри нас давление упало (ибо наши былые внутренние силы были

³⁵⁹ Франк С. Л. Смысл жизни. Париж, 1925, сс. 88-89.

³⁶⁰ “Руки Твои сотворили меня, то есть Слово и Дух. Премудрость Слова создала меня, разум Духа сотворил меня» (св. Иоанн Златоуст. О вере. // Творения. т.9. кн.2. Спб., 1903. С. 989.

высосаны из нас той пустотой, в которой мы привычно плавали), а Дух, готовый вновь исполнить нас Полнотой Наполняющего все (Еф. 1,23), мы отвергли, то эту пустоту мы пронесем в себе в вечные обители. В Вечности окажутся те, кто не приспособлен к жизни в ней. И тогда – “Ты будешь есть, и не будешь сыт, пустота будет внутри тебя” (Мих. 6,14).

Чтобы человек мог спастись, точки соприкосновения “мира сего” с Вечностью помечены печатью Духа. Человек мчится по шоссе, и регулярно встречает дорожные знаки, на условном языке предупреждающие его: столовая через полкилометра, и там двадцать метров проехать направо... Но тот, кто не обращая внимания на эти знаки, мчится вперед, не имеет потом права сетовать: мол, я был отправлен в длинный путь без всякой надежды на то, чтобы найти еду.

Дух касается человека, дает ему знамения и чудеса, доводы и свидетельства... Но человек отворачивается, делает вид, что не слышит стука в свою дверь. И не впускает Гостя, который на деле является Владыкой, Хозяином. Тот, кто не научился слышать голос Духа здесь, будет погружен в одинокое и безнадежное молчание там. Тот, кто не научился радоваться Богу здесь, не сможет радоваться Ему и тогда, когда Бог явит Себя как “все во всем” (Еф. 1,23).

Именно поэтому “если кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем”. Тот, кто не привык жить с Богом здесь, будет шархаться и пугаться в непривычной новизне будущей жизни. Грех хулы на Духа – это не сомнение в неясном; это грех сопротивления явному.

Как же человек способен хулить Духа Святого?

Мне представляется, что есть два пути к этому греху.

Первый: когда человек видит явное чудо – и отторгает его. Однажды довелось мне беседовать с одним высокопоставленным чиновником. Он с ходу предупредил меня: “Я - атеист”... Ладно, продолжаем разговор. Но в ходе нашей беседы я вдруг замечаю, что на стенах его кабинета нарисованы “голгофки” – Кресты, начертание которых священник налагает на стенах помещения при его освящении. Заметив мой взгляд и мое недоумение, чиновник говорит: “А мой кабинет батюшка освящал!”. Я, конечно, спрашиваю – зачем. И слышу в ответ: “Я, собственно, недавно здесь работаю. Но, понимаете, как-то я сразу плохо почувствовал себя в этом кабинете. Час-полтора посижу, и больше не могу. Как будто из меня кто-то всю силу высосал. Задышаться начинаю. Надо выйти в коридор, зайти в соседний кабинет, уйти перекурить, выбежать на улицу... И тогда еще не намного хватает... Тут мне посоветовали: позови, мол, батюшку, пусть освятит. Ну, я и решил – что ж, хуже не будет... Да, так вот батюшка мне тут все освятит. И, знаете, я теперь тут хоть по 12 часов могу сидеть – и ничего...”.

И как вы думаете, какой же была его последняя фраза, завершающая этот рассказ? – “Но я все равно атеист!”.

Второй же путь хулы на Духа сегодня более распространен. В этом случае человек считает за дары Духа простые, вполне рукотворные человеческие переживания.

В первом случае человек, которому, например было дано пережить и ощутить благодатность Богослужения, окрадывается помыслами, которые твердят ему: “Да это тебе показалось: понимаешь, непривычная обстановка, необычные запахи, музыка, одежда, слова... Не было никакого чуда. Тебе просто показалось. Все дело в твоей непривычке...”. Во втором же случае человек и в самом деле на чисто психическом уровне переживший новизну церковного обряда и малость воодушевленный своим подвигом захода в храм, уже не прочь считать себя облагодатствованным: “Когда батюшка мимо с кадиллом проходил, я такую благодать почувствовала, такой запах был дивный!”.

Человек сам себя горячит, сам в себе провоцирует “высокие переживания”, а затем

изготовленный им продукт объявляет Даром Неба.

Однажды мне довелось видеть такой рукотворный “Конец Света”. Осенью 1992 года российские газеты оказались заполнены рекламой, оповещающей, что 28 октября 1992 г. в 18 часов состоится “Пришествие Иисуса на облаках” и “вознесение христиан на небеса”. Это пророчество исходило от южнокорейских протестантов-харизматов³⁶¹. Поскольку такие события происходят нечасто, я решил пойти посмотреть на “Конец света”, организуемый вручную.

Что меня поразило на том собрании более всего - так это профессионализм того человека, который общался с залом со сцены. Нет, это не было профессионализмом проповедника. Это был профессионализм диск-жокея. Он очень ловко “разогревал” аудитории (живо пробудив во мне воспоминания моей университетско-дискотечной молодости). “Так, я буду говорить Аллилуйя, а Вы отвечайте “Аминь!”. Громче отвечайте! Громче! еще громче, иначе Господь вас не услышит!.. Сидящие сзади, переходите в первые ряды – иначе Господь не возьмет вас на Небо!... Теперь правая половина зала молчит, а левая отвечает: Аллилуйя! - Аминь! - Аллилуйя! - Аминь! - Аллилуйя! - Аминь! - Аллилуйя! - Аминь!.. Теперь левая половина зала молчит, а правая отвечает: Аллилуйя! - Аминь! Аллилуйя! - Аминь! - Аллилуйя! - Аминь!”... Через полчаса такой зарядки даже бабушки из соседних подъездов лишь по любопытству заглянувшие на это зрелище, стали подтягиваться к сцене, танцевать и трястись в ощущении того, что в них входит некий дух (проповедником почему-то называемый Святым).

Человек, который считает, что Дух уже пришел к нему или вообще всегда обитал в нем, захлопывает двери. Он тешит с порождениями своей фантазии. Он уже недоступен для Посещения истинного Бога. Он уже считает себя обоженным. Больной, считающий себя здоровым, не видит смысла в посещении врачей и приеме лекарств. Болезнь уже даже атрофировала ощущение боли (сгнивший зуб не чувствует боли). Человек принимает за Бога то, что не есть Бог. Он обожествляет самого себя, свои переживания и мысли... “Я есть То”, “Я-Бог” - медитирует он, послушно повторяя заклинания йоги... Он крадет имя у Бога и у Духа. Он служит себе, а не Богу. Что ж, в таком духовном онанизме он и закончит свои дни. Без радости Встречи. Без мистического Брака, без духовного плода. Он утешался самим собой. Он был замкнут в себе и на себе.

Итог: ему предстоит одинокая вечность. Однажды его миражи рассеются. И обнаружится, что во время наводнения он пытался спастись с помощью медитации на тему “Мне сухо, мне сухо... Мне тепло... Мне радостно... Я бог... Мне сухо”. Стук Спасителя в дверь он пропустил, поскольку ему не хотелось выходить из радостно-сухого мира своих иллюзий. Он не встретил Другого в веке сем. Что ж, придется ему быть без Бога и в веке будущем.

Если бы наш, человеческий, мир был безопасен, Богу не нужно было бы жертвовать Своим Сыном. В безопасном мире нет смысла идти на Крест. Если же путь Бога в нашем мире – это путь Креста, значит, наш мир болен. Христос предложил лекарство. Мы, распявшие его, обвинили Его за это в жестокости: “Почему Ты не спасаешь всех, даже неверов?”. Просто потому, что спасти – значит соединить Бога и человека. Спасти – значит Богу войти внутрь человеческой души. Спасти – значит человеку научиться жить в Боге. Для этого надо принять явное свидетельство Духа о Сыне, таинственно соединившего Божественное и человеческое. Сын соединил в Себе Бога и человека затем, чтобы потом эту нерасторжимую соединенность передать нам. Не хотим? Что ж – в таком случае и будет Бог – отдельно, а мы – отдельно. Что же может быть более печальным, чем “будущий век”, проводимый в отдельности от Бога? А, значит, Христос, предупреждающий, “если кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем” не жесток. Он просто честен.

³⁶¹ Подробнее см. Карташкин А. Хроника объявленной сенсации // Техника-Молодежи. 1993, №2.

Страшный суд

Услышав про “страшный суд”, положено испытывать страх и трепет. «Страшный Суд» – последнее, что предстоит людям. Когда истечет последняя секунда существования Вселенной, люди будут воссозданы, тела их вновь соединятся с душами – чтобы все-все смогли предстать для отчета перед Творцом...

Впрочем, я уже ошибся. Я ошибся, когда сказал, что люди воскреснут для того, чтобы быть приведенными на Страшный Суд. Если принять такую логику, то о христианском богословии придется сказать нелицеприятную вещь: оказывается, оно представляет своего Бога в довольно неприглядном виде. Ведь «мы и просто грешного человека никогда бы не похвалили за такое дело, если бы он вынул из могилы труп своего врага, чтобы по всей справедливости воздать ему то, чего он заслужил и не получил во время земной жизни своей»³⁶². Грешники воскреснут не для того, чтобы получить воздаяние за грешную жизнь, а наоборот - потому именно они и получают воздаяние, что они непременно воскреснут из мертвых.

К сожалению, мы – бессмертны. К сожалению – потому что порой очень хотелось бы просто уснуть – да так, чтобы никто больше про мои гадости мне не напоминал... Но Христос воскрес. А поскольку Христос объемлет Собою все человечество, то, значит и мы никак не сможем уместиться в могилу, остаться в ней. Христос нес в Себе всю полноту человеческой природы: та перемена, которую Он совершил в самой сущности человека, однажды произойдет внутри каждого из нас, поскольку мы тоже - человеки. Это значит, что все мы теперь носители такой субстанции, которая предназначена к воскресению.

Оттого и ошибочно считать, что причина воскресения – суд ("Воскресение будет не ради суда" – сказал христианский писатель еще второго столетия Афинагор (О воскресении мертвых, 14))³⁶³. Суд – не причина, а следствие возобновления нашей жизни. Ведь жизнь наша возобновится не на земле, не в привычном нам мире, заслоняющем от нас Бога. Воскреснем мы в мире, в котором «будет Бог все во всем» (1 Кор 15,28).

А, значит, если будет воскресение - то будет и встреча с Богом. Но встреча с Богом – встреча со Светом. Тем Светом, который освещает все и делает явным и очевидным все, даже то, что мы хотели скрыть порой даже от самих себя... И если то, постыдное, еще осталось в нас, еще продолжает быть нашим, еще не отброшено от нас нашим же покаянием – то встреча со Светом причиняет муку стыда. Она становится судом. «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир» (Ин. 3,19)

Но все же – только ли стыд, только ли суд будут на той Встрече? В XII веке армянский поэт (у армян он считается еще и святым) Григор Нарекаци в своей “Книге скорбных песнопений” написал:

*Мне ведомо, что близок день суда,
И на суде нас уличат во многом...
Но Божий суд не есть ли встреча с Богом?
Где будет суд? – Я поспешу туда!
Я пред Тобой, о, Господи, склонюсь,
И, отрешась от жизни быстротечной,
Не к Вечности ль Твоей я приобщусь,
Хоть эта Вечность будет мукой вечной?³⁶⁴*

³⁶² Несмелов В. И. Наука о человеке. т.2. Казань, 1906, с. 354.

³⁶³ Сочинения древних христианских апологетов. - СПб., 1895, сс. 108-109.

³⁶⁴ Это литературный и весьма вольный перевод (Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Перевод Н. Гребнева. Ереван, 1998, с.26). Буквальный звучит иначе – сдержаннее и “православнее”: “но коли близок день суда Господня, то и ко

И в самом деле время Суда – это время Встречи. Но что же более пленяет мое сознание, когда я помышляю о ней? Правильно ли, если сознание моих грехов заслоняет в моем уме радость от встречи с Богом? К чему прикован мой взгляд - к моим грехам или к Христовой любви? Что первенствует в палитре моих чувств – осознание любви Христа или же мой собственный ужас от моего недостойнства?

Именно раннехристианское ощущение смерти как Встречи³⁶⁵, вырвалось однажды у московского старца о. Алексия Мечева. Напутствуя только что скончавшегося своего прихожанина, он сказал: “День разлуки твоей с нами есть день рождения твоего в жизнь новую, бесконечную. Посему, со слезами на глазах, но приветствуем тебя со вступлением туда, где нет не только наших скорбей, но и наших суетных радостей. Ты теперь уже не в изгнании, а в отечестве: видишь то, во что мы должны верить; окружен тем, что мы должны ожидать”³⁶⁶.

С Кем же эта долгожданная Встреча? С Судьей, который поджидал нашей доставки в его распоряжение? С Судьей, который не покидал своих стерильно-правильных покоев и теперь тщательно блюдет, чтобы новоприбывшие не запятнали мир идеальных законов и правд своими совсем не идеальными деяниями?

Нет – через нашу смерть мы выходим на Сретение с Тем, кто Сам когда-то вышел нам навстречу. С Тем, Кто сделал Себя доступным нашим, человеческим скорбям и страданиям. Не безличностно-автоматическая “Справедливость”, не “Космический Закон” и не карма ждут нас. Мы встречаемся с Тем, чье имя – Любовь. В церковной молитве о Нем говорится: “Твое бо есть еже миловати и спасати ны, Боже наш”. Именно – Твое, а не безглазой Фемиды и не бессердечной кармы.

У Марины Цветаевой есть строчка, которая совершенно неверна по букве, но которая справедлива по своему внутреннему смыслу. Строчка эта такая: "Бог, не суди: Ты не был женщиной на земле...". В чем правда этого крика? Оказывается, наши человеческие дела, человеческие слабости и прегрешения будет рассматривать не ангел, который не знает, что такое грех, борьба и слабость, но Христос. Христос – это Сын Божий, пожелавший стать еще и Сыном Человеческим. Не Сверхчеловек будет судить людей, но Сын Человеческий. Именно потому, что Сын стал человеком, "Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну" (Ин. 5,22).

Сын – это Тот, Кто ради Того, чтобы не осуждать людей, Сам пошел путем страданий. Он ищет потерявшихся людей. Но не для расправы с ними, а для исцеления. Вспомните притчу о блудной сыне...

На язык сегодняшних реалий эту притчу я бы переложил так: Представьте - живет стандартная семья из четырех человек в стандартной трехкомнатной квартире. И вдруг младший сын начинает ерепениться, всех посылать куда подальше, на всё огрызаться. В конце концов он требует разъезда. Квартира приватизированна. Сын, настаивая на своем праве совладельца, требует, чтобы ему уже сейчас дали его долю. Квартира стоит, скажем 40 тысяч “у.е.”. Он требует, чтобы ему, как совладельцу, соприватизатору, была выдана четверть... Родители со старшим сыном в конце концов не

мне приблизилось царство Бога воплотившегося, Кто найдет меня более повинным, нежели эдомитян и филистимлян” (Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Перевод с древнеармянского М. О. Дарбirian-Меликян и Л. А. Ханларян. М., 1988, с. 30).

³⁶⁵ “Когда один из сослужителей наших, будучи изнурен немощию и смущенный близостью смерти, молился, почти уже умирая, о продолжении жизни, пред него предстал юноша, славный и величественный; он с неким негодованием и упреком сказал умирающему: “И страдать вы боитесь, и умирать не хотите. Что же мне делать с вами?”... Да и мне сколько раз было открываемо, заповедуемо было непрестанно внушать, что не должно оплакивать братьев наших, по зову Господа отрешающихся от настоящего века... Мы должны устремляться за ними любовью, но никак не сетовать о них: не должны одевать траурных одежд, когда они уже облеклись в белые ризы” (св. Киприан Карфагенский. Книга о смертности // Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского. М., 1999, с. 302).

³⁶⁶ Прот. Алексей Мечев. Надгробная речь памяти раба Божия Иннокентия // Отец Алексей Мечев. Воспоминания. Проповеди. Письма. Париж. 1989, с. 348.

выдерживают ежедневного противостояния со скандалистом, продают свою трехкомнатную квартиру, покупают для себя двухкомнатную, а разницу (10 000\$) отдают младшему сыну, который, удовлетворенный, отваливает в самостоятельную жизнь... Проходит время, и он, все растративший, потерявший, не приобретший никакого собственного жилья, возвращается к родителям в их квартиру, столь уменьшенную по его капризу. Чем же встречает его отец? Оскорбленно выставляет его вон? Просит старшего сына попридержаться младшенького, пока отеческая длань будет вразумлять юного нахала?

В Евангелии притча кончается иначе: едва разглядев вдали возвращающегося сына, еще не зная, зачем он идет, еще не услышав ни слова раскаяния, отец с радостью выбегает навстречу ...

Отсюда и слова святителя Феофана Затворника: "Господь хочет всем спастись, следовательно, и вам... У Бога есть одна мысль и одно желание - миловать и миловать. Приходи всякий... Господь и на страшном суде будет не то изыскивать, как бы осудить, а как бы оправдать всех. И оправдает всякого, лишь бы хоть малая возможность была"³⁶⁷. Ведь - "Ты Бог, не хотяй смерти грешников"...

Софокла страшила встреча с судьей (Плутоном): "Ты спрашиваешь меня: К какому богу я сойду? К богу, никогда не знавшему ни снисхождения, ни милости, но постоянно облеченному в строгую справедливость" (Климент Александрийский. Строматы 2,20). Христиане же верят, что их судьбу определит не закон, лишенный всех желаний, но Тот, у Кого есть желание. Его решения поэтому можно назвать субъективными и "пристрастными". У этого Судьи, в отличие от греческой Фемиды, нет повязки на глазах. Свои решения Он будет сверять не только с тем, что мы и в самом деле натворили, и не только с бесстрастной буквой закона, но еще и со Своим планом, Своим интересом, Своим желанием. И Свое желание Он не скрывает: "Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился и жив был" (Иезек. 33.11).

Бог ищет в человеческой душе такое, не окончательно, не безнадежно изуродованное место, к которому можно было бы присоединить Вечность. Так врачи на теле обожженного человека ищут хоть немного не пострадавшей кожи...

Об этом поиске рассказывает эпизод из Жития св. Петра Мытаря (память 22 сентября): "В Африке жил жестокосердый и немилостивый мытарь (сборщик налогов), по имени Петр.... Однажды Петр вел осла, навьюченного хлебами для княжеского обеда. Нищий стал громко просить у него милостыни. Петр схватил хлеб и бросил его в лицо нищему и ушел. Спустя два дня мытарь расхворался так сильно, что даже был близок к смерти, и вот ему представилось в видении, будто он стоит на суде и на весы кладут его дела. Злые духи принесли все злые дела; светлые же мужи не находили ни одного доброго дела Петра, и посему они были печальны... Тогда один из них сказал: "Действительно, нам нечего положить, разве только один хлеб, который он подал ради Христа два дня тому назад, да и то поневоле". Они положили хлеб на другую сторону весов, и он перетянул весы на свою сторону". Именно этот рассказ послужил основой для знаменитой "луковки" Достоевского...³⁶⁸

³⁶⁷ св. Феофан Затворник. Творения. Собрание писем. вып.3-4. Псково-печерский монастырь, 1994. с.31-32 и 38.

³⁶⁸ " - Видишь, Алешечка, - нервно рассмеялась вдруг Грушенька, обращаясь к нему, — это только басня, но она хорошая басня, я ее, еще дитей была, от моей Матрены, что теперь у меня в кухарках служит, слышала. Видишь, как это: "Жила-была одна баба злющая-презлющая и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти и кинули в огненное озеро. А ангел-хранитель ее стоит да и думает: какую бы мне такую добродетель ее припомнить, чтобы Богу сказать. Вспомнил и говорит Богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И отвечает ему Бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставаться бабе, где теперь. Побежал ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и тянись. И стал он ее осторожно тянуть и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидели, что ее тянут вон, и стали все за нее хвататься, чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая, и почала она их ногами брыкать: „Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша". Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А ангел заплакал и отошел" (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. ч. 3,3 // Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 14, Лд., 1976, сс. 318-319).

Опять же в древности преп. Исаак Сирий говорил, что Бога не стоит именовать “справедливым”, ибо судит Он нас не по законам справедливости, а по законам милосердия, а уже в наше время английский писатель К. С. Льюис в своей философской сказке “Пока мы лиц не обрели” говорит: “Надейся на пощаду – и не надейся. Каков ни будет приговор, справедливым ты его не назовешь. – Разве боги не справедливы? – Конечно, нет, доченька! Что бы случилось с нами, если бы они всегда были справедливы?”³⁶⁹

Конечно, справедливость есть в Том Суде. Но справедливость эта какая-то странная. Представьте, что я – личный друг Президента Б.Н. Мы вместе проводили “реформы”, вместе - пока ему позволяло здоровье - играли в теннис и ходили в баню... Но тут журналисты накопили на меня “компромат”, выяснили, что я принимал “подарки” в особо крупных размерах... Б. Н. вызывает меня к себе и говорит: “Понимаешь, я тебя уважаю, но сейчас выборы идут, и я не могу рисковать. Поэтому мы с тобой давай такую рокировку сделаем... Я тебя на время в отставку отправлю...”. И вот сижу я уже в отставке, регулярно беседую со следователем, жду суда... Но тут Б. Н. звонит мне и говорит: “Слушай, тут Европа требует, чтобы мы приняли новый Уголовный Кодекс погуманнее, подемократичнее. Тебе все равно ща делать нечего, так, может, напишешь на досуге?”. И вот я, будучи подследственным, начинаю писать Уголовный Кодекс. Как вы думаете, что я напишу, когда дойду до “моей” статьи?..

Не знаю, насколько реалистичен такой поворот событий в нашей таинственной политике. Но в нашей религии Откровения все обстоит именно так. Мы – подсудимые. Но подсудимые странные - каждому из нас дано право самому составить список тех законов, по которым нас будут судить. Ибо – “каким судом судите, таким и будете судимы”. Если я при виде чьего-то греха скажу: “Вот это он напрасно... Но ведь и он - человек...”³⁷⁰ - то и тот приговор, который я однажды услышу над своей головой, может оказаться не уничтожающим.

Ведь если я кого-то осуждал за его поступок, показавшийся мне недостойным, значит, я знал, что это грех. “Смотри - скажет мне мой Судия – раз ты осуждал, значит, ты был осведомлен, что так поступать нельзя. Более того - ты не просто был осведомлен об этом, но ты искренне принял эту заповедь как критерий для оценки человеческих поступков. Но отчего же сам ты затем так небрежно растоптал эту заповедь?”.

Как видим, православное понимание заповеди “не суди” близко к кантовскому “категорическому императиву”: прежде, чем что-то сделать или решить, представь, что мотив твоего поступка вдруг станет всеобщим законом для всей вселенной, и все и всегда будут руководствоваться им. В том числе и в отношениях с тобой...

Не осуждай других – не будешь сам осужден. От меня зависит, как Бог отнесется к моим грехам. Есть у меня грехи? – Да. Но есть и надежда. На что? На то, что Бог сможет оторвать от меня мои грехи, выбросить их на помойку, но для меня самого открыть иной путь, чем для моих греховных дел. Я надеюсь, что Бог сможет растожествить меня и мои поступки. Перед Богом я скажу: “Да, Господи, были у меня грехи, но мои грехи – это не весь я!”; “Грехи – грехами, но не ими и не для них я жил, а была у меня идея жизни - служение Вере и Господу!”³⁷¹.

³⁶⁹ Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели // Сочинения, т.2. Минск-Москва, 1998, с. 231.

³⁷⁰ «Авва Исаак Фивейский пришел в киновию, увидел брата, впадшего в грех, и осудил его. Когда возвратился он в пустыню, пришел Ангел Господень, стал пред дверьми его и сказал: Бог послал меня к тебе, говоря: спроси его, куда велит Мне бросить павшего брата? - Авва Исаак тотчас повергся на землю, говоря: согрешил пред Тобою, - прости мне! - Ангел сказал ему: встань, Бог простил тебе; но впредь берегись осуждать кого-либо, прежде нежели Бог осудит его» (Древний Патерик. М., 1899, с.144).

³⁷¹ Св. Николай Японский. Запись в дневнике 1.1.1872 // Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям. ч. 1. Спб., 1996, с. 11.

Но если я хочу, чтобы Бог так поступил со мной, то и я должен так же поступать с другими³⁷². Христианский призыв к неосуждению есть в конце концов способ самосохранения, заботы о собственном выживании и оправдании. Ведь что такое неосуждение - “Порицать - значит сказать о таком-то: такой-то солгал... А осуждать - значит сказать, такой-то лгун... Ибо это осуждение самого расположения души его, произнесение приговора о всей его жизни. А грех осуждения столько тяжелее всякого другого греха, что сам Христос грех ближнего уподобил сучку, а осуждение – бревну”.³⁷³ Вот так и на суде мы хотим от Бога той же тонкости в различениях: “Да, я лгал – но я не лжец; да, я соблудил, но я не блудник; да, я лукавил, но я – Твой сын Господи, Твое создание, Твой образ... Сними с этого образа копоть, но не сжигай его весь!”

И Бог готов это сделать. Он готов переступить требования “справедливости” и не взирать на наши грехи. Справедливости требует диавол: мол, раз этот человек грешил и служил мне, то Ты навсегда должен оставить его мне³⁷⁴. Но Бог Евангелия выше справедливости. И потому, по слову преп. Максима Исповедника, “Смерть Христа - суд над судом” (Вопросоответ к Фалассию, 43).

В одном из слов св. Амфилохия Иконийского есть повествование о том, как диавол удивляется милосердию Божию: зачем Ты принимаешь покаяние человека, который уже много раз каялся в своем грехе, а потом все равно возвращался к нему? И Господь отвечает: но ты же ведь принимаешь каждый раз к себе на служение этого человека после каждого его нового греха. Так почему же Я не могу считать его Своим рабом после его очередного покаяния?

Итак, на Суде мы предстанем пред Тем, чье имя – Любовь. Суд - встреча со Христом.

Собственно, Страшный, всеобщий, последний, окончательный Суд менее страшен, чем тот, который происходит с каждым сразу после его кончины... Может ли человек, оправданный на частном суде, быть осужденным на Страшном? – Нет. А может ли человек, осужденный на частном суде, быть оправдан на Страшном? – Да, ибо на этой надежде и основываются церковные молитвы за усопших грешников. Но это означает, что Страшный Суд – это своего рода «апелляционная» инстанция. У нас есть шанс быть спасенными там, где мы не можем быть оправданными. Ибо на частном суде мы

³⁷² “Христос Евангелия. В Христе мы находим единственный по своей глубине синтез этического солипсизма, бесконечной строгости к себе самому человека, то есть безукоризненно чистого отношения к себе самому, с этически-эстетического добротой к другому: здесь впервые явилось бесконечно углубленное я-для-себя, но не холодное, а безмерно доброе к другому, воздающее всю правду другому как таковому, раскрывающее и утверждающее всю полноту ценностного своеобразия другого. Все Люди распадаются для Него на Него единственного и всех других людей, Его - милующего, и других - милуемых, Его - спасителя и всех других - спасаемых, Его - берущего на Себя бремя греха и искупления и всех других - освобожденных от этого бремени и искупленных. Отсюда во всех нормах Христа противопоставляется я и другой: абсолютная жертва для себя и милость для другого. Но я-для-себя - другой для Бога. Бог уже не определяется существенно как голос моей совести, как чистота отношения к себе самому, чистота покаянного самоотрицания всего данного во мне, Тот, в руки которого страшно впасть и увидеть которого - значит умереть (имманентное самоосуждение), но Отец Небесный, который надо мной и может оправдать и миловать меня там, где я изнутри себя самого не могу себя миловать и оправдать принципиально, оставаясь чистым с самим собою. Чем я должен быть для другого, тем Бог является для меня... Идея благодати как схождения извне милующего оправдания и прития данности, принципиально греховной и непреодолеваемой изнутри себя самое. Сюда примыкает и идея исповеди (покаяния до конца) и отпущения. Изнутри моего покаяния отрицание всего себя, извне (Бог - другой) - восстановление и милость. Человек, сам может только каяться - отпустить может только другой... Только сознание того, что в самом существовании меня еще нет, является организующим началом моей жизни из себя. Я не принимаю моей наличности, я безумно и несказанно верю в свое несоответствие с этой своей внутренней наличностью. Я не могу себя считать всего, сказав: вот весь я, и больше меня нигде и ни в чем нет, я уже емь сполна. Я живу в глубине себя вечной верой и надеждой на постоянную возможность внутреннего чуда нового рождения. Я не могу ценностно уложить всю свою жизнь во времени и в нем оправдать и завершить ее сполна. Временно завершенная жизнь безнадежна с точки зрения движущего ее смысла. Изнутри самой себя она безнадежна, только извне может сойти на нее милующее оправдание помимо недостигнутого смысла. Пока жизнь не оборвалась в времени, она живет изнутри себя надеждой и верой в свое несоответствие с собой, в свое смысловое предстояние себе, и в этом жизнь безумна с точки зрения своей наличности, ибо эти вера и надежда носят молитвенный характер (изнутри самой жизни только молитвенно-просительные и покаянные тона)” (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, сс. 51-52 и 112).

³⁷³ авва Дорофей. Душеполезные научения и послания. Троице-Сергиева Лавра. 1900, с. 80.

³⁷⁴ См., например, Древний патерик. М., 1899, с. 366.

выступаем как частные лица, а на вселенском суде – как частички вселенской Церкви, частички Тела Христова. Тело Христа предстанет пред Своим Главой. Поэтому и дерзаем мы молиться за усопших, ибо в свои молитвы мы вкладываем вот какую мысль и надежду: "Господи, может быть сейчас это человек не достоин войти в Твое Царство, но ведь он, Господи, не только автор своих мерзких дел; он еще и частица Твоего Тела, он частица твоего создания! А потому, Господи, не уничтожай творение рук Твоих. Своею чистотою, Своею полнотою, святостью Твоего Христа восполни то, чего не доставало человеку в этой его жизни!"³⁷⁵.

Мы дерзаем так молиться потому, что убеждены, что Христос не желает отсекал от Себя Свои же частички. Бог всем желает спастись... И когда мы молимся о спасении других - мы убеждены, что Его желание совпадает с нашим... Но есть ли такое совпадение в других аспектах нашей жизни? Всерьез ли желаем ли спастись мы сами?..

Для темы же о Суде важно помнить: судимы мы Тем, Кто выискивает в нас не грехи, а возможность примирения, сочетания с Собой...

Когда мы осознали это – нам станет понятнее отличие христианского покаяния от светской “перестройки”. Христианское покаяние не есть самобичевание. Христианское покаяние - это не медитация на тему: "Я - сволочь, я – ужасная сволочь, ну какая же я сволочь!". Покаяние без Бога может убивать человека. Оно становится серной кислотой, по каплям падающей на совесть и постепенно разъедающей душу. Это случай убийственного покаяния, которое уничтожает человека, покаяния, которое несет не жизнь, но смерть. Люди могут узнать о себе такую правду, которая может их добить (вспомним рязановский фильм “Гараж”).

Недавно я сделал поразительное для меня открытие (недавно, - по причине своего, увы, невежества): я нашел книгу, которую я должен был прочитать еще в школе, а вчитался в нее только сейчас. Эта книга поразила меня оттого, что прежде мне казалось, что ничего глубже, психологичнее, ничего более христианского и православного, чем романы Достоевского, быть в литературе не может. Но эта книга оказалась более глубокой, чем книги Достоевского. Это "Господа Головлевы" Салтыкова-Щедрина - книга, которую читают в начале и которую не дочитывают до конца, потому что советские школьные программы превратили историю русской литературы в историю антирусского фельетона. Поэтому христианский смысл, духовное содержание произведений наших величайших русских писателей были забыты. И вот в "Господах Головлевых" изучают в школе первые главы, главы страшные, беспросветные. Но не читают конец. А в конце тьмы еще больше. И эта тьма тем страшнее, что она сопряжена с ... покаянием.

У Достоевского покаяние всегда на пользу, оно всегда к добру и исцелению. Салтыков-Щедрин описывает покаяние, которое добывает... Сестра Порфирия Головлева соучаствовала во многих его мерзостях. И вдруг она прозревает и понимает, что именно она (вместе с братом) виновата в гибели всех людей, которые встречались им на жизненном пути. Казалось бы, так естественно было предложить здесь линию, скажем, "Преступления и наказания": покаяние - обновление - воскресение. Но - нет. Салтыков-Щедрин показывает страшное покаяние - покаяние без Христа, покаяние совершаемое перед зеркалом, а не перед ликом Спасителя. В христианском покаянии человек кается перед Христом. Он говорит: "Господи, вот во мне это было, убери это от меня. Господи, не запомни

³⁷⁵ Эти молитвы за усопших нет в протестантизме. В итоге свт. Николай Японский вспоминает, как однажды ему пришлось побывать на протестантском отпевании: «мы молились за себя, поучали себя, старались растрогать себя, а до умершей нам не было никакого дела. Правда, упомянули ее дважды в чтомых молитвах, но только для того, чтобы поблагодарить за нее Бога, а не затем, чтобы вознести молитву об упокоении ее души. Каким холодом дышит протестантская поминальная служба! Недаром одно только это отвращает столь многих людей от протестантизма» (св. Николай Японский. Запись в дневнике 2.2.1901 // Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям. ч. 2. - Спб., 1996, с. 20); «Таков обычай протестантизма, холодный, безжалостный к умершему» (св. Николай Японский. Запись в дневнике 26.9.1901 // Там же, с. 72).

меня таким, каким я был в эту минуту. Сделай меня другим. Сотвори меня другим". А если Христа нет, то человек, как в зеркало, насмотревшись в глубины своей дел, окаменеет от ужаса, как человек, насмотревшийся в глаза Медузе-Горгоне. И вот точно также сестра Порфирия Головлева, осознав глубину своего беззакония, лишается последней надежды. Она все делала ради себя, а познав себя, видит бессмыслицу своих дел... И кончает жизнь самоубийством. Неправедность ее покаяния видна из второго покаяния, описанного в "Господах Головлевых". На страстной седмице в Великий Четверг, после того, как в доме у Головлева священник читает службу "Двенадцати Евангелий", "Иудушка" всю ночь ходит по дому, он не может уснуть: он слышал о страданиях Христа, о том, что Христос прощает людей, и в нем начинает шевелиться надежда - неужели же и меня он может простить, неужели же и для меня открыта возможность Спасения? И на следующий день поутру он бежит на кладбище и умирает там на могиле своей матери, прося у нее прощения...

Только Бог может сделать бывшее небывшим. И потому только через обращение к Тому, Кто выше времени, можно избавиться от кошмаров, наползающих из мира уже свершившегося. Но, чтобы Вечность могла принять в себя меня, не принимая мои дурные дела, я сам должен разделить в себе вечное от преходящего, то есть – образ Божий, мою личность, дарованные мне от Вечности, отделить от того, что я сам натворил во времени. Если я не смогу совершить это разделение в ту пору, пока еще есть время (Еф. 5,16), то мое прошлое гирей потянет меня ко дну, ибо не даст мне соединиться с Богом.

Вот ради того, чтобы не быть заложником у времени, у своих грехов, совершенных во времени, человек и призывается к покаянию.

В покаянии человек отдирает от себя свое дурное прошлое. Если ему это удалось – значит, его будущее будет расти не из минуты греха, а из минуты покаянного обновления. Отдирать от себя кусочек самого себя же – больно. Иногда этого смертельно не хочется. Но тут одно из двух: или то мое прошлое пожрет меня, растворит в себе и меня и мое будущее, и мою вечность, или же я смогу пройти через боль покаяния. "Умри прежде смерти, потом будет поздно" – говорит об этом один из персонажей Льюиса³⁷⁶.

Хочешь, чтобы Встреча не стала Судом? Что ж, совмести в своем совестном взгляде две реалии. Первое: покаянное видение и отречение от своих грехов; второе: Христа, перед Ликом Которого и ради Которого должно произнести слова покаяния. В едином восприятии должны быть даны – и любовь Христа и мой собственный ужас от моего недостойства. Но все же - Христова любовь – больше... Ведь Любовь – Божия, а грехи – только человеческие... Если мы не помешаем Ему спасти и помиловать нас, поступить с нами не по справедливости, а по снисхождению – Он это сделает. Но не сочтем ли мы себя слишком гордыми для снисхождения? Не считаем ли мы себя слишком самодостаточными для принятия незаслуженных даров?

Тут впору открыть евангельские заповеди блаженств и перечитать их внимательно. Это – перечень тех категорий граждан, которые входят в Царство Небесное, минуя Страшный Суд. Что общего у всех, перечисленных в этом списке? То, что они не считали себя богатыми и заслуженными. Блаженны нищие духом, ибо они на Суд не приходят, но проходят в Жизнь Вечную.

Явка на Страшный суд необязательна. Есть возможность ее избежать (см. Ин. 5,29).

Виновно ли христианство в экологическом кризисе?

Говорят, что сатана лишен дара творчества: он все время предлагает одни и те же искушения. Но зато у него есть немалое число активнейших помощников из числа людей. И оттого в болоте человеческого богоборчества время от времени всплывают новые пузыри, содержащие прежде

³⁷⁶ Льюис К. С Пока мы лиц не обрели // Сочинения, т.2. Минск-Москва, 1998, с. 219.

незнакомые запахи. В последней трети XX века на рынке антихристианских услуг появился новый товар: теперь христианство модно обвинять не за его отсталость, не за его противодействие научно-техническому прогрессу, а, напротив, за то, что именно христианство, оказывается, и породило этот самый прогресс и все проблемы, с ним связанные.

Вот вполне типичный текст, перепевающий эту тему: «христианство внеэкологично и поэтому допускает чисто утилитарный подход к природе. Европа Нового времени осуществила скрытые в христианстве потенции в том смысле, что показала рациональность существования бездушной природы»³⁷⁷.

Да, христианство полагает, что мир устроен рационально, что его принизывают законы, данные Творческим Разумом. При этом христианство полагает, что человек в состоянии постичь эти законы и даже призван к этому усилию: «И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростию все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем» (Эккл. 1,13). Но именно знание законов мироздания, внутренних мировых взаимосвязей и может оказать помощь в разрешении экологического кризиса, может заранее предупредить о намечающихся тупиках. Там же, где упор делается на эмоции и «голосование сердцем», кризис наступает гораздо быстрее и неотвратимее.

Да, христианство считает, что у природы нет души. Индусы и другие язычники считают иначе – но самые страшные экологические катастрофы (вроде взрыва на химическом заводе в Бхопале) происходят именно в странах «третьего мира». Дело в том, что для корректного обращения с промышленными технологиями надо иметь склад мышления, соответствующий этой технологии, то есть – научный, то есть – западный склад мышления, для которого наблюдения за показаниями приборов важнее, чем медитации о духах соседней реки. Без этого созвучия – точно так же, как восточные техники медитации ломают психику европейцам, также и люди Востока ломают технику Запада. Вообще же верить в некую особую экологичность восточного склада жизни можно только, никогда там не побывав. Неужто экологична такая, например, картинка – «Отправились к Гангу посмотреть праздник – женщины моются и купаются, чтобы выйти замуж. Но молились и купались все – мужчины, женщины, дети, среди них один прокаженный. Они не только сами моются, но и стирают свое грязное тряпье, полощут рот, пьют воду, справляют свои телесные нужды - и все в одной и той же воде, невыразимо грязной»³⁷⁸?

Да, христианство выделило человека из природы, поставило его выше остальных живых и тем более неживых существ. Означает ли это, что тем самым христианство превратило человека в безответственного хищника? - Наоборот. Только то положение и может осмыслиться как ответственное, которое является свободным и властным. Ответственным может быть только управитель, который совмещает определенную независимость от того, что вверено ему как его ответственность, и властную способность использовать эту свою свободу для того, чтобы влиять на событие, происходящие в сфере его ответственности.

Чтобы человек ощутил свою ответственность за судьбы всего мира – он должен ощутить свое отличие от всех остальных частиц этого мира. Волки не несут ответственность за судьбы вселенной. Мухи и жирафы не ответственны за пути эволюции экологических систем саванн. Ребенок не несет ответственность за судьбу всей семьи. Отец, муж, старший брат могут считаться ответственными именно потому, что они – другие, и в этом отношении, отделенные от других, ведомых, членов семьи.

Если человек лишь часть природы, в принципе ничем не отличная от остальных ее частей – то на нем не может лежать ответственность за мир. Более того, если смотреть на природу глазами

³⁷⁷ Иоселиани А. Д. Проблемы экологии в контексте религии // Философские исследования. 2000. № 1, с. 191.

³⁷⁸ Фосдик З. Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. По страницам дневника 1922-1934. М., 1998, с. 341.

язычника – то от человека вообще всерьез мало что зависит: ведь за каждым природным феноменом скрываются дух и воля этого духа. Любой дух выше человека и значимее его в иерархии бытия. Значит – спрос не с человека, а с духа. Если высохла река – то тут не вина человека, вырубившего леса по ее берегам, а вина русалок, которые не справились со своими обязанностями, или оскорбились малым количеством жертвоприношений, посвящаемых им, или просто решили перебраться в иное место плавания... В оккультизме не человек, а скорее “планетарный логос” будет нести ответственность за Землю, а иной дух, по имени “эгрегор”, будет отвечать за судьбы народа и страны.

Христианство очень жестко увязывает судьбы мира, природы и человека. Если бы человек был лишь частью природы, то его судьба зависела бы от путей всего целого. Но в христианстве утверждается, что судьбы мира зависят от выбора человека: «проклята земля за тебя... терния и волчцы произрастит она тебе» (Быт. 3, 17-18); «тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее... вся тварь совокупно стонает и мучится донныне» (Римл. 8, 20-22). За грехи первобытного человечества потоп пришел на землю и смел с нее прежнюю жизнь. Но пока на земле есть праведники – грех Богоотступников не может до конца искорежить лицо творения: «И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живаго. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего» (Откр. 7, 2-3).

Христианство говорит: ты другой, чем мир, и потому на тебе больше ответственность и за себя, и за окружающий тебя мир. И эта ответственность – перед Тем, Кто выше и тебя и мир.

Наиболее неприятна экологическим антихристианам строчка из начала библейского повествования: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1, 28).

Этот текст отделяет человека от животных, превозносит его над ними, и, более того, отношения между человеком и живым миром формулирует в терминах господства: "владычествуйте".

Прежде чем перейти к размышлениям о том, действительно ли именно из этих древних библейских слов истекает нынешний экологический кризис, стоит обратить внимание на то, что эти слова действительно древние. Это – Ветхий Завет. Его священной частью – Пятикнижие Моисеево. Тора. Это означает, что если уж кого и обвинять в экологическом кризисе, так это иудеев: вот, мол к чему привел ваш Танах, ваша Тора, ваш Моисей, ваши Иегова... Но разве кто-то дерзнет так сказать нынешним владыкам прессы? И вот оказывается, что за слова, впервые сказанные иудеями, несут ответственность христиане, но никак не евреи.

Столь избирательное толкование Библии означает, что экологические неоязычники не столько занимаются честным поиском причин экологических проблем, сколько участвуют в растянувшейся на столетия широкой антихристианской кампании...

Когда очень хочется бросить комок грязи в Христа – годится любой материал (а редакция придираться не будет: редактора всего «цивилизованного» мира всюду выискивают призраки антисемитизма, а антихристианские мифы и издевки допускается изготавливать в промышленных количествах³⁷⁹). И вот уже читаем: «Бог здесь (в Новом Завете) безжалостен и дает пример тем, кто

³⁷⁹ Новосибирская либеральная газетка, например, на православную Пасху 2000 года поместила материал с заголовком: «После встречи на Пасху с Марией Магдалиной у старого распутника императора Тиберия покраснело даже яйцо» (Новая Сибирь. 28 апреля 2000 г.). В этом же номере была и другая статья на религиозную тематику, выдержанная в совершенно иной, благоговейно-уважительной интонации. Ее длинный заголовок отражал ее сюжет и выводы: “В дни праздника Песах, одного из важнейших праздников иудаизма, стройка синагоги в Новосибирске оказалась под угрозой консервации”.

боится увидеть в нравственном отношении к природе суеверие. Христос засушил дерево – это свидетельствует о неэкологическом образе природы и человека в Новом Завете»³⁸⁰.

И в самом деле, в Евангелии описывается, как Христос иссушил дерево (смоковницу). Но это – единственное живое существо, лишённое жизни Христом (Творцом всяческой жизни). В любом же языческом культе (как, впрочем, и в иудейском ветхозаветном) в регулярных жертвоприношениях убиваются тысячи животных. По свидетельству еврейского историка I века Иосифа Флавия, на Пасху заколалось 265 тысяч агнцев... Так что же не слышно дерзновенных певцов «Гринписа», смело обличающих антиэкологические традиции иудаизма?! Да, сегодня иудеи не приносят таких жертв – ибо ждут восстановления Иерусалимского Храма. Священные чаши и ножи для жертвоприношений уже изготовлены в Израиле и ждут часа, чтобы снова творить ритуалы двухтысячелетней давности. Так отчего же проект восстановления иерусалимского иудейского храма не был подвергнут экологической экспертизе? Отчего дамы, протестующие против изделий из натурального меха и ношения дубленок, не возвышают своего гласа против планов воссоздания ветхозаветного культа?

Смоковницу Христу и христианам простить не могут (и даже просто понять не хотят), а языческие и иудейские кровавые жертвоприношения и всесожжения готовы посчитать частью вполне экологического мировоззрения... Этот очевидно двойной стандарт означает, что отнюдь не «философские исследования» ведут господина, подобные Иоселиани, а банальную антихристианскую пропаганду, которая по велению «духа времени» вместо атеистической вдруг стала языческой.

Теперь вернемся к тому ветхозаветному тексту, который неоязычники полагают экологически вредным. Мир Библии действительно иерархичен: человек выше животных. Животные выше растений («а всем зверям дал Я всю зелень травную в пищу» - Быт. 1,30). Но человек – не высшая инстанция власти; человек не самоуправен. Человек выше мира. Но выше человека – Бог. Тот библейский Бог, Который сверхмирен, Который не является ни космосом, «биоэнергоинформационным полем Вселенной», но Который есть просто Творец и для Вселенной, и для всех ее полей и зверей.

Бог ставит человека как Своего наместника выше мира и говорит: Я дал тебе это преимущество над миром ради того, чтобы ты мог работать с ним, меняя в этой работе и себя самого, и тот мир, который ты будешь преобразовывать своим трудом. «И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2,15).

Более того, этот труд возделывания мира человек должен совершать перед лицом Бога: «Господь Бог образовал из земли всех животных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их» (Быт. 2,19). Человек сдает экзамен перед лицом Бога: сможет ли он вместо кличек дать имена? Сможет ли он увидеть во всей остальной твари те смыслы, которые видит в ней Творец, или нафантазирует что-то свое, уродующее и Божий замысел, и сам человеческий ум, и мир, который этот искаженный ум будет подминать под себя? Не свои замыслы должен человек проецировать в мир и навязывать миру, а, вслушиваясь в волю Божию (распознаваемую, в частности, через голос совести), должен воплощать волю Бога в своем, человеческом мире. Человек не может самовольно распоряжаться в мире, не может все свои действия и проекты согласовывать лишь со своими желаниями, но должен стремиться исполнить волю Божию, которая не может состоять в истреблении части Его творения.

Итак, человек не хозяин мира, а арендатор в нем. И ему предстоит дать ответ перед истинным Владыкой (вспомним притчу о талантах): «Бог соизволил рабам Своим - человекам – повелевать...»³⁸¹.

Если же человек нарушит волю Владыки – то его судьба окажется печальнее судьбы животных: «Христианское понимание человека отличается от античного прежде всего тем, что человек не

³⁸⁰ Иоселиани А. Д. Проблемы экологии в контексте религии // Философские исследования . 2000. № 1, сс. 189-190.

³⁸¹ Св. Иоанн Златоуст. Творения. т.2. кн.1 Спб., 1896, с.126.

чувствует себя органической частью, моментом космоса; он вырван из космической, природной жизни, и поставлен вне ее; по замыслу Бога, он выше космоса, должен быть его господином; но в силу своего грехопадения его положение господина пошатнулось, и хотя он не утратил и не может утратить своего сверхприродного статуса, но в своей испорченном состоянии он полностью зависит от Божественной милости. Без веры в Бога и без помощи Божественной благодати человек оказывается, согласно христианскому учению, гораздо ниже того, чем он был в язычестве: у него нет больше того твердого статуса — быть высшим в ряду природных существ, какой ему давала языческая античность; зато с верой он сразу оказывается далеко за пределами всего природно-космического: он непосредственно связан живыми личными узами с Творцом всего природного. И отношение человека к творцу в христианстве совсем иное, чем отношение неоплатоников к Единому: личный Бог предполагает личное же к Себе отношение»³⁸².

И лишь когда атеистическое Просвещение устранило идею Божия суда из европейской массовой культуры, лишь тогда человек начал чувствовать себя самодержцем, ни перед кем не отвечающим за свои поступки с теми, кто не может подать на него в уголовный или гражданский суд. Обвинять христиан в грехе атеистов все же странно...

Христианская проповедь напоминала: «Хранение совести многообразно: ибо человек должен сохранять ее в отношении к Богу, к ближнему и к вещам... Хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы обращаться бережно с какою-либо вещью, не допускать ей портиться и не бросать ее как-нибудь, а если увидим что-либо брошенное, то не должно пренебрегать сим, хотя бы оно было и ничтожно, но поднять и положить на свое место... Часто иной мог бы довольствоваться одной подушкой, а он ищет большой постели; или имеет власяницу, но хочет переменить ее и приобрести другую новую или более красивую, по тщеславию или от уныния»³⁸³.

Вот именно: от уныния и началась гонка за вещами и модами в расхристанном мире: вместо радости о душевной чистоте и о Боге пришло уныние. Человек не может выносить самого себя, ему скучно с самим собой, он тоскует наедине с собой – и глушит это неосознанное отчаяние от себя самого³⁸⁴ в бесконечных поверхностных контактах с другими людьми, и это бегство от себя к другим овнешняет самого человека, и он отождествляет себя со своими вещами и социальными ролями, масками, отзывами... И от уныния молится, от уныния упивается. От уныния расширяет потребление...

Да, христианство привило человеку жажду движения, стремление выйти за пределы своего наличного бытия.

В античной мысли движение воспринималось как нечто худшее, нежели покой; конечное ощущалось как более совершенное, нежели бесконечное. Когда в греческой философии появилась идея бесконечного («апейрон»), она сразу же была противопоставлена идее космоса как законченного, ограниченного и устроенного начала – в отличие и от первично-беспредельного первого фазиса бытия. Беспредельность стояла на границе бытия и небытия, была скорее небытием и во всяком случае

³⁸² Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980, сс. 408-409.

³⁸³ авва Дорофей. Душеполезные научения и послания. Троице-Сергиева Лавра. 1900. с.52-53. Впрочем: «Слышал я о некоем брате, что когда приходил он в келью к комунибудь и видел ее неприбранною, то говорил в себе: блажен сей брат, что отложил заботу обо всем земном и так весь свой ум устремил горе, что не находит времени и келлию свою привести в порядок. А если приходил к другому и видел келлию прибранною, то опять говорил в себе: как чиста душа сего брата, так и келлия его чиста» (авва Дорофей. Там же. с. 180).

³⁸⁴ «Пусть кто-нибудь придет, и я затворю его в темную келью и пускай он хоть только три дня не ест, не пьет, не спит, ни с кем не беседует, не поет псалмов, не молится и отнюдь не вспоминает о Боге. И тогда он узнает, что будут в нем делать страсти» (авва Дорофей. Душеполезные научения и послания. с.138).

источником страха для грека. «Зло есть свойство беспредельного, а добро – определенного (или ограниченного)», - приводит Аристотель пифагорейское изречение (Никомахова этика. 2,5,1106в)³⁸⁵.

Но христианство принесло в мир идею движения как исторического (идея линейного развертывания истории вместо циклического воспроизведения), так и онтологического: человек должен превзойти то состояние, в котором он вошел в мир ("ныне Божии человеки стали выше первого Адама. Силою Духа человек становится выше его, потому что делается обоженным" - преп. Макарий Египетский³⁸⁶). Человек создан из небытия, и тем не менее должен стать совершенным «как Отец ваш Небесный». Ошеломительная дистанция между происхождением человека, его нынешним положением и конечным предназначением есть призыв к движению. И движение, а также жажда приобщиться к Большему, которой это движение мотивируются («блаженны алчущие»), в христианстве воспринимаются положительно: «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (Филип. 3,13-14).

Кроме того, христианство сделало Бесконечность атрибутом Бога. «Христианская теология уже своим учением о трансцендентном Боге, Боге, находящемся за пределами космоса, разрушала примат предела и требовала пересмотра греческой «системы мыслительных координат». Все конечное было объявлено творением Бога, тварью, не имеющей своего источника в своей цели в самом себе. Трансцендентность христианского бога, его внеприродность, его личный характер предполагали рассмотрение его в совершенно новых категориях — категориях воли и могущества... Для христианской теологии то, что имеет предел – это конечное, а оно надделено более низким статусом, чем бесконечное, т. е. Бог»³⁸⁷.

В результате «На протяжении XIII-XIV вв. идет неуклонная работа по распатыванию главного предубеждения, лежавшего в основе всей античной науки (и античного мировоззрения), а именно предубеждения против бесконечности как позитивного начала»³⁸⁸.

Но если бесконечность стала оцениваться позитивно, то и стремление к Бесконечности тоже стало осмысляться благосклонно. А благословение на стремление к бесконечной цели есть благословение бесконечному движению. В этом контексте можно сказать, что христианство действительно привило западному человечеству беспокойство и жажду большего.

Казалось бы, отсюда логично заключить, что именно в результате такого развития и появилась западная жажда все большего и большего потребления и расширения своего жизненного пространства, что в конце концов и обернулось экологическим кризисом... Но эта логика страдает одним изъяном: она напрямую связывает христианскую проповедь с нынешним кризисом, забывая, что их отношения опосредованы кризисом самого христианства.

³⁸⁵ «Вспомним категории пифагорейцев: предел-беспредельное, единое-многое; мужское-женское, свет-тьма, хорошее-дурное... Еще более определенным является отношение к беспредельному у элеатов: оно сведено к статусу небытия. Беспредельное у Платона, как и у пифагорейцев, соответствует множественному, движущемуся, темному, одним словом, дурному. У Аристотеля, наконец, все материальное тоже делимо, множественно и т. д., а нематериальное — это неделимое (целое). В этом смысле можно сказать, что у греков бесконечность в подавляющем большинстве случаев воспринималась и осознавалась как нечто дурное, как «дурная бесконечность» (Гегель). Ей противопоставлялся предел, единое, «целое» как нечто оформляющее, завершающее, благодаря чему хаос беспредельного превращался в космос. Можно, пожалуй, сказать, что понятие, противоположное «бесконечному» — а именно «конечное» (как имеющее конец — предел, завершение), есть понятие ценностно более высокое для греческого сознания. «В том, как греки видели и оформляли свой космос, можно заметить отсутствие чувства бесконечного. В своем образе мира они держались конечного, зримого, завершеного...» (немецкий исследователь В. Шадевальдт)» (Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980, сс. 469-470).

³⁸⁶ преп. Макарий Египетский. Духовные беседы. М., 1880, сс.183 и 250.

³⁸⁷ Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. М., 1980, с. 471.

³⁸⁸ Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. М., 1980, с. 466.

По мере секуляризации западной мысли и жизни в эпоху Возрождения все менее привлекательным становится Мир Горний. Но искания и энергии, пробужденные еще прежде, не исчезают, а оборачиваются на поиски в мире дольном. Не случайно эпоха кризиса, эпоха Ренессанса (т.е. возрождения язычества) завершается «великими географическими открытиями». Начинается эпоха империализма. Идеологическая история XVIII-XIX веков, веков индустриализации, проходит под знаменами отнюдь не христианства, а «просвещения» (синоним масонского «иллюминатства») и атеизма.

Христианство не учило безбрежно расширять свои потребности, не призывало эксплуатировать земли и народы. Именно общество, решительно объявившее о своем «светском» характере и стало обществом, столкнувшимся с экологическим кризисом. В православных монастырях, даже активно ведущих свою экономку, «экологический кризис» почему-то не прописался.

Разве христианство породило учебники «научного коммунизма»? Христианство учило сдерживать свои потребности, владеть собой и уметь уступать, уметь поститься, уметь ограничиваться малым. Но иначе смотрели на мир наши оппоненты и гонители: “Коммунизм несовместим с аскетизмом. Коммунизм утверждает на земле высшую справедливость, основывая ее на прочном и непрерывном экономическом процветании»³⁸⁹. Не Августин и не Серафим Саровский утверждали, будто «История промышленности является раскрытой книгой человеческих сущностных сил»; «Промышленность как экзотерическое раскрытие человеческих сущностных сил»³⁹⁰. Не Иоанн Кронштадтский, а Ленин усмотрел в «законе возрастания потребностей» движущую силу мировой истории, а в развитии производства «высший критерий общественного прогресса»³⁹¹... А впервые лозунг о покорении природы выдвинул немецкий философ Фихте. Откройте любой учебник истории философии и посмотрите – есть ли основания считать Фихте христианином...

Удивительна «зеленая логика»: сначала «вольнодумцы» несколько столетий положили на то, чтобы ограничить влияние христианства, а затем возникший в результате их собственной деятельности кризис объявляют порождением именно христианской цивилизации!

Слышу, слышу я настойчивый голос из зала: «Да еще Макс Вебер доказал!...». Да, многие слышали о знаменитой книге Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», но немногие ее действительно читали. Я же обращаю внимание на три тезиса этой книги.

Первый: капитализм при своем рождении и распространении, согласно Веберу, постоянно наталкивался на сопротивление людей традиционного склада мышления. «Предприниматель, повышая расценки, пытается заинтересовать рабочих в увеличении производительности их труда. Однако, тут возникают неожиданные трудности. В ряде случаев повышение расценок влечет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки... Увеличение заработка привлекало его меньше, чем облегчение работы: он не спрашивал: сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои традиционные потребности. Приведенный пример может служить иллюстрацией того строя мышления, который мы именуем «традиционализмом»: человек «по своей природе» не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить «производительность» труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался

³⁸⁹ Научный коммунизм. Учебное пособие под ред. акад. П. Н. Федосеева. М., 1981. с. 237.

³⁹⁰ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Энгельс Ф. Собрание сочинений. т. 42. сс.123-124.

³⁹¹ Ленин В. И. Сочинение. 4-е изд. Т.13 с. 219.

на лейтмотив докапиталистического отношения к труду», и в итоге предприниматели порой предпочитали понуждать рабочих к более интенсивной работе путем снижения расценок...³⁹²

Где распространялся капитализм в интересующую Вебера эпоху? – в христианских странах. Какая, значит, традиция воспитывала людей так, что они оказывают глухое сопротивление капитализации? Так породило христианство капитализм или скорее сопротивлялось ему?

Второе обстоятельство: при анализе тех христианских проповедей, которые призывали к достижению максимального финансового и карьерного успеха Вебер обратился к весьма специфической группе проповедников. Речь у него идет о кальвинистах и, отчасти, лютеранах. Своеобразие этих групп состояло в том, что они были фаталистами. У человека нет свободы. У человека нет возможности выбрать свой жизненный путь и его вечный итог. Бог еще до создания мира решил, кого Он спасет, а кого отправит в погибель... Поскольку же человек, с одной стороны, ничего не может сделать для своего спасения, а, с другой, не может жить, пребывая в неизвестности о самом главном, он, естественно, ищет способы удостовериться в своей принадлежности к избранным. И тут богословы говорят ему: если Бог тебя спас, значит Он тебя любит, а если Он тебя любит, то Он должен проявить Свое благорасположение к тебе еще в этой жизни, и это благорасположение будет заметно и для тебя, и для других: оно будет проявляться в твоём житейском преуспевании. Соответственно, потребность в жизненном успехе и стяжании богатства обрела религиозную мотивацию, а наличие такой религиозной мотивации способствовало распространению «капиталистического духа»...

Нетрудно заметить, что эта логика, хотя и была озвучена христианскими проповедниками, глубочайшим образом противоречит тому, что возвещало традиционное христианство. В православии всегда считалось, что Бог скорее с бедными, чем с богатыми. Христос – там, где боль, а не там, где шумный успех. «У Христа – у креста», - гласит русская поговорка. И ей вторит цветаевская строчка: «Значит – Бог в мои двери – раз дом сгорел...». И если на «теологии процветания» действительно лежит часть вины за дух стяжательства, охвативший западный мир, то не стоит вину за это извращение христианства перекладывать на само христианство. По крайней мере Православие не принимало участия в этом процессе.

И третье замечание по поводу книги Вебера. Автор сам отмечает, что описанный им материал весьма локален: он ограничен и в социальном пространстве, и во времени: «Люди, преисполненные «капиталистического духа», теперь (книга написана в 1905 году – А.К.) если не враждебны, то совершенно безразличны по отношению к церкви»³⁹³.

Итак, фактом является то, что одна из христианских сект однажды поддержала дух накопительства. При этом этот дух встретил сопротивление традиционно-христианского общества в начале своей истории и сам стал откровенно враждебен или равнодушен к христианству в пору своей зрелости... В этих условиях обвинять христианство в том, что оно породило капитализм и вытекающий из него экологический кризис, все равно, что обвинять Русскую Церковь в том, что она устроила революцию 1905 года на том основании, что в рядах эсеров был поп Гапон...

В заключение вернемся к тем библейским, на этот раз уже новозаветным текстам, которые так нервируют «зеленых». Забыв и о повелении Христа помогать животным, попавшим в беду (Мф. 12,11) и о том, что животные прежде людей поклонились Родившемуся Спасителю, и о том, что во время 40-дневного Своего молитвенного подвига Христос, оставив людей, «был со зверями» (Мк. 1,13), язычествующие экологи во всем Евангелии видят лишь проклятую смоковницу и потопленных свиней...

³⁹² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, сс. 80-81.

³⁹³ Там же, с. 89.

Да, Иисус проклял смоковницу, лишил жизни дерево. А был ли в традиционном обществе хоть один мужчина, который никогда не лишал жизни ни одного дерева? Почему срубить дерево для постройки дома или корабля, храма или колодца ради корыстной материально-житейской пользы можно, а ради нравственного урока людям – нельзя? "Боже мой! Нам так жаль бедную смоковницу! ну не лицемерие ли это! Это нам-то, которые все купаемся в крови и злобе... Это мы-то вступаемся за невинное дерево... Почему же тогда уж не винить Христа и в том, что он мял траву, рвал колосья хлеба, ел плоды? Чем, в самом деле, все это виновато?"³⁹⁴

Проклятие смоковницы Христом – это притча в действии. Неужели для пробуждения покаяния в людях, в целом народе, народе Израиля нельзя пожертвовать одним деревом?

Позеленевшие головы язычествующих экологов знают, как возразить: «но Иисус дал дурной пример христианам! Поэтому они так безжалостно вырубают леса!». Ладно, опять напомню, что этот грех был практикуем людьми задолго до христианства. Например, леса на Кипре весьма основательно повывели сами язычники еще в дохристианскую пору...³⁹⁵ А теперь насчет «примера». Действительно, христиане призваны подражать Христу. Очень многое в церковной традиции старается с максимальной точностью воспроизвести все подробности земной жизни Иисуса. Он 40 дней постился в пустыне – и наш Великий Пост длится столько же... Он в день Крещения погрузился в воды южного Иордана – и православные в этот день готовы нырнуть даже под лед... Христос въехал в Святой град на ослике... И на Руси в Вербное воскресенье Патриарха, в данный момент являющего собою образ Христа, вводили в Кремль... Вот только ослов на Руси не водилось. Но выход из положения нашли: лошади, на которой ехал Патриарх (ведомой под уздцы царем) привязывали ослиные уши...

Но есть ли в церковном предании праздник, посвященный чуду проклятия смоковницы? Есть ли ритуал торжественной рубки деревьев или их проклятия? – Нет. В церковном предании из этого евангельского деяния выводятся совершенно иные уроки:

«Что означает неразумно, как то представляется на внешний взгляд, иссушенная смоковница, упоминаемая в Евангелии (Мф. 21,18-21; Мк. 11,12-14)? Что за неумеренность голода, не во время ищущего плода? И к чему проклятие бесчувственного предмета? - Бог первоначально воспитывал природу человеческую через закон. Затем же Он, став Человеком, явно пришел, восприняв плоть, и направил естество человеческое к нематериальному служению в духе, и, конечно. Он не желал, чтобы, в то время как Истина открылась в жизни, тень Истины, образом которой служит смоковница, имела бы власть. Потому-то Св. Писание и гласит *Возвращаясь из Вифании в Иерусалим*, то есть после образного и теневого пришествия Своего, сокровенного в законе, Бог Слово снова приходит к естеству человеческому через плоть. Ибо так следует понимать слова: *Возвращаясь, увидел при дороге смоковницу, листья только имеющую* (Мф. 21,18; Мк. 11,13). То есть, разумеется, заключенное в тенях и образах телесное служение закона, лежащее, как на пути, на неустойчивом и мимолетном предании и состоящее из одних преходящих образов и установлении. Увидев это служение, подобно смоковнице обильно и затейливо украшенное, словно листьями, внешними покровами телесных соблюдений закона, и не найдя плода, то есть правды, Он проклял его как не питающее Слово Божие. Более того, Он приказал, чтобы истина более не скрывалась под владичеством образов закона, - что и случилось, как показал ход вещей, когда совершенно высохло законное велелепие, имевшее свое бытие только в одних внешних формах. Ибо было неразумным и неблагоприятным, чтобы после того, как явно обнаружилась истина плодов правды, служение закону обманчиво возбуждало аппетит тех, кто

³⁹⁴ еп. Михаил (Грибановский). Письма // Православная община. Вып.25, 1995, с. 79.

³⁹⁵ Обратный пример из истории христианства: старец Амфилохий, подвизавшийся на острове Патмос (ск. в 1970 г.) крестьянам в качестве епитимьи на исповеди давал повеление посадить дерево. "В засушливые летние месяцы он сам обходил остров, поливая молодые деревья. Его пример и воздействие удивительно преобразили Патмос: там, где на фотографиях начала нынешнего столетия, запечатлевших холмы возле пещеры Откровения, мы видим только голые и бесплодные склоны, сегодня буйствует лесная чаща» (еп. Каллист Диоклийский. Через творение к Творцу. М., 1998, сс. 3-4).

совершает путь настоящей жизни, побуждая их оставить съедобное благоплодие Слова. Поэтому (Св. Писание] и гласит *не время было собирания смокв*, то есть время, в которое властвовал над естеством человеческим закон, не было временем плодов правды, но изображало, как тень, плоды правды и как бы указывало на будущую спасительную для всех божественную благодать» (преп. Максим Исповедник)³⁹⁶.

«Для чего смоковница проклята?.. Чтобы и ученики, и иудеи знали, что Он хотя и мог иссушить, подобно смоковнице. Своих распинателей, однако же добровольно предает Себя на распятие, и не иссушает их, то Он и не захотел показать этого над людьми, но явил опыт Своего правосудия над растением» (свт. Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея. 67,1). Более склонный, нежели другие толкователи Писания, к буквальному пониманию текста, св. Иоанн Златоуст оспаривает распространенное мнение (выражаемое и в приведенных словах преп. Максима) – «напрасно некоторые говорят, будто под смоковницею изображается закон. Плодом закона была вера; и этот плод уже принес, и время собирать этот плод уже наступило. Нивы, сказано, поспели уже к жатве» (там же).

Разные понимания евангельского повествования о смоковнице были в церковной традиции. Но никогда не было из нее сделано вывода, о том, что надлежит нам «безжалостно» и безнравственно относиться к природе.

То же можно сказать и о вызывающем слезы неоязычников потоплении гадаринских свиней. Во-первых, в церковной традиции нет обычая ритуально резать свиней. При совершении чина экзорцизма («отчитки», освобождения человека от демонической власти) священник не загоняет свиней в ближайший пруд. Как нет в православии чина проклятия деревьев, так не зафиксированы и стада свиней, сопровождающие экзорцистов. Во-вторых, уже само разведение свиней на святой земле было нарушением закона. В-третьих, через гибель этих свиней освободилась человеческая душа. Что все-таки выше? Что дороже?³⁹⁷ Вам не нравится христианство с его антропоцентризмом? Что ж, посмотрите на альтернативу, в которой между жизнью человека и животного разницы нет: «В великом индийском эпосе вы можете прочесть, как одна мать, вся семья которой, состоявшая из сыновей-воинов, была убита в бою, жаловалась Кришне, что хотя она обладала таким духовным зрением, что могла видеть на пятьдесят воплощений назад, все же нигде она не нашла у себя такого греха, который мог бы повлечь за собой такую страшную карму, и Кришна ответил ей: «Если бы ты могла заглянуть назад в свое пятьдесят первое воплощение, как могу я, то ты увидела бы, что сама со страстной жестокостью убила столько же муравьев, сколько у тебя теперь было сыновей»³⁹⁸.

Итак, вопрос о христианстве, язычестве и экологическом мышлении вновь и вновь обращается к главному: что есть человек? Каково место человека в иерархии бытия? Есть ли эта иерархия или все одинаково? Евангельский ответ ясен: «Сколько же лучше человек овцы!» (Мф. 12,12); «Взгляните на птиц небесных... Вы не гораздо ли лучше их?» (Мф. 6, 26).

Еще десять лет назад христиан обвиняли за то, что оно унижает человека, обзывая его «рабом Божиим». Сейчас мода велит обличать христианство за то, что оно слишком возвышает человека, отказываясь считать его рабом стихий³⁹⁹. Лихорадочная смена обвинений доказывает только одно: мир, обвиняющий Церковь в противоположных и взаимоисключающих грехах перед человечеством,

³⁹⁶ преп. Максим Исповедник. Творения т.2, М., 1993, сс. 58-59.

³⁹⁷ Риска вызвать еще и неудовольствие искусствоведов, не могу все же скрыть слова английского христианского писателя Честертон, вложенные им в уста отца Брауна: «Если вы не понимаете, что я готов сравнить с землей все готические своды в мире, чтобы сохранить покой даже одной человеческой душе, то вы знаете о моей религии еще меньше, чем вам кажется» (Честертон Г. К. Злой рок семьи Дарнуэй // Избранные произведения в 5 томах. т.2. М., 1994. с.150).

³⁹⁸ Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Т.3. Новосибирск, 1993, с. 453.

³⁹⁹ «Итак, отношение христиан к природе распадается на два момента. Первый. Утверждение теологической значимости всех живых существ, которые почитаются лишь только потому, что они живые существа. Второй. Геоцентризм дополняется антропоцентризмом, согласно которому вполне обоснованным становится безжалостное отношение к природе» (Иоселиани А. Д. Проблемы экологии в контексте религии // Философские исследования . 2000. № 1, с. 191).

просто нездоров. Гриппующему больному то кажется, что в комнате слишком холодно, то представляется невыносимо жарко. А в комнате просто нормальная температура. Нормальная экологическая обстановка.

Был ли Иисус в Индии?

Христа отправили в ссылку. Его сослали в Гималаи, в Шамбалу - куда подальше, лишь бы не пустить Его на порог своего дома и своего сердца. Я говорю не о событиях двадцативековой давности, а о том, что происходит сегодня, в нашей России.

Не хочется человеку жить по Евангелию. Но сказать честно (хотя бы самому себе): «Мне Евангелие мешает, я не буду жить по его заповедям», — значит лишиться толики интеллектуальной и культурной респектабельности. Поэтому создается более сложный механизм противоевангельской самозащиты: «Христа я уважаю, но Евангелиям не верю, потому что это слишком церковные книги. Говорят (“наука доказала”), что церковные Евангелия — это поздние и искаженные книги, в которых уже утрачен подлинный эзотеризм Учения Иисуса. Христос, говорят, на самом деле был в Индии (то ли в годы своей юности, то ли после распятия), и там Он научился подлинной мудрости. Мудрость эта не записана и туманна. Но несомненно, она состояла именно в том, что лично мне нравится именно сегодня». Таким образом реальные слова Христа, записанные в реальных и древних христианских источниках отстраняются - ради того, чтобы из Христа сделать попугая, послушно поддакивающего оккультно-интеллектуальным модам современности. Ведь если от Него осталось лишь молчание и бессвязные обрывки легенд, то это молчание можно истолковать как знак согласия с чем угодно. А угодно мне, чтобы Христос был согласен именно со мною.

Так Христа, пришедшего, чтобы Новым Заветом рассеять магию язычества, пытаются представить покровителем возродившегося ветхого оккультизма. Так Христос, пришедший обновить и обжечь человеческую совесть, трансформируется в магический талисман из пушкинской сказки. «Свет мой, зеркальце, скажи, я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?» Евангелия от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна в ответ на этот вопрос ясно скажут: "Нет!". Ну что ж - на чердак их, таких упрямых! Все эти Евангелия молчат о первых 30 годах жизни Христа. Это молчание неувидительно: античные историки вообще не считали нужным рассказывать о детских годах своих героев. Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» так начинает повествование о Цезаре: «Когда Сулла захватил власть, он не смог побудить Цезаря к разводу с Корнелией». Как видим, о детстве Цезаря просто ни слова. Было ли детство Цезаря таинственно? Секретно? Неизвестно? Провел ли он детские годы в гималайском ашраме? Да нет – просто античная литература не умеет описывать «негероическое», бессобытийное время.

Но Евангелия — это и не биография. Это не портрет Христа и не рассказ о Его жизни. Это икона. И рассказ о Его служении. О том, что Господь сделал «нас ради человек и нашего ради спасения». В этом отличие подлинных Евангелий от апокрифов: Христос не творит бессмысленных чудес. Он не делает ничего просто шокирующего⁴⁰⁰.

В каноне все чудеса Христа центрированы вокруг главного: оживления нашей человеческой природы. Рассказы о второстепенном отвлекли бы от главного. Человек, увлеченный проповедями и чудесами, умножающимися из года в год, не заметил бы главного чуда: Жертвы и Воскресения. И именно у ап. Иоанна — человека, который пишет самое мистическое Евангелие, человека, который

⁴⁰⁰ «В апокрифах речь идет о подлинно индийских мираклях – не о чуде, которое как бы дано в обстоятельстве и которое должно возвысить, вразумить или послужить к достижению веры, а о чуде «неслыханном», имеющем целью вызвать изумление слушающего или читающего» – Garbe R. Indien und das Christentum. Tübingen, 1914, s. 19. Цит. по Шохин В. К. Мнимые влияния // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1997, № 14, С. 303.

много лет жил под одной крышей с матерью Иисуса и больше кого бы то ни было мог знать о годах молодости Спасителя, меньше, чем у остальных уделено внимания допасхальным событиям.

Есть своя духовная педагогика в том, что иудеям была неизвестна могила Моисея и в том, что сам Моисей не смог войти в землю обетованную (иначе мог бы возникнуть культ Моисея, в лучах которого померкла бы память о Том, Кто дал Моисея Израилю). Есть своя педагогика и в том, что Апостолы молчат о годах, предшествующих Голгофе. В глазах Апостолов Христос — это Тот, Кто дает людям, а не Тот, Кто берет от людей. Поскольку до начала Своего открытого служения Христос не раскрывает тайны Своего возрастания среди людей («великая благочестия тайна: Бог явился во плоти» [1 Тим. 3, 16]), то и Евангелисты не стали «подсматривать».

Но именно то основание, по которому Апостолы не говорили о молодости Христа, делает этот период Его жизни чрезвычайно привлекательным для оккультистов. Апостолы не говорят о ранних годах, «ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2, 2). Апостолы поглощены мистерией Креста — и говорят только о ней. Оккультисты не любят Крест. Он им непонятен — и потому они готовы писать свои «евангелия», в которых распятие оказывается всего лишь традиционным сюжетным завершением, неизбежным жестом. Чтобы не оставаться вблизи завершающей Голгофы, теософы убегают в юность Христа.

Оккультисты не хотят быть христианами, они не хотят слушать ясных слов Христа о Его служении. Христос Учащий им не мил, поэтому они норовят сделать Христа своим соучеником, норовят Самого Христа усадить на колени у ног Единственно Великого Будды.

И вот могилу Христа показывают то в Кашмире, то в Японии, а Его Самого объявляют то учеником египетских магов, то выучеником магов тибетских, то питомцем магов японских. И люди готовы верить всему - лишь бы не свидетельству Апостолов. Учительница Рерихов Елена Блаватская (а после нее — Анна Безант) уверяла, что Христос родился во II в. «до Рождества Христова», а рериховский ученик Эндрю Томас (Томашевский) не менее безапелляционно уверял, что Христос родился в III в. после Рождества Христова. Никаких аргументов никто из них не привел — но по законам жанра этого и не требуется: пропаганда есть пропаганда. Главное — подорвать доверие к церковной традиции, а затем уже можно будет приступить к реализации великого призыва основателя «Аум Сенрикё»: «Превратим Россию в Шамбалу!».

Пропаганда ведется столь упоительно, что никаким критическим возражениям даже не разрешают быть. Н. Рерих инструктирует, что «если почтенный мусульманин будет утверждать, что могила Христа находится в Шринагаре, вы не станете сурово перечить ему»⁴⁰¹. А я — стану. Ибо промолчать — означает согласиться с тем, что Христос не умер на Голгофе, что Он лишь потерял там сознание, а потом встал из могилы и пошел в Индию, где и умер от старости и уже не воскрес, но был окончательно сгнил в азиатской земле...

Аллергия на Евангелие появилась у европейцев в XIX веке — вместе с марксизмом, дарвинизмом, нищезанством и спиритизмом. Тогда и начали появляться слухи о "невероятных приключениях Иисуса в Индии". Ни одна из легенд о восточных путешествиях Христа не фиксируется ранее XIX века. Уже одно это обстоятельство заставляет прохладно относиться к этим легендам. Кроме того, все подобные легенды строились по общей схеме: кто-то где-то видел «одну древнюю рукопись», которую никому впоследствии увидеть и проверить так и не удавалось.

Иногда же правщики Евангелия обходились вовсе без «новооткрытых источников», а опирались просто на свое желание. Например, легенда о том, что Христос после распятия ушел в Кашмир и спокойно умер там спустя несколько десятилетий, обязана своим происхождением основателю мусульманской секты «ахмадийя» Мирзе Гуляму Ахмаду Кадияни (1838-1908); прозвище

⁴⁰¹ Рерих Н. К. Майтрейя // Рерих Н. К. Твердыня пламенная. Рига, 1991. С. 188.

Кадияни он получил по месту своего рождения в г. Кадиян. «Пользуясь современной терминологией, можно сказать также, что он был популярен как экстрасенс. Под воздействием перемен, внесенных в жизнь провинции колониальной администрацией, он выработал собственную систему взглядов, отвечающих, по его мнению, потребностям времени. За исходную позицию он принял тезис о том, что каждое поколение мусульман имеет право на интерпретацию Корана с целью адекватного приспособления к изменившимся условиям жизни. Ссылаясь на апокрифическое предсказание Пророка Мохаммеда о появлении в каждом столетии нового пророка (*наби*), он объявил себя таковым. Это определило враждебное отношение ортодоксальных мусульман к *кадияни*, поскольку претензия на роль пророка противоречит одному из главных постулатов ислама, гласящему, что Мохаммед был последним из пророков (принцип «конец пророчеств»). Гулам Ахмад причислил к пророкам ислама Иисуса Христа, Раму и Кришну и объявил Библию, «Бхагавад-Гиту» и «Рамаяну» священными книгами. Себя он считал не только пророком (Махди), но и Мессией христиан и *аватарой* (воплощением) Вишну»⁴⁰².

Эту идею он начал распространять в 1889 г.. По его словам, ожидать Второго пришествия Христа бессмысленно: Он не воскрес, Он умер навсегда, а те пророчества Библии, которые говорят о Царстве Христа, о приходе Мессии, относятся не к Иисусу из Назарета, а к Мирзе Гуляму Ахмаду. Именно последователи этой секты позднее показывали Николаю Рериху «могилу» Христа в Кашмире.

Фантазии насчет пребывания Иисуса в Индии независимо от мусульманских сектантов восходят к книге Н. А. Нотовича⁴⁰³. Сам Нотович не знал ни санскрита, ни пали, ни даже тибетского и, по его словам, записал рассказ со слов толмача⁴⁰⁴ — «за что, — по замечанию В. Кожевникова, — его постигла жестокая, но вполне заслуженная казнь со стороны ученой критики»⁴⁰⁵. Кроме того, Нотовичу принадлежит не только запись, но и композиция опубликованного им текста⁴⁰⁶.

Его рассказ оказался ничем не подтвержден. «Основная слабость публикации Н. Нотовича и многочисленных последующих авторов заключается в том, что никто из них не располагает документами, подтверждающими их версии. Поиски многочисленных исследователей в монастыре Хемис в Ладакхе не дали результатов», — пишет автор, симпатизирующий Рерихам⁴⁰⁷. Интересно, что сам Н. Рерих отрицал, что он видел рукопись, говорящую о пребывании Христа в Индии⁴⁰⁸.

Да и вообще никакие свидетельства, наблюдения, зарисовки, мысли из книги Нотовича не вошли в востоковедческий научный обиход. О его книгескорее слышали (нежели читали) оккультисты и восприняли из нее одну идею: на Востоке существуют легенды, повествующие о Христе как о своем земляке.

Конечно, современный человек выработал удивительное умение судить о книгах, не прочитав их, равно как и умение авторитетно ссылаться на непрочитанные книги. Вот и оккультисты при случае ссылаются на «Тибетское Евангелие» Нотовича. Но верят ли они ему сами? Давайте просто сравним то учение, которое приписывается Иисусу в книжке Нотовича с теми доктринами, которые исповедуют теософы.

⁴⁰² Ключев Б. И. Религия и конфликт в Индии. М., Институт Востоковедения РАН, 2002, с. 169.

⁴⁰³ *Нотович Н. А.* Неизвестная жизнь Иисуса Христа (тибетское сказание). СПб., 1910.

Оригинальное французское издание: *Notovitch N.* La vie inconnue de J!esus Christ. Paris, 1894.

⁴⁰⁴ *Митрохин Л. В.* Иисус Христос в Индии: легенды и сказания // Вокруг Иисуса. Киев, 1993. С. 24.

⁴⁰⁵ *Кожевников В. А.* Буддизм в сравнении с христианством. Пг., 1916. Т. 1. С. 18.

⁴⁰⁶ *Архимандрит Хр.* Тибетское сказание о неизвестной жизни Иисуса Христа: Предварительные сведения // Неизвестная жизнь Иисуса Христа... С. 11.

⁴⁰⁷ *Митрохин Л. В.* Иисус Христос в Индии. С. 33.

⁴⁰⁸ «Время от времени ко мне доходят нелепые слухи о том, что будто бы среди наших хождений по Азии мною открыт какой-то подлинный документ, чуть ли не от времени Христа. Не знаю, кому нужно и с какой целью выдумывать эту версию...» — цитирует Л. Чертков первое, американское издание рериховского «Сердца Азии» (*Чертков Л.* Тибетская легенда о Христе. С. 134).

Итак — ставим вопрос: чему научился «Исса» в Тибете? В каких отношениях находятся его проповедь и оккультизм?

«Исса отвергал божественное происхождение Вед и Пуран» (Неизвестная жизнь Иисуса Христа. Тибетское сказание. 5, 12). Он протестует как против индуизма, так и против зороастризма. Язычникам он возвещает: «Существует же только Он Единый, Который хочет и творит; Он существует от вечности, бытию Его нет конца, Ему нет ничего подобного ни в небесах, ни на земле» (5, 16). Миссия Иисуса в том, чтобы «чтобы напомнить о Едином и Нераздельном Творце, милосердие Которого бесконечно и безгранично» (1, 3–4).

Понятно, что это совсем не Брама, ограниченный временем, и это не пантеистическое Единое, которое ничего не хочет и ничего не творит; и это совсем не рериховское «космическое электричество», не знающее никакого «милосердия».

Эти слова «Исса» говорит после того, как Он уже прошел обучение у браминов. Проходят годы Его обучения у буддистов — но Его понимание Бога не меняется: «Человек должен ждать великой милости, которую дарует ему Бог по Своему решению» (7, 8). А ведь оккультисты учат, что их «карма» не знает прощения и милости... «Человек — ничто пред Вечным Судией, как и животное пред человеком» (6, 14). А ведь оккультисты учат, что человек и есть бог... Наконец, «Исса» отрицает переселение душ, утверждая, что Бог «никогда не унизит свое чадо, заставляя его душу переселяться, как в чистилище, в тело животного» (6, 11).

Что же в таком случае могут почерпнуть оккультисты из книги Нотовича? Ничего. В лучшем случае им придется сказать: «“Жизнь Ииссы” неправильно излагает учение “Посвященного Иисуса”, но нам важно не содержание книги, не содержание “речей Иисуса”, а ее сюжетная канва: книга, искажившая учение Иисуса, все же донесла до нас историческую весть о том, что Он был в Индии».

Но пожалуй, даже такого утешения не получить оккультистам из книги Нотовича. Дело в том, что исторические реалии, упоминаемые в этой книге, в большинстве своем искажены до невероятия: оказывается, Израиль не сам приходит в Египет, а египтяне нападают на его плодородные земли и обращают в рабство (2, 1–2). Нам сообщают, что Моисей был коренным египтянином, родным сыном фараона, а отнюдь не евреем (2, 7). После исхода Моисей приводит израильтян в землю обетованную и там дает им законы (2, 17) — хотя, согласно Библии, Моисей умер, не войдя в Палестину. Крохотное государство Израиль объявляется «самым могущественным на всей земле» (2, 19). Римляне, захватив Палестину, «разрушают храмы» (3, 9) — хотя Храм в Израиле был только один.

Наконец, именно Пилат, а не синедрион оказывается инициатором казни Христа, и именно священники, а не Пилат «умывают руки, говоря: мы неповинны в смерти праведника» (13, 25). Иудейские первосвященники ходатайствуют за Иисуса перед Пилатом: «Мы не примем на головы свои тяжкого греха осуждения невинного Праведника. Поступай так, как знаешь». Потрясенный горем, народ во множестве стекался ко гробу невинной жертвы. Пилат, опасаясь народного восстания, приказал вынуть тайно из гроба тело Ииссы и похоронить его в другом месте. И пошла молва, что гроб его опустел и тело воскрешено и перенесено на небеса. Поскольку почитание Ииссы в народе ширилось — потому римляне и разрушили Иерусалим. Оказывается, не за неверие во Христа пал Иерусалим, а наоборот — римляне мстили евреям за то, что они полюбили Иисуса...

Тут уже нельзя не согласиться с тем, что «Нотович пустил в ход всю изобретательность своей пылкой фантазии, столь вообще свойственной семитическим выходцам с Востока»⁴⁰⁹. Ради согласия с версией Нотовича придется разойтись не только с древнехристианским преданием, но и объявить лжецом иудейского историка Иосифа Флавия, который так и не понял причин описанного им римского

⁴⁰⁹ Стеллецкий Н. Новый труд о жизни Иисуса Христа: *Notovitch N. La vie inconnue de Jesus Christ. Paris, 1894* // Труды Киевской духовной академии. 1904. С. 273.

вторжения в Иудею. Придется и талмудических мудрецов счесть клеветниками на свой собственный народ (ибо талмудические тексты вполне однозначно инициативу гонений на Христа приписывают именно еврейским старейшинам)⁴¹⁰. Но — с Тибета виднее...

Не стоит удивляться столь странному перекраиванию библейских событий. Просто автор этой «кройки и шитья» был не силен в знании евангельских текстов. В своем предисловии к книге Нотович, указывая на бедность евангельских свидетельств о детстве Христа, приводит следующую цитату: *Младенец же возрастал и укреплялся духом, и был в пустынях до дня явления своего Израилю* (Лк. 1, 80). «Легковесность “научного багажа” г. Нотовича сказалась здесь особенно наглядно, так как приведенные слова ев. Луки относятся вовсе не к Иисусу Христу, как он ошибочно полагает, а к Иоанну Крестителю»⁴¹¹.

Впрочем, исправляя одно, Нотович почему-то не исправляет другое. В публикуемой им рукописи имена Иисуса и Моисея искажены («Исса», «Мосса»). Это вполне логично: при переводах с языка на язык звучание и написание имен меняется. Странно другое: то, что Нотович забыл изменить другие имена. И имя Понтия Пилата осталось неизменным при переводе с еврейского языка (по версии Нотовича еврейские купцы рассказывали в Индии о событиях вокруг «Иссы») на палийский и с палийского языка на тибетский.

На Западе бум вокруг книжки Нотовича (бум понятный: ведь Нотович заявил, что «Тибетское Евангелие» написано через 3 или 4 года после смерти Христа — в отличие от канонических Евангелий, «которые были составлены в различные эпохи и в период гораздо более поздний»⁴¹²) кончился довольно скоро: «притихли шумные восторги атеистической оргии, молчит и сам г. Нотович, «оставивший за собой право доказать» историческую подлинность этих мнимобуддийских хроник... Такой, столь неблагоприятный для Нотовича, поворот общественного мнения начался собственно с опубликования результатов исследований и розысков, добытых западноевропейскими учеными, и в особенности таким колоссом ориентализма, каким в глазах всего цивилизованного мира является Макс Мюллер. Последний собрал самые точные сведения о том самом буддийском монастыре, в котором будто бы хранятся таинственные рукописи, открытые Нотовичем и в котором будто бы Нотович проживал долгое время со своею переломленною ногою и пользовался медицинской помощью «махатм». И что же оказалось? Оказалось: 1) что никакого русского путешественника в этом монастыре не было; 2) что в течение последних 50 лет (настолько хватает память буддийских монахов-старожилов) там никого не было с переломленною ногою; и 3) что там нет и никогда не было никакого манускрипта, относящегося к жизни Иисуса Христа, и никто не знает, чтобы был таковой где-либо в другом месте во всем Тибете и во всей Индии»⁴¹³.

В России были известны критические отзывы на его брошюру о Евгения Аквилонова («несомненный подлог»)⁴¹⁴, Т. Буткевича⁴¹⁵, и уже цитированный выше отклик Н. Стеллецкого.

В защиту Нотовича выступил некий «архимандрит Хр.». Его аргументы в пользу апокрифа не были опубликованы. Однако я полагаю, что они были не слишком серьезны. Сомнения в религиозно-ведческой компетентности «архимандрита Хр.» во мне посеяла такая его сентенция: «Во всех этих записях рассказы носят колоритный характер понятий буддистов, что видно, например, из конца второго манускрипта, где находится такая фраза: “Исса — человек, благословенный Богом и лучший из всех; его-то великий Брама избрал, чтобы воплотить в него свой дух, который отделился от Высшего

⁴¹⁰ См.: Толедот Иешу // Иисус Христос в документах истории. Составление Б. Г. Деревенского. Спб., 1998.

⁴¹¹ Стеллецкий Н. Новый труд ... С. 273.

⁴¹² Цит. по: Стеллецкий Н. Новый труд ... С. 271.

⁴¹³ Стеллецкий Н. Новый труд ... С. 276–277.

⁴¹⁴ Битнер В. Предисловие редакции. // Неизвестная жизнь Иисуса Христа. Тибетское сказание. — СПб., 1910, с. 3.

⁴¹⁵ Буткевич Т. Как восполняются мнимые евангельские "пробелы". // Вера и разум. 1895. № 22.

Существа на время, назначенное судьбой»⁴¹⁶. Вот именно буддист как раз и не мог бы написать что-либо подобное. Идея Браммы не интересует буддистов, и, кстати, Брама пантеистического индуизма так же не слишком интересует людей и не «благословляет» их. Но имя для якобы православного защитника Нотовича было избрано расчетливо: оно не могло не вызвать ассоциаций с самым известным православным историком религии XIX в. — архим. Хрисанфом (Ретивцевым).

Казалось бы, — апокриф, столь фантастичный в своих деталях, вряд ли может возбуждать доверие и к тому, что является в нем главным. Главное же его утверждение - "Иисус был в Индии". Тем не менее ему верят, даже если ради этого приходится занимать позицию «верую, ибо абсурдно»: «Я не сомневаюсь, вернее, знаю, что Христос был в Индии, но ученые-востоковеды, поддержанные представлениями церкви, яро отрицают эту возможность»⁴¹⁷ («знания» свои Е. Рерих получила не в индийских или европейских востоковедческих архивах, а на спиритических сеансах, когда ей являлись «владыки Шамбалы»⁴¹⁸).

Но предположим, что текст Нотовича — не выдумка. Предположим, что действительно есть предания о пребывании Христа в Индии. Предположим даже, что предания эти родом не из XIX в., а из I тысячелетия. Но даже это не будет поводом для торжества псевдоиндийского оккультизма над христианством. Ведь из факта наличия преданий не следует факт самого путешествия.

Индийские апокрифы могут быть порождением естественного для всякого народа желания прописать святыню у себя. Русские предания поселили ап. Андрея на границе с Финляндией — на Валааме. Русские духовные стихи поют о том, как «идет Господь наш Иисус Христос по Святой Руси во град Иерусалим». И рядовой русский прихожанин порой неколебимо убежден в том, что Свт. Николай Чудотворец — исконный русак, и далеко не каждый христианин осведомлен о том, что Апостолы вообще-то были евреями...

Так же и восточным народам, слышавшим о Христе (пусть даже и не принимавшим полностью Его учение), хотелось найти нечто общее между Его жизнью и их духовной родиной. Мусульманские сектанты показывают гробницу Христа в Шринагаре и могилу Божией Матери около Кашгара. «Знаменательно слушать, как местный индус повествует, как Христос проповедовал у небольшого водоема недалеко от базара под большим, уже не существующим деревом»⁴¹⁹.

Возникновение таких легенд есть факт, свидетельствующий об отношении индусов ко Христу и о том, что индусам хотелось бы верить в пребывание Христа на их родине, но никак не о том, что Христос Сам был в Индии.

Есть реальный факт миграции религиозных сюжетов⁴²⁰. Распространение рассказов о том или ином религиозном деятеле не требует его собственного визита в тот регион, где заново раздается весть

⁴¹⁶ *Архимандрит Хр.* Предварительные сведения. С. 11.

⁴¹⁷ Письма Елены Рерих, 1932–1955 гг. Новосибирск, 1993. С. 265.

⁴¹⁸ «У нас был дивный сеанс. Н.К. <Рерих> нарисовал знак чаши, змеи и перстня в круге. Этот знак для того, чтобы узнавать по нему и ответному знаку других членов в других странах. После того, как все писали, мы сидели в темноте и стол очень быстро кружился... Замечательные стуки в столе, разные ритмы, движения!.. Вечером была Беседа, потом изумительные манифестации ритма стола и его левитации... Вечером у нас был дивный сеанс. Велено было вызвать маму для видений, и она приехала. После сеанса мы остались сидеть в темноте, и Е.И. <Рерих> рассказала, какие поразительные физические явления сопровождали их первые лондонские сеансы. На головы сидящих падал дождь спичек, монеты, носовые платки, по комнате летали металлические предметы, ковры срывались с места и летали над головой, столик сам двигался, всем были даны монеты-талисманы. Давалось дивное Учение, было проявление громадной силы. Был у них один сильный сеанс, где им были продемонстрированы разные животные. Они все сидели на диване, в темноте, и слышали, как по комнате прошла собака и била хвостом по полу, прогалопировала лошадь, прошел слон и хоботом дотронулся до шкафа, прошла корова, летали птицы и царапали клювами о вещи, все звуки были поразительно отчетливы» (*Фосдик З. Г.* Мои Учителя. Встречи с Рерихами: По страницам дневника (1922–1934). М., 1998. С. 139, 615, 375, 193).

⁴¹⁹ *Чертков Л.* Тибетская легенда о Христе. С. 134.

⁴²⁰ Например, для сюжета о чудесном строительстве дворца для царя, присутствующий в апокрифических Деяниях Фомы, индолог С. Ольденбург находит индийские параллели и видит в нем индийские влияния (см. - С.Ф.Ольденбург. Культура

о нем. Историки полагают, что для византийской «Повести о Варлааме и Иоасафе» (неверно атрибутированной преп. Иоанну Дамаскину) и жизнеописания Будды «общим прототипом послужили популярные на Востоке рассказы о царе и его праведном сыне, входившие в состав нравоучительных сборников... Они обе имеют общий источник добуддистского происхождения»⁴²¹. Но как из Будды не стоит делать христианина, точно так же из наличия весьма поздних восточных легенд о Христе не следует, что Иисус был индуистом.

«Тибетская легенда о Христе» могла быть создана самими христианами (причем далеко не апостольского века). Н. Рерих высказывает предположение, что легенда о странствиях Христа в Индии может быть несторианской⁴²² (несториане — христианские еретики, бежавшие из Византии в Персию и дальше в Индию). Вновь и вновь напомним: это можно только предполагать; научно доказать подлинность опубликованного Нотовичем текста и его хоть какую-то древность невозможно. Но вполне можно предположить, что в среде индийских христиан могли возникать предания, связывающие Христа и их страну.

Эти легенды (если они были: пока в научной среде ничего о них не известно) носили, вероятно, миссионерский характер — это могли быть попытки индийских христиан доказать своим инаковерующим согражданам, что вера их Учителя вобрала в себя мудрость всех остальных религиозных школ и даже превзошла их. И браминов, и буддистов, и зороастрийцев слушал Иисус и всех их превзошел в своей мудрости и любви к людям... Христология этого текста разработана весьма мало, но в ней нет ничего такого, с чем не согласились бы именно несториане (по представлению крайних несториан, нет ипостасного тождества Бога Сына и Иисуса; Божественность Христа сказывается лишь в том, что Его человеческая воля вполне подчинена воле Божественной). Но если этот текст действительно восходит к несторианам, то мы становимся свидетелями интереснейшей историко-религиозной коллизии. Текст, который был аргументом христиан в их полемике с буддизмом, сегодня становится антихристианским аргументом у необуддистов.

Кроме того, надо иметь в виду, что Индия, в отличие от монотеистических религий Ближнего Востока, не знает понятия «ложной веры» — она стремится любую веру встроить в свою универсальную систему, при этом разве что поставив ее на определенный иерархический уровень истинности. Схватки между религиями в Индии кончаются тем, что новый проповедник должен обратить в свою веру не людей, но богов — богов-покровителей своих оппонентов.

Будда проповедует брахманистским божествам, обращает их в свою веру и тем самым в глазах буддистов становится продолжателем ведической традиции. Затем веданта обратила Будду в свою веру, сделав его аватарой, — и тем самым смогла инкорпорировать буддизм в лоно традиционного индуизма. Интереснейший пример посмертного обращения лидера оппозирующей школы дают кришнаиты: "В девятнадцатом и двадцатом воплощениях Господь явился в семье Вршни (династии Йаду) как Господь Баларама и Господь Кришна. Своим приходом Он избавил мир от бремени. Затем, в начале Кали-юги, чтобы обмануть тех, кто враждебно относится к последователям религии, Господь явился в провинции Гайа как Господь Будда, сын Айджаны... Проповедуя, он утверждал, что не верит догмам Вед... Он обманул атеистов, следовавших его принципам, потому что они не верили в Бога, но зато безоговорочно верили в Господа Будду, который сам был воплощением Бога... Формально философию Господа Будды относят к атеистическим философиям, так как она не признает Верховного

Индии. М., 1991. с.149-151). Такие, чисто морализирующие назидательные сказания церковь спокойно берет себе - отмечает эзотерическую космологию. В минейное житие этот рассказ вошел (см. Жития за 6 октября).

⁴²¹ Лебедева И. Н. Исследование // Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI-XII вв. Ленинград, 1985, С. 27. «У царевича Иоасафа нет ничего индийского, кроме названия его царства. Повесть обнаруживает знакомство ее автора с Египтом, Грецией, но в ней нет ни одного индийского названия города или реки, ни одного индийского божества, нет ни слова о брахманах, а о местонахождении самой Индии памятник дает смутное представление, называя ее Эфиопией» (там же, с. 15).

⁴²² Рерих Н. К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. Рига, 1992. С. 173.

Господа и отвергает авторитет Вед. На самом же деле Господь замаскировал Свои намерения. Господь Будда - воплощение Бога и, следовательно, изначальный учитель ведического знания. Поэтому он не может отвергать философию Вед. Но он сделал вид, что отвергает ее, потому что демоны, ссылаясь на Веды, пытались оправдать убийство коров»⁴²³.

Так атеист Будда, при жизни борющийся даже с пантеизмом, посмертно был «обращен» в теизм.

Формально обратная, но по сути точно такая же процедура была проделана в индийском религиозном сознании и с Иисусом. Из теиста Его желают превратить в буддиста, — чтобы иметь возможность и этого, столь необычного, Учителя числить в списке почитаемых духов.

Однако буддисту негоже считать, что Будда был аватарой Вишну, равно и христианину не надо с восторгом принимать рассказы об «Иисусе-буддисте».

Точно так же из наличия весьма поздних (по сравнению с каноническими Евангелиями)⁴²⁴ восточных легенд о Христе не следует, что Иисус действительно был индуистом.

Любой исторический феномен надо прежде всего объяснять из его ближайшего контекста. Если мы встречаем похожую мысль у Пушкина, Державина и в «Упанишадах», логичнее предположить, что Пушкин испытал влияние Державина, нежели Упанишад. Так и при обсуждении новозаветных сюжетов естественно было бы искать их прообразы рядом с ними — в Ветхом Завете, а не в той культуре, которая была радикально чужда и незнакома палестинцам. Да, буддистские джатаки, рассказывающие о том, как Будда в своих прежних жизнях жертвовал собою для спасения других (вплоть до того, что поил умирающих путешественников своей кровью), похожи на евангельские описания голгофской Жертвы. Но во-первых, эти джатаки имеют весьма позднее происхождение (это поздний буддизм махаяны) и, возможно, сами сложились не без влияния христианства. Во-вторых, собственно еврейская религиозная традиция знала несомненно более древнее пророчество, с поистине фотографической точностью описывающее Голгофу. Это — 53-я глава пророка Исаяи⁴²⁵... Знали ли евангелисты джатаки — вопрос более чем дискуссионный. А то, что они знали Книгу пророка Исаяи — несомненно.

Иисус плотно укоренен в реалиях Палестины и в мировоззрении Ветхого Завета. Если что-либо в Его проповеди можно объяснить не из Него Самого, а с помощью «влияний» и «заимствований», то эти «влияния» вполне исчерпываются миром Ветхого Завета и предновозаветной раввинистической литературы.

Да, Новый Завет совсем не есть просто продолжение Ветхого или комментариев к нему. Но в том, что отличает Новый Завет от веры Пророков, нет ничего такого, что можно было бы объяснить

⁴²³ Бхактиведанта Свами Прабхупада. Шримад Бхагаватам. Первая песнь. «Творение». Ч.1. Б.м. б.г. Изд-во Бхактиведанта Бук Траст, сс. 141-143.

⁴²⁴ В апокрифе Нотовича, содержится, например, явная полемика с каноническими текстами: оказывается, иудейские священники требовали у Пилата сохранить жизнь Иисусу, но Пилат настоял на смерти... Однако если такая перверсия есть, то, значит, уже было с чем полемизировать

⁴²⁵ "Как многие изумлялись, смотря на Тебя — столько был обезображен паче всякого человека лик Твой, и вид Его — паче сынов человеческих. Так многие народы приведет Он в изумление, цари закроют пред ним уста свои... Господи, кто поверил слышанному от нас? Ибо Он взошел пред Ним как отпрыск и как росток из сухой земли, нет в Нем ни вида, ни величия, и мы видели Его и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое. Он был презираем и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на себя наши немощи и понес наши болезни. А мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши, наказание мира нашего было на Нем, и язвами Его мы исцелились. Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу, и Господь возложил на Него грех всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих, как овца веден был на заклание и как агнец пред стрегущим Его был безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда был взят, но род Его кто изъяснит? Ему назначали гроб со злодеями, за преступления народа Моего претерпел казнь. Но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха и не было лжи во устах Его" — Ис. 52,14 — 53,9).

влиянием буддизма⁴²⁶. Христос не знает никакой автоматической и бездушной "кармы". Он говорит об Отце, Который желает простить людей.

Вопрос о «влияниях» может быть разрешен чисто научным путем – путем анализа языка Христа и Евангелий. Если человек многие годы учился в некоей философско-религиозной школе, то затем он всегда будет мыслить именно на языке этой школы. Даже проповедуя на ином языке, он будет использовать усвоенную им школьную терминологию и его речь будет насыщена соответствующими кальками. Посмотрите, как полна русская церковная речь греческими словами, русифицированными по правилам русского языка, но с оставленными греческими корнями (алтарь, иконостас, литургия...). Как много в русской церковной речи буквальных калек из греческой богословской терминологии (Богородица, целомудрие). Как много в ней калькированных грамматических структур, свойственных греческому языку, но не свойственных русскому или старославянскому («за превосходящую Твою благодсть»)... Посмотрите, как много заимствований из английского в современном политическом или техническом языке... Так же вот, если бы Иисус провел в Индии свои детские и юношеские годы, то есть те годы, когда человек наиболее восприимчив к различным влияниям, то Его речь была бы насыщена заимствованиями и кальками из языка индийской философии. Современная филология хорошо умеет распознавать, на каком языке был создан тот или иной текст, переводом с какого языка он является. Филологи при изучении Библии быстро замечают «гебраизмы» в греческой речи апостолов (то есть выражения, естественные для еврейского языка, но не свойственные греческому).

Небольшой пример работы современных филологов с текстом Евангелия: в тексте Евангелия от Матфея 28 раз встречается вводное выражение «и вот», которое имеет соответствие в иврите (сакральном языке Библии), но не имеет аналога в арамейском (разговорном языке Палестины). При этом в Евангелии от Марка это выражение не встречается ни разу. Сравним: «И вот явились им Моисей и Илия» (Мф. 17,3) - «И явились им Илия и Моисей» (Мк. 9,4). «И вот завеса в храме раздралась» (Мф. 27,51) – «И завеса в храме раздралась»; «И вот завеса некоторые из книжников» (Мф. 9,3) – «были же некоторые из книжников» (Мк. 2,6)... Напротив, в параллельных текстах Мф. 9,25 – Мк. 5,42; Мф. 26,47 – Мк. 14,43; Мф. 27,1 – Мк. 15,1 в Евангелии от Марка появляется словечко «тотчас», отсутствующее у Матфея (всего у Марка оно встречается 41 раз), являясь своего рода логической частицей, организующей текст. В этой функции греческое слово euqis имеет свой аналог в арамейском языке, но не имеет его в иврите. Эти и другие наблюдения над текстами Евангелия заставляют с доверием отнести к сообщению блаж. Иеронима (V в.) о том, что первоначально Евангелие от Матфея было написано на иврите и лишь позднее оно было переведено на греческий (прежде претерпев перевод на арамейский язык, каковой уже и был использован Марком; в свою очередь при позднейшем переводе Евангелия от Матфея на греческий язык переводчик уже пользовался прежде составленным греческим текстом Евангелия от Марка)⁴²⁷.

Но кто же может привести хоть один пример «санскритизма» в речи апостолов и в речи Христа?

При обсуждении этого вопроса стоит обратить внимание и на то, сколь бережно апостолы сохраняли язык своего Учителя. В Евангелиях Иисус 82 раза в называет Себя «Сыном Человеческим». Но в проповеди апостолов это именование Иисуса встречается лишь единожды (Деян. 7,56 – проповедь ап. Стефана перед иудеями). Дело в том, что иудеи, знакомые с книгой Даниила (Дан. 7,13),

⁴²⁶ Страстное желание обратить Иисуса в буддизм заставляет Блаватскую провозглашать буддистскими даже те евангельские слова, которые ей вполне ненавистны. Обычно любая проповедь покаяния и прощения грехов вызывает у оккультистов раздражение. И вдруг в главке, «доказывающей» буддизм Христа, читаем: «Иисус, когда исцелял больных, неизменно произносил: “Твои грехи тебе прощены”. Это чисто буддийская доктрина» (Блаватская Е. П. Разоблаченная Изиды: Ключ к тайнам древней и современной науки и теософии. М., 1992. Т. 1. С. 452). Впрочем, еще более интересно сообщение Блаватской о том, что «Иисус принадлежал к франкмасонству тех дней» (Там же. Т. 2. С. 388).

⁴²⁷ Свящ. Леонид Грилихес. Реконструкция коммуникативной ситуации создания и первоначального функционирования двух первых канонических евангелий // Православное богословие на пороге третьего тысячелетия. Материалы богословской конференции Русской Православной Церкви. Москва, 7-9 февраля 2000. М., 2000.

где «Сын Человеческий» оказывается мессианским титулом и с позднейшей апокрифической литературой (т.н. Книги Еноха) слышали в этом словосочетании высокий смысл: Сын Человеческий – это Судия и Спаситель последних времен, Христос, эсхатологическая надежда Израиля. Но греки, незнакомые с этой литературой, в словосочетании «сын человеческий» могли воспринять не возвышающий, а только занижающий смысл: просто человек. Поэтому при перенесении своей проповеди за пределы синагоги апостолы стали именовать Христа «Сыном Божиим». Но что показательно: в своей собственной речи именуя Христа «Сыном Божиим», при передаче слов самого Иисуса апостолы сохраняли Его преимущественное самоименование – «Сын Человеческий». Несмотря на то, что грекоязычная «Церковь уже во времена апостола Павла избегала титула «Сын Человеческий», он твердо закрепился в Евангелиях. При этом примечательно, что во всех четырех Евангелиях он встречается исключительно в устах Иисуса. В этом отношении предание очень последовательно. Титул «Сын Человеческий» не встречается ни в одной первохристианской вероисповедной формуле. Никогда к Иисусу так не обращаются в молитве. Ни в одном из Евангелий этот титул не используется в высказываниях об Иисусе. В речениях же Иисуса он, напротив, твердо закрепился. Чем объясняется, что община из-за боязни неверного понимания с ранних времен избегает титула «Сын Человеческий», ни разу не использует его в вероисповедании – и одновременно с этим передает его как единственное самоназвание Иисуса? Есть только один ответ: в предании этот титул с самого начала был укоренен в словах Иисуса; поэтому он и был неприкосновенным, никто не осмеливался его устранить»⁴²⁸

Если апостолы столь бережны в обращении со словами своего Наставника – то и Он должен был бы столь же бережно хранить слова, характерные для той школы, в которой Он якобы воспитывался. Так где же следы санскрита и индийской философии в лексиконе Иисуса? Десятки терминов из религиозного лексикона Индии кочуют сегодня по миру (карма остается кармой и в русских и в английских книгах). Но речь Христа свободна от йоговского жаргона.

Более того – речь Христа не несет в себе и следов влияния греческой культуры. Можно обсуждать вопрос о влиянии греческой философии Логоса на богословие ап. Иоанна Богослова. Но ни один греческий философский термин или аргумент не нашел места в проповеди самого Христа. Ап. Павел неоднократно цитирует греческих авторов. Но Иисус этого не делает ни разу – ни явно, ни скрыто. Он даже не спорит с греческими философскими школами (хотя следы полемики с кумранскими эссеями в Его проповеди улавливают)⁴²⁹.

Чтобы установить факт влияния традиции А на традицию В, нужно 1) вычленив общие фрагменты этих традиций; 2) показать, что это общее характерно именно для традиции А и не характерно для традиций С, D, E...; 3) показать, что это общее не может быть объяснено внутренними условиями развития и логикой самой традиции В; 4) показать, что традиция В не могла в ходе независимого развития придти к тем выводам, что роднят ее с традицией А; 5) показать, что общие фрагменты являются общими только для традиций А и В и не роднят их с остальными традициями; 6) показать, что эти общие фрагменты в традиции А появились и зафиксированы ранее, чем в традиции В⁴³⁰; 7) показать, какими путями традиция А могла стать известной оказывающей влияние на

⁴²⁸ Иеримиас И. Богословие Нового Завета. Ч.1. Провозвестие Иисуса. М., 1999, С. 290.

⁴²⁹ Полемические слова Христа – «кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит?» (Мф. 12,11) понятны при сопоставлении с учением эссеев: «Пусть никто не помогает отелу скотины в день субботы. И если она упадет в ров или яму, пусть не вытаскивает ее в субботу» (Дамасский документ 11,13-14 // Тексты Кумрана. Спб., 1996, с. 51). Другие слова Христа – «у вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф. 10,30) также стали более исторически понятны при обретении рукописей Мертвого моря: это полемика с практикой кумранской общины, устав которой (тот же самый Дамасский документ, фрагмент 4QDa 9-11) предписывал при каждом заболевании брить голову, чтобы священник мог подсчитать количество волос и таким образом узнать причину недомогания (см. Чарльзуорт Дж. Свитки Мертвого моря. Пятьдесят лет открытий и споров // Мир Библии. Альманах, Вып. 6. М., 1999, с. 50).

⁴³⁰ «Такие первостепенные для сторонников «буддийских корней» сюжеты, как благословение женщиной матери будущего Спасителя мира, хождение по водам, умножение хлеба (комментарий к джатакам «Джатакаттахакатха»), две медяшки

традицию В⁴³¹: 8) показать, что традиция В была достаточно открыта, чтобы допустить влияние на себя в том случае, когда такое влияние со стороны традиции А было возможным⁴³².

Или, проще говоря: представьте, что в 12 часов я посмотрел в окно и заметил, что идет дождь... Спустя полчаса на другом конце города другой человек тоже сказал, что идет дождь. Можно, конечно, предположить, что эти два схожих суждения находятся в причинно-следственной связи друг с другом. Можно предположить, что я в течение прошедшего полчаса позвонил этому второму человеку и сказал, что идет дождь. Но все же из сходства наших фраз опрометчиво было бы делать вывод, будто именно я оказал влияние на мировоззрение второго человека. Просто наблюдали мы одно и то же: дождь шел и над моим домом, и над его. Вот так же и при сопоставлении религий и культур: есть определенные константы во внутренней жизни человека, которые обретаются самыми разными людьми независимо друг от друга.

Например, не нужно предполагать текстуально-культурное влияние одной религии на другую, если мы видим, что в них обеих есть призывы к аскезе и даже безбрачию. Просто любой человек, всерьез идущий по пути очищения своей души, однажды понимает, что ему надо контролировать свои чувства и по возможности не впускать страсти и заботы в свое сердце. Православная монашеская традиция весьма малоавторитетна для Блаватской. Но тем не менее на эту тему она высказывается так же, как и православные монахи: «Употребление алкоголя, говядины, некоторых других сортов мяса, также как и супружеские отношения препятствуют духовному развитию»⁴³³.

Вот так же и при обретении какого-либо сходства между индийскими религиозными школами и Евангелием не стоит сразу говорить о «влиянии». И там и там люди верили в Бога и говорили о Нем. Не потому, что они «вливали» друг на друга. А просто потому, что не были атеистами.

Говорить же о содержательных «влияниях» буддизма на христианство можно лишь при тщательном игнорировании того обстоятельства, что эти «две сотериологии находятся в отношении принципиального взаимоисключения, суть коего, если выразить его совсем кратко, в том что в христианской «медицине» болезнь человечества мыслится как происшедшее на заре его истории искажение начально здорового состояния, которое восстанавливается Бого-человеческой синергией и завершается обожением человеческой личности, тогда как в буддийской болезнь мыслится безначальной, а исцеление предполагается быть достижимым через демонтаж самого личностного самосознания индивида, иными словами – через ликвидацию самого пациента. Нельзя, конечно, оспаривать то, что подобная терапия является действительно радикальным средством устранения болезни (даже безначальной), но в обычной жизни терапевт, предлагающий подобную «ударную дозу», вряд ли вызвал бы встречный энтузиазм и самого безнадежного больного... Нравственные действия осмысляются в христианстве в контексте восстановления поврежденной

девушки, оказавшиеся более ценными, чем жертвы богатых («Кальпанамандитика» Кумаралаты), рассказ о «блудном сыне» («Садхармапундарика») появляются в древнеиндийской литературе позднее времени составления новозаветных текстов... Учитывая, что буддистский комментарий к Джатакам появляется не ранее V в. по Р.Х., а рассматриваемый эпизод (хождение по водам – А.К.) действительно значительно напоминает евангельский, трудно отказать от мысли, что перед нами определенная «литературная пародия», выражающая полемику с новозаветным повествованием» (Шохин В. К. Мнимые влияния // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1997, № 14, С. 292 и 296).

⁴³¹ Мне не раз доводилось слышать предположения, что на моих взглядах сказывается влияние такого-то или такого-то писателя – и при этом назывались имена философов, ни одной книги которых я, к сожалению, не читал... У филологов давно уже принято при изучении творчества писателя обращать внимание на его домашнюю библиотеку и «круг чтения». Из того, что писатель X жил раньше писателя Y не следует влияние первого на второго – если не установлено, что Y читал X.

⁴³² «В отличие от политеистических традиций, сама религиозная структура которых позволяла им без всяких затруднений заимствовать друг у друга элементы пантеизма и религиозные идеи, монотеистическая библейская религия никак не склонна была идти на какие-либо «метафизические» встречи с иноверием, и даже в иерусалимской христианской общине вопрос о миссионерском обращении язычников был решен далеко не сразу» (Шохин В. К. Мнимые влияния... С. 291)

⁴³³ Блаватская Е. П. Новый Панарион. М., 1994, С. 195.

человеческой личности, а в буддизме рассматриваются как средство избавления адепта от неблагих факторов существования путем позапанной деструкции его индивидуально-личностного сознания. «Любовь к ближнему» невозможна там, где нет самого ближнего»⁴³⁴.

Если Иисус был в Индии и был воспитан ею – то отчего же в Его проповеди не нашла никакого отражения фундаментальная черта индийского образа мысли и жизни – идея кастового членения?⁴³⁵

Мы действительно очень мало знаем о 30 годах жизни Христа. Но то, что мы знаем о последующей истории христианства, помогает нам исключить гипотезу об обучении Иисуса в Индии. Ибо если Иисус был научен всей мудрости индийской – то почему же Индия затем не приняла Его учеников, отторгла Евангелие? Если на индийских дрожжах возшло евангельское тесто – то отчего же Индия вот уже столько столетий подряд отвращает свой лик от этой трапезы?

И если Иисус – это мост между Индией и Западом, то отчего же этот мост рухнул так быстро, что уже в начале III века Климент Александрийский именует “браминов” и “гимнософистов” - “люди невежественные и нечестивые, практикующие воздержание неразумное” (Строматы 3,7)?⁴³⁶ И почему в V веке блаж. Августин говорит о “мрачных пустынях Индии” (О граде Божиим. 14,17) и индийских йогов (“гимнософистов”) не числит среди граждан Небесного Града, но причисляет их к жителям града греха, сурово говоря, что они “по человеку живут, а не по Богу” (15,20)? Отчего влияние Индии на Европу задержалось на девятнадцать веков, если сама основа европейской духовности имеет индийское происхождение?

Итак, с научной доказательностью говорить об обучении Иисуса в Индии невозможно. Но не научный, а религиозный интерес движет теософами.

Теософский уравнительно-религиозный азарт не признает за Новым Заветом права на новизну: Христос-де не имел права сказать ничего нового, Он должен был лишь повторять то, чему и в прежние столетия учили восточные учителя. Теософы отправляют Христа на учебу в Индию лишь для того, чтобы оправдать собственное нежелание учиться у Самого Христа. Миф о путешествии Христа в Шамбалу нужен им, чтобы истолковать христианство в качестве бокового и не слишком удачного ответвления тибетского тантризма. Христос объявляется учеником магов — чтобы не было никаких нравственных препон для собственных магических упражнений.

Вот отличие нынешнего времени от прошлых веков: тогда грех назывался грехом. Христианин блудил, но не называл Христа блудником. Сегодня же людям мало самим впасть в мистический блуд — в свой свальный грех они хотят вовлечь и Спасителя. Мало самим поселиться в «Шамбале» — там обязательно надо прописать и Христа...

Миф о том, что Христос учился в Индии, нужен для того, чтобы успешнее строить миссионерский бизнес в Европе и России: мол, и вам, христианам, надо пойти по стопам своего Учителя и вместо православных книг покупать книжки по «диагностике кармы». Так что сенсационные публикации о том, что найдены следы путешествий Христа по Востоку, следует рассматривать как обычные рекламные клипы. От клипа требуется яркость, но от него не требуется аргументированность и доказательность. От него даже не требуется быть правдивым: «Из нашего теста лапша для всяких ушей хороша!» Говорят, именно так звучит древняя эзотерическая мудрость, начертанная в подземельях Шамбалы перстом Будды. Я лично ее там видел. Но другим ее не показывают. Уж больно большой это секрет для ма-а-аленькой такой компании «Посвященных».

⁴³⁴ Шохин В. К. Мнимые влияния . Сс. 278 и 288. Последний свой тезис индолог иллюстрирует цитатой из Аштасахасрика-праджняпарамиты, 1: «Так Бодхисаттва ведет неизмеримые и неисчислимые существа к освобождению. И все же нет никого, кто освобождается, и того, через кого он ведется ко спасению».

⁴³⁵ В Индии были касты профессиональных воров; вообще преступники составляли до одной десятой части населения (см. См. Андросов В. П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М., 2001, с. 402).

⁴³⁶ Кстати, из этого же места труда Климента следует, что ему известно о вере индусов в «возрождение души».

... Да. Забыл сказать: Будда-то на самом деле (как гласят очень тайные предания в очень удаленных православных монастырях) был учеником израильских пророков. Ведь «из 45 лет проповеднической деятельности Будды источники более или менее внятно сообщают лишь о событиях первых двадцати, а также о его последних днях перед уходом в нирвану. Тексты хранят молчание по поводу последних 25 лет жизни Учителя»⁴³⁷. Так где же был Будда в последние годы своей жизни? – Конечно, совершал покаянное паломничество в Израиль...

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ?

Апостолы как свидетели

2000 лет христианства будут отмечать все. И в церковной среде, и вне нее более всего обсуждается вопрос о том, что означают 2000 лет христианства и как к ним относиться.

Разные люди очень по-разному воспринимают этот рубеж. Для христиан это — радостная дата, это — дата, подтверждающая самый главный догмат нашей веры: «Бог есть любовь». Ведь *любовь долготерпит*. А мы никак не можем сказать, что прошедшие два тысячелетия были тысячелетиями, исполненными только святостью. По большей части то были 2000 лет наших грехов и преступлений. И то, что Господь терпит нас эти 2000 лет, не отрекается от нас, а продолжает изливать милости на Свой народ, Свою Церковь (и в явлении новых святых, и в чудесах, а главное — просто в том, что Он поддерживает нашу жизнь и существование нашей Церкви) — это означает, что наш Бог есть поистине Бог долготерпения, а значит, воистину — Бог есть любовь. Для нас радостно то, что христианство не умирает, а переходит в новое тысячелетие. Для христиан очередной «миллениум» - это символ вечности христианства, и в третье тысячелетие нашей истории мы входим, уверенные в том, что миссия Церкви будет продолжаться и за пределами 2000 года.

Но есть люди, которые новое тысячелетие тоже будут встречать с радостью, правда, мотивированной совершенно иначе. Все большее число светских публикаций, пересудов и просто шуточек намекают на то, что, вам, христианам, дескать, уже две тысячи лет... возраст солидный... пора на пенсию... так что, господа христианские ортодоксы, «извольте выйти вон» из культуры, политики, экономики, школы... Ваше-де место — в глубинах истории, в музее. Мы перейдем рубеж тысячелетий — но без вашего замшелого христианства... Пора, мол, провожать его на давно заслуженную пенсию, а вместо него проповедовать "Третий Завет", религию Нового Века (Нью Эйдж)...

Есть одно уже общепринятое словосочетание, которое меня каждый раз понуждает воскликнуть «*Contradicitur!*» («Возражаю!»). Это слова о «культурном наследии Православия». Слыша это выражение, я чувствую себя обязанным прервать собеседника и сказать: «Простите, о каком наследии Вы говорите? Наследие появляется там, где наследодатель помер. А мы-таки живы. И вы уж извините, но вам, неверам, мы ничего не завещали! Это в советские годы казалось, что Православия уже нет, а остались от него лишь предметы «культурного наследия»: фрески («монументальная живопись»), иконы («произведения темперной живописи»), да храмы («памятники средневековой архитектуры») — и все это «наследие» можно по своему усмотрению использовать. Мы же ощущаем, что мы и есть та самая Церковь, Церковь Андрея Рублева и Сергия Радонежского, и мы светским людям ничего не завещали, все то, что вы зовете «культурным наследием средневекового православия» — наше, и живем мы у себя дома, а не на кладбище и не в музее имени Православной Церкви».

⁴³⁷ Андросов В. П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М., 2001, с. 122.

Никуда христианство не ушло, и христианином можно быть и в XXI веке.

Но что это значит — быть христианином? Я попробую дать несколько ответов на этот вопрос, и каждый следующий будет включать в себя предыдущий.

Самый первый ответ настолько очевиден и прост, что его как-то даже неудобно предлагать образованным собеседникам, привыкшим к сложным интеллектуальным играм. Но истина все же не обязана быть сложной, «диалектической», «антиномичной» и даже «диалогично-карнавальной». Итак: христианин — это тот, кто смотрит на Христа глазами Апостолов. Вот и все. Далее можно говорить, что этот христианин духовный или бездуховный, более глубокий или более поверхностный, но необходимое, минимальное условие к тому, чтобы быть христианином, состоит именно в этом: смотреть на Христа глазами Апостолов.

Дело в том, что на Христа можно смотреть по-разному. Можно смотреть глазами ап. Иоанна, а можно - глазами Иуды... В конце 1950-х гг., в то время, которое газеты называют «хрущевской оттепелью», появилась волна мемуаров классиков советской культуры. Появились первые сведения о людях, погибших в лагерях, арестованных, гонимых — в том числе о выдающихся ученых, поэтах, писателях. И тогда те, кто процветали и получали сталинские премии и ордена, ринулись защищать свой успех, который стал выглядеть весьма скандальным на фоне трагедий их репрессированных коллег: «Ну что вы, я дружил с теми, кто был в Гулаге, я даже пробовал их защищать... Ну и что же, что мне пришлось написать в «Правде» статью против этого моего друга... При этом я сколько мог старался его защищать... От меня требовали написать, будто он агент японской разведки, а я ограничился тем, что написал, что он глубоко заблуждается... Да я сам чудом избежал ареста! Я так мужественно его защищал, что даже премию только второй степени получил, хотя по своим талантам заслуживал первой!» И вот тогда в неподцензурной, т.н. самиздатской литературе появилась ехидная эпиграмма: «Видно, совесть у предателей чиста. Среди них бывают тоже чудо-юды. Снова вышла биография Христа В популярном изложении Иуды»...

Итак, можно разными глазами смотреть на Христа. Есть взгляд Иуды на Христа, а есть взгляд Понтия Пилата (пилатовский взгляд на Христа представлен в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»). Это не взгляд ненависти, это взгляд холодного равнодушия... Есть один вопрос в Евангелии, на который Христос не ответил, несмотря на Свое всеведение. Причем вопрос не был частным; это был самый важный вопрос: «Что есть истина?»

Почему же Спаситель не стал отвечать на этот вопрос? Не потому, что Он не знал, что есть Истина. Он сам был Истиной («Я есть Путь Истина и Жизнь»)... Но очень многое зависит от интонации, с которой задан вопрос.

Беседа Понтия Пилата и Христа — как бы очная ставка всей древней языческой мудрости и Нового Евангелия. Мудрая языческая империя одряхла уже настолько, что ее лучшие ученые провозгласили как итог своих исканий — человек ничего не может познать. Таков итоговый вывод философии тех времен, философии скептицизма и релятивизма: достоверно познать ничего нельзя, ничего человеку не удастся узнать подлинного о мире или о себе самом; философы уже доказали немощь человеческого ума, относительность всех наших представлений...

И вот — Понтий Пилат, образованный человек, знакомый с сатирической литературой античности, с ее издевками над народной мифологией («Впрочем, да простят нам боги и герои за то, что мы столько наговорили о делах божественных. - Геродот. История. 2,45). Он и сам не очень-то верит в мифы⁴³⁸. Он политик, он живет этим миром. И при встрече с Иисусом он уже выяснил главное:

⁴³⁸ «Римляне, перестав верить в самих богов, заменили уважение к богам уважением к освященным стариной культам» (Мелиоранский Б. М. Из лекций по истории и вероучению Древней христианской Церкви (I-VIII в.). Вып. 1. Спб., 1910, с. 56).

Иисус не бунтарь, империи со стороны Галилеянина ничто не угрожает (хотя тут Пилат ошибся: этот тихий Проповедник Своей проповедью перевернет судьбу всей империи), так что и говорить-то с Ним особо не о чем... И вдруг, уже уходя, у порога, Пилат слышит слова Христа: Я на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине (Ин. 18, 37).

Слова Христа шокируют Понтия Пилата и даже оскорбляют: ну кто Ты такой, чтобы так дерзко претендовать на знание непостижимой истины!!! Ты бы лучше почитал наших философов, они бы Тебе объяснили, что истину не может знать никто... Какой-то странствующий плотник из Галилеи заявляет, что Он пришел учить истине! Пилат не хочет ждать и не ждет ответа; он убежден, что ответа быть не может. И Христос, Который читает человеческие сердца, понимает, что это не вопрос, это — отговорка, это — нежелание ставить вопрос, это — заслон от любого ответа. И поэтому Христос не отвечает...

Итак, есть корыстный Иудин взгляд на Христа. Есть холодное пилатовское равнодушие. Есть возмущенный взгляд фарисеев, которые не могут допустить, чтобы в их уютно-регламентированный и послушный мирок вторгся кто-то Свободный и Властный. Есть ненавидящий взгляд саддукеев, которым противны и непонятны проповеди об ином мире: их бог должен раздавать свои блага здесь и сейчас, в этом мире; он уже наградил саддукеев даром власти и иных даров они не ждут.

Есть взгляд толпы, которая требует чудес и политических переворотов, а не получив их, «разочаровывается» и кричит: «Распни, распни!». Есть взгляд тех людей, о которых Христос сказал: «Вы ищете Меня потому, что... насытились» (Ин. 6, 26), — взгляд людей, о которых святитель Димитрий Ростовский позднее скажет: «Поискал Иисуса не ради Иисуса, а ради хлеба куса»⁴³⁹. Они приходят в храм только для того, чтобы решить свою житейскую проблему: свечку поставить перед операцией, перед экзаменом...⁴⁴⁰ Этим людям нужно чудо. Из какого источника оно придет — им неинтересно. Им все равно, в какой храм идти или какому богу ставить свечку... Для них Христос — это Кашпировский I столетия.

Но христианин — прежде всего тот, кто смотрит на Христа глазами Апостолов. Почему это так важно? Потому что главное открывается не равнодушному взгляду, не потребляющему, не ненавидящему, но любящему. Апостолы любили Христа, и потому их любящее свидетельство для нас так важно.

Кроме того, Апостолы дали убить себя за то, что они говорили о Христе. Блез Паскаль, замечательный французский математик и мыслитель XVII века, создатель первой вычислительной машины, однажды сказал так: «Я верю только тем свидетелям, которые дали перерезать себе глотку»⁴⁴¹. Апостолы относятся к числу именно таких свидетелей. Напомню, что греческое слово «свидетель» на русский язык переведено как мученик... И Апостолы шли путем мученического свидетельства.

В нашем языке есть выражения «подлинная правда», «подноготная правда»... Они пришли к нам из тех времен, когда на суде свидетелей подвергали испытаниям, прежде чем поверить их свидетельствам. Ты говоришь, что видел, как обвиняемый совершил преступление? Но, может, у тебя есть корыстный мотив, может, ты просто клеветешь? Готов ли ты свои слова, от которых зависит

⁴³⁹ цит. по: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 7 вып. Спб., 1874. Отд. 2. Вып. 5. С. 527.

⁴⁴⁰ «Ибо хотя в настоящей жизни и бывают великие облегчения во врачествах через священные предметы и святых людей, однако и такие милости этим путем не всегда сообщаются предметам, чтобы люди не ради этого стремились к религии, а наиболее ради другой жизни» (Августин. О граде Божиим. 22,22). Ср. языческую мотивацию: «Жажда коней, о щедрый Индра, жажда коров, мы, борцы за награду, зовем тебя» (Ригведа 7,32,23); «Желая коров, желая коней, желая добычи, зовут вдохновенные Индру-быка для дружбы, желая женщин – того, кто дает женщин, того, чья помощь нерушима, мы подтягиваем к себе, словно бадью в колодце» (Ригведа 4,17,16).

⁴⁴¹ «Nous croyons des temoins qui se sont fait egorger» (Паскаль Б. Мысли. 3-е изд. М., 1905. С. 235).

жизнь другого человека, подтвердить своей собственной болью? И свидетеля подвергали пытке. Страх этой возможной боли (под-линная правда означает правду, сказанную под «длинем», под палкой палача) резко уменьшала число любителей посутяжничать... А Апостолы своей собственной болью и казнью подтвердили, что свидетельствуемое ими – это всерьез. Нынешние любители сенсационных версий о жизни «неизвестного Иисуса» за свои домыслы получают гонорары, а апостолы получали удары камнями...

Кроме того, апостольский взгляд уникален тем, что их взгляд — взгляд современников и очевидцев. Быть христианином не то же, что быть, например, кантианцем. Очевидно, что быть кантианцем не значит смотреть на Канта только глазами его ближайших учеников. Кантианец — тот, кто использует методы и термины философского мышления, предложенные Кантом. И вполне возможно, что среди более поздних поколений кантианцев были люди, которые более талантливо, кон-гениально вникли в стиль мысли своего учителя, чем его непосредственные ученики, которые не обладали надлежащей мерой философской талантливости. Да, ближайшие ученики — не всегда означает талантливейшие... Но отношения Христа и Его ближайших учеников слишком своеобразны. Ведь Сам Христос — в отличие от Канта — ничего не писал. И все, что мы знаем о Нем, — мы знаем лишь по рассказам Его ближайших учеников. Их тексты — это единственное историческое свидетельство о Христе. Поэтому все остальные попытки реконструировать «учение Христа» или Его «биографию» находятся вне истории как науки. Такие попытки больше говорят о внутреннем мире таких «сновидцев», нежели о Самом Христе.

Христианство – это не некая всевременная и вневременная нравственная таблица умножения. Христианство – весть об уникальном Божием деянии, совершенном единожды в конкретной точке пространства и времени. Это было «при Понтийстем Пилате». Нас там и тогда не было. Как мы можем узнать о произошедшем тогда? – Только приняв свидетельство очевидцев. То есть – Апостолов.

Итак, христианин — это тот, кто смотрит на Христа любящим, преданным взглядом апостолов-очевидцев, а не глазами позднейших философов, критиков, обывателей.

Осознание этого обстоятельства дает ответ на так часто адресуемые нам обвинения в «консерватизме» и «догматизме». А Церковь просто не может не быть консервативной - ибо она основана на событии, произошедшем в прошлом: 2000 лет назад. Она не может не быть догматичной, ибо она основана на свидетельстве других людей - апостолов - и ей важно не исказить их восприятие Христа...

Но тогда возникает второй вопрос: а как познакомиться со взглядом Апостолов, где этот взгляд выражен? Самый краткий ответ — в текстах Священного Писания. Воспоминания Апостолов, их опыт встречи со Христом, переживание ими тайны Христа собраны в книгах Нового Завета.

Искажен ли текст Нового Завета?

До XIX века этот ответ казался самоочевидным. Но к этому времени ученые накопили опыт разоблачения подделок (подложными оказались книги, приписываемые Гермесу Трисмегисту, подложным оказался т.н. «Константинов дар», которым папство защищало свои претензии на тотальную власть...). И когда встал вопрос о том, какими древними рукописями можно подтвердить церковный Евангельский текст, ответ наука первой половины XIX столетия смогла дать довольно обескураживающий: в ее распоряжении оказались тексты не ранее VI века по Рождестве Христовом. К началу XX века с открытием Синайского кодекса, публикацией Кодексов Безы, Ефремова и Ватиканского кодексов граница доступной исследованию истории новозаветного текста сдвинулась до IV века.

Люди, далекие от проблем гуманитарной науки, загорелись в сенсационнолюбивом азарте: «Вон сколько столетий отделяют эти рукописи от времени жизни апостолов! Так, может, и вовсе на апостолы писали эти книги? Может, это все придумали?!».

Что ж, все познается в сравнении. Читатель газет, услышавший, что древнейшая рукопись Евангелия датируется не то VI, не то IV веком, быстро скользит к сомнениям. Он просто не знает, что у книг Нового Завета поразительно благополучная судьба – если сравнить ее с судьбами других книг, порожденных в античности.

В истории этих книг есть одна особенность, которая понуждает других историков завидовать богословам. Ведь любой историк желает брать в руки вещи максимально подлинные, древние, аутентичные. А у человека, который занимается исследованием Платона или Гомера, такой возможности нет, поскольку все рукописи античных авторов, с которыми работают современные исследователи, на самом деле написаны не ранее IX–XI вв. по Р. Х. Самые древние списки произведений античной литературы отстают по времени создания оригинала на многие столетия: списки Вергилия - на 400 лет, Горация — на 700 лет, Платона — на 1300 лет, Софокла — на 1400 лет, Эсхила — на 1500 лет. Творения Еврипида, жившего в V веке до нашей эры, известны нам благодаря четырем рукописям XII–XIII веков⁴⁴², и, значит, в этом случае дистанция превышает 1600 лет. "Анналы" Тацита сохранились в составе одной рукописи (ее называют Медицейская I), которая датируется IX веком и содержит лишь первые шесть книг, в то время как последующие десять известны лишь по еще более поздней рукописи (Медицейская II) XI столетия⁴⁴³. Древнейший полный список «Илиады» относится к началу 10 века; серединой того же столетия датируется древнейший список «Одиссеи».

Вынимаю наугад из своей библиотеки несколько научных изданий античной классики, - и оказывается, что многовековая пропасть, отделяющая время написания от времени создания доступных нам копий, весьма привычна для ученых: «Рукописи Аристофана, сохранившиеся до нас – Равеннская (XI в.) и Венецианская (XII в.), к которым присоединяются еще три кодекса XIV в.»⁴⁴⁴. «Текст истории «Фукидида» дошел до нас в рукописях византийского времени (древнейшая флорентийская рукопись относится к X в.н.н., остальные – к XI–XII вв.)»⁴⁴⁵. «Текст «Киропедии» сохранился в ряде средневековых рукописей», старейшей из которых оказывается Codex Escorialensis T III 14, датируемый XII веком⁴⁴⁶. А ведь речь идет об авторах V века до Рождества Христова...

То, что такое обилие рукописей античных авторов было создано на рубеже первого и второго тысячелетий христианской эпохи, объясняется тем, что появился новый тип письма. Происходил всеобщий переход от унциальных рукописей к новому минускульному письму. Сперва были переписаны (транслитерированы) библейские тексты, затем богословские и богослужебные книги, потом естественнонаучные тексты⁴⁴⁷, философы, и, наконец, историки и поэты⁴⁴⁸.

Не по античным, а по средневековым рукописям приходится ученым выверять современные издания древних авторов... Это обстоятельство стоит вспомнить, прежде чем слепо повторять зады атеистическо-школьной пропаганды про “невежественное средневековье”, якобы уничтожившее светлое наследие античности. Если все рукописи античных авторов известны нам по их

⁴⁴² Гаспаров М. Л., Ярхо В. Н. Примечания // Еврипид. Трагедии. В 2-х тт., т. 1. М., 1999, с. 601.

⁴⁴³ Тронский И. М. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т.2. История. Ленинград, 1970, сс. 240-241.

⁴⁴⁴ Ярхо В. Н. Примечания // Аристофан. Комедии. Фрагменты. М., 2000, с. 961.

⁴⁴⁵ Стратановский Г. А. От переводчика // Фукидид. История. Ленинград, 1981, С. 404.

⁴⁴⁶ Борухович В. Г. Фролов Э. Д. Примечания // Ксенофонт. Киропедия. М., 1976, С. 289.

⁴⁴⁷ «Античные математики (Евклид, Птоломей) были транслитерированы одними из первых в 9-10 веках, когда только началось восстановление классического книжного наследия» (Каждан А. П. Никита Хониат и его время. Спб., 2005, с. 205)

⁴⁴⁸ Каждан А. П. Никита Хониат и его время. Спб., 2005, с. 183.

средневековым копиям – это значит, что именно средневековые монахи и переписывали античные книги, и только благодаря монашеским трудам античная литература дошла до нас⁴⁴⁹.

Но когда мы говорим о книгах Нового Завета, то здесь ситуация совсем иная. От первого тысячелетия до нас дошло свыше 5 000 рукописей новозаветных книг. Полные своды книг Нового Завета мы встречаем в рукописях IV в. (Синайский и Ватиканский кодексы); рукописи отдельных книг относят к III в.: Оксиринхский папирус, найденный в 1902 г. Артуром Хантом, и датируемый началом III века, несет на себе фрагмент Евангелия от Матфея) Написанное же позже всех Евангелие от Иоанна дошло до нас в почти полном кодексе, именуемом «Бодмер II» или р⁶⁶ (рукопись содержит в себе полностью главы 1-14 и фрагменты глав 15-22)⁴⁵⁰. Эта рукопись создана около 200-го года.

Отдельные же фрагменты имеют еще более интересную судьбу. В 1920 г. в Египте Бернардом Гренфеллом в походной сумке умершего во II веке египетского солдата был найден папирус р⁵², содержащий отрывок из Евангелия от Иоанна (разговор Христа с Пилатом (Ин. 18,31-33 и 37-38). Затем этот папирус хранился в Библиотеке Райленда в Манчестере; исследован и опубликован в 1935 г. С. Робертсом. По особенностям почерка⁴⁵¹ все ученые независимо от своей конфессиональной принадлежности датируют этот папирус первой половиной II в. (вероятно, ранее 130 г.)⁴⁵².

Евангелие от Иоанна написано после всех Евангелий; Апостол Иоанн был юношей во времена земной жизни Спасителя, и он был единственным из Апостолов, кто не был убит и дожил до старости, скончавшись в 117 году по Р. Х. Евангелие Апостол написал в конце жизни, то есть на рубеже I–II в.⁴⁵³ Значит, копия, имеющаяся в нашем распоряжении, отстоит всего на два десятилетия от времени написания оригинала.

Для историков это удивительное свидетельство аутентичности текста. В советские годы атеисты говорили (и их домыслы любят сегодня воспроизводить рериховцы): «Евангелиям верить нельзя, они написаны не Апостолами, а неизвестными авторами конца второго или даже третьего века». Но сегодня археология говорит о новозаветных рукописях начала второго века. Более того, есть папирусы, о которых ведутся споры.

Прежде всего - это папирус р⁶⁴ из Колледжа Магдалины в Оксфорде (Magdalen Gr 17), содержащий три фрагмента из 26 главы Евангелия от Матфея. Почерк, которым он исполнен, характерен для 60-х годов первого века⁴⁵⁴. Однако ученые не торопятся вынести окончательный вердикт, ибо неизвестно место изготовления этого папируса: почерк, вошедший в употребление в большом городе и бывший «модным» в его школах и скрипториях в течение нескольких лет, может

⁴⁴⁹ «На протяжении длительного периода времени - со второй половины 10 до 12 века – была переписана рукопись позднего языческого историка Зосимы, враждебно относившегося к христианству. Возможно, что она возникла в Студийском монастыре. Во всяком случае ее создание – показатель относительной терпимости к языческому образу мышления, утвердившееся в определенных кругах византийского общества 11-12 в.» (Каждан А. П. Никита Хониат и его время. СПб., 2005, с. 187).

⁴⁵⁰ См. Козаржевский А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985, с. 20.

⁴⁵¹ Особенности почерка, характерные для тех или иных времен, оказалось возможным определять благодаря... египетским мумиям. В эллинистическую эпоху мумии обволакивались не слоями ткани, а листами папируса. Склеенные, покрытые штукатуркой и краской, они составляли картонный футляр. Конечно, на такие цели шли ненужные «бумаги», макулатура. То есть – что-то записанное для сиюминутных нужд, не на века. Расписки и документы, срок надобности в которых истек. Но именно поэтому значительная часть этих текстов была четко датированна. И когда в конце XIX столетия эти картонные футляры стали расклеивать, то стало возможным проследить изменения стилей письма, почерков от поколения к поколению (см. Дойель Л. Завет Вечности. В поисках библейских манускриптов. СПб., 2001, сс. 42-43).

⁴⁵² см. Мещер Б. Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М., 1996, сс. 36-37. Кривелев И. А. Библия: историко-критический анализ. М., 1982, с. 61

⁴⁵³ «Четвертое Евангелие составлено, вероятно, в 90-е годы» - Козаржевский А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985, с. 55. Службная Минея датирует написание Евангелия от Иоанна «около 95 года» (Минея. Сентябрь. Т.1. М., 1996, с. 772). «Считается установленным с полной достоверностью, что четвертое евангелие было создано в 95-100 годах» (Косидовский З. Сказания евангелистов. М., 1987, с. 70).

⁴⁵⁴ См.: Thiede C.P. Jesus selon Matthieu: la nouvelle datation du papyrus Magdalen d'Oxford et l'origine des Evangiles: examen et discussion des derni(eres objections scientifiques. Paris, 1996.

дойти до дальней деревни много лет спустя и еще дольше храниться там в «законсервированном» виде в течение всей жизни единственного местного писца...

Кроме того, в 1955 г. в Кумране была найдена рукопись 7Q5. Она была опубликована в 1962 г. но без идентификации. В 1972 г. Хосе О'Каллаган идентифицировал фрагмент Q5 из 7 пещеры как Мк. 6,52-53. Поскольку кумранские рукописи не выходят за пределы 69-70 гг. 1 века, а палеографически рукопись указывает на 50-е годы, то выходит, что Евангелие от Марка уже тогда существовало. Также в кумранских пещерах найден отрывок рукописи 7Q4 с текстом, идентичным 1 Тим 3,16-4,3⁴⁵⁵. Предлагаются также следующие идентификации: 7Q6,1=Мк. 4,28; 7Q6,2=Деян. 27,38; 7Q7= Мк. 12,17; 7Q8=Иак. 1,23-24; 7Q9=Рим. 5,11-12; 7Q10=2 Петр. 1,15; 7Q15=Мк. 6,48⁴⁵⁶. Однако стоит помнить, что речь идет о слишком маленьких фрагментах текста, чтобы быть уверенным, что такая последовательность букв не могла встречаться в других грекоязычных религиозных текстах первого столетия.

Итак, Евангелия действительно складываются в очень древнюю эпоху; они доносят до нас апостольское восприятие Христа, голос апостольской общины, голос современников, голос тех, кто свидетельствовал о Христе и готов был умереть за свое свидетельство. Достаточно сказать, что уже христианскими авторами конца I века (св. ап. Варнавой, свт. Климентом Римским) цитируются 14 из 27 новозаветных книг, а авторы, чье творчество приходится на первую половину II века (свт. Игнатий Антиохийский, Поликарп Смирнский, Ерм) использовали цитаты из 24 новозаветных книг⁴⁵⁷.

Как всегда, Божий Промысл оставляет нам пространство для свободного выбора. Тот, кто решится считать книги Нового Завета подлинным творением апостолов, не погрешит своим решением против своей научной совести. Но и научных доводов недостаточно, чтобы кого-то понудить к вере в апостольское происхождение новозаветных книг. В конце концов, в нашем распоряжении нет образцов апостольских почерков. Кто хочет – может сомневаться. Но во всяком случае он должен перестать обвинять верующих в антинаучности...⁴⁵⁸

Но известен и еще один аргумент, который часто используют антицерковные люди. Они говорят: да, мол, эти древние рукописи существуют, но вы, христиане, сами говорите, что это лишь маленькие фрагменты, а вот затем на основании этих-то фрагментов Евангелия и были дополнены церковными догматистами. Мы-де знаем, что средневековые цензоры что-то из Евангелий выбрасывали, а что-то в Евангелия вставляли.

И каждая секта, конечно, уверяет, что именно ее догмы церковники вычеркнули из древних евангельских списков...

Но эти гипотезы очень легко проверяются. Есть в жизни христиан черта, которая радует историка и огорчает христианина. К сожалению для христианина, ученики Христовы не смогли соблюсти единства между собой и христианский мир избородили трещины расколов. Ряд национальных христианских общин уже в V–VI вв. отпал от единства с Православной Церковью (я имею в виду прежде всего армян, с их монофизитской доктриной, коптов, сирийскую Церковь). Но с

⁴⁵⁵ См. Thiede C.P. Jesus selon Mathieu. La nouvelle datation du papyrus Magdalen d'Oxford et l'origine des Evangiles. Paris, 1996 p.8 и 17. Правда, другие исследователи отмечают, что 7Q5 идентично Евангелию только при допущении, что текст написан с описками. См. Мецгер Б. Текстология Нового Завета. с.266.

⁴⁵⁶ Тантлевский И. Р. История и идеология Кумранской общины. Спб., 1994, с. 16.

⁴⁵⁷ Как возникла Библия. Bielefeld, 1992,1992. С. 93.

⁴⁵⁸ Помимо текстологических, есть еще и текстовые свидетельства апостольского происхождения Евангелий. Например, внимание исследователей обращают на себя «примеры профессиональной медицинской лексики и фразеологии, обнаруживаемые в тексте Евангелия от Луки и Деян» (Тестелец Я. Г. Реферат: Marshall I.H. The Gospel of Luke. A commentary on the Greek text. Michigan. 1978 // Альфа и омега. М., 2000, № 23, с. 27). Это значимо, если учесть упоминание ап. Павла о своем спутнике: «Лука, врач» (Кол. 4,14). Великолепный греческий язык этого Евангелия с использованием редких грамматических форм, резко отличающийся от языка других апостолов – «рыбаков» – также свидетельствует о том, что эта книга вышла из под пера интеллигента.

точки зрения историков это означает, что появилась уникальная возможность сопоставить греко-римское христианство с другими версиями христианской жизни, причем такими, которые в некоторых своих чертах сохранили более древний уклад, не испытывая воздействия тех изменений, которые происходили в Православной Церкви в последующие столетия.

Поскольку эти общины (т.н. дохалкидонские Церкви) порвали всякие отношения с Православным Константинополем и, тогда еще Православным, Римом, это означает, что если бы в последующие века цензоры в Греции или в Италии взялись бы править Евангелие, то армяне, копты, эфиопы или сирийцы эту правку никогда бы не приняли. Более того – их национально-церковная литература сразу наполнилась бы гневными выпадами: «Смотрите, до чего дошли эти греки и римляне в своем еретичестве – даже Евангелия они цензурят!».

Но нет таких криков. И Библия у нас едина. Мы можем сравнивать их переводы Писания с нашими. И подобное сличение показывает, что Библия неизменна. Нет такого фрагмента, который бы отсутствовал у латинян, но был бы у коптов, нет такого текста у сирийцев, который бы отсутствовал в славянской Библии (разве что отношение к Апокалипсису разнится в разные времена и у разных народов).

Сравнение тысяч рукописей и десятка древних переводов новозаветных книг показывает, что не было таких фрагментов, которые были бы в Библии во II-IV веках, но в X или XV в. были бы оттуда выброшены цензорской рукой⁴⁵⁹.

Однако сопоставление рукописей позволяет нам сказать, что в нашей сегодняшней Библии есть такие фрагменты, которые отсутствуют в древнейших рукописях.

Таких фрагментов три.

Первым восполнением древних рукописей порой представляется концовка Евангелия от Марка: Воскреснув рано в первый день недели. Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой узнал семь бесов. Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела Его, — не поверили. После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение. И те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили. Наконец, явился самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили. И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы. И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога. А они пошли и проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями. Аминь (Мк. 16, 9–20)

В древнейших дошедших до нас рукописях (речь идет прежде всего о Синайском и Ватиканском кодексах — богато украшенных рукописях сер. IV в.) этого текста нет. В древних переводах – арамейском, грузинском, эфиопском также 8 стих 16 главы оказывается последним. В некоторых других манускриптах (например, L – Королевском кодексе VIII столетия) читается иная концовка – «*Но они кратко поведали Петру и бывшим с ним все, что было им возвещено. И после*

⁴⁵⁹ Вновь напомним ту удивительную доступность древних библейских текстов для научных исследований, которая так радует филологов-классиков: «Как никакой другой письменный источник, Новый Завет дошел в удивительном количестве рукописей. Их насчитывается свыше пяти тысяч. Наряду с исключительным богатством манускриптами бросается в глаза краткость временного промежутка между гипотетическими оригиналами и их древнейшими списками. В самом деле, для произведений античной литературы такой промежуток, как правило, составляет многие сотни лет: ведь обычно рукописи датируются IX-XII веками. Да и общее число манускриптов, содержащих сочинения того или иного античного классика, редко превышает сотню. А вот рукописей с сочинениями, скажем, Еврипида, сохранилось совсем мало. Но если мы с доверием относимся к нескольким поздним рукописям еврипидовых драм, то какие есть основания для того, чтобы не доверять многочисленным древнейшим рукописям Нового Завета?» (Козаржевский А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985, с. 19).

этого Иисус Сам через них разослал с Востока до Запада священную и бессмертную весть вечного спасения. Аминь».

Знакомое нам завершение Евангелия от Марка впервые встречается лишь в рукописях 7-9 веков. Поэтому западные библеисты утверждают, что это — позднейшая вставка. Прот. Александр Мень полагает, что «скорее всего, первоначальный текст эпилога был утрачен или евангелист скончался, не успев завершить его»⁴⁶⁰. Православная позиция более осторожна. Мы соглашаемся, что в ряде древнейших рукописей этот текст действительно не встречается. Но с другой стороны, мы видим, что этот текст цитируется уже во II в. у свт. Иринея Лионского (Свт. Ириней Лионский. Против ересей 3,10,6), Таитана, мч. Иустина Философа (но этот же текст незнаком блаж. Иерониму).

Если признать, что спорные стихи есть позднейшая вставка, то придется считать заключением Евангелия от Марка слова о женах-мироносицах: ***И никому ничего не сказали, потому что боялись*** (Мк. 16, 8). Однако, по психологически верному замечанию еп. Нафанаила, «мы не можем представить себе серьезного литературного произведения, которое оканчивалось бы словами: “Их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись”. Не мог св. ап. Марк о центральном факте всей христианской проповеди, о Воскресении Христовом, сказать только, что Ангел возвестил об этом ***трем женщинам***»⁴⁶¹. Не может Евангелие — весть радости — кончаться словами о страхе.

А по интересной гипотезе дореволюционного русского библеиста Д. Богдашевского, разногласие древних рукописей по поводу концовки Маркова Евангелия есть свидетельство о неудачной попытке цензурирования Евангелия. Отсутствие концовки вызвано тем, что евангелист Марк в этом месте трудно согласуем с другими евангельскими рассказами о Воскресении, — поэтому в IV в. придворный епископ Евсевий Кесарийский попробовал «гармонизировать» эти рассказы и в тех 50 колексах, которые были изготовлены на деньги имп. Константина (в том числе Синайский и Ватиканский), сделали купюру. Но эта попытка цензурирования оказалась все же неудачной — текст продолжал жить в первоизданном виде⁴⁶².

Второй предположительно вставленный фрагмент — стих из послания ап. Иоанна, который не встречается в древних рукописях. *Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном* (1 Ин. 5, 7–8). Этот текст не встречается в рукописях до XVI в. Но тем не менее свт. Киприан Карфагенский цитирует его еще в III в.⁴⁶³. Поэтому снова нельзя сказать однозначно, что перед нами позднейшая вставка...

И наконец, возможной вставкой в Евангелие является фрагмент Евангелия от Иоанна (Ин. 7, 53–8,11). Это эпизод с женщиной, обвиненной в прелюбодеянии. Помните — когда Христос говорит: ***Кто из вас без греха, первый брось на нее камень*** (Ин. 8, 7).

Этот фрагмент текста не встречается ни в рукописях, ни в цитатах у Отцов до сер. V в. Характерно, что в тех позднейших средневековых евангельских рукописях, где этот сюжет появляется, он долго не обретает своего постоянного места: то помещается в самый конец Евангелия от Иоанна, то относится к Евангелию от Луки (после 21 главы)⁴⁶⁴.

⁴⁶⁰ Мень А. Евангелия // Мень А. Библиологический словарь. Т. 1. М., 2002, с. 393.

⁴⁶¹ Еп. Нафанаил. Примечания // Свящ. Сергей Желудков. Почему и я — христианин. СПб., 1996. С. 316.

⁴⁶² См.: Богдашевский Д. Критические этюды по Новому Завету // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1908. Т.1. С. 486–491. Дополнительные аргументы «за» и «против» подлинности этого фрагмента см. Тестелец Я. Г. Реферат: Cranfield Ch. J. The Gospel according to st. Mark. Cambridge University Press. 1971 // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1999, № 22, сс. 58–60.

⁴⁶³ «И опять об Отце, Сыне и Святом Духе написано: *И сии три едино суть* (1 Ин. 5, 7)». Киприан Карфагенский. Книга о единстве Церкви // Творения. М., 1999. С. 236.

⁴⁶⁴ См. издательский комментарий в: свт. Кирилл Александрийский. Творения кн. 3. Толкование на Евангелие от Иоанна. Части 2–7. М., 2002, сс. 171–172.

Особенно знаменательно молчание тех церковных писателей, которые составляли полные комментарии ко всему тексту Евангелия от Иоанна – стих за стихом.

В третьем веке свое незнакомство с этим рассказом демонстрирует Ориген (его «Толкование на Евангелие от Иоанна» положило начало церковным комментариям этого Евангелия).

Прп. Ефрем Сирин, который в середине IV в. оставил нам комментарии на все четыре Евангелия, не упоминает об этом фрагменте.

Св. Иоанн Златоуст в конце IV столетия прокомментировал каждое слово Евангелия от Иоанна, но об этом фрагменте он не сказал ничего.

В начале пятого столетия этот текст остается неизвестен и св. Кириллу Александрийскому (его «Толкование на Евангелие от Иоанна» также 8 главу начинает лишь с 12-го стиха⁴⁶⁵).

Блаж. Феофилакт Болгарский, составлявший в XI-м веке толкование на книги Нового Завета, также не коснулся этого евангельского сюжета. Русские издатели его творений вынуждены были сказать: «В издании творения блаж. Феофилакта 7-я глава оканчивается 51 стихом; затем 8-я глава начинается 52-м стихом седьмой главы и 12 стихом восьмой главы. Таким образом, не помещено сказание о женщине, взятой в прелюбодеянии. В славянском переводе поэтому сделано примечание: «Сему евангелию толкование не пишется»⁴⁶⁶. Кстати, в славянском «Остромировом Евангелии» (XI век) этот сюжет также отсутствует

В пятом веке бл. Августин написал специальную проповедь «О жене прелюбодейной», в которой предлагает «выкинуть как сор» эти стихи, якобы вставленные в Евангелие для того, чтобы блудниками легче было оправдать свои грехи.

Как видим, еще в V веке есть проповедники, отрицающие подлинность этого текста.

Тем не менее Церковь с любовью приемлет этот рассказ «о жене прелюбодейной» и включает его в состав Св. Писания. Почему? Спросите свою совесть: искажает ли этот эпизод учение Христа или, напротив, лучше позволяет понять суть Христова служения и Христова учения? Неужели не понятно, что он не «испортил» Евангелие, а помог раскрытию евангельского образа Христа?

И почерпнула этот рассказ Церковь из того круга устных преданий, которые стояли на границе канона и апокрифов. Первый церковный историк – Евсевий Кесарийский – в начале четвертого столетия встречал в трудах Папия Иерапольского (сер. II века) это рассказ: «Он же пользуется Первым посланием Иоанна, а также Петра и рассказывает о женщине, которую обвиняли перед Господом во многих грехах. Рассказ этот есть в "Евангелии евреев"» (Церковная история. 3,29,17).

Разговоры же о том, что Церковь что-то цензурировала и вычеркивала из Писания, отпадают при обращении к истории новозаветного текста.

Только в одном случае можно предположить попытку содержательной правки текста. Согласно Мк. 1,40-44 «Приходит к Нему прокаженный и, умоляя Его и падая пред Ним на колени, говорит Ему: если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, умилосердившись над ним, простер руку, коснулся его и сказал ему: хочь, очистишь. И, посмотрев на него строго, тотчас отослал его и сказал ему: смотри, никому ничего не говори, но пойди, покажись священнику и принеси за очищение твое, что повелел Моисей, во свидетельство им».

Проблема в том, что, в отличие от рукописей IV века (Синайского и Ватиканского кодексов), кодекс Безы (V в.), старолатинские рукописи ff² (V в.) и r¹ (VII в.) вместо «умилосердившись» предлагает – «разгневавшись». Возможно, эта правка была призвана согласовать чувство Христа в

⁴⁶⁵ См. свт. Кирилл Александрийский. Творения кн. 3. Толкование на Евангелие от Иоанна. Части 2-7. М., 2002, с. 171.

⁴⁶⁶ Благовестник, или Толкование блаженного Феофилакта на Святое Евангелие. Ч.2. М., 1993, С. 387.

минуту исцеления с тем гневом, который Он проявил позже («прогневался»; в русском переводе неточно – «посмотрев строго»)⁴⁶⁷. «Гнев Христа объясняется тем, что прокаженный своим приближением ко Христу, которого окружали люди, нарушил закон Моисея, запрещающий прокаженным входить в стан Израильский»⁴⁶⁸.

И все же церковная традиция удержала более раннее чтение – «умилосердившись».

Есть очень простой путь к тому, чтобы убедиться, что Церковь ничего из Евангелия не вычеркивала. Кто более всех христиан был склонен к цензуре? – Католики. И вот если бы католики решились подчистить Евангелие, то какое место из Евангелия они бы выбросили первым? Вероятно, то место, где Христос говорит апостолу Петру, некстати предложившему не пойти на Крест, обойти распятие, не идти в Иерусалим: *Отойди от меня, сатана!* (Мф.16.23). Ведь для католиков их вера в папскую власть и ее непогрешимость базируется именно на том, что папы наследуют непогрешимость ап. Петра. А тут Сам Христос не просто говорит Петру, что ты, мол ошибся, но говорит предельно резко: это сатана говорит через тебя сейчас...

Поскольку даже этот текст не вырезан, но читается во всех даже латинских рукописях, то нет основания считать, будто Церковь выбросила хоть что-то. В наших Евангелиях много мест, колющих совесть христиан. Кто из нас соблюдает заповедь Христа: *Не берите с собою... двух одежд* (Мф. 10, 9–10)? Сколько диспутов возникает вокруг кажущегося расхождением церковного этикета с призывом Спасителя: *И отиом себе не называйте никого на земле* (Мф. 23, 9). Как труден для богословского истолкования крик Христа на Голгофе: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мф. 27, 46)! От этих «неудобных» мест (а заодно и от тех слов Христа, в которых Он обличает фарисейство) можно было бы избавиться с помощью ножниц... Но Церковь не сделала этого. Евангелие осталось вне цензуры.

Чтобы вполне оценить это обстоятельство – надо сравнить судьбу Евангелий с судьбой Корана. Древнейшие дошедшие до нас рукописи Корана (хранящийся в Ташкенте «Самаркандский кодекс» и кодекс стамбульского музея Топкапи) не могут быть отнесены ко времени ранее конца восьмого века и отстоят от даты кончины Мухаммеда приблизительно на 150 лет. Как видим, временная дистанция сопоставима с аналогичной дистанцией в истории новозаветных текстов. Но мусульманская история знает одно немаловажное событие, произошедшее в этом самом зазоре между временем жизни Мухаммеда и временем создания коранических рукописей, дошедших до нас. Сам создатель ислама не записывал получаемых им откровений и не собирал их. Собрание разрозненных записей и мемуаров началось уже после его кончины, и лет через 20 после нее одна из этих коллекций – составленная юношей Заидом – была халифом Усманом провозглашена единственно верной. Все остальные записи (в том числе и хранившиеся у вдов пророка) были объявлены ложными и сожжены⁴⁶⁹.

Ничего подобного христианская история не знает. Тексты, о которых заведомо было известно, что они исходят от ближайшего окружения Христа, правке, цензуре, а тем более сожжению не подвергались.

Что главное в Евангелии?

Итак, быть христианином означает смотреть на Христа глазами Апостолов, а взгляд Апостолов на Христа выражен в книгах Нового Завета. Поэтому христианин — тот, кто смотрит на Христа

⁴⁶⁷ Вообще русские переводчики систематически смягчают резкость евангельских слов. В Мф. 22,34 говорится, что Христос «привел саддукеев в молчание». Но это мягко сказано (точнее говоря – смягченно переведено). Буквальный смысл греческого слова, стоящего в оригинале - «надел намордник» (намордник).

⁴⁶⁸ Толковая Библия. Издание преемников А. П. Лопухина. Т.9. Спб., 1912, с. 24.

⁴⁶⁹ См., например, Гилкрист. Дж. Мухаммад и его книга. Спб., 1999, с. 264.

глазами Евангелистов и Апостолов, а не глазами апокрифов, не глазами Талмуда, не глазами Корана, не глазами Льва Толстого.

Так что же Апостолы отметили как главное во Христе, Его делах, Его проповеди? «Что в нем главное» — вот вопрос, который мы задаем при знакомстве с любым человеком. Понять человека — значит понять главное в нем. Мы берем в руки том Пушкина и вопрошаем: чем жил и о чем писал этот человек? Ответ получить несложно. Следует просто разложить странички со стихами Пушкина по нескольким папкам: «Любовная лирика», «Стихи о дружбе», «Пейзажные зарисовки», «Свободолюбивая лирика», «Самодержавная тема», «Антицерковные выпады», «Тема покаяния и молитвы»... И затем сравним объем этих папок. Та папка, что окажется и самой объемистой, и, кроме того, будет включать в себя произведения не одного только периода жизни Пушкина, но всех этапов его жизни, — вот эта папка и определит главную тему. В случае с Пушкиным это, несомненно, будет любовная лирика... А теперь попробуем выписать из Евангелий все изречения Христа и распределим их по темам: «О любви», «О терпимости», «О покаянии», «О Царстве Божием», «О Суде», «О фарисействе»... И что же окажется главной темой? К великому разочарованию нецерковных людей главной темой проповеди Христа окажется отнюдь не призыв к любви и всепрощению. В проповедях и притчах самого Христа - к ужасу современных моралистов – ни разу не употребляется слово «совесть»⁴⁷⁰, но проповедь Христа о Себе Самом.

Исследуйте Писания... они свидетельствуют о Мне (Ин. 5, 39), Я есмь хлеб жизни (Ин. 6, 35), Я свет миру (Ин. 8, 12), Веруйте в Бога, и в Меня веруйте (Ин. 14, 1), Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14, 6). Никто не приходит ко Отцу, только Мною (Ин. 14, 6).

Какое место из древних писаний избирает Иисус для проповеди в синагоге? - Не пророческие призывы к любви и чистоте. Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим (Ис. 61, 1–2; Лк. 4,18).

Вот самое пререкаемое место в Евангелии: Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и <не> следует за Мною, тот не достоин Меня (Мф. 10, 37–38)⁴⁷¹. Здесь не сказано — «Ради истины» или «Ради Вечности» или «Ради Пути». «Ради Меня».

Даже на Последнем Суде разделение производится по отношению людей ко Христу, а не просто по степени соблюдения ими Закона. «Что Мне сделали...» И Судья — это Христос. По отношению к

⁴⁷⁰ Вообще во всех четырех Евангелиях совесть упомянута только один раз - и то у фарисеев: она обличает их (Ин 8,9). Впрочем, и это результат двойной вставки: во-первых, вся история с женой, которую фарисеи обличили в прелюбодеянии, отсутствует в древнейших рукописях. Во-вторых, и в тех позднейших рукописях, где эта история присутствует, нет слов «обличаемы совестью» (они появляются лишь в рукописях IX века).

⁴⁷¹ Христианский мыслитель третьего века, свидетель еще традиционно-языческого уклада жизни, Климент Александрийский поясняет смысл этих слов: “Словом мать, которую приходится оставлять ради Христа, обозначено аллегорически отечество и родная страна. Под словом же отец Писание понимает порядки частной жизни, над которыми праведник с благодарением и великодушием должен возвышаться, чтобы стать угодным Богу” (Строматы, IV,4). “Господь вовсе не повелевает проникнуться ненавистью к своему собственному семейству. Господь хочет сказать нам своими словами только это: Не увлекайтесь неразумными пожеланиями и избегайте следовать обычаям общественным, ибо семейство состоит из родных, а города из семейств” (Строматы III,15). Речь идет о том, чтобы быть готовым отказаться от следования общественным предрассудкам (естественно, даже в том случае, если эти предрассудки побуждают родителей воспитывать сына в духе противления Евангелию – а потому «Убежим от обычая: он душит человека») (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 118,1). «Вы состарились в суеверии, молодыми придете к истинному богочитанию» (Там же, 108,3). «Есть также люди, которые говорят: мы соблюдаем все то, что оставили нам отцы наши. Разве те, кому отцы их оставили нищету, не стремятся разбогатеть? А те, кого родители не воспитывали, хотят получить воспитание и выучиться тому, чего не знали отцы их. И почему это дети слепых видят, а дети хромых ходят прямо? Ибо не хорошо человеку следовать за своими предками, жившими дурно Поэтому исследуй, хорошо ли жил твой отец, а если отец твой жил плохо, ты живи хорошо. И оплачь отца своего, что он жил плохо, если плач твой может помочь ему» (Слово Мелитона Философа пред Антонином Кесарем // Раннехристианские апологеты II-IV веков. Переводы и исследования. М., 2000, сс. 148-149).

Нему происходит разделение. Он не говорит: «Вы были милостивы и потому благословенны», но: *Я был голоден, и вы Мне дали есть* (ср.: Мф. 25, 35).

Для оправдания на Суде будет требоваться, в частности, не только внутреннее, но и внешнее, публичное обращение к Иисусу. Без зримости этой связи с Иисусом спасение невозможно: *Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 32–33).

Исповедание Христа перед людьми может быть опасно. И опасность будет грозить отнюдь не за проповедь любви или покаяния, но за проповедь о Самом Христе. *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня* (Мф. 5, 11). *И поведут вас к правителям и иарям за Меня* (Мф. 10, 18). *И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется* (Мф. 10, 22).

И обратное: Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает (Мф. 18, 5). Здесь не сказано: «Во имя Отца» или «Ради Бога». Точно так же Свое присутствие и помощь Христос обещает тем, кто будут собираться не во имя «Великого Непознаваемого», но во имя Его: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20).

Более того, Спаситель ясно указывает, что именно в этом и состоит новизна религиозной жизни, привнесенная им: *«Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна»* (Ин. 16, 24).

И в предпоследней фразе Библии звучит призыв: *Ей, гряди, Господи Иисусе!* (Откр. 22, 20). Не «прииди, Истина» и не «осени нас, Дух!», но — *Гряди, Господи Иисусе.*

Христос спрашивает учеников не о том, каково мнение людей о Его проповедях, но о том, за кого люди почитают Меня (Мф. 16, 13). Основоположники других религий выступали не как предмет веры, а как ее посредники. Не личность Будды, Магомета или Моисея были настоящим содержанием новой веры, а их учение. В каждом случае можно было отделить их учение от них самих. Но: Блажен, кто не соблазнится о Мне (Мф. 11, 6).

Вот — *великая благочестия тайна: Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16). Сами Апостолы именно это называют главной тайной христианства. Тайна Богочеловечества Христа, Который «воспроизвел в Себе человека» (св. Ириней Лионский. Против ересей. 5,14,2).

Чтобы этот стержень апостольской проповеди стал понятен, совершим небольшой экскурс в историю религий.

Боль всех религий

Есть одна черта, которая роднит самые разные религии (таких черт довольно мало — религии различаются в гораздо большем). Эта общая черта заключается в том, что практически все религии убеждены в болезненности нынешнего человеческого состояния. Какая-то глубочайшая неправда есть в образе нашей жизни. Дело не в том, что мы так или иначе грешим. Именно в самом образе бытия человека и человечества есть неправда.

Во-первых, она проявляется в том, что мы погружены в мир ошибок и иллюзий. Главное незримо для нас, а неглавное с назойливыми подробностями обступает наши чувства и топит и дробит нас в себе... Буддизм и индуизм говорят о майе и сансаре; Платон — о «пещере»; Библия — о мире, покоренном «тлению»...

Во-вторых, глубочайшая неправда состоит в том, что мы погружены в мир несвободы, в мир причинения, в мир страдания. Это мир радикальной и всеобщей несвободы – мир страдательности (дукхи) и детерминизма (кармы). В этом мире низшее (тело) властвует над высшим (душой). И еще как властвует: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7,19)!

В-третьих, фундаментальная неправда состоит в том, что мы смертны. «Отчего мы умираем? Смерти быть не должно!» — вот это главная боль всех религий. Человек выпал из бытия, из мира вечного, в котором «нет ни тени перемены» и впал в мир бывания. Здесь все бывает, но ничего не есть. Это мир происхождения и ухода, созидания и распада. У апостола Павла смерть именуется «последним врагом» (см.: 1 Кор. 15, 26). Отсюда – и его мольба: *Кто избавит меня от сего тела смерти?* ([Рим. 7, 24]; свт. Григорий Палама эти слова понимает как мольбу об избавлении от смерти сего тела⁴⁷²). Понятно, что борьба со смертью должна быть не борьбой с ее последствиями⁴⁷³, а борьбой с ее причинами... Причина же смерти – то, что человек рождается в мире, в котором у смерти есть свои права. Не хочешь умирать? - Что ж, докажи, что правомочность смерти не распространяется на тебя, что у тебя есть экстерриториальность перед лицом ее домогательств. Предъяви в себе энергии иного Бытия.

Эти три боли: боль об ослепленности, боль о несвободе и боль о смерти — суммируясь, порождают фундаментальный вопрос: «Что есть человек?» Главная боль всех религий – почему мы не боги? Почему человек так отличен от тех, кого он видит в небесах и в то же время так похож, родственен им? Фундаментальная религиозная идея – идея иерархичности бытия. Человек же – стоит на грани миров:

*Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,*

Религии мира в изумлении взирают на человека: откуда взялся этот кентавр, соединивший дух и плоть. Почему в человеке есть Божественное начало и есть животное?⁴⁷⁴ Откуда взялся повод к формуле Марины Цветаевой: «Человек — сей видимый дух, болящий бог»? Откуда – самоощущение Гавриила Державина:

Что означает эта сложность и двусоставность человека? Это знак его болезненности и деградации или символ надежды на грядущее и открытое, доступное восхождение? В одних религиях от этой сложности человеческого смешения нужно избавиться – выделив в человеке некую аристократическую часть, а все остальное сбросив в мир окончательного распада. Для христианства же именно человеческая сложность есть то, что достойно восхищения подобного державинскому и увековечения...

⁴⁷² Святитель Григорий Палама. О священнобесмолствующих // Добротолюбие. Джорданнвиль, 1966. Т.5. С. 208.

⁴⁷³ “Закопать покойника не значит бороться против смерти» (А. де Сент-Экзюпери. Цитадель // Согласие. N.2, 1993. с. 140).

⁴⁷⁴ “Одно у нас обще с богами, а другое с бессловесными животными” (Саллюстий. Заговор Катилины).

Человечество не испытывало недостатка в мифах, предлагающих свои объяснения двусоставности человека⁴⁷⁵.

Вавилонский миф, например, объясняет это так. Однажды мать всех богов богиня Тиамат решила убить всех своих детей (подобно греческому Кроносу, пожиравшему своих детей). Но дети узнали о замысле первобогини, подняли бунт и убили Тиамат. Но у Тиамат был любовник — бог по имени Кингу, и он был единственным, кто встал на защиту Тиамат. Когда Тиамат была убита другими богами, те поймали Кингу, убили и его, истолкли его в ступе, а затем, приступив к созданию людей, они добавили кровь Кингу в глину, из которой лепили людей. Так оказалось, что в глиняном теле человека бежит кровь бога. «Один из богов да будет повергнут, да очистятся боги, в кровь его окунувшись. Из его плоти, из его крови да намешает Нинту глины! Воистину божье и человеческое соединятся, смешавшись в глине!» (Сказание об Атрахасисе, 208–213)⁴⁷⁶. Стоит заметить, что вавилонская мифология предложила очень непростую конструкцию. Ведь Кингу, с одной стороны, бог, но, с другой стороны, это враг всех богов, т.е., скорее, сатана⁴⁷⁷. И поэтому не вполне понятно — Божественное или сатанинское начало одухотворяет человека... «Царь богов Нарру, человекосоздавший, Зулуммар великий, добывший их глину, царица, лепившая их, владычица Мама, кривую речь человечеству дали, наделили его навсегда несправедностью и ложью»⁴⁷⁸.

Аналогичный миф был и в Греции. Тут люди тоже рождаются в результате гибели богов-богоборцев. Люди появились вследствие неудачной попытки Титанов, детей первобога Урана, свергнуть младших, но более удачливых олимпийцев: «В царство небес, говорят, стремиться стали Гиганты; к звездам высоким они громоздили ступенями горы. Тут всемогущий Отец Олимп сокрушил, ниспослал он молнию, с Осы сверг Пелион на нее взгроможденный. Грузом давимы земли, лежали тела великанов, - тут, по преданью, детей изобильной напитана кровью, влажною стала земля и горячую кровь оживила и образ дала ей людей (Овидий. Метаморфозы 1,152-159). Отсюда понятно, отчего Зевс подумывал уничтожить и людей (Платон. Пир 190с).

Есть, впрочем, в Греции и более оптимистический миф об антропогенезе. Богоборцы Титаны увидели в младшем своем брате Дионисе угрозу в наследовании Зевсу и решили младенца Диониса заманить в свой мир. Но Дионис жил в мире богов - вверху, а титаны - внизу, в тех местах, где у олимпийцев не было принято гулять. Тогда титаны создали погремушки, чтобы привлечь внимание маленького Диониса-Загрея и медное зеркало, чтобы ввести его в заблуждение. Когда выглянувший на шум Дионис посмотрел в это зеркало, он увидел в нем себя самого, и решил что там, внизу, тоже мир богов, и сошел вниз. Когда же, очарованный зеркальным отражением, Дионис вышел из безопасного места, титаны напали на него, растерзали на части, сварили, поджарили и съели. Преступники были немедленно испепелены молнией Зевса; из дыма, поднявшегося над их останками, возник человеческий род, который тем самым унаследовал коварные наклонности титанов, но который

⁴⁷⁵ Напомню, что “миф не содержит констатаций, но только экспликации” (Боттеро Ж. Рождение Бога. Библия через призму истории. М., 1998, с. 216). Основная задача мифа – объяснить наличное. Разговор о прошлом – это попытка объяснить то, что знакомо по настоящему.

⁴⁷⁶ Сказание об Атрахасисе // Афанасьева В. К. Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. М., 1981.

⁴⁷⁷ После того как в вавилонском восприятии шумерская богиня Тиамат была объявлена не только праматерью, но и оппонентом нового вавилонского бога Мардука, она была демонизирована. Это событие отразилось и на восприятии человека и мира: мир, являющийся телом Тиамат, теперь стал восприниматься как нечто имеющее демонический оттенок. Мир стал двойственным: его материя — от Тиамат, и она скорее плоха, чем хороша, но его форма — результат подвига Мардука, и эта форма блага. Мир — результат смешения изначального и демонического хтонического начала и творческому божественной мудрости устроителя. Если в Шумере человек замешан на крови благого бога, принесенного ради него в жертву, то теперь сын Тиамат — Кингу — оказывается архидемоном, вождем армии божеств и демонов, борющимся с Мардуком на стороне Тиамат. И именно на его крови замешан человек. Эта версия гораздо пессимистичнее шумерской. Человек приговорен уже самим своим происхождением. Разве что Эа сжалится над тем, кому он, несмотря на его демоническую материю, все-таки дал свой божественный образ (см.: *Eliade M. Histoire des croyances et des idées religieuses*. V. 1. Paris, 1976. De l'vge de la pierre aux mystieres d'Eleusis. P. 85).

⁴⁷⁸ Цит. по: *Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время: Очерки* — М., 1983. С. 86.

в то же время сохранил крошечную порцию божественной души. Эта душа, будучи субстанцией бога Диониса, все еще действует в людях как их внутреннее «я» (см. Павсаний. Описание Эллады. 8.37,5)... И поскольку «люди происходят от титанов, поглотивших Диониса, наше душевное естество состоит из двух элементов — титанического и дионисического. Первый тянет нас к телесному, к земному. Второй — к возвышенному»⁴⁷⁹. «Дионис разорван в нас, имея его внутри себя, мы становимся титанами; когда мы знаем это, то становимся дионисами простым посвящением» (Олимпиодор. На Федр 87,1). «Мы часть Диониса, коль скоро мы состоим из копоты титанов, вкусивших его плоти» (Олимпиодор. К «Федону» 61с).

Итак, человек — это частичка Бога, потерявшая родство с Ним, и это родство надо вернуть. Так формулируется главная проблема религии⁴⁸⁰: поиск того, что когда-то бы уже было нашим - «Избирая (eligentes) или, лучше (так как мы теряли Его), вторично избирая (religentes) Его... (Августин. О Граде Божиим 10,3).

Бог в поисках человека

Теперь эту проблему с языка религиозного попробуем перевести на язык инженерной мысли, на язык сопромата. Представим себе две конструкции, из которых одна сделана из алюминия, а другая — из чугуна. И вот между ними надо перебросить балку. Спрашивается: из какого материала сделать эту соединительную балку, если мы хотим, чтобы связь была прочной и долговечной? Если мы эту балку сделаем из чугуна, то там, где мы приварим эту балку к чугуну, соединение будет прочное. Но поскольку у чугуна и алюминия совершенно разные свойства (коэффициенты сжатия, упругости, теплопроводности, электропроводности и т.д. и т.п.), то в том месте, где чугунную перемычку мы приварим к алюминиевой части (если, конечно, нам это удастся сделать), рано или поздно появятся деформации, коррозия и прочие неприятности, и в конце концов в этом месте вся конструкция рухнет. А если мы сделаем балку из алюминия, то она будет добротно сварена с алюминиевой частью композиции, но там, где она будет присоединена к чугуну, там опять же возникнут проблемы. Что делать? Идеальный выход был бы такой: найти материал, который обладал бы и всеми свойствами чугуна, и всеми свойствами алюминия. И тогда он одинаково хорошо соединялся бы и с чугунной, и с алюминиевой составляющими...

В современной технике это, насколько мне известно, невозможно. А вот в религии этот вопрос был решен. «Ибо сей Бог есть Бог наш на веки и веки: Он будет вождем нашим до самой смерти», - говорит синодальный перевод Псалтыри (Пс. 47,15), а гебраисты (ученые-специалисты в области древнееврейского языка и культуры) полагают возможным такую его передачу: «Но Бог, который пребудет вовеки, наш вождь против Смерти»⁴⁸¹. Такова цель Божия похода в мир. Чтобы соединить Бога и человека навсегда и нераздельно, в мир входит Богочеловек. Тот, Кто во всем Бог и во всем человек. Тайну Христа, изъяснил свт. Иоанн Златоуст: «Не переставая быть Тем, Чем Он был, Он стал Тем, Чем не был»⁴⁸², т. е. — не переставая быть Богом, Бог становится еще и человеком, «восприняв человечество и не утерев Божество» (Августин. О Граде Божиим. 11,2).

Здесь проходит решительная грань между оккультизмом и христианством.

⁴⁷⁹ Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. Киев, 1993. С.87.

⁴⁸⁰ «Ползи к земле, матери твоей! Да спасет она тебя от небытия!» (Ригведа. 10,18,10).

⁴⁸¹ Хук С. Г. Мифология Ближнего Востока. 1991, с. 94.

⁴⁸² Цит. по: прот. Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985, с. 217. «Хотя пребыл и тем, чем был Он, однако же восприял и то, чем не был» (Свт. Григорий Богослов. Слово 29, О богословии третье // Творения. Троице-Сергиева Лавра, 1992, т.1. С. 426).

Для теософов и иных оккультных сект Христос – это человек, который шел путем духовного самосовершенствования и наконец достиг Божественного состояния. Человек и Бог соединяются в результате усилия человека.

Церковная же христология строится сверху вниз: не Иисус поднимается до Небес, но Небо склоняется к земле. Путь Христа кенотичен; это путь самоумаления. Он Бог еще до Благовещения, до вхождения в лоно Марии, до Своего Воплощения. И Он все более погружается в глубины падшего мира, все больше вбирает в Себя условия человеческого бытия в его не-Им-созданной падшести. Благовещение-Рождество-обрезание-крещение от руки Иоанна-пустыня-Гефсиманская скорбь-Крест-сошествие во ад... «Самая немощь Его зависела от Его власти» (Августин. О граде Божием. 14,9) и потому Он «восторжествовал не менее тем, что не сделал того, что мог сделать»⁴⁸³.

Бог вбирает в себя человечество, а не человек расширяет себя до вмещения Бога. «Слово стало плотью» (Ин. 1,14), а не плоть эволюционировала в Слово. Оттого – строгое предостережение св. Кирилла Александрийского: «Да не представляют Христа человеком Богоносным»⁴⁸⁴. «О таинственное чудо! Господь упал, а человек восстал» (Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 111,3).

Теперь становится яснее — почему Христос так настойчиво обращает внимание людей к тайне Своего Бытия. Представим себе, что мост через пропасть или реку уже построен. Он построен, покрашен, проверен, оформлена вся надлежащая документация... Представим даже невероятное – что строители даже мусор за собой вывезли... Что же осталось сделать напоследок? Надо поменять дорожные указатели на окрестных дорогах: «Старый мост закрыт. Дорога к новому мосту — вот тут!» Сам Христос есть этот Мост («Я есмь путь» [Ин. 14, 6]) от земли к Небу. Главное во Христе — это, *что* Он есть. Но на эту тайну полноты Христа (ибо эта полнота вбирает в себя и Божеское, и человеческое) и надо указать людям как на источник их спасения. Поэтому Христос и призывает к Себе, к соединению с Собою.

Зачем это было нужно? Причина в том, что люди, впав в грех и в смерть, потеряли Бога. Бога — а не Ангела. Бога — а не знание о Боге. А Бог — это Вечность, это Жизнь. И если мы теряем Бога, мы теряем Жизнь, мы начинаем умирать. И вот Бог приходит нам навстречу, Бог выходит на наши поиски.

Вспомним начало библейской истории: когда Адам пал, он спрятался от Бога под деревьями... Не будем осуждать нашего праотца. Это поведение свойственно каждому из нас. Каждый из нас норовит выгородить такие минутки в своей жизни, в которые Бог не заглядывал бы. Именно оно породило русскую поговорку «хоть святых выноси». Когда гулянка в избе достигала известного градуса, то остатки христианской совести подсказывали, что дальнейшие безобразия творить в присутствии христианских святых нельзя. Поэтому иконы святых или поворачивали к стене, или выносили в другую комнату. И затем, убедившись, что Бог теперь их не видит, продолжали гулянку уже до утра...

Это и сейчас есть в жизни каждого из нас: практически все мы относимся к Богу очень странно. Я думаю, что в нашем мире нет ни одного человека, даже атеиста, который не хотел бы однажды встретиться с Богом. Даже атеист скажет: «К сожалению, Бога нет, но если бы Он был, я бы с Ним встретился и задал бы Ему парочку вопросов...». Но с другой стороны, даже среди монахов трудно найти человека, который был бы готов жить всю жизнь в присутствии Бога. Все мы относимся к Богу как к своего рода генератору гуманитарной помощи. «Ты, Господи, явись предо мной! Я вручу Тебе список моих пожеланий: здоровья покрепче, зарплаты побольше, жилплощадь пошире... Да, и еще,

⁴⁸³ Свт. Григорий Богослов. Слово Пятое, второе обличительное на царя Юлиана // Творения. Троице-Сергиева Лавра, 1992, т.1. С. 139.

⁴⁸⁴ Послание св. Кирилла Несторию об отлучении // Деяния вселенских соборов. т. 1. Казань, 1859. С. 445.

Господи, сделай так, чтоб у соседки корова околела... Ну, вот, Господи, Ты исполни эти мои просьбы, а потом выйди, пожалуйста, за дверь и не подсматривай... Мне тут погрешить охота... Если потом мне снова будет плохо, так я Тебя опять позову, и Ты зайди!».

Бог вежлив. Если мы просим выйти Его за дверь — Он выходит, уходит из нашей жизни. Но если Бог отходит от нас по нашей просьбе — Он вместе с Собою отдаляет от нас и Жизнь, ибо Бог есть Жизнь. И с чем же мы остаемся? С тем, что не-жизнь. Мы остаемся со смертью.

Ведь, по слову ап. Павла, Бог — единый имеющий бессмертие (1 Тим. 6, 16), и поэтому, когда Он по нашей просьбе покидает нас, то Он уносит с Собою Самого Себя, а значит, Свое бессмертие и, значит — нашу жизнь. И тогда человек «становится менее, чем был, когда был с Богом» (Августин. О граде Божиим. 14,13),

Более того, зачарованные минутной радостью того греха, который мы совершили в стороне от Бога, “между деревьями”, мы как-то и не замечаем, Кого именно мы потеряли. Ошарашенные минутной радостью и постоянной болью, утратившие память от падения, люди потеряли ориентацию. И лишь затем, когда страдания, боль и смерть настигают нас, мы начинаем осознавать, что какой-то радикально неправильный выбор был сделан и нами, и человечеством вообще... Человек пожелал пожить без Бога - и, по слову преп. Максима Исповедника, окрест самолюбия появилось страдание⁴⁸⁵. Человек начинает задыхаться, болеть, умирать...

Итак, люди потеряли Бога. Могут ли они найти Его и вернуть? В Книге Иова такой вопрос ставится: Можешь ли ты исследованием найти Бога? (Иов. 11,7). Однако, ответ оказывается отрицательным: Но вот, я иду вперед — и нет Его, назад — и не нахожу Его (Иов. 23,8). Человек сам найти Бога не может. Мы не можем построить такую Вавилонскую башню наших заслуг и добродетелей, по которой могли бы взобраться на Небеса. Пропать между землей и Небом преодолима только в одном направлении: от Неба — к земле. Мы же с земли не можем перепрыгнуть эту пропасть.

Но Бог может спуститься к нам, чтобы «восполнить Собою» нашу полужизнь (Августин. О граде Божиим. 12,9). Ибо «каким образом человек перейдет в Бога, если Бог не перешел в человека?» (свт. Ириней Лионский. Против ересей. 4,33,4). И вот в этом главное отличие христианства от язычества. Языческие религии — это рассказ о том, как люди искали Бога, а Библия рассказывает о том, как Бог искал человека. Когда Адам спрятался под кустами, Бог взывает к нему: «[Адам,] где ты?» (Быт. 3,9)⁴⁸⁶. У Александра Галича есть стихотворение с повторяющейся строкой: «Я вышел на поиски Бога». Библия же рассказывает нам совершенно иную историю о том, как Бог вышел на поиски человека.

И через всю священную историю пройдет этот рассказ о том, как Бог ищет человека. От книги Бытия до последней книги Библии — Апокалипсиса, — в которой Христос скажет *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3, 20). В ключевом же библейском эпизоде возвещается - Достигло до вас Царство Божие (Мф. 12, 28): люди все-таки оказались настигнуты Радостью: Евангелие догнало их...

Для понимания Писания очень важно заметить - как важен для Священной истории этот мотив поиска Богом человека. Для того, чтобы понять какой-то текст или некоего человека, важно заметить не только то, что этот человек говорит. Важно заметить еще и то, о чем он молчит. Один сюжет замолчан в Евангелии; один сюжет вызывающе отсутствует в нем. Скажите, есть ли в Евангелии притча, которая рассказывала бы нам историю о некоей овечке, которая отбилась от стада, потерялась?

⁴⁸⁵ Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. 2. М., 1993, С. 25.

⁴⁸⁶ «Бог спрашивал не вследствие неведения, но увещевая обратить внимание на то, где находился Адам, когда в нем не стало Бога» (Августин. О граде Божиим. 13,15), то есть «указал на смерть души, совершившуюся вследствие оставления Его» (13,23).

На эту затерявшуюся овцу напали волки... Но у овечки был черный пояс по каратэ, и поэтому своими рождками и копытцами она раскроила черепа серым разбойникам, а потом, как заядлая овчарка, по запаху нашла пастыря, бросилась к нему на шею и сказала: «Вот я, дорогой пастырь! Дай мне орден “За мужество” первой степени!»

Нет такой притчи в Евангелии. А есть иная, которая повествует о Пастыре, который Сам идет и находит.

Нет в Писании и притчи о сознательной копеечке, которая в какие-то незапамятные времена закатилась под диван, потерялась и лежала там всеми забытая. Но вот пришли тяжелые времена, и потерявшаяся копеечка (драхма) услышала, как ее хозяйка жалуется соседке: “Три месяца уж пенсию не носят... Кушать нечего”. И тут копеечка решила пожертвовать собой, вытасила себя из щели, выкатилась из под дивана прямо под ноги хозяйке и сказала: “Вот она я! Сходи со мной на базар, купи хлебушка!”... А есть иная притча. О хозяйке, которая все в своем доме перевернула вверх дном, чтобы найти потерянное сокровище...

Это очень важно: мы — найденыши. У нас нет права быть христианами. У нас нет права на спасение. Мы — найденыши; мы — помилованные преступники.

Конечно, и потерявшаяся овца не должна безмятежно лежать в надежде на то, что Пастырь найдет ее раньше волков. Но есть все же огромный зазор между нашим усилием и тем, что Господь дает нам в качестве плода этого нашего усилия.

Католики и протестанты ведут многовековой спор о том, совершается ли спасение через добрые дела и заслуги, или же спасение — это дар от Бога, который несоизмерим ни с какими человеческими делами. А ведь в Евангелии есть удивительный ответ... Он обретается в концовке Евангелия от Иоанна. Апостолы безуспешно ловят рыбу на Тивериадском море, и Воскресший Иисус является им и спрашивает: *Есть ли у вас какая пища?* (Ин. 21, 5). Апостолы признаются в неудаче: *Нет* (Ин. 21, 5). И тогда с берега Христос говорит Апостолам, которые были недалеко от берега: *Закиньте сеть* (Ин. 21, 6). Они бросают и вытаскивают полные сети. И вот лодка, перегруженная этими рыбами, плывет к берегу... И что же, — достигнув берега, они начинают чистить рыбу и жарить ее? Нет, — оказывается, ужин уже готов. Удивительно в этом евангельском рассказе не то, что Господь сотворил чудо: Он Сам дал Апостолам рыбу, как некогда Он Сам умножал хлеба. Удивительно, что Свое чудо Он предварил апостольским трудом. Он сказал: вы сначала пойдите и потрудитесь, а потом Я дам вам то, ради чего вы трудились и все же не заработали...

Подобное происходит с каждым из нас: мы что-то делаем для достижения спасения, но плод в итоге дает Господь.

В драме немецкого поэта XIX века Карла Иммермана «Мёрлин» рыцарь, обретающий чашу Грааля, читает надпись над входом храма: Я основал Себя по собственному праву

Искать Меня – не вам!

Того счастливица, что нашел Мою державу -

Того искал Я Сам!

Причастие: радостная весть для плоти

Зачем Бог ищет человека? – Чтобы дать ему Чашу. Господь выходит на поиски человека, чтобы вернуть нам Себя. Но дело в том, что за то время, пока Бог (по нашей настойчивой и неоднократной просьбе) отсутствовал в нашей жизни, с нами произошла беда. Наша болезнь стала настолько глубокой, что нас следовало лечить уже от последствий грехопадения — от тления, распада, смерти.

Тут мы касаемся того, что более всего озлобляет язычников, когда им говорят о христианстве. Когда возмутились греческие философы проповедью ап. Павла? Когда его слушатели взорвались возмущением и насмешкой? Тезис о том, что Бог Один — они восприняли спокойно. И о том, что Бог будет судить мир, — тоже выслушали без гнева... Но когда Павел сказал, что Сын Божий воскрес телесно, — вот это вызвало скандал (см.: Деян. 17, 22–34).

Дело в том, что если человек - это естественная сцепка духа и материи, то спасение — это разъединение души и материи. Они пришли в смешение, изойдя из разных миров, и должны расцепиться, развестись, разойтись, отправившись каждая в свою область: прах — к праху, божие — к богам... Спасение, как его понимает языческая философия, состоит в том, что моя душа — атман — должна потерять свою идентичность с моим телом и даже с моим самосознанием и через формулу «тат твам аси» (ты есть то) осознать свое единство с божественным Брахманом... Мое тело — это тюрьма, которая облекает и ослепляет мою душу, и поэтому надо их расщепить. Орфическая древнегреческая традиция это выразила в знаменитой формуле: «Тело — это тюрьма для души». Для греков это было очень убедительное выражение, поскольку тело — это («сома»), а тюрьма, могильный знак — это «сема» (отсюда слово «семиотика» — учение о знаках). Что ж, это даже звучит похоже: сома-сема; тело-могила..... По замечанию платоновского Сократа, «тут уж ни прибавить, ни убавить ни буквы» (Кратил. 400с).

Соответственно, весть о том, что Христос воскрес, то есть вернул Свою душу в Свое тело, представляется безумием: это все равно, что современному человеку рассказали бы, как узник замка Иф после того, как прокопал стену своего застенка, вместо того, чтобы стать графом Монте-Кристо, вернулся в камеру и снова замуровал себя в ней...

Благовоспитанный греческий философ — это тот, кто стыдится своего тела⁴⁸⁷; тот, чья душа жаждет оторваться от тела побыстрее и подальше. И вдруг ап. Павел говорит: *Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа* (1 Кор. 6, 19)? Тело — не тюрьма, а храм... Посетители ареопага сочли это скандалом...

И христиане, и язычники отдавали себе отчет в этом разительном отличии. Язычники называли христиан «филосарками» — «любителями плоти»⁴⁸⁸. Августин же, приведя слова Вергилия о душе, заключенной «в глухой и мрачной темнице», замечает: «Наша вера учит иначе» (О Граде Божиим. 14,3). Он четко понимает, какие философские последствия имеет евангельская весть о Рождестве: «Своим воплощением Он дал спасительное доказательство, что истинное божество не может оскверниться плотью и что демоны не должны быть считаемы лучше нас оттого, что не обладают плотью» (О Граде Божиим 9,17).

То, что так возмутило афинских философов, было следствием из слов Христа, тех Его слов, которые более всего отличают христианство от всех остальных религиозных учений о человеке: *Я всего человека исцелил* (Ин. 7, 23). Так исполнилась мечта Давида: «Из того узнаю, что Ты благоволишь ко мне, если... меня сохранишь в целостности моей и поставишь пред лицом Твоим на веки» (Пс. 40,12-13).

⁴⁸⁷ «Плотин, философ нашего времени, казалось, всегда испытывал стыд от того, что жил в телесном облике» (Порфирий. Жизнь Плотина,1). Этот пишет тот Порфирий, о котором блаж. Августин говорит — «Ученейший из философов, хотя и величайший враг христиан» (Августин. О граде Божиим 19,22).

⁴⁸⁸ «В V в. Паллад совершенно безбоязненно высмеивает христианских монахов — но не за то, что они аскеты, а за то, что они недостаточно аскеты. Этот автор довольно легких стихов в киническом духе внезапно с такой страстью называет тело «болезнью», «смертью», «роком», «бременем» и «неволей», «тюрьмой» и «пыткой» для души, с такой нечеловеческой брезгливостью говорит о реальности пола и зачатия, а впрочем, и самого дыхания, что становится ясно: не этому «последнему язычнику», не его единомышленникам и братьям по духу было дано защищать права мудрой естественности против христианского аскетизма. Если они не шли в пустыню и не предавались аскезе, то не потому, что относились к телесному началу в себе с непринужденной жизнерадостностью, а скорее потому, что в отличие от христиан не надеялись очистить свою плоть никакими постами» (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 25).

Именно человека, с точки зрения язычника, лечить не надо. Нужно лечить лишь аристократическую, лучшую часть - душу. А тело — это кармический отброс. Тело не надо лечить потому, что само тело есть болезнь, а не то, что болеет. Душа заболела своей телесностью. И лечить надо от телесности... От этой болезни надо избавляться, отбросить, ампутировать ее от себя. Могила не лечат. Из нее мечтают убежать.

А Христос желает спасти всего человека во всей его сложности. Не душа должна быть спасена, а человек как сложносоставное бытие: душа плюс тело⁴⁸⁹. Именно эту сложность надо, сцементируя, сохранить навсегда... Православие исповедует очень необычный взгляд на человека, целостный взгляд (на научном языке это выражается словом «холистический»).

Православие утверждает, с одной стороны, что все, что есть в человеке, должно войти в Царствие Божие. Все, что есть в человеке, должно быть увековечено, обожено, навсегда соединено с Богом. Это означает, что личность при соединении с Богом не исчезает (вопреки мнению индуистов, полагающих, что душа, соединяясь с Богом, растворяется в Боге так, как капля дождя растворяется в океане). Христиане же говорят, что человек может соединиться с Богом, не теряя своей личности. И мой разум, и моя душа, и моя любовь будут моими, даже погрузившись в Божие Единство.

И более того — не только душа, но и тело должно войти в Вечность, причем тело со всеми теми системами, которые есть в нем сейчас. Об этом был один из самых удивительных споров в истории Церкви. Ориген — христианский философ III в. — считал, что у людей, когда они воскреснут, не будет половых органов и не будет пищеварительной системы, потому что в Царствии Божием уже не надо вкушать грубую пищу (и потому там не понадобятся зубы, печень, почки, селезенка), а половые органы тоже там не нужны, потому что в Царствии Божием не женятся и замуж не выходят. Казалось бы, что Ориген очень логичен. И тем не менее вдруг против этой как будто логичной концепции восстают св. Отцы: свт. Мефодий Патарский, свт. Епифаний Кипрский, блж. Иероним Стридонский...

Блж. Иероним в полемике с Оригеном справедливо указывает на то, что даже в рамках нашей земной жизни путь аскезы не есть путь кастрации. И если даже здесь, на земле, человек, решившийся жить в чистоте, может контролировать проявления половой энергии, то тем более нет оснований полагать, что в Царстве Божием она неизбежно вовлечет нас во грех. Блж. Иероним говорит: «Где плоть, и кости, и кровь, и члены, там необходимо должно быть и различие пола. Где различие пола, там Иоанн — Иоанн, Мария — Мария. Не бойся брака тех, кои и до смерти в поле своем жили без полового отправления. Когда говорится, что в тот день *ни женятся, ни выходят замуж* (Мф. 22,30), то говорится о тех, которые могут жениться, но не женятся. Ибо никто не говорит об Ангелах, что они *ни женятся, ни выходят замуж*. Я никогда не слышал, что на Небе совершаются браки духовных сил, но, где есть пол, там мужчина и женщина. Уподобление Ангелам не есть превращение людей в Ангелов, а есть совершенство бессмертия и славы» (Блаж. Иероним. Против Иоанна Иерусалимского, 26). Поэтому слова: *В воскресении ни женятся, ни выходят замуж* (Мф. 22, 30) не есть выражение эсхатологической физиологии.

Зачем же тогда воскрешение плотских органов тела? Это недоумение вытекает из слишком суженного, слишком инструментального понимания значения половой энергии для жизни человека. Но точно ли мы полностью представляем себе наше собственное тело, с полной ли достоверностью? Осознаем ли мы все тончайшие взаимосвязи между различными системами нашего организма? Вообще человеческое тело слишком сложно и слишком связано с жизнью души. Современная психология, мне представляется, скорее поддержит православную позицию, чем оригенистскую.

⁴⁸⁹ «Прииде Господь взыскати и спасти погибшаго (Лк. 19,10); погибало же не тело, но гиб всецелый человек, срастворенный душею... И еще спрашивает их: на Мя ли гневаетесь, яко всего человека здрава сотворих в субботу (Ин. 7,23). Понятие же целого объяснил Господь в других Евангелиях, спущенному с одром сказав: оставляются греси (Лк. 3,20), что есть исцеление души, и востани и ходи (23), что относится к плоти» (св. Григорий Нисский. Против Евномия. 2,13 // Творения. Ч. 5. М., 1863, с. 351 и 353).

Сегодняшняя антропология и психология уже прекрасно знают, что половые токи пронизывают всего человека, его творчество, его мышление, даже веру. И вот в защиту этой непостижимой целостности человека и выступили церковные критики Оригена.

Ребенку при сборке разобранных им часов всегда кажется, что какая-то деталька лишняя. Вот такая же детская растерянность сквозит и у Оригена, когда он при моделировании грядущего восстановления человека утверждает, что в человеке есть нечто лишнее, нечто такое, что не пригодится при его, человека, «восстановлении». Что ж, Ориген — это детство христианской мысли. В более зрелую пору христианская мысль стала утверждать: человек не должен гнушаться тем, что создал Творец. Впрочем, еще современник Оригена Минуций Феликс столь же точно, сколь и иронично заметил: "если бы Бог хотел евнухов, Он мог бы создать их сам» (Октавий. 24,12).

Христианский ответ понятен: наше воскресение произойдет по образу Воскресения Христова, а Он вышел из голгофской гробницы не беззубым («О Ком Ангелы благовествовали женам, что Он воскрес, как бы так сказал: “Приидите, видите место и вразумите Оригена, что здесь ничего не осталось лежащим, но все воскресло”») — *Св. Епифаний Кипрский*. Панарий. 64, 67). «Вопрос: В воскресение все ли члены будут воскрешены? Ответ: Богу все не трудно. Как Бог, взяв прах и землю, устроил как бы в иное какое-то естество, неподобное земле (волосы, кожу, кости, жилы), и как игла, брошенная в огонь, переменяет цвет и превращается в огонь, между тем как естество железа не уничтожается, но остается тем же, так и в воскресении все члены будут воскрешены, и, по написанному, и волос не пропадет (Лк. 21, 18), и все соделается световидным, все погрузится и предложится в свет и в огонь, но не разрешится и не сделается огнем, так, чтобы не стало уже прежнего естества, как утверждают некоторые. Ибо Петр остается Петром, и Павел — Павлом, и Филипп — Филиппом; каждый, исполнившись Духа, пребывает в собственном своем естестве и существе» (*Прп. Макарий Египетский*. Беседа 15.10).

Итак вся наша телесность должна воскреснуть.

Телесность воскреснуть к новой жизни должна, а вот моя совесть в новую жизнь войти не может... Это другая часть христианского тезиса о всецелом спасении человека: все, что есть в человеке, должно быть спасено, но оно должно быть именно — спасено, ибо в своем нынешнем состоянии оно настолько мертвенно, что не сможет жить в Вечности. Значит, все человеческое должно войти в Царствие Божие, но ничто из того, что есть в человеке, не может войти в Царствие Божие. Не может войти в том виде, в каком существует сейчас. В нас все больно: и моя совесть больна, и мой ум болен, и моя душа больна, и мой дух немощен; а уж моя плоть тем паче больна. Все, что есть в нас, искажено и изуродовано, и поэтому все нуждается в излечении. И поэтому Православие проповедует идеал всецелого преображения. Все должно преобразиться и — уже в преображенном виде — войти в Царствие Божие.

И вот теперь мы вновь подходим к нашему изначальному вопросу: что значит быть христианином?

Если все в человеке больно, но все надо спасти, — это означает, что все надо лечить. Но каждую из болезней следует лечить средством, необходимым и надлежащим именно для нее. Фармаколог не лечит все болезни одним и тем же лекарством; хирург не делает все операции одним инструментом. И Христос, Который есть Врач душ и телес наших, не одно и то же лекарство прилагает к нашим многочисленным язвам.

У нас заболел наш ум, мы выдумываем самые дикие теории, убеждая себя, что Бога нет, что мы произошли от амебы... - Христос лечит наш ум, выпрямляет его. Чем? - Своим непогрешимым Божественным учением.

У нас заболело сердце: оно сталоместилищем и источником самых странных влечений. Христос лечит и эту духовную болезнь: Примите Духа Святаго (Ин. 20, 22). Вы разучились любить? Пребудете в любви Моей (Ин. 15,10). Вы утратили мирное устроение жизни и радостное ее восприятие? Мир Мой даю вам и радость ваша будет совершенна (Ин. 14, 27; 16,24).

Но у нас еще больно и тело: наше тело не способно жить с Богом. Оно и на земле-то живет до 80 лет – и то «еще же в силах»... А прожить вечность в Царствии Божиим тем более не способно. Так надо ли лечить такое тело? – надо, ибо «именно ради плоти Сын Божий совершил Свое домостроительство» (св. Иринея Лионский. Против ересей. 4, Введение, 4). А как его вылечить? Телесное надо лечить подобающим ему, т. е. телесным. И поэтому Господь и дает нам Свое Тело, чтобы исцелить наше тело, чтобы приучить его жить в Божественной среде, в Божественном наполнении: «Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26–28). Или, говоря словами христианского писателя III века св. Дионисия Великого, “Христос излил в нас нетленную, живую и животворящую кровь Свою”⁴⁹⁰.

Христос совершает с нами нечто подобное тому, что делает современная медицина. Представьте себе, что у меня болезнь крови: грязь появилась в моей крови, или, напротив, мой организм не вырабатывает необходимые для жизни микроэлементы крови. Тогда врачи могут мне сделать переливание моей собственной крови (собственной — чтобы не было аллергии, отторжения). Тогда из моей вены через катетер кровь будут отсасывать, пропускать через надлежащие фильтры, очищать, затем насыщать, обогащать какими-то необходимыми веществами, а затем мне в артерию вольют мою же обогащенную кровь.

Вот это и делает с нами Христос: он вбирает в Себя наше человеческое естество с теми болячками, которые появились в нем после грехопадения. «Ибо какое было бы поправление нашему естеству, если бы, когда болеет земное живое существо, Божественное посещение приняло какое-либо существо другре, небесное? Если бы больное было на земле, а Божественная же сила не коснулась больного, имея в виду приличное для себя, то бесполезен был бы для человека труд Божественной силы, силы над тем, что не имеет ничего общего с ним... Врачующая сила явилась там, где была болезнь»⁴⁹¹. Болезнь, вошедшая в человеческую жизнь – это так называемые «неукорные страсти»: утомляемость, доступность голоду, скорбям, страх смерти...⁴⁹². Адам до грехопадения не знал, что такое скорбь, усталость, голод... А Христос испытал, что это такое, он «воспринимает поврежденную жизнь»⁴⁹³, «приял мертвенность нашего повреждения»⁴⁹⁴, избрал «принятую смертность»⁴⁹⁵. Эта «новинка», которой не было в богзданном естестве Адама, именуется «страстью» потому, что «страсть» — это страдательность, это испытание давления, оказываемого на меня извне... Из этих

⁴⁹⁰ св. Дионисий Александрийский. Послание Павлу Самосатскому, 7. // св. Дионисий Александрийский. Творения. — Казань, 1900, с. 152.

⁴⁹¹ Св. Григорий Нисский. Большое огласительное слово, 27 // Творения. ч. 4. М., 1862, сс. 72-73.

⁴⁹² «Исповедуем, что Христос воспринял все естественные и беспорочные страсти человека... Естественные и беспорочные страсти вошли в человеческую жизнь вследствие осуждения, происшедшего из-за преступления, как, например, голод, жажда, утомление, труд, слеза, тление, уклонение от смерти, боязнь, предсмертная мука» (Прп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. 3,30).

⁴⁹³ Свт. Григорий Великий Двоеслов. Беседа 21,4 // Избранные творения. М., 1999, С. 185.

⁴⁹⁴ Свт. Григорий Великий Двоеслов. Беседа 7,3 // Избранные творения. М., 1999, С. 53.

⁴⁹⁵ Там же. Ср.: «Един еси единокорен горе, един и доле тойже, без матере горе от Отца, и без отца из матере долу: в ней же вообразяся, в чуждее, Слове, обнищав, в мое смирившееся естество от греха» (Канон св. Мефодию Константинопольскому (14 июня). Богородичен по 8 песни). И молитва при облачении архиерея (возложение саккоса): «На рамах Христе заблудшее взял естество». Обращаю внимание читателя на эти тексты в связи с тем, что в ряде публикаций последних лет суждение о том, что Христос воспринял человеческое естество в его падшем состоянии расценивается «как еретическое». Подробнее об этой дискуссии см. в моей статье «Охотничий азарт вместо богословия» в моем сборнике «О нашем поражении» (Спб., 1999).

«неукорных» страстей легко могут вырасти страсти греховные... Кто легче согрешит — тот, в ком есть страх смерти, или тот, у которого нет страха смерти? Кого легче понудить к предательству — бессмертного или смертного? Кто удобнее пойдет путем греха — голодный или не знающий голода? Наличие всех этих страстей делало человека более доступным для греха. Но Христос эти безукорные страсти в Себя вбирает (никак не приближаясь к подлинно греховным нашим страстям), в Себе исцеляет, насыщает Божественностью, Вечностью, Бессмертием, и Свое человеческое Тело, уже прошедшее через смерть и воскресшее, возвращает нам, Свою человеческую кровь, насыщенную Божественными токами, Он вливает в нас, чтобы мы в себе носили зачаток Воскресения и были причастниками Вечности⁴⁹⁶.

Пример с переливанием крови только одним нехорош: при нашей медицинской операции боль испытывает тот, от кого кровь берут и кому ее же затем переливают. А тем аппаратам, через которые эта кровь проходит и в которых она обогащается – им ни холодно, ни жарко. Но не так со Спасителем. Вобрав в Себя наше естество, Он сделал Своей нашу боль.

Он не просто вбирает в себя человечество и в Себе его животворит – животворя, Он в нем умирает. Чтобы передать нам исцеленное естество, вырвавшееся из под власти смерти и тления, Христос воскрес. Но чтобы воскреснуть – надо умереть. А чтобы умереть – надо родиться. Все люди умирают, потому что рождаются. А Христос родился в мире, потому что должен был умереть в жертвенной отдаче. «Ни один из ангелов никогда не сходил для того, чтобы быть распятым, чтобы претерпеть смерть и от смерти воскреснуть. У рождения со смертью взаимный долг. Назначенность к смерти есть причина рождения» (Тертуллиан. О плоти Христа, 6). Бог свободно входит в такую (смертную) жизнь, о которой заранее знает, что «и для самого Господа нет из нее другого исхода, кроме как через смерть» (Августин. О Граде Божиим. 17,18).

Смерть же нужна была для того, чтобы исправить повреждения, привнесенные грехами людей в Богосозданную человеческую природу. Кузнец изготовил меч. Затем от небрежения владельца меч покрылся ржавчиной. Чтобы вернуть ему его изначальные свойства, надо меч переплавить и перековать. Но когда меч снова поместят в огонь, он расплавится, то есть на время исчезнет, перестанет быть мечом. Так восстановление проходит через распад, возрождение – через смерть. «Вот в чем таинство Гроба. Восстановить можно только то, что распалось; уничтожить смерть в человеческом естестве можно только тогда, когда она в нем проявилась. Поэтому Христос, понеся на Себе осуждение смерти, испытал ее, и подвергнутую тлению природу, содетельною силою Божества, неразлучно пребывающего с нею, перелагает, перестихийствует в неизменную: восстанавливается человек»⁴⁹⁷. Смерть нужна, чтобы разложить на первоначала человеческое естество и переплавить его к новой жизни - как переправляют почерневшее серебро. «Это необходимо было для восстановления падшего естества: разрушение смерти - тления могло совершиться именно оживлением умершего (восстановлением человека в полной духотелесной организации), воскресением, другими словами, исправлением этой природы. Это чудо и свершилось во Христе: “тленное же Твое на нетленное преложил еси”»⁴⁹⁸. Преп. Косма Маюмский в Каноне Великой Субботы для этого применяет слово «преложил еси», буквально перестихийствовал⁴⁹⁹. Человек в античной антропологии есть сочетание четырех основных космических стихий, первоначал. Для пересозидания он должен быть возвращен к этим первоначалам, чтобы затем из изначальных нитей сплести первоначальный, но некогда поврежденный узор...

⁴⁹⁶ Ср. богослужбное обращение к Марии: «Мать, Слово плоть издававшая» – Песнь 8 канона на утрени Пятидесятницы.

⁴⁹⁷ иером. Филипп Гарднер. Догматическое содержание канона Великой Субботы // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. Мюнхен, 1998, № 1, с. 8.

⁴⁹⁸ Там же, с. 7.

⁴⁹⁹ Синаксарь в неделю мясопустную также говорит, что люди воскреснут «со своими телесы и душами всем к нетлению претихиованным» (Триодь постная. Ч.1. М., 1992, л.31).

Но все это происходит не в бесчувственной плавильной печи, а в Самом Христе. По «очищению естества разложением бывшего в единении»⁵⁰⁰ «крепость человечества Его от огня страдания возросла до крепости нетления»⁵⁰¹. В Себя Самого Он принимает смерть, в Себе Самом Он попускает распад и тление – чтобы преодолеть их.

Смерть человека – это конец для его жизни. Воскресение Христа – это конец для смерти: «смертию смерть поправ». «Нет худшей и большей смерти, как та когда не умирает смерть» (Августин. О Граде Божиим 6,12). И вот наконец есть Тот, в Ком смерть может умереть. Но именно – в Нем, а не рядом с Ним. Поэтому Жизнь должна была впустить в себя смерть.

И все это – чтобы плод этой боли, этой встречи со смертью дать нам.

Этот плод – причастие Его Крови и Его Телу которые Он дает нам в уже воскрешенном состоянии»⁵⁰², «того же естества, но другой славы»⁵⁰³, то есть, уже пропущенными через горнило Его смерти. "Итак, чтобы не любовью только, но и самим делом сделаться членами плоти Христовой, мы должны соединиться с этой плотью... Кто отдал вам Своего Сына здесь, Тот тем более не оставит вас там - в будущем. Я восхотел быть вашим братом; Я ради вас приобрелся плоти и крови, и эту плоть и кровь, через которые Я сделался сокровным с вами, Я опять преподаю вам" (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна, 46).

Так можно ли быть христианином, не принимая этого дара? Не принимая Его Крови, излитой Им накануне иудейской Пасхи ради того, чтобы мы воскресли по окончании всех времен?

О том же можно сказать иначе, начав с простого вопроса: Христос всего Себя отдает людям, или только частично? Всего... Но Христос — это Богочеловек. Он не просто Бог, но еще и Человек. И это означает, что Христос дает нам и полноту Своего Божества и нам же отдает полноту Своей телесности. И поэтому Он говорит: *Пейте, это Кровь Моя, за вас и за многих изливаемая... Вкусите, это Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов...*

И что же тогда означает быть христианином? Быть христианином — это означает принять в Себя все те Дары, которые Христос принес нам. Тогда все, что было со Христом, может произойти и с нами. И прежде всего – Его пасха станет нашей. Если воскресло Его тело, то для со-воскресения и мы должны стать Его сотелесниками, а не просто учениками. «Единородный определил некоторый изысканный способ к тому, чтобы и сами мы сходились и смешивались в единство с Богом и друг с другом, хотя и отделяясь каждый от другого душами и телами в особую личность - именно: в одном теле, очевидно Своем собственном, благословляя верующих в Него посредством таинственного причастия, делает их сотелесными как Ему Самому, так и друг другу... Сила святой Плоти делает сотелесными тех, в ком она живет». - св. Кирилл Александрийский)⁵⁰⁴.

Христос - это не разведчик, который с небес прилетел и улетел, а здесь ничего не изменилось. Христос - не проповедник, который пришел рассказать нам несколько притчей, а затем снова уйти. Христос — Спаситель. Он ищет нас, чтобы спасти, защитить, и то спасение, которое Он нам несет, проходит через Его Жертвенный Крест.

⁵⁰⁰ Св. Григорий Нисский. Большое огласительное слово, 35 // Творения. ч. 4. М., 1862, сс. 92.

⁵⁰¹ Свт. Григорий Великий Двоеслов. Беседа 22,7 // Избранные творения. М., 1999, С. 196.

⁵⁰² «Евхаристия есть плоть Спасителя нашего, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил» (св. Игнатий Богоносец. Смирн. 7). Значит, евхаристия — причастие не просто плоти Христа, но причастие воскресшей Плоти, причастие тому телу, что уже преодолело смерть.

⁵⁰³ Свт. Григорий Великий Двоеслов. Беседа 26,1 // Избранные творения. М., 1999, С. 232.

⁵⁰⁴ св. Кирилл Александрийский. Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. 11, гл.11. // Творения. ч. 15. Сергиев Посад, 1912, сс. 105-106.

Философия культа

И тут нельзя не заметить еще одно фундаментальное отличие Православия от язычества. Самая сердцевина всех языческих религий — это философия культа: какую жертву какому богу когда кто и как должен приносить — вот основные вопросы языческой религиозной жизни.

В Индии и в Греции, в Шумере и в Африке боги обоняют дым жертв и питаются им⁵⁰⁵. Но христианство говорит не о том, какую жертву мы должны приносить Богу, а о том, какую Жертву Бог принес нам: *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3,16). Жертва Христа показывает, «как высоко ценит Бог человека» (Августин. О Граде Божиим 7,31), но эта цена не корыстна: «Соединение с Ним составляет благо для нас, а не для Него» (О Граде Божиим 10,17).

И если Бог такую жертву приносит нам, если такие дары Он нам дает – значит именно это и ничто менее ценное не было достаточно для нашего исцеления. Я исхожу из того, что Бог – не сумасшедший. Он соразмеряет Свои действия, Свои средства с теми целями, к которым Он нас ведет. Средства лечения Он избирает соотносимые с характером и масштабом нашего заболевания. А значит, в том, что Христос дал нам, нет ничего ни излишнего, ни заменимого чем-то иным.

Христианин — это тот, кто разрешает Христу лечить себя. А это означает открыть себя для всех тех Даров, что Христос пожертвовал нам, отдал нам. И мы должны принять всего Христа, а не Его частичку. Представьте, что врач мне говорит: «Вы переутомились, и оттого у вас повылезали всякие болячки. Поэтому я вам прописываю: 1) раньше 10 утра не просыпаться; 2) с утра выпивать стаканчик апельсинового сока. Ну а третье, четвертое и пятое состоят в том, что Вам нужно будет сделать уколы сюда, сюда и вот сюда». Я же в ответ канючу: «Ой, доктор, а нельзя ли лечить меня как-то попроще? Первый и второй пункт меня совершенно устраивают, а вот насчет третьего, четвертого и пятого Вы погорячились. Давайте без них обойдемся!»

Вот если я буду так вести себя со своим врачом, то шансы на мое выздоровление будут мизерными. Но ведь именно так мы ведем себя по отношению ко Христу! Мы начинаем цензурировать Христа: «Вот это средневековая заповедь, это устаревшее предписание, а вот это и просто неисполнимое... И здесь надо пошире потолковать, и тут слишком узкая концепция»...

И тогда в итоге мы остаемся самими собой, мы не перерастаем границ человечности, границ тварности. Потому что призвание человека выражено свт. Василием Великим в очень страшных словах: человек — это животное, которое получило повеление стать богом⁵⁰⁶. Это страшные слова. Они страшны потому, что показывают - на какую высоту мы должны взойти. И кто не взойдет на нее – тот рухнет. Просто потому, что жизнь (вечная жизнь) есть только наверху. Оттого, по слову Сент-Экзюпери, «у Бога нет отпусков. Он не помилует тебя от становления. Ты захотел быть? Бытие – это Бог. Он вернет тебя в Свою житницу только после того, как ты мало-помалу осуществишься, после того, как твои труды обозначат тебя. Ибо человек, как ты мог заметить, рождается очень медленно»⁵⁰⁷.

Сами мы не можем совершить столь головокружительное восхождение – от времени в Вечность. Но есть надежда на помощь. «Иисус Христос в силу Своей обильной любви сделал с Собой то, чем мы являемся, чтобы из нас сделать то, чем он является» (св. Иринея Лионский. Против ересей. 5, Введение). Как мы это можем сделать? Надо принять все те Дары, которые принес Христос. Это и дар божественности и дар человечности, соединенных воедино и нераздельно.

И посему Христовы Дары мы износим из алтаря к людям с призывом: «Приступите! Здесь Тело Христово и Дух Христов, и они вместе. Причаститесь от них, чтобы всецелый Христос был в вас!» И

⁵⁰⁵ См. об этом в главе «Зачем ходить в храм, если Бог у меня в душе?»

⁵⁰⁶ Это слово свт. Василия Великого сохранено Григорием Богословом (св. Григорий Богослов. Слово 43. // Творения т.1., СПб., б.г. с.633).

⁵⁰⁷ А. де Сент-Экзюпери. Цитадель // Согласие. 1993, №2, с. 119.

на нашей Литургии мы сначала проповедью Евангелия исправляем наш ум, затем мы молимся к Духу Святому, чтобы Он сошел и освятил наши сердца, и, наконец, причащаемся Тела Христова, чтобы Господь прошел во все уды, во все составы, во все части наши, чтобы мы всецело были охристовлены. И только в этом случае мы и будем настоящими христианами. Там же, где нет этой литургической полноты христианства, там слова о Христе, но не христианство.

Главное различие Православия и протестантизма

Вот из-за этого и ведет Православие полемику с протестантизмом. Ведь для того, чтобы впустить в свою жизнь все те Дары, которые Христос дал нам, надо знать о наличии этих Даров. Представьте, что у меня оказался американский дядюшка. И вот он составил завещание, в котором указал, что он передает мне все... Вот только подробный перечень того, что означает это «все», он не успел составить. Если это завещание будет исполнено — оно обогатит меня. Но это завещание может поджидать еще немало приключений. Во-первых, почтовое извещение о том, что мне надлежит явиться в юридическую контору для оформления моих прав на наследство, могут украсть или поджечь хулиганы из соседнего подъезда. Во-вторых, посредник, который должен был выполнить волю дядюшки, может оказаться малопорядочным человеком. Он может так перекроить и переинтерпретировать дядюшкино завещание, что на мою долю достанется разве что старая, стертая и погнутая столовая ложка, а о дядюшкиных доме и банковском счете я даже ничего и не узнаю, а потому и не буду их требовать.

Вот так происходит и в протестантской проповеди. Протестанты умаляют Христово наследие, вверяемое людям. Книгу о Христе они нам дают, но Самого Христа, Его Кровь и Его Тело отстраняют: «А про Кровь в завещании ничего не сказано... Мы можем предложить только символ, только воспоминание...». При своем появлении баптисты торжественно заявили о пустоте своих алтарей и обрядов: «В этом обряде (Вечери Господней) Христос не приносится в Жертву Отцу, вообще не приносится какая-либо действительная Жертва в прощение грехов. Имеет место лишь воспоминание единственного на все века Жертвоприношения Христом Самого Себя на кресте, воспоминание, сопровождаемое духовным воздаянием всякой хвалы Богу за Голгофу. Поэтому папское Жертвоприношение во время мессы крайне омерзительно, оскорбительно для Самого Христа... Внешние элементы этого обряда в сущности и по естеству остаются только хлебом и вином, каковыми были прежде»⁵⁰⁸.

И, следовательно, не из-за богословских формул наш спор с протестантами, а из-за полноты жизни во Христе. Может ли Христос жить только в нашей памяти, или же Он может жить в нас...

Некогда Мартин Лютер грубо, но верно заметил: «Святой Дух — не дурак»⁵⁰⁹. Тому, кто решил стать христианином, это очень важно осознать. Если Христос не безумец, значит, все, что Он делает, осмысленно. У психически больного нет соответствия между его целями и теми средствами, которые он избирает для их достижения. Но о Христе невозможно так сказать. И значит, все, что Он сделал, было необходимо для нашего спасения. Мы не всегда можем Его понять. Но понуждать себя к согласию и пониманию христиан, если он христианин, обязан. Кстати сказать, современным людям более всего не нравится в христианстве то, что Евангелие очень жестко увязывает возможность спасения с принятием Жертвы Христа. «Неужели буддисты и индуисты не спасутся?!» Понятно возмущение наших экуменистов. Но ведь, кроме сентиментальных реакций, должен быть в христианине и разум. И этот разум говорит, что не надо стараться быть большим христианином, чем Сам Христос. Если бы возможно было спасение вне Христа, то Христос напрасно приходил на землю.

⁵⁰⁸ Баптистское вероисповедание 1689 года: 32 статьи христианской веры и практики. Лондон, Б.г. С. 64–65.

⁵⁰⁹ Лютер М. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы. // Лютер М. Время молчания прошло. Избранные произведения 1520-1526 гг. Харьков, 1992, с.С. 165.

Если возможно спасение вне Жертвы Христовой, то Христос совершил излишнее, немотивированное действие: Он зачем-то принес Себя в Жертву, без которой вполне можно было обойтись⁵¹⁰. Если верить в то, что Христос не был сумасшедшим, то надо признать, что всё совершенное Им было необходимым «нас ради человек и нашего ради спасения». И значит, всё сделанное Спасителем ради нас христианин должен принять. Если Спас ради нас пролил Свою Кровь – значит и ее мы должны принять. Вот наша мольба к протестантам: не надо цензурировать Евангелие! Надо принять всего Христа, а не только Его слова...

А из Его слов следует, что Христос дал нам больше, чем просто учение. То, что дал нам Спаситель, не вмещается в цитаты.

... Однажды на монастырь, стоявший на краю Византийской империи, напали варвары. Они пленили монахов, увели их в рабство и лишь одного, старенького, монаха оставили на месте: больной и старый, он был бы для них обузой, а не источником дохода... Но этот старец когда-то, до своего ухода в монастырь, был богатым человеком. Принимая монашество, он роздал все свое имение, удержав у себя лишь Библию. Для разбойников эта книга не имела никакой ценности. Но в христианском обществе она весьма ценилась: рукописная книга, тем более такая, как Библия, в дотипографскую эпоху — это целое сокровище... И вот старец берет свою Библию, едет с нею в город, там ее продает, а затем идет в пустыню и на вырученные от продажи Библии деньги выкупает своих собратьев от варварского рабства...

Как Вы думаете, в ту минуту, когда этот старец продал Библию, он стал дальше от Христа или ближе к Нему? Протестантский рефлекс требует сказать: «Дальше! Ведь без Библии нельзя познавать Бога!» А сердце возражает: Нет, этот человек именно тогда и стал близок ко Христу, когда расстался с Библией... Ибо одно дело — знать о Христе, и другое — знать Христа. О Христе мы можем узнать действительно только из Библии. Но познать Христа можно иначе — когда сердце делает себя открытым для прикосновения Духа Христова. Вот этот опыт прикосновения ко Христу, который был знаком не только сердцам апостолов, и называется «Священным Преданием». Христа нельзя считать пленником библейского переплета. Дух Его дышит, где хочет.

И прежде всего — в тех, о ком наипаче молился Иисус (Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне [Ин. 17, 9]); в тех, кого Он Сам избрал для дальнейшего служения людям (Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал [Ин. 15, 16]).

Толща столетий, отделяющая нас от времени земной жизни Христа, не должна страшить. Тот, кто благословил Апостолов, есть Господин и субботы (Мф. 12,8), то есть Владыка времени. Не только субботы, но и другие дни недели и времена подвластны Ему. И если Он сказал, что Он с нами во все дни до века (Мф. 28, 20), значит, столетия и календари не властны оторвать Христа от Его земной Церкви. Да, христиане слишком часто бывали и бывают неверны Христу. Но если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию? Никак (Рим. 3, 3–4). Немецкая поговорка, однажды процитированная Мартином Лютером, верно гласит, что «бросать на произвол судьбы ученика — не меньшее зло, чем соблазнять девушку»⁵¹¹. Но отец Реформации не заметил, как из правоты этой поговорки вытекает осуждение задуманного им дела. Христос ведь зла не творит. А значит, Христос не бросил Своих учеников. Христос не забыл Свою Церковь. А значит, Христос всегда пребывал в Церкви, и потому нельзя просто так осуждать и выбрасывать тысячелетие церковной истории, противопоставлять апостольскую эпоху всем остальным. Нельзя первый плод Предания —

⁵¹⁰ Пояснение этого см. в главе «Почему вне Церкви нет спасения?» из моей книги «Если Бог есть любовь» (2-е изд., испр. и доп. М.: Благовест, 1998).

⁵¹¹ Лютер М. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы // Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения, 1520–1526 гг. Харьков, 1992. С. 160.

апостольские книги — противопоставлять последующим плодам того же Предания, порождаемого Тем же Духом, — подвигам и творениям последующих христианских святых.

Быть христианином — значит принимать и те плоды, которые Христос взрастил в Своей Церкви в течение всей ее земной истории. Свои слова, Свое учение Христос лишь однажды вверил людям — и именно Апостолам. Больше никому и никогда не являлся Христос для того, чтобы продолжить «Нагорную проповедь». В этом — уникальность Апостолов и их Евангелий. Но Свою благодать Спаситель дает не только первохристианам Апостолам, но и христианам иных поколений. Это значит, что Христос подарил нам Церковь.

Итак, не только Свои слова, но и Свой Дух Спаситель дает нам — потому что нам, людям с заболевшей душой, нужно это лекарство. И еще Он вливает в нас Свою Кровь — чтобы мы стали Церковью.

Итак, быть христианином — это значит жить в полноте Таинств литургической жизни Церкви. Быть христианином - это значит разрешить Христу жить в себе.

В течение и этой главы, и всей книги я много говорил о том, что Христос дарует спасение людям. Пожалуй, слишком часто. У читателя может создаться иллюзия, будто никакого своего усилия ради достижения спасения прилагать не надо. Но это не так: нужно усилие, чтобы решиться на веру Христу. Нужно усилие, чтобы разжать свои руки ради принятия Дара. Нужно усилие, чтобы потом не потерять дарованное.

В одной буддистской джатаке есть нечто, с чем может согласиться и православный христианин. «Сказал Всеблагий монахам: «Представьте себе, братия, что приходит некий мужчина, любящий жизнь и ненавидящий смерть, стремящийся к наслаждениям и отвергающий страдание, и ему говорят: «Вот тебе, приятель, чаша, до самых краев полная маслом. Ты должен пройти с ней через все это великое скопление народа, мимо деревенской красавицы. За тобой по пятам будет идти человек с обнаженным мечом в руке, и, если хоть капелька выплеснется из чаши, он тотчас же снесет тебе голову с плеч». Как вы, братия, думаете: будет ли этот мужчина неосмотрителен, или же он осторожно понесет эту полную масла чашу?» — спросил Учитель. «Разумеется, он будет соблюдать осторожность, почтенный», — ответили ему монахи. «Так вот, братия, — молвил Учитель, — я вам привел наглядный пример, чтобы вы как следует уразумели то, что я вам хочу сказать. Суть, братия, вот в чем: чаша, до краев наполненная маслом, олицетворяет сосредоточенность сознания на том, что тело — только собрание частей, и, как все, состоящее из частей, оно — бrenно. А из этого следует, братия, что у живущего в этом мире все мысли должны сосредоточиться на таком представлении о теле»⁵¹².

При переводе на христианский язык эта притча будет звучать так: «Чаша — это радость причастия Царству Божию, которая дается человеку в начале его духовного пути. Это то, что Отцы именуют «предвкушение будущих благ», «обручение будущих благ», «залог будущих благ». Та чистота сердца и жизни, которая даруется Крещением, первой исповедью, первым причастием, рукоположением, монашеским постригом - даруется не по заслугам. Она дается ради того, чтобы человек почувствовал - к чему Господь призывает его, ради чего зовет к подвигу. «Дай Господи вам ощутить сладость пребывания в церкви, чтобы вы стремились туда как стремятся в теплую комнату с холодом»⁵¹³. А затем надо пройти по жизни посреди искушений, не расплескав чашу сердца, не потеряв Христа».

⁵¹² Джатака 96. О чаше, полной масла // Будда. Истории о перерождениях. М., 1991, с. 64.

⁵¹³ свт. Феофан Затворник. Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться. - М., 1914. с.121.

Если буддист должен не расплескать свои мысли о грязи и бренности тела, о всеобщей пустоте и иллюзорности, то христианин не должен выплеснуть из своей памяти мысль о реальности любви Христовой⁵¹⁴ и ощущение причастности этой благодатной любви. Буддист думает о теле, христианин - о Духе. Буддист борется с любым желанием и любой надеждой. Христианин борется с тем, что подрезает надежде крылья: «Все блага мира сего не иное что суть, как только цепи, задерживающие полет нашей надежды»⁵¹⁵.

Но верно то, что дар требует усилий для своего хранения. Без этого дара, предваряющего дела, сами эти дела невозможны – ибо человеку глубоко непонятно, ради чего он должен выламываться из привычной колеи... Царь решил дать награду дикарю, привел в сокровищницу, набрал целый мешок драгоценностей и предложил дикарю взять только золота и камней, сколько тот сможет унести. Но дикарь ушел не только с пустыми руками, но и с обидой: он не знал цену алмазам и золоту и решил, что его понуждают к бессмысленной работе: хотят заставить таскать тяжелый мешок...⁵¹⁶

Царь – это Христос. Драгоценности – это Христово учение и заповеди. Дикарь же - это человек, отказывающийся исполнять заповеди.

Так именно первичное прикосновение Христа к душе дает ей ощутить смысл христианской жизни. Заповеди перестают выглядеть частоколом бессмысленных запретов. Теперь понятно, зачем нужно усилие: «Храни заповеди, или, лучше сказать, храни себя самого посредством заповедей»⁵¹⁷. Но усилие – нужно. Бог не спасает человека без человека. Того, кто не захочет двигаться, Бог не будет nudить. Но только потом этому ленивцу самому станет тошно от своей «стабильности».

Дела же христианской веры разные, но Бог, к общению с Которым они ведут, Один. “Брат спросил старца: какое бы мне делать доброе дело и жить с ним? Авва отвечал ему: не все ли дела равны: Авраам был страннлюбив - и Бог был с ним; Илия любил безмолвие - и Бог был с ним; Давид был кроток - и Бог был с ним. Итак, смотри: чего желает по Богу душа твоя, то делай и блюди сердце твое»⁵¹⁸. После выбора религии надо сделать не менее трудный выбор: выбор того пути, по которому именно тебе надо идти ко Христу.

Вот только тут, а не раньше, оказывается верна формула: «Бог Один, а путей к Нему много».

О РЕЛИГИИ ВНЕ МОРАЛИ

(вместо резюме)

Не доводилось ли Вам видеть, как треугольники вступают в химическую реакцию? Миновали ли Вы возраст, в котором величие писателя измеряют числом написанных им страниц? Что Вам интереснее в органе – его вес, число труб в нем или Бах, разлающий из него? Можно ли строить астрономию по Библии, а «древо Иггдрасиль», на котором повесил себя Один, искать в ботаническом саду?

⁵¹⁴ “Когда вещь долго лежит под лучами солнца, она сильно нагревается: так будет и с вами. Держи себя под лучами памяти Божьей и под чувствами в отношении к Нему, вы будете все более и более нагреваться неземною теплотой, а потом и совсем станете горячая, и не горячая только, но и горящая» (свт. Феофан Затворник. Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться. - М., 1914. с.188-189.

⁵¹⁵ Тертуллиан. О женских украшениях // Творения. ч.2. Спб., 1849, с. 192.

⁵¹⁶ Или: «Мы – недоумки, забавляющиеся выпивкой, распутством и успехом, когда нам уготована великая радость; так возится в луже ребенок, не представляя себе, что мать или отец хотят повезти его к морю» (Льюис К. С. Время славы // Сочинения, т.2. Минск-Москва, 1998, с. 269.

⁵¹⁷ преп. Симеон Новый Богослов. Слова. М., 1892, с. 240.

⁵¹⁸ Древний Патерик. М.1899. с.16.

Правильные ответы на эти вопросы означают, что Вам удалось избежать искушения «контекстуальной беспризорности»... Вообще же это признак научной и профессиональной компетентности человека: умение понять, на каком языке идет речь (на языке мифа или науки, философии или поэзии), умение понять своеобразие предметного поля разговора, найти адекватный предмету метод и вдобавок заметить пределы собственной компетенции..

Люди, получившие высшее образование но не получившие образования среднего⁵¹⁹, то есть узкие профессионалы без широкого культурного кругозора легко забывают о том, насколько многообразен бывает мир людей. И тогда с критериями, естественными при оценке одного круга человеческой деятельности, они входят в совсем другой мир. И возмущаются непохожестью этого нового для них мира. Тот, кто сочтет миры религии и этики тождественными, будет со временем поражен тем, что собственно религиозные люди придают значения вещам, не имеющим непосредственного морального приложения. Этика упорядочивает отношения в мире людей. Религия же выполняет саперную работу (не зря римского папу именуют понтификом - мостостроителем): строит мосты, соединяющие человека с миром Надчеловеческим, или же оборонительные полосы, защищающие людей от вторжения зла опять же нечеловеческого происхождения.

Очень разные задачи у религии и этики. Настолько разные, что бывает нерелигиозная этика (не только у современных мыслителей; но, пожалуй, и в конфуцианской традиции), а бывает и внеморальная религия. Более того – в своих наиболее архаичных пластах религия имеет дело с реалиями, не имеющими нравственного измерения. В мире магии амулеты и настои «работают» независимо от нравственного настроения⁵²⁰.

У Софокла отцеубийца Эдип становится носителем «благодати»: город, в котором будут погребены его «мощи», получит покровительство и Эдипа и богов («Эдип в Колоне»). Это время трудного перехода от архаико-эпической «доблести» к аристотелевской «добродетели». И скверна и благодать пока еще независимы от нравственного состояния человека: человек просто набредает на них, и они действуют механически, «контактным» образом. Впрочем, «религиозное сознание V века в лице лучших людей того времени стремится чем далее, тем более заменить самодовлеющую как скверну, так и благодать такой, которая обуславливалась бы порочной или благой волей человека» (Ф. Зелинский)⁵²¹.

Сами по себе гомеровские боги были лишены каких бы то ни было этических качеств и не выступали в роли нравственных законодателей. «Естественно, что по мере того, как сами греки становились все более и более цивилизованными людьми, они старались приобщить к цивилизации и своих богов, понемногу отучая их от варварских замашек. И все же грекам так и не удалось в полной мере приручить своих своенравных и зачастую прямо-таки социально опасных богов, сделать их вполне человеческими, вполне лояльными к социуму и не столь вредоносными. Каждое божество продолжало оставаться в равной степени источником как добра, так и зла» (Ю. Андреев)⁵²².

125 глава египетской Книги мертвых описывает загробный суд. Подсудимый должен произнести т. н. отрицательную исповедь: «Я знаю имена 42 богов. Вот я знаю вас владыки справедливости. Я не чинил зла людям, я не нанес ущерба скоту. Я не совершал греха в месте истины, я не творил дурного, я не кощунствовал, я не поднимал руку на слабого, я не делал мерзкого перед богами, я не угнетал раба перед лицом его господина, я не был причиной недуга, я не был причиной слез, я не убивал, я не приказывал убивать, я никому не причинял страданий, я не истощал припасы

⁵¹⁹ Формула В. А. Якобсона из его послесловия к книге: Хук С. Г. Мифология Ближнего Востока. М., 1991, С. 175.

⁵²⁰ «Вообще в древнейших мифах вопреки широко распространенному мнению этическая проблематика почти не затрагивается ни прямо, ни косвенно» (Якобсон В. А. Послесловие // Хук С. Г. Мифология Ближнего Востока. М., 1991, С. 179).

⁵²¹ Зелинский Ф. Харита. Идея благодати в античной религии // Логос. Т.1. вып.1. Спб.,-М., 1914, с. 140.

⁵²² Андреев Ю.В. Апология язычества или о религиозности древних греков // Вестник древней истории. 1998, № 1, с. 129

храмов, я не портил хлеба богов, я не присваивал хлеба умерших, я не совершал прелюбодеяния, я не сквернословил, я не прибавлял к мере веса, я не давил на гирию, я не плутовал с отвесом, я не отнимал молока от уст детей, я не сгонял овец и коз с пастбища, я не ловил рыбу богов в прудах ее, я не останавливал воду, когда она должна течь, я не преграждал путь бегущей воде, я не гасил жертвенного огня в час его, я не пропускал дней мясных жертвоприношений, я не чинил препятствия богу при его выходе. Я чист. Я чист. Я чист. Я чист»⁵²³.

Поразительный текст. Поражает в нем применение сугубо нравственных критериев для определения судьбы человека. Спасает от вечной смерти не магия и не ритуалы, но исполнение нравственных законов... Особенно впечатляет, что при этой «отрицательной исповеди» сердце человека взвешивается на весах: шакалоголовый бог Анубис в одну чашу кладет сердце, в другую — страусиное перо (перо Маат — богини справедливости). Если человек солгал — сердце выдаст правду...

Этот текст часто сегодня цитируется, когда заходит речь о мудрости древне-египетской религии... Но в той, реальной, культуре древности этот текст жил по законам не столько нравственного, сколько магического мышления.

Дело в том, что помимо столь часто цитируемой 125 главы в «Книге мертвых» есть еще 30 глава, о назначении которой вспоминают гораздо реже: «О сердце мое, от матери моей, полученное мною от всех состояний моих, бывшее со мною во все дни многообразной жизни моей. Не восставай как свидетель, глаголющий против меня, не восставай на меня в судилище, не будь враждебным мне наперед лицом хранителя весов. Ибо ты дух мой, бывший в теле моем, давший здравие всем членам моим. Иди в счастливое место, куда спешаем мы с тобой, не делай имя мое зловонным для владык вечности. Воистину прекрасно то, что предстоит услышать тебе» (перевод А. Б. Зубова).

Б. Тураев оценивает этот текст как понуждение сердца к молчанию на суде: «Несмотря на этику 125 главы, ее характер такой же магический, как и всей «Книги мертвых». Умерший, ссылаясь на знание имен судей, делает их для себя безопасными и превращает свои оправдания в магические формулы, заставляющие их признать его невиновность. Всякий египтянин с этой главой в руках и на устах оказывался безгрешным и святым, а 30 главой он магически заставлял свое сердце не говорить против него дурно, т. е. насилывал свою совесть. Таким образом, вся глава была просто талисманом против загробного суда, и после нее, как и после многих других глав, имеется приписка — рецепт, как ее готовить и какие преимущества она сообщит, если ее иметь при себе. Так были уничтожены высокие приобретения нравственного порядка, и «Книга мертвых» оказывается свидетельством и об их наличии, и об их печальной судьбе»⁵²⁴.

Вывод Тураева подтверждает и позднейший египтолог Р. Антес: «И изображения, и «исповедь отрицания» использовались для того, чтобы добиться оправдания магическими средствами... Представление о том, что злые деяния повлекут за собой кару в потустороннем мире, хорошо засвидетельствовано лишь в последние века до нашей эры»⁵²⁵. Важно также отметить, что 30 глава действительно использовалась как талисман: сохранились сотни ее копий, вырезанных на сделанных из нефрита скарабеях. Пояснение к этой главе предписывает, чтобы слова «повторялись над скарабеем из нефрита в золотой и серебряной оправе, которого необходимо закрепить на кольце и одеть на шею

⁵²³ Рак И. В. Египетская мифология. Спб., 2000, сс. 339-340. В русском переводе англоязычной книги Баджа последние заслуги читаются так: «Я не лишал богов принесенного им в дар мяса, не угонял священный скот, не отвергал Бога в различных его воплощениях» (Бадж Э. А. У. Путешествие души в царстве мертвых: Египетская «Книга мертвых». М., 1997. С. 93; см. также С. 274–275). В переводе Б. Тураева упоминается еще такой грех: «я не отдавал приказаний ежедневно работать для меня больше» (Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Под ред. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина. ч.1. Восток. М., 1915, с.9).

⁵²⁴ Тураев Б. А. Египетская литература. М., 1920. Т.1. Исторический очерк древнеегипетской литературы. С. 137.

⁵²⁵ Антес Р. Мифология в древнем Египте // Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 91.

усопшего». Скарабея с написанным на нем заклинанием помещали внутрь мумии на место сердца⁵²⁶. Пояснение же к 125 главе предписывает сцену суда нарисовать на новой плитке, изготовленной из земли, на которую еще не ступали свиньи или какие-либо другие животные; тому, кто выполнит это предписание, гарантирован успешный исход суда⁵²⁷. Как бы вы отреагировали на совет, предлагающий начертать Десять библейских заповедей на каком-нибудь камне с надеждой на то, что спасет от Божия гнева не исполнение этих заповедей, а их начертание на определенного рода материале?.. Ну вот такая же магическая профанация произошла и с египетской «исповедью».

О торжестве магии над этикой свидетельствует и состояние многочисленных рукописей «Книги мертвых». «Даже самые прекрасные погребальные свитки выглядят довольно беспорядочными компиляциями, причем некоторые существенные главы в них опущены, а другие отрывки бессмысленно повторяются. Нет ни последовательности, ни единообразия. Встречается очень много ошибок. Большинство этих свитков скорее всего были изготовлены для продажи и написаны беззастенчивыми литературными подешиками-профессионалами. Вдобавок к этому позднейшая мода роскошно украшать погребальные свитки привела к сокращению текста. В манере современных иллюстрированных журналов рассказ должен был быть безжалостно урезан, чтобы уступить место привлекательным рисункам. Как заметил один современный египтолог: «Чем лучше рисунки в «Книге мертвых», тем хуже текст». Но даже и текст, добросовестно исполненный оставался в лучшем случае сомнительным по своему смыслу. Перехитрить богов умышленным многословием и нелепыми формулами, чтобы быть допущенным к вечной жизни на прекрасных берегах небесного Нила, — вот та цель, которая преследовалась»⁵²⁸.

В индийских Ведах и Брахманах «карма» означает религиозно значимые последствия человеческих действий, причем таковыми считаются только действия ритуальные. Богов Ригведы (как и богов Рима) можно переманивать жертвоприношениями. И лишь в Упанишадах происходит своего рода «секулярная революция»: теперь (к середине I тысячелетия до Р. Хр.) начинает считаться, что любое действие человека имеет последствия для его посмертия. Приходит понимание того, что прежние чисто магические пути не гарантируют успеха: «Те же, которые приобретают миры жертвоприношением, подаянием, подвижничеством, идут в дым, из дыма — в ночь» (Брихадараньяка-Упанишада VI, 2,16)... Теперь не жертвы и мистерии объемлются словом карма и определяют путь человека, а вся совокупность его дел – в том числе и совершенно мирских.

И людям Библии тоже непросто давалось понимание того, что «милосердием и правдою очищается грех» (Притч. 16,6).

Сказать, что этика постепенно пронизывала религию – значит сказать полуправду. Правдой же будет то, что сама этика и выработывалась в этой, религиозной среде. И оказывала обратное воздействие на свою мать. В определенном смысле это был путь «профанации»: обнаруживалось, что не только тот или иной ритуал дает человеку благорасположение Неба, но и его повседневные отношения с другими людьми же. Более того - открылось, что наиболее значимым является даже не внешнее действие, а сокровенное устройство сердца, мотивы человеческих действий - "Человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце" (1 Цар. 16,8). В конце концов в Евангелии оказывается, что лучше отойти от порога храма ради того, чтобы примириться с обиженным тобой человеком...

Да, в религию вошел весьма сильный нравственный элемент. Но элемент есть только элемент. Подменять им то, с чем он соединился, не стоит. Присутствие этики в религии не означает, будто религия превратилась в этику.

⁵²⁶ См.: Бадж У. Путешествие души в царстве мертвых: Египетская «Книга мертвых». С. 65 и 187.

⁵²⁷ См.: Там же. С. 94.

⁵²⁸ Дойель Л. Завет Вечности. В поисках библейских манускриптов. Спб., 2001, с. 130.

И санскритское *йога*, и латинское *религия* означают «связь». Связь человека с Тем, что выше его. Религия есть диалог двух свобод: Бога и человека. Причем диалога не равного и не равных. Древние еврейские пророки (как позднее индийский средневековый мыслитель Рамануджа) возвестили идею «милости»: в религии, оказывается, есть то, что влагает нее человек, а есть то, что вкладывает в нее Бог. Есть то, что человек делает ради Бога, а есть то, что Бог делает ради человека. И последнее гораздо более первого. Подсчитывать здесь проценты и «доли», конечно, неуместно. Но чем более развита мистическая интуиция человека, тем большее он переживает как «дар», полученный, а отнюдь не заработанный им.

Так вот, обряд – это и есть способ приема Дара. Человек дает оболочку («обряжает»), а Бог влагает в нее искомое содержание. Свой дар – Себя. В этом – уникальность христианства: другие религии мира говорят о том, какие жертвы люди должны приносить богам, и лишь Евангелие говорит о том, какую жертву Бог принес людям. А потому быть христианином – значит уметь принять это Дар. Поскольку же Жертва Христа есть жертва Крови Его – то и христианином нельзя быть вне причастия таинству Его Крови, то есть - вне Литургии.

Там, где происходит предельная этизация религии – в Евангелиях - там же и вполне ясно утверждается, что инициативу спасения (а не просто нравственного совершенствования) людей Бог берет в Свои руки.

Евангелие достаточно тактично, чтобы не растворять религию в этике. И именно Христос ставит внеэтические, чисто религиозные критерии спасения: исповедание Его имени (а не любого иного божества); крещение (опять же – в Его имя) и причастие (Его Крови)... Да, эти условия окажутся недостаточными, если в человеке не будет любви к людям и ко Христу. Но верно и обратное: самых добрых мыслей, поступков и переживаний (все они были у «богатого юноши» из 19-й главы *Матфея*) недостаточно, если не исполнены эти «формальности»: "Кто будет веровать и креститься, спасен будет а кто не будет веровать, осужден будет" (Мк. 16,16). Это – не месть и не угроза. Это – религиозно серьезная и честная диагностика.

Все религии мира верят в иерархию миров. Все они помещают человека на границе дольного и горнего. Все они подверженность человека болезням, страданиям и смерти, духовную ослепленность и тотальную несвободу (особенно зависимость духа от плоти, в том числе сексуальную зависимость) человека диагностируют как симптомы болезни. Все они переживают наличную обезбоженность человека как тягостный разрыв с Источником жизни. Все они считают, что преодоление этого разрыва возможно только через питание ткани человеческого существования токами из Высшего Начала.

Это и есть задача религии: преодоление смерти через причастие Вечному. Этика на пути к этой цели – лишь средство. Мы видели, что не все религии даже обращаются к нему. Но и те, что обращаются, не упускают из вида своей предельной цели. Есть религии, в которых «блюдение совести» - воспринимается как путь ко «спасению души», но никогда не бывает обратного.

Если Бог говорит, что Он не выйдет из Своей невидимости ради тех, «кто брата своего, которого видит, ненавидит» (см. 1 Ин. 4,20), то этика становится своего рода настройкой на созвучие, прелюдией к Встрече. Раз подобное познается подобным, а Бог есть любовь (это банальность, но банальность специфически христианская: у Платона с именем Бога ассоциируется прежде всего рассудительность, а потому он полагает, что подражать Богу надо именно рассудительностью - Законы 716а), то желающий встретиться с высшей Любовью должен принять решение: «на любовь свое сердце настрою». Это высший, религиозный эгоизм: любить ближнего, чтобы сподобиться любви Бога. Как сказал Михаил Бахтин – «чем я должен быть для другого, тем Бог является для меня»⁵²⁹.

⁵²⁹ М.Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 52.

Понимаете, для религиозного человека его двумерность – это реальность. Он желает жить не только в мире людей, но и в вертикальном измерении. Его собственная любовь направлена не только к людям, но и к Богу, но и ответа (или опережающей милости) он ждет и оттуда, и Оттуда. И как человек, жаждущий общения с другим человеком, обряжает свои чувства и мысли в слова и жесты, так и молящийся человек в обряд вкладывает то, о чем уже неумолимо просто молчать. И потому не стоит переводить разговор о вере на язык закона и обязательств. Не на «соблюдающих» и «не соблюдающих» делятся люди, а на целующихся и нецелующихся. Тех, кто целуется, ведь не заставляют это делать...

Тот же, кто отказывается понять смысл храмового обряда, обманывает себя тройне. Во-первых, он обманывает себя, полагая, что он сам «перерос» коленопреклоненную «толпу». Во-вторых, обманывает себя тем, что он-де не нуждается в этих внешних формах и костылях для своей молитвы - ибо и дома и своими словами он скорее всего не молится. В-третьих, потому, что уверяет, будто «Бог у него в душе» (интересно, как Он туда попал, если эта душа никогда в молитве и не приглашала Господа войти, а без просьбы входят только воры?). И уж совсем поразительное впечатление производят настойчивые требования нынешних атеистов: мы в вашего христианского Бога не верим, но вы нам обещайте, что Он все равно нас спасет.

И, раз речь уже дошла до ключевого слова религиозного словаря – «спасения» - стоит заметить, что религиозная картина мира трагична. Она говорит, что земная жизнь человека быстротечна. А из вечности человек выпал. При этом в бытии homo не единственное существо, к которому можно приложить определение sapiens – «мир духов рядом, дверь не на запоре». И как экологи сегодня твердят, что человек должен наладить добрые отношения не только с соседями по мегаполису, но и с природой, так и религиозные проповедники говорят о добрососедстве с незримым. Человек должен быть в мире – с самим собой, с ближними, с природой, и... с Богом.

Бог (по крайней мере такой, в какого верят христиане) не может взломать душу. Но согласие души есть не больше чем отпирание замка. Затем в открывшуюся дверь надо внести то, что было за порогом: онтологически реальную, энергетическую мощь Божества. То, что не подлежит коррозии и что может дать человеку не «идею бессмертия» или «идею добра», но само бессмертие. От человека же ожидается умение принять этот дар. Оттого в храм христианин идет не ради того, чтобы что-то свое принести Творцу (молиться можно и дома), а для того, чтобы принять там то, что человек не может изготовить сам в своем домашнем обиходе: «здесь Вечное становится ядомым» (Рильке).

Доказал ли я этим рассуждением, что надо ходить в храм? Нет, конечно. Моей задачей было не доказать, а объяснить: объяснить, почему христиане делают то, что делают. В религии есть много недоказуемого, но нет в ней ничего бессмысленного. Обряд, догмат, пустой для постороннего взгляда, все же смыслонаполнен для того, кто живет внутри традиции. Со стороны кажется, что религия велит верующему: «ты должен». Но сам верующий это переживает иначе: ты можешь, у тебя есть право; тебе позволено молвить «Ты» Творцу вселенной и Владыку миров озадачить своей молитвой.

Очень хорошо, если нерелигиозный человек держит себя в нравственном порядке (хотя и странно, если он об этом публично говорит). Но гарантирует ли этот порядок ему великие научные открытия или хотя бы добротный журналистский вкус (а повторять заезженный штамп насчет лицемеров, якобы совершающих «актерски размашистые крестные знамения» - это именно дурной вкус)? И как даже очень совестливый человек может все же не стать чемпионом мира по шашкам, так и человек нравственно одаренный может оказаться религиозно бездарным. Ведь он не просил об ЭТОМ даре.